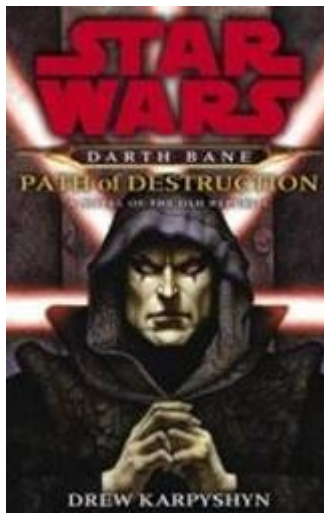

Дрю Карпишин Дарт Бейн: Путь Разрушения

Аннотация

Давным-давно в далекой Галактике...

Война Ситов. Внутренняя борьба между Темными Правителями, позволила Джедаем сорвать их темные планы. Осталось последнее сражение, которое закончит эру Ситов и они исчезнут навсегда. Но один выжил.

Из пепла появился Дарт Бейн, одинокий Сит, который был способен предвидеть неизбежную гибель Ордена, но получивший дорогостоящий урок. Он создал новый скрытый Орден Ситов, тщательно восстанавливая мощь, поколение за поколением, в течение многих столетий, пока не наступит время мести Ситов.

Кто был этот Темный Лорд? Какие события произойдут в тот давний период? Читайте новую историю - "Дарт Бейн: Путь Разрушения"....

Роман эпохи Старой Республики, написанный о жизни Дарт Бейна, в период с 1 003 до 1 000 до ЯБ.

Дрю Карпишин

Дарт Бэйн: Путь Разрушения

Их должно быть двое; не больше, не меньше. Один - чтобы воплощать могущество, другой - чтобы жаждать его.

Дарт Бэйн, Темный Повелитель ситов

От переводчика

Когда-то орден ситов изобиловал последователями. Но неизбежное соперничество втянуло их в нескончаемые баталии за собственное превосходство. Это продолжалось до тех пор, пока один Темный Повелитель наконец не объединил ситов для порабощения Галактики и полного искоренения джедаев. Однако затем бразды правления перешли к другому, намного более могучему, чем все Братство Тьмы, в итоге осознавшему полный потенциал ситов и завладевшему таким устрашающим могуществом темной стороны, какого давно уже не знала история.

Дарт Бэйн - сит истребивший одряхлевший орден, и создавший на его пепле совершенно новый, подчиняющийся иным законам. Простой шахтерский паренек, солдат армии, а впоследствии ученик ситов, Бэйн добрался до самых вершин власти благодаря коварству, непоколебимости и, конечно же, Силе. Он полностью пересмотрел концепцию былой ситской философии и заменил ее собственной: Правилom двух, гласящим, что ситов отныне будет двое - учитель и ученик. Только лишь благодаря этому незаурядному человеку новый орден - скрытный, плетущий интриги из глубин мрака - спустя века достиг того, чего не удалось старому: сжал в железном кулаке опутанную сетями обмана Галактику и практически полностью уничтожил джедаев.

Темный Повелитель ситов Дарт Бэйн, рожденный на каторжных рудниках Апатроса под именем Дессел, и его Правило двух изначально были придуманы самим создателем «Звездных войн», Джорджем Лукасом, для сюжетной канвы Эпизода I.

Дальнейшее свое развитие этот персонаж, как водится, получил в «Расширенной вселенной», вышедшая в рамках которой графическая новелла «Джедаи против ситов» во всей красе описала похождения Дарта Бэйна и Братства Тьмы в ходе финальной битвы между Светом и Тьмой на планете Руусан. Хотя впоследствии отдельные фрагменты новеллы не избежали участи апокрифа, большая ее часть, хоть и с некоторыми изменениями, была включена в данную книгу.

Появившийся некоторое время спустя рассказ под названием «Бэйн из ситов» за авторством известного писателя Кевина Андерсона внес немало нового в биографию одного из самых интригующих ситов, и поведал о его судьбе уже после гибели ордена. Тем не менее, на данный момент рассказ также частично не стыкуется с официальным «каноном», отчасти противореча многому написанному впоследствии.

В дальнейшем Бэйн лишь мельком упоминался в различных художественных источниках саги, но практически ни разу не появлялся в качестве самостоятельного персонажа.

Для написания полноценного романа о Дарте Бэйне был приглашен уже успевший неплохо зарекомендовать себя в мире «Звездных войн» писатель Дрю Карпишин, отметившийся как ведущий сценарист прославленной компьютерной игры «Рыцари Старой Республики». Карпишину удалось наиболее полно и красочно описать историю жизни Темного Повелителя и путь его становления на службу темной стороне. Из-под его пера вышел увлекательный и захватывающий роман, который по достоинству оценил каждый поклонник легендарной саги.

Интересным фактом является то, что эта книга - первый изданный роман по «ЗВ», целиком и полностью повествующий о временах Галактики почти тысячелетней давности, и

чьи страницы едва ли не без остатка посвящены последователям Тьмы. Как сказал один из западных сетевых обозревателей, «из этого романа вы узнаете о темной стороне Силы и ситах больше, чем из всей литературы по «Звездным войнам». И вправду, Тьмы здесь так много, что Свету отводится лишь ничтожно малая толика.

Но чем же все-таки так интересна эта книга: пронизывающей все и вся темной философией, от которой по спине пробегают мурашки, но которую хочется познавать еще и еще? Или же интригующей историей одного человека, силой коварства и хитрости в одиночку сразившего целый орден, и чье наследие в конечном итоге привело к власти над Галактикой Императора Палпатина и его зловещего ученика Дарта Вейдера? А может просто интересной и занимательной историей, от которой невозможно оторваться до самой последней страницы?

В романе «Путь разрушения» есть все это, а также многое другое. И теперь его, наконец, можно прочесть и на русском языке.

В заключение же хочется выразить огромную благодарность **Наталье Хариной aka Мара Джед Magnifique** за неоценимую помощь в редактировании и вычитке перевода, **Надежде Контарь aka ComO'K** за хорошую поддержку, а также всем тем людям, кто ждал романа, помогал советом и добрым словом, и без содействия которых я ни за что не смог бы закончить начатое. Спасибо всем вам, и да пребудет с вами Великая Сила!

Эвин Джейд (www.swbook.ru)

Пролог

В последние дни Старой Республики, ситов - последователей темной стороны Силы и древних врагов Ордена джедаев - насчитывалось лишь двое: учитель и ученик. Хотя так было не всегда. За тысячу лет до распада Республики и восхода к власти Императора Палпатина, ситов было множество...

Повелитель Каан, Мастер сит и основатель Братства Тьмы, высокой тенью во мраке ночи шагал по кровавому полю брани. Тысячи солдат Республики и почти сотня джедаев отдали свои жизни, защищая этот мир от его армии, и проиграли. Он наслаждался их страданием и отчаянием; даже сейчас он ощущал, как те распространяются вокруг, подобно смраду от мертвецов, разбросанных по долине.

Вдали собиралась гроза. Каждая вспышка молнии, озаряющая небосвод, на мгновение высвечивала силуэт грандиозного коррибанского храма, высившегося над унылым горизонтом.

Пара фигур ожидала посреди бойни: человек и тви'лек. Он узнал их, несмотря на тьму: Кордис и Копеж, одни из самых могущественных Повелителей ситов. Когда-то они были озлобленными соперниками, но теперь вместе служили в Братстве Каана. Улыбаясь, он быстро подошел к ним.

Кордис, высокий и тощий, словно скелет, растянул губы в ответной улыбке.

- Это великая победа, Повелитель Каан. Слишком много времени прошло с тех пор, когда у ситов была академия на Коррибане.

- Вижу, тебе не терпится приступить к обучению новых учеников, - ответил Каан. - Надеюсь, в ближайшее время ты порадуешь меня множеством могучих и преданных адептов и Мастеров.

- Порадует *тебя* ? - многозначительно поинтересовался Копеж. - Не хотел ли ты сказать «порадует *нас* »? Разве не все мы часть Братства Тьмы?

Вопрос был встречен непринужденным смехом.

- Конечно, Копеж. Я просто оговорился.

- Копеж отказывается праздновать наш триумф, - сообщил Кордис. - Он такой уже всю

ночь.

Каан стиснул рукой дюжее плечо тви'лека.

- Это важная победа для всех нас, - сказал он. - Коррибан значит больше, чем любой другой мир. Это символ. Место рождения ситов. Эта победа - послание Республике и джедаям. Теперь они точно узнают нас, и затрепещут перед Братством.

Копеж стряхнул руку Каана и отвернулся с легким ударом кончиков лекку, обмотавшихся вокруг его шеи.

- Празднуйте, если хотите, - уходя, бросил он через плечо. - Но настоящая война только началась.

Часть первая

Три года спустя

Глава 1

Каторжный труд вымотал Дессела так, что он едва осознавал, что происходит вокруг. Его руки ныли от жестокой вибрации отбойного молотка. Осколки камня, отлетающие от стены пещеры, отскакивали от его защитных очков, больно жала открытые лицо и руки. Облака мелкой пыли витали в воздухе, застилая глаза, а визгливое завывание молотка напрочь заглушало все прочие звуки, пока он, сантиметр за сантиметром, мучительно прорывался в толщу кортозисной жилы в горе.

Невосприимчивый к огню и энергии, кортозис высоко ценился в производстве вооружения и защиты, одинаково интересуя коммерсантов и военных - особенно в Галактике, охваченной войной. Высоко устойчивые к бластерным зарядам сплавы кортозиса, предположительно могли выдержать даже удар клинка светомеча. К сожалению, те же самые свойства, что делали его такими ценными, чрезвычайно затрудняли его добычу. Плазменные горелки были абсолютно бесполезны - отжиг даже маленького участка нашлапированной кортозисом породы мог занять не один день. Единственным эффективным способом его добычи была грубая сила отбойного молотка, упрямо долбившего жилу, откалывая кортозис кусочек за кусочком.

Кртозис был одним из самых крепких материалов в Галактике. Ударная сила быстро изнашивала головку молотка, притупляя ее до тех пор, пока инструмент не становился совершенно бесполезным. Пыль засоряла гидравлические поршни, заклинивая их. Добыча кортозиса была безжалостна для оборудования... и еще безжалостнее для шахтеров.

Дес работал уже почти шесть стандартных часов. Отбойный молоток весил больше тридцати килограмм, и напряжение, требовавшееся для того, чтобы держать его на весу и прижимать к скале, уже начинало брать свое. Руки тряслись. Легкие с трудом вбирали воздух, задыхаясь от туч мелкой минеральной пыли, отбрасываемой головкой молотка. Ныли даже зубы: вибрация словно пыталась вытряхнуть их из десен.

Но шахтерам на Апатросе платили за количество добытого кортозиса. Если он сейчас уйдет, то его место займет другой, начав разрабатывать жилу и забирая долю прибыли. А делиться Дес не любил.

Вой отбойного молотка стал значительно выше, превратившись в визг, который Дес знал слишком хорошо. На двадцатой тысяче оборотов мотор поглощал пыль, как томимая жаждой банта поглощает воду после долгого перехода по пустыне. Единственными способами поддерживать инструмент в рабочем состоянии были регулярная очистка и обслуживание, а Рудодобыча Внешнего Кольца предпочитала закупать дешевое оборудование и заменять его, а не спускать кредиты на уход. Дес совершенно точно знал, что произойдет дальше - и секундой позже это произошло. Мотор взорвался.

С отвратительным звуком гидравлику заело, а из задней части молотка повалили клубы черного дыма. Проклиная РВК с ее корпоративной политикой, Дес высвободил свой судорожно дергающийся палец с триггера и отбросил безвременно скончавшееся оборудование на пол.

- Отодвинься, парень, - донесся чей-то голос.

Джерд, один из прочих шахтеров, попытался отпихнуть Деса в сторону, чтобы разработать жилу собственным молотком. Джерд трудился на рудниках почти двадцать стандартных лет, и за это время тело его превратилось в массу крепких, узловатых мускул. Но Дес сам проработал уже десять лет, с тех самых пор, как подростком пришел сюда. Он был сложен не хуже старика, да и к тому же, был немного крупнее. Он не сдвинулся с места.

- Я еще не закончил, - сказал он. - Молоток сдох, вот и все. Отдай мне свой, и я поработаю пока им.

- Ты знаешь правила, парень. Ты прекращаешь работать, и кто-то другой занимает твое место.

Технически, Джерд был прав. Но никто никогда не занимал участок другого шахтера из-за неисправности оборудования. Если только не нарывался на драку.

Дес быстро огляделся. Кроме них двоих, стоящих друг от друга меньше чем в полуметре, здесь никого не было. Это не удивляло: Дес обычно выбирал пещеры, отдаленные от главной туннельной сети. То, что здесь оказался Джерд, было простым стечением обстоятельств.

Дес знал Джерда почти всю свою сознательную жизнь. Среднего возраста человек дружил с Харстом - его отцом. Когда Дес только начал работать на рудниках в тринадцать, ему часто доставались оскорбления от старших шахтеров. Самым худшим мучителем был отец, но Джерд был одним из главных подстрекателей, не обделявший Деса насмешками, оскорблениями и случалось даже затрещинами.

Их преследования закончились вскоре после того, как отец Деса умер от обширного инфаркта. Не по тому, конечно, что шахтеры жалели осиротевшего юношу. Просто к тому времени, как Харст скончался, высокий, тощий подросток, которого они обожали запугивать, превратился в гору мышц с тяжелыми руками и горячим нравом. Горное дело было нелегкой работой; это больше походило на каторгу в тюремной колонии Республики. Каждый, кто работал на рудниках, крупнел, а Дес, так получилось, стал самым крупным из всех. Полдюжина подбитых глаз, множества разбитых носов и сломанной челюсти за месяц оказалось достаточно для старых друзей Харста, чтобы они почли за лучшее оставить Деса в покое.

И все же, они как будто винили его в смерти Харста, и каждые несколько месяцев кто-нибудь пробовал достать его снова. Правда, у Джерда хватало ума сохранять дистанцию - до сегодняшнего дня.

- Я не вижу поблизости твоих дружков, старик, - процедил Дес. - Так что уберись с моего участка, и никто не пострадает.

Джерд сплюнул Десу под ноги.

- Ты ведь даже не помнишь, какой сегодня день, а, пацан? Позор семьи - вот ты кто!

Они стояли так близко друг от друга, что Дес улавливал кислый запах кореллианского виски в дыхании Джерда. Этот человек был пьян. Пьян настолько, что пришел искать драки, но достаточно трезв, чтобы не лезть первому.

- Сегодня пять лет, - сказал Джерд, уныло качая головой. - Пять лет прошло, как умер твой папаша, и ты даже и не помнишь!

Дес совсем и не думал о своем отце. Он не сожалел, что потерял его. Его детские воспоминания были лишь о том, как отец избивает его. Он даже не мог вспомнить причину; Харсту она редко требовалась.

- Не могу сказать, что скучаю по Харсту как ты, Джерд.

- Харсту? - фыркнул Джерд. - Он растил тебя после смерти твоей мамочки, а у тебя даже хватает наглости не называть его отцом? Ах ты, неблагодарное отродье катской гончей!

Дес бросил на Джерда угрожающий взгляд сверху вниз, но собеседник слишком набрался, был уверен в своей правоте и не в меру возмущен, чтобы испугаться.

- Не ожидал этого от такого задохлого щенка, как ты... - продолжил Джерд. - Харст всегда говорил, что ты ни на что не годишься. Он знал, что с тобой не все в порядке... Бэйн.

Глаза Деса сузились от бешенства, но он не поддавался на провокацию. Харст называл его этим именем, когда бывал пьян. Бэйн, «Проклятие». Он винил сына за смерть жены. Винил за то, что застрелял на Апатросе. Он полагал, что его единственный отпрыск был проклятием его существования. Он слишком часто сообщал это Десу в своем пьяном угаре.

Бэйн. Имя олицетворяло всю злобность, мелочность, и убогость его отца. Это пробуждало самые тайные страхи малыша - страх разочарования, страх одиночества, страх жестокости. Когда Дес был ребенком, это имя ранило его сильнее, чем все подзатыльники и оплеухи тяжелого на руку папаши. Но он вырос. И со временем научился игнорировать и ненавистное прозвище, и бросаемые в лицо отцом оскорбления.

- У меня нет на это времени, - проворчал он. - Мне надо работать.

Одной рукой он выдернул отбойный молоток из хватки Джерда. Положив другую руку ему на плечо, он оттолкнул того прочь. Пьяный мужчина зацепился ногой за камень и тяжело повалился на землю.

Рыча, он поднялся, сжав кулаки.

- Похоже, что твой папочка отсутствовал слишком долго, парень. Пора вправить тебе мозги на место!

Джерд был пьян, но дураком он не был, понял Дес. Дес был больше, сильнее, моложе... но он провел последние несколько часов работая с отбойным молотком. Он был весь покрыт сажей, по лицу стекал пот. Рубаха насквозь промокла. Одежда Джерда, напротив, была по-прежнему относительно чистой: не пыли, не потных пятен. Он, должно быть, планировал все это целый день, не усердствуя, и бья баклуши, пока Дес изматывал себя.

Но Дес не собирался отказываться от драки. Бросив молоток Джерда на землю, он встал в боевую стойку, широко расставив ноги и вытянув руки перед собой.

Джерд кинулся вперед, вывернув в апперкоте правый кулак. Дес принял удар открытой ладонью левой руки, поглощая его силу. Другой рукой он резко схватил правое запястье Джерда; рванув старика к себе, Дес поднырнул вниз и развернулся, ударив его плечом в грудь. Используя движение противника против него самого, Дес распрямился, и силой дернул за запястье Джерда, перебросив его через себя и повалив спиной на землю.

На этом бой должен был бы закончиться; у Деса была доля секунды, когда он мог опустить на противника колено, отрезав его легким путь к кислороду, и, пригвоздив его к земле, дать волю своими кулаками. Но этого не произошло. Его спину, изнуренную долгими часами держания на весу тридцатикилограммового отбойного молотка, свело судорогой.

Боль была нестерпимой; инстинктивно Дес выпрямился, схватившись за поясницу. Это дало Джерду возможность откатиться в сторону и снова встать на ноги.

Каким-то образом Десу удалось вновь принять боевую стойку. Его спина протестующе заныла, и он поморщился, ощутив как тело его пронзили горячие кинжалы боли. Джерд увидел гримасу и расхохотался.

- Что, перекосило, парень? Надо было знать, что не следует махать кулаками после шестичасовой смены на рудниках.

Джерд снова бросился вперед. В этот раз он размахивал не кулаками, а скрюченными пальцами, готовыми схватить все, до чего они могли дотянуться. Он старался свести на нет преимущество в росте молодого человека, сойдясь с ним вблизи. Дес попытался увернуться, но его ноги онемели и совсем не слушались. Одной рукой Джерд взял Деса за рубаху, второй схватился за пояс и опрокинул их обоих на землю.

Они сцепились друг с другом, борясь на жестком, шероховатом камне пещеры. Джерд уткнул лицо в грудь Деса чтобы защитить его, не давая тому возможности ударить кулаком или головой. Он по-прежнему держал его за пояс, но теперь другой свободной рукой слепо бил вверх, где, по его предположению, было лицо Деса. Дес вынужден был вывернуть свои руки и обхватить ими Джерда, блокируя их так, что теперь ни один из них не мог нанести удар.

Пока они были так переплетены, стратегия и техника мало что значили. Бой стал испытанием силы и выносливости, когда два бойца медленно изматывали друг друга. Дессел

старался перевернуть Джерда на спину, но его утомленное тело подводило его. Руки были тяжелыми и вялыми; он не мог достичь требуемой цели. Зато у Джерд получилось изогнуться и повернуться, высвободив одну руку. Он все еще плотно прижимал свое лицо к груди Деса, так что оно оставалось закрытым.

Десу повезло меньше... его лицо было открыто и уязвимо. Джерд замахнулся свободной рукой, но ударил разжатым кулаком. Не рассчитав направление, он с силой вогнал большой палец в щеку Деса, всего в нескольких сантиметрах от настоящей цели. Он снова замахнулся, рассчитывая выколоть один из глаз своего противника, ослепить его, и заставить корчиться от боли.

Десу потребовалась секунда, чтобы осознать происходящее; его уставший разум стал таким же медленным и неповоротливым, как и его тело. Он отвернул лицо в сторону как раз в тот момент, когда палец снова больно саданул его по уху.

Темная ненависть вскипела внутри Деса - вспышка огненной страсти, испепелившая изнеможение и усталость. Разум внезапно прояснился, а тело ощутило силу и энергию. Он знал, что сделает дальше. Более того, он абсолютно точно знал то, что сделает дальше Джерд.

Он не мог объяснить, каким образом, но иногда он мог просто предвидеть следующий ход противника. Инстинкт, - мог бы кто-то сказать. Дес был уверен, что тут было нечто большее. Это было слишком подробно, слишком точно, чтобы быть простым инстинктом. Похоже, скорее, на видение, стремительный взгляд в будущее. И когда бы это ни происходило, Дес всегда знал, что делать. Как если бы что-то направляло его, и руководило его действиями.

Когда настала очередь следующего удара, Дес был более чем готов к нему. Он уже четко выдел картину в своем разуме. Он точно знал, когда его ждать и куда он будет нанесен. На этот раз он повернул голову в противоположном направлении, выставив навстречу удару лицо и открыв рот. Точно рассчитав время, он с силой сжал зубы, которые глубоко вонзились в грязную плоть пальца Джерда.

Джерд закричал, когда Дес крепче сомкнул челюсть, разрывая сухожилия и добираясь до кости. Он подумал, что так сможет и прокусить палец насквозь, и затем (это случилось словно по мановению мысли), он откусил его.

Крик превратился в пронзительный вопль, когда Джерд разжал свою хватку и откатился в сторону, сжимая изувеченную руку. Багряная кровь ключом била сквозь пальцы, пытающиеся остановить кровотечение из обрубка.

Медленно поднявшись, Дес выплюнул палец на землю. Вкус крови горел у него во рту. Тело набралось силы и бодрости, словно какая-то мощная энергия растеклась по его венам. Противнику было уже не до драки; Дес сейчас мог сделать с Джердом все, что угодно.

Старик катался по земле, прижимая руку к груди. Он стонал и всхлипывал, умоляя о помощи.

Дес с отвращением тряхнул головой; Джерд был сам во всем виноват. Это началось как простой кулачный бой. Проигравший должен был закончить его с подбитым глазом и несколькими синяками, и ни с чем больше. Затем старик поднял ставки на более высокий уровень, попытавшись ослепить его, и он отреагировал должным образом. Дес уже давным-давно научился не обострять драку, если был не готов заплатить цену поражения. Теперь Джерд тоже усвоил этот урок.

Дес был вспыльчив, но он был не из тех, кто добивает беззащитного. Не оглядываясь на своего побежденного противника, он покинул пещеру и направился обратно по туннелю, чтобы сообщить одному из начальников о случившемся. Тогда кто-нибудь придет и позаботится о травме Джерда.

Он не волновался о последствиях. Медики могут пришить палец Джерда, так что в худшем случае Дес будет лишен зарплаты на день или два. Корпорация не слишком-то беспокоилась о том, чем занимаются ее работники, пока те продолжали добывать кортозис. Среди шахтеров драки были обычным делом, и РВК почти всегда закрывала на них глаза.

Хотя эта драка была просто ужасной, по сравнению с другими - свирепой и короткой, с кровавым концом.

Совсем как жизнь на Апатросе.

Глава 2

Сидя на заднем сидении автобуса, использовавшегося для перевозки шахтеров между единственной колонией Апатроса и рудниками, Дес чувствовал себя совершенно опустошенным. Все, чего он сейчас хотел, так это вернуться в свою постель в бараке и заснуть. Адреналин иссушил его до дна, оставив его тело оцепеневшим и ноющим. Согнувшись на своем сидении, он рассматривал интерьер автобуса.

Обычно в транспорт вместе с ним набилось бы битком еще с десятков шахтеров, но в этот раз, не считая его и пилота, салон был пуст. После драки с Джердом начальник впечатляюще быстро и безо всякой оплаты отстранил Деса от работы, распорядившись, чтобы его отвезли обратно в колонию.

- Подобные штучки уже не в ходу, Дес, - нахмурившись, сказал начальник. - Но в этот раз нам придется преподать тебе урок. Тебе запрещается работать на рудниках до тех пор, пока Джерд не оклемается и не возвратится к работе.

В действительности же он имел ввиду только одно: Ты не заработаешь ни единого кредита, пока Джерд не вернется. Но за комнату и пищу он, конечно же, будет платить по-прежнему. Каждый день, что он промотает без дела, будет вписан в его счет, увеличивая долг, для погашения которого он так отчаянно работал.

Дес подсчитал, что пройдет четыре или пять дней, прежде чем Джерд сможет снова держать в руках отбойный молоток. Местный санитар с помощью виброскальпеля и синтеплоти пришил на место откушенный палец. Несколько дней инъекций колы и каких-нибудь дешевых медикаментов, чтобы притупить боль, и Джерд оправится окончательно. Бакта-терапия смогла бы вылечить его за день; но бакта была дорогой и РВК вряд ли станет мчаться за ней, если только у Джерда нет шахтерской страховки... в чем Дес сильно сомневался.

Большинству шахтеров никогда не было дела до спонсируемой компанией страховой программы. Главное, она была им не по карману. Если учесть, что шахтерам приходилось платить за жилье и еду, а их зарплата едва покрывала оплату перевозки на рудники и обратно, то становилось ясно, почему многие считали, что и без страховых взносов отдадут РВК более чем солидную часть своих с трудом заработанных денег.

Хотя дело тут было не только в цене. Казалось, что мужчины и женщины, вкалывающие на кортозисных рудниках, отрицали все, отказываясь признавать потенциальные опасности и угрозы, каждый день подстерегающие их. Страховка заставляла бы их взглянуть в лицо неприветливым и неопровержимым фактам.

Мало кто из шахтеров доживал до преклонного возраста. Штольни собирали свой страшный урожай, хороня тела в пещерах или испепеляя их, когда кто-нибудь наткнулся на карман запертых в скале взрывчатых газов. Но даже те, кто покидал рудники, жили после этого не долго. Слишком много отбирали у них пещеры. Сломленные и изнуренные десятилетиями тяжелого труда, больные из-за плохо очищенного воздуха шахт, шестидесятилетние мужчины более всего походили на девятилетних.

Когда умер отец Деса (разумеется, безо всякой страховки), все, что ему от него досталось, так это привилегия перенять накопленный родителем счет. Харст проводил больше времени за пьянками и азартными играми, чем за работой. Чтобы ежемесячно вносить плату за комнату и еду, он частенько брал у РВК в долг под проценты, что было криминально везде, кроме Внешнего Кольца. Счет продолжал расти месяц за месяцем, год за годом, но Харсту на это было совершенно наплевать. Он был отцом-одиночкой с сыном, которого ненавидел, пойманным в ловушку безжалостной работы, которую презирал; он оставил любую надежду сбежать с Апатроса задолго до того, как его погубил инфаркт.

Хаттов кусок плесени должно быть сейчас обрадовался бы, узнав, что сын застрял тут с его счетом.

Транспорт плелся над тусклыми каменистыми равнинами маленькой планеты, не издавая ни единого звука, кроме нескончаемого гудения двигателей. Безликие пустоши начали сливаться в одно мутное пятно, до тех пор, пока вид из окна не сделался обыкновенной бесформенной серостью. Эффект гипнотизировал: Дес чувствовал, как его уставшие разум и тело страстно желают окунуться в глубокий и пустой сон.

Вот так они и цепляют тебя. Заставляя тебя работать до изнеможения, притупляя твои чувства, замещая волю покорностью... до тех пор, пока ты не примешь свою участь и не угробишь всю жизнь в пыли и грязи кортозисных рудников. Все ради беспощадного служения Рудодобыче Внешнего Кольца. Это была необычайно эффективная ловушка; она сработала на таких людях, как Джерд и Харст. Но в случае с Десом она даст осечку.

Несмотря на необъятные долги отца, Дес знал, что когда-нибудь расплатится с РВК и выберется отсюда. Он знал, что рожден не для такого жалкого и ничтожного существования. Он был абсолютно в этом уверен, и эта уверенность давала ему силу выстоять под гнетом безжалостного, а временами и безнадежного труда. Она давала ему силу бороться, даже в те моменты, когда он готов был сдаться.

Его отстранили, не дав работать на рудниках, но были и другие способы заработать кредиты. С огромным усилием, Дес заставил себя встать. Пол под ногами раскачивался, из-за того, что автобус постоянно регулировал свой курс, дабы не отклоняться от запрограммированной высоты полета, не превышающей полуметра над уровнем земли. Он подождал секунду, приспособиваясь к ритму движения транспорта, затем, пошатываясь, пошел по проходу между сидениями к пилоту в носовой части. Человека он узнать не смог, они все казались ему на одно лицо: с мрачными, неулыбчивыми чертами, унылым болезненным взглядом и всегда выглядящие так, словно вот-вот взвоят от дикой головной боли.

- Эй, - сказал Дес, стараясь, чтобы голос его звучал небрежно, - сегодня какие-нибудь корабли в космопорт прибывали?

У пилота не было причин обращать на него внимание. Сорокаминутный путь между рудниками и колонией прямой линией проходил среди пустоши; некоторые пилоты даже украдкой дремали на маршруте. Вот и этот, когда отвечал на вопрос, отказался повернуться и посмотреть на Деса.

- Грузовое судно село несколько часов назад, - сказал он скучающим голосом. - Военное. Республиканский корабль.

Дес улыбнулся.

- Они останутся ненадолго?

Пилот не ответил; он лишь фыркнул и покачал головой в знак глупости вопроса. Дес кивнул и поплелся на свое место в хвосте транспорта. Он тоже знал ответ.

Кортозис использовался во всем - от истребителей до флагманских кораблей, и вплетался в боевые доспехи солдат. И пока тянулась война против ситов, Республика нуждалась во все большем и большем количестве кортозиса. Каждые несколько недель республиканский грузовоз приземлялся на Апатросе. На следующий день он отлетал обратно, с трюмами, до отказа набитыми ценным минералом. А до тех пор команде - офицерам и солдатам-срочникам - не оставалось ничего, кроме как ждать. Из своего прошлого опыта Дес знал, что когда у солдат Республики появлялось несколько свободных часов, они неизменно стремились перекинуться в карты. А где бы люди не играли в карты, там всегда были деньги.

Опустившись на свое место, Дес решил, что возможно ему еще рано отходить ко сну.

К тому времени как транспорт остановился на окраине колонии, тело Деса дрожало от предвкушения. Он выпрыгнул наружу и неторопливой походкой побрел к своему барaku, борясь против собственного рвения и побуждения сорваться на бег. Он уже рисовал в воображении солдат Республики с их кредитами, сидящих за игровыми столами в

единственной кантине колонии.

Однако не было никакого смысла мчаться туда сию же секунду. Сейчас было уже под вечер, и солнце на севере только-только начало опускаться за горизонт. Но большая часть шахтеров из ночной смены в этот момент бодрствовала. Многие из них уже находились к кантине, коротая время до начала смены, когда придет час отправиться на рудники. Дес знал, что в следующие два часа ему едва ли повезет найти в кантине место, где можно присесть. Не говоря уже о том, чтобы отыскать свободное место за столом, где играют в пазаак или сабакк. Но будет еще несколько часов, прежде чем работающие в дневную смену люди залезут в поджидающий их транспорт, чтобы добраться до дома; он будет в кантине задолго до любого из них.

У себя в бараке он стянул перепачканный комбинезон и забрался в пустую коммунальную душевую, смывая с тела пот и мелкую каменную пыль. Переодевшись в кое-какую чистую одежду, он вышел на улицу и неспеша направился к кантине на краю города.

У кантины не было названия; да оно ей и не требовалось. Ни у кого никогда не возникало трудностей с ее поиском. Апатрос был маленьким миром, всего лишь луной с атмосферой и немногочисленной местной растительностью. Здесь было немного мест, куда можно было отправиться: рудники, колония, или бесконечные безликие пустоши. Рудники были массивным комплексом, включавшим в себя прорытые РВК пещеры и штольни, а также очистные и обрабатывающие сооружения.

Космопорт тоже находился здесь. Грузовозы с партиями кортозиса на борту отлетали ежедневно, переправляя его в какие-нибудь состоятельные миры поблизости от Корусанта и Галактического Ядра. Во все же остальные дни прибывали суда, доставляющие оборудование и припасы, чтобы не дать рудникам встать. На очистных фабриках и в космопорте трудились работники, которые не были достаточно выносливы, чтобы добывать кортозис. Платили там не так хорошо, но зато жили они дольше.

Но в не зависимости от того, где люди работали, все они по окончании своих смен возвращались домой в одно и то же место. Колония была ничем иным, как полуразвалившимся городком временных бараков, собранных РВК в кучу, чтобы вместить несколько сотен рабочих, разрабатывающих рудники. Как и сам этот мир, колония была официально известна под именем «Апатрос». Те же, кто здесь жил, чаще всего называли ее «навозными хибарами». Каждое здание отливало однообразным тускло-серым оттенком дюростила, выветрившегося и изношенного снаружи. Внутри постройки выглядели совершенно одинаково - временные жилища рабочих, которые стали слишком постоянными. В каждой были четыре маленькие частные комнаты, предназначенные для двух человек, но чаще вмещавшие трех и более. Иногда целые семьи делили одну из этих комнатушек, если не могли найти кредиты на непомерно высокую арендную плату, взимавшуюся РВК. В каждой комнате были койки, вделанные в стену, а единственная дверь открывалась в узкий коридор, в конце которого располагались общие туалеты и душ. Двери на плохо прилаженных петлях, за которыми никогда не ухаживали, имели привычку скрипеть; едва залатанные крыши неизменно протекали всякий раз, как шел дождь. Разбитые окна были запечатаны от ветра и холода, и их никогда не заменяли. Тонкий слой пыли скапливался на всем, но лишь некоторые из постоянных жильцов иногда заботились о том, чтобы привести свои жилища в порядок.

Колония тянулась по обе стороны площади всего на километр, так что можно было пройти от любого здания с одной стороны до такого же на другой меньше чем за двадцать стандартных минут. Если не принимать во внимание ужасающее сходство архитектуры, ориентироваться в колонии было не так уж и трудно. Бараки располагались вдоль и поперек прямыми рядами, формируя сетку унитарных улиц среди однообразно расположенных жилищ. Улицы эти нельзя было назвать по настоящему чистыми, так как они едва ли не тухли от мусора. РВК убирала отбросы и утильсырье так часто, как того требовало поддержание санитарной обстановки - вспышки болезней, вызванные отходами, могли неблагоприятно сказаться на функционировании рудников. Впрочем, компания обращала

мало внимания на беспорядочно валявшуюся рухлядь, которая неизбежно накапливалась повсюду в городе. Разбитые генераторы, проржавевшие механизмы, разъеденные коррозией куски металла, и изношенный инструмент переполняли узкие улочки между бараками.

В колонии было всего два здания, хоть как-то отличавшиеся от прочих. Одним был магазин РВК - единственный в этом мире. Его место когда-то занимал барак, но койки заменили полками, а зона коммунального душа служила теперь надежным складским помещением. Снаружи висела черно-белая табличка с режимом работы. Не было никаких вывесок и никаких рекламных объявлений, привлекающих посетителей. Магазин торговал только основными товарами, и к тому же по чрезмерно завышенным ценам. На покупки в счет будущей зарплаты охотно давался кредит под неизменно высокий процент. Это гарантировало, что покупатели, отработывая свои приобретения, проведут на шахтах еще больше часов.

Другим зданием, не похожим на другие, была кантина: величественный триумф красоты и дизайна никак нельзя было сравнить с гнетущей однообразностью остальной части колонии. Кантина была возведена на окраине города, и находилась достаточно далеко от серого переплетения бараков. В ней было всего три этажа, а так как любое другое строение ограничивалось лишь одним, она властвовала над окружающим ландшафтом. Хотя такая высота была ей явно ни к чему. Все внутри концентрировалось на нижнем этаже; верхние были лишь фасадом, для видимости возведенным Грошиком - неймодианином, который владел заведением и одновременно был его барменом. Второго и третьего этажа над потолком первого не существовало вовсе, были лишь вздымающиеся стены и свод, сделанный из слегка подкрашенного и подсвеченного изнутри фиолетового стекла. Такие же фиолетовые огни накрывали и бледно-голубые наружные стены. На любой другой планете эффект от этого показался бы показушным и безвкусным, но среди серости Апатроса все это смотрелось очень даже неплохо. Грошик часто заявлял, что умышленно сделал свою кантину не в меру яркой просто для того, чтобы вызвать раздражение у власть предержащих из РВК. Подобное отношение снискало ему популярность в среде шахтеров, но Дес сомневался, что РВК действительно есть до этого дело. Грошик мог перекрашивать свою кантину в любой цвет, какой ему заблагорассудится, до тех пор, пока продолжал еженедельно отдавать корпорации ее долю прибыли.

Двадцати четырех часовой стандартный день Апатроса делился поровну между двумя сменами шахтеров. Дес и остальные из утренней бригады работали с восьми утра до шести вечера; их сменщики с шести до восьми. Грошик, стараясь до предела увеличить прибыль, открывался каждый полдень в час, и не закрывался целых десять часов. Это позволяло ему обслуживать ночную бригаду рабочих прежде, чем те приступят к работе, и ловить дневную бригаду, когда их смена подходила к концу. Он закрывался в три ночи, тратил пару часов на уборку, шесть часов спал, вставал в одиннадцать и начинал все сначала. Его режим был хорошо известен всем шахтерам; неймодианин был таким же пунктуальным, как восходящее и заходящее тусклое рыжее солнце Апатроса.

Когда Дес миновал расстояние между задворками колонии и входной дверью кантины, он сразу же расслышал звуки, исходящие изнутри: громкая музыка, хохот, болтовня, звенящие бокалы. Сейчас было уже почти четыре. У дневной смены оставалась еще пара часов до конца работы, но кантину до сих пор переполняли люди из ночной смены, пришедшие выпить или перекусить до посадки на автобусы, которые отвезут их на шахты.

Дес не узнавал ни одного лица: дневная и ночная бригады пересекались нечасто. Толпу по большей части наполняли люди, но было и несколько тви'леков, саллустиян, и цереан. Дес удивился, увидев здесь еще и родианина. По-видимому ночная бригада была более снисходительна в расовом вопросе, нежели дневная. Тут не было официанток, игроков, или танцоров; единственным служащим в кантине числился сам Грошик. Если кто-то хотел выпить, он подходил к пристроенному к задней стене огромному бару, и делал заказ.

Дес протолкался через толпу. Грошик заметил его приближение, и ненадолго исчез за барной стойкой. Как только Дес подошел, он появился снова, но уже с кружкой гизерского

эля.

- Ты сегодня рано, - сказал Грошик, с глухим звуком поставив выпивку.

Его низкий хриплый голос было сложно разобрать за шумом толпы. Слова его вечно имели гортанный тембр, как если бы он говорил из самой глубины собственной глотки.

Неймодианину он нравился, хотя Дес и не знал наверняка, почему. Может потому, что тот своими глазами видел, как Дес вырос из мальчугана в мужчину; может, он просто чувствовал жалость к Десу, увязшему из-за отца в грязь. Какова бы ни была причина, между ними двумя стояло соглашение: Дес никогда не будет платить за выпивку, если ее наливают ему без спроса. Дес благодарно принял подарок и осушил его одним долгим глотком, опустив пустой бокал на стол.

- Влип в небольшую переделку с Джердом, - ответил он, утирая рот. - Я откусил ему палец, так что они отпустили меня домой пораньше.

Грошик склонил голову на бок и вперил в Деса громадные красные глаза. Угрюмое выражение на его амфибиеподобном лице не изменилось, но тело все же слегка задрожало. Дес знал его достаточно хорошо, чтобы понять, что неймодианин смеется.

- Похоже на справедливый расклад, - проквашал Грошик, вновь наполняя бокал.

Дес не стал поглощать его с той же жадностью, как в первый раз. Грошик редко давал ему бесплатно больше одного, и он не хотел оскорблять щедрость бармена.

Он перевел внимание на толпу. Республиканских гостей заметить было не сложно. Четыре человека (двое мужчин и две женщины), и иторианин мужского пола в грубо скроенных флотских униформах. Хотя их выдавала не столько одежда. Все как один держались прямо и подтянуто, тогда как большинство шахтеров постоянно сутулились, словно несли на спинах что-то непомерно тяжелое.

В одном из углов помещения небольшая секция была отделена от остальной части таверны. Это была единственная часть заведения, с которой Грошик не имел ничего общего. Компания РВК разрешала азартные игры на Апатросе, но только в том случае, если за столы отвечала она сама. Официально это делалось для того, чтобы не дать никому возможности смошенничать, но все знали, что в действительности РВК была заинтересована в контроле ставок. Она не хотела, чтобы один из ее работников выиграл по-крупному и за одну удачную ночь расплатился по всем своим счетам. Сохраняя максимальные лимиты низкими, РВК тем самым делала так, что было выгоднее работать на рудниках, чем сидеть за карточными столами.

В игровой секции находилось четыре флотских офицера, затянутых в униформу республиканского флота, и где-то с десятков шахтеров. Женщина-тви'леkk со знаками отличия старшины на лацкане играла в пазаак. Молодой энсин сидел за столом с сабакком, шумно болтая со всеми окружающими, хотя его, похоже, совершенно никто не слушал. Еще два офицера - оба люди, мужчина и женщина - также сидели за столом для игры в сабакк. Женщина-лейтенант и мужчина с лычками командера. Дес предположил, что оба они являлись старшими офицерами, ответственными за перевозку котрозиса.

- Вижу, ты уже заметил наших вербовщиков, - проворчал Грошик.

Война против ситов - официально не более чем серия затяжных военных стычек, даже хотя вся Галактика знала иное - требовала постоянного притока на линию фронта молодых и горячих кадетов. И по какой-то причине Республика все время ждала, что граждане миров Внешнего Кольца немедленно ухватятся за шанс к ним присоединиться. Всякий раз, когда военная команда залетала на Апатрос, офицеры норовили набрать новых рекрутов. Они закупали литры выпивки и использовали ее как наживку для начала беседы, ведущейся обычно на тему восхитительной и героической жизни солдата. Иногда они играли на жестокости ситов. В остальное же время они только и делали, что раздавали обещания лучшей жизни в республиканской армии - все время притворяясь дружелюбными и сочувствующими местным, в надежде, что кто-то в любом случае к ним прибьется.

Дес подозревал, что им доставалось нечто вроде премии за каждого нового завербованного рекрута. К несчастью для них, они вряд ли найдут слишком много

желающих на Апатросе. Республика была не особо популярна во Внешнем Кольце; здешний народ, включая и Деса, знал, что Миры Ядра эксплуатируют маленькие, удаленные планеты ради собственной выгоды. Здесь, на окраине цивилизованного космоса, ситы и нашли своих антиреспубликанских сторонников. Это было одной из тех причин, почему в ходе войны их количество продолжало расти.

Несмотря на недовольство Мирами Ядра, люди все еще могли бы записаться в рекруты, не будь Республика настроена с таким рвением следовать абсолютной букве закона. Всякого, кто пытался сбежать с Апатроса и из хватки горнодобывающей корпорации, постигало внезапное потрясение: долги РВК по-прежнему требовалось уплатить, даже если рекруты защищали Галактику от нарастающей угрозы со стороны ситов. Если кто-нибудь задолжал деньги легальной корпорации, республиканский флот гарантировал ему выплату зарплаты до тех пор, пока долги не будут погашены. Но не так уж много шахтеров было взбудоражено перспективой присоединиться к войне только ради того, чтобы иметь привилегию не платить.

Некоторые из рабочих были не в восторге от постоянных потуг старших офицеров соблазнить наивных юношей и девушек пойти у себя на поводу. Хотя Деса это не волновало. Он слушал бы их лепет хоть всю ночь, лишь бы те продолжали играть в карты. Он предположил, что цена, которую предстоит уплатить за прикармливание их кредитов, будет небольшой.

Его рвение, должно быть, стало заметно, по крайней мере для Грошика.

- Неужели ты ввязался в драку с Джердом только потому, что решил прийти пораньше? Услышал, что сюда заглянет республиканская команда?

Дес покачал головой.

- Нет. Всего лишь удачное совпадение, и только. О чем они разглагольствуют на этот раз? О величии Республики?

- Пытаются предупредить нас об ужасах Братства Тьмы, - слышался осторожный ответ. - Получается не слишком хорошо.

Когда дело касалось политики, владелец кантины сохранял собственные взгляды при себе. Его посетители были вольны говорить на любые темы, какие бы не пожелали. Но в не зависимости от того, как пылки были их аргументы, он всегда отказывался принимать чью-либо сторону.

- Скверно для бизнеса, - объяснил он однажды. - согласишься с кем-то, и он становится твоим другом на всю оставшуюся ночь. Пойдешь ему наперекор, и он будет ненавидеть тебя неделями.

Неймодиане были хорошо известны своей проницательностью в бизнесе, и Грошик не был исключением.

К бару протолкался шахтер и сделал заказ. Когда Грошик уже собрался его выполнить, Дес отвернулся, чтобы изучить игорную зону. За столами для игры в сабакк не было ни одного свободного места, так что до поры до времени ему пришлось побыть в роли наблюдателя. Больше часа он изучал манеру игры и ставки вновь прибывших, особое внимание уделяя игравшим со старшими офицерами. Те были намного лучше срочников, возможно потому, что имели на расходы больше кредитов.

Игры на Апатросе следовали измененной версии Беспинских Стандартных правил. Основы были просты: собрать комбинацию карт настолько близкую к двадцати трем, насколько было возможно без торга. Каждый круг игрок мог выбрать: остаться ли ему в раунде, или сбросить карты. Игрок, принявший решение остаться, мог вытянуть новую карту, обменять ее, либо положить карту на поле помех, чтобы зафиксировать ее значение. В конце каждого круга игрок мог открыться, предъявив свою комбинацию и принуждая остальных игроков раскрыть карты. Лучшая рука за столом выигрывала кон. Любая комбинация больше двадцати трех очков, или больше минус двадцати трех являлась перебором, из-за чего игроку приходилось выплачивать штраф. А если игрок имел комбинацию, составлявшую ровно двадцать три очка - чистый сабакк - то в качестве бонуса

он выигрывал банк. Но с бесконечными заменами, которые из круга в круг могли неожиданно поменять значение карт, и с другими игроками, слишком рано открывавшимися, чистый сабакк было получить гораздо сложнее, чем это могло показаться.

Сабакк был больше, чем просто игрой на удачу. На первое место тут выходили стратегия и стиль, знание, когда сблефовать, когда отступить, и как приспособиться к постоянно меняющимся картам. Некоторые игроки были слишком осторожны, никогда не ставя больше минимума, даже когда имели на руках неплохую комбинацию. Другие были чересчур агрессивны, стараясь запугать оппонента непомерными ставками, даже не имея ничего в кармане. Естественные склонности игроков можно было выявить, если знать, что искать.

Энсин, к примеру, был в игре абсолютным новичком. Вместо, того чтобы сбросить свои карты, он продолжал играть со слабыми комбинациями. Он был преследователем, не удовлетворявшимся теми картами, которые казались ему ущербными для получения кона. Он всегда пытался собрать лучшую комбинацию, надеясь крупно выиграть и сорвать банк, который продолжал расти, ожидая счастливики. Как результат, энсина не прекращали обходить стороной переборы и необходимость выплачивать штраф. Хотя не похоже было, что это хоть как-то влияло на его ставки. Он был одним из тех игроков, у которых было больше кредитов, чем здравомыслия, что Десу подходило просто прекрасно.

Будучи опытным игроком в сабакк, необходимо знать, как контролировать стол. Десу не потребовалось много времени, чтобы понять, что республиканский командер делает именно это. Он знал, как крупно поставить и сделать так, чтобы остальные игроки сбросили выигрышные комбинации. Знал, когда поставить мало, чтобы соблазнить остальных и дальше продолжать играть теми картами, которые они должны были сбросить. О собственных картах он беспокоился мало; он знал - секрет сабакка в том, чтобы вычислить, что на руках у всех остальных... и затем позволить им думать, что они знают, что на руках у него. Только лишь когда все комбинации предъявлялись, и он сгребал фишки, его соперники понимали, как они ошибались.

Он был хорош, пришлось признать Десу. Лучше, чем большинство республиканских игроков, которые здесь околачивались. Несмотря на импозантную внешность, командер был безжалостен, и брал кон за коном. Но у Деса было хорошее предчувствие; иногда он просто знал, что не может проиграть. Сегодня он собирался выиграть... и выиграть по-крупному.

Один из шахтеров за столом тяжело вздохнул.

- Еще один круг и этот банк будет мой! - проронил он, качая головой. - Тебе просто повезло, что ты успел открыться, - добавил он, обращаясь к командеру.

Дес знал, что дело тут было не в везении. Шахтер был настолько возбужден, что ерзал на своем стуле. Любой, у кого была хоть капля мозгов, видел, что тот собрал сильную комбинацию. Командер заметил это и сделал ход, обесценив руку и задушив в зародыше надежды оппонента.

- С меня хватит, - проговорил шахтер, вскакивая из-за стола. - Я пас.

- Похоже, теперь у тебя есть шанс, - на одном дыхании прошептал Грошик, пронесшись мимо, чтобы налить очередную порцию выпивку. - Удачи.

Сегодня ночью она мне не понадобится, - подумал Дес. Он пересек кантину и переступил через nanoшелковый канат, войдя в контролируемую РВК игорную комнату.

Глава 3

Дес подошел к столу и кивнул крупье Бета-4, занятому раздачей карт. РВК предпочитала живым раздающим автоматизированных дроидов: они не требовали жалованья, а хитроумному игроку не оставалось никаких шансов убедить дроида смошенничать.

- Я в игре, - заявил Дес, заняв пустое место.

Энсин сидел прямо перед ним. Он длинно и громко присвистнул.

- Ого, а ты здоровый детина, - шумно выкрикнул он. - Какого ты роста - метр девяносто? Метр девяносто пять?

- Два метра ровно, - не глядя на него, ответил Дес.

Он пропустил свою расчетную карту РВК через встроенный в стол считыватель, и набрал личный пароль. Оплата за стол приплюсовалась к общей не уплаченной сумме у него на счете, и крупные покорно вытолкнул на стол перед ним груды фишек.

- Удачи, сэр, - сказал он.

Энсин продолжил разглядывать Деса, сделав еще один долгий глоток из своего бокала. Потом разразился смехом.

- Ого, какие же вы тут в Кольце, приятели, здоровые. А ты уверен, что ты на самом деле не вуки, которого побрили шутки ради?

Еще несколько игроков засмеялись, но живо умолкли, едва увидев, как Дес сжал зубы. От энсина несло кореллианским элем. Так же как и от Джерда, когда тот влез в драку с Десом всего лишь несколько часов назад. Мускулы Деса напряглись, и он наклонился вперед на стуле. Коротышка испустил короткий, нервный вздох.

- Да будет тебе, сынок, - успокаивающим голосом обратился к Десу командер, взяв под контроль ситуацию в той же манере, с какой всю игру контролировал стол. От него веяло спокойной властью, словно он был почтенным старцем, свысока глядящим на семейные склоки за обеденным столом. - Это всего лишь шутка. Ты что, шуток не понимаешь?

Повернувшись лицом к единственному игроку за столом, который был достаточно хорош, чтобы бросить ему настоящий вызов, Дес, слегка ослабившись, расслабился.

- Конечно, я понимаю шутки. Но буду понимать их еще лучше, когда получу ваши кредиты.

Повисла недолгая пауза и потом все как будто бы вздохнуло с облегчением.

- Хорошо. Давайте играть.

Дес начал неспешно, играя консервативно и часто сбрасывая карты. Лимиты за столом были низкими; максимальное достоинство ставки в каждом раунде не превышало сотни. Помимо основного взноса в пять кредитов, РВК требовала от игроков «административный сбор» в два кредита всякий раз, как те начинали новый круг, так что любой кон едва покрывал стоимость нахождения за столом, даже для солидного игрока. Уловка была в том, чтобы выиграть достаточное количество конов. Тогда можно было не уходить до тех пор, пока не представится шанс взять банк, продолжавший расти с каждым раундом.

Когда Дес только начал игру, один из солдат попытался завязать недолгий разговор.

- Я заметил, большинство из здешних шахтеров-людей бреют головы, - сказал он, кивком указав на толпу. - Почему так?

- Мы не бреемся. Наши волосы выпадают, - отозвался Дес. - Все из-за слишком частых смен при работе на рудниках.

- Работе на рудниках? Что-то не понял.

- Фильтры не выводят из воздуха всех примесей. При работе изо дня в день, по десять часов в смену, загрязнения накапливаются в организме, - сказал он скучным и равнодушным голосом. Горечи не было; для него и для всех остальных шахтеров это было жизненным фактом. - Есть побочные эффекты. Мы много боеем; у нас выпадают волосы. Раньше нам полагалось несколько выходных дней, но с того момента, как РВК подписала эти республиканские военные контракты, шахтеры никогда не прекращают работу. Говоря начистоту, нас медленно отравляют, чтобы удостовериться в том, что при отлете ваши трюмы полны.

Этого оказалось достаточно, чтобы оборвать любые другие попытки заговорить, и они продолжили игру в относительном молчании. Через полчаса Дес почувствовал, что только начал разогреваться. Он отстегнул взнос и долю РВК, как сделали и другие семеро за столом. Раздающий сдал каждому по две карты, и начался следующий раунд. Первые два игрока

заглянули в свои карты и сбросили их. Республиканский энсин посмотрел, что у него на руках, и добавил достаточное количество фишек, чтобы остаться в раунде. Дес не удивился - тот почти никогда не сбрасывал, даже когда ничего не имел.

Энсин быстро опустил одну из карт на поле помех. При каждом ходе игрок мог поместить туда электронную чип-карту, заблокировав ее значение и защитив от изменения, если в конце круга была замена.

Дес покачал головой. Блокируя карты, играют только идиоты. Такую карту ты не можешь сбросить; Дес обычно предпочитал держать все варианты открытыми. Энсин, однако же, мыслил мелкими категориями, не планируя наперед. Это было возможным объяснением тому, отчего он спустил за ночь несколько сотен кредитов.

Рассмотрев свои карты, Дес решил остаться. Все остальные игроки спасовали, оставив их с энсином наедине.

Крупье раздал карты для следующего круга. Дес опустил взгляд и увидел, что держит Выносливость, карту со значением минус девять. Он сидел с шестью очками - невероятно слабой рукой.

Наиболее умным ходом было бы сбросить карты: если не произойдет замена, то ему конец. Но Дес знал, что замена будет. Он знал это так же точно, как и то, где и когда будет палец Джерда, чтобы откусить его. Эти отрывистые взгляды в будущее случались нечасто, но когда случались, Дес был достаточно умен, чтобы внимать им. Он вытащил кредиты. Энсин покрыл ставку.

Дроид спихнул фишки на центр стола, и маркер перед ним начал пульсировать быстро меняющимися цветами. Синий означал, что замены не будет: все карты останутся прежними. Красный означал замену: от маркера будет послан импульс, и одна из электронных карт у каждого игрока в случайном порядке поменяет свое значение. Набирая скорость, маркер перемигивался красным и синим, пока не запульсировал так быстро, что цвета слились в один фиолетовый оттенок. Затем мигание замедлилось, и вновь можно было различить каждый цвет по отдельности: синий, красный, синий, красный, синий... он остановился на красном.

- Проклятье! - ругнулся энсин. - Всегда эти замены, когда я с хорошей рукой!

Дес знал, что это ложь. Шансы на замену были пятьдесят на пятьдесят - то есть, совершенно случайны. Не было никакого способа предсказать, когда она произойдет... если только ты не имел дара, который порой посещал Деса.

Карты, поменявшись, вспыхнули, и Дес еще раз оглядел свою комбинацию. Выносливость пропала, став семеркой. Он сидел с двадцатью одним. Не сабакк, но расклад неплохой. Перед тем как начался следующий круг, Дес раскрыл карты, выложив комбинацию на стол.

- Открываюсь на двадцати одном, - сказал он.

Энсин с отвращением отшвырнул свои карты.

- Долбаный перебор.

Дес собрал бывшую на кону небольшую кучку фишек, в то время как его оппонент неохотно выплачивал штраф. Дес предположил, что в банке сейчас было около пяти сотен кредитов.

Один из шахтеров за столом поднялся.

- Идемте, нам пора, - сказал он. - Последний спидер отходит через двадцать минут.

С ворчанием и недовольством остальные рабочие поднялись со своих мест и устало потащились к выходу, чтобы начать смену. Энсин посмотрел, как они уходят, потом с любопытством повернулся к Десу.

- А ты разве не идешь вместе с ними, дружбан? Ты вроде жаловался, что никогда раньше не получал выходного.

- Я работаю в дневную смену, - коротко сказал Дес. - Эти парни из ночной.

- А где же остальные из твоей бригады? - спросила лейтенант. - Дес отчетливо распознал ее желание не дать энсину сболтнуть чего-то, что может задеть крупного шахтера.

- Толпа расползается.

Она обвела рукой кантину, теперь почти пустую, за исключением республиканских флотских офицеров. Увидев свободные места за столами, некоторые из них направились к своим товарищам, чтобы присоединиться к игре.

- Они скоро будут здесь, - сказал Дес. - Я просто закончил свою смену немного пораньше.

- В самом деле? - тон ее как будто бы намекал на то, что она знает лишь одну причину, по которой смена шахтера может закончиться рано.

- Лейтенант, - учтиво сказал один из подошедших к столу солдат. - Коммандер, - добавил он, обращаясь к другому офицеру. - Не возражаете, если мы присоединимся к вам, сэр?

Коммандер бросил взгляд на Деса.

- Мне не хочется, чтобы этот молодой человек подумал, будто Республика на него нападает. Если мы займем все места, где же тогда будут сидеть его друзья, когда появятся здесь? Он сказал, что они будут с минуты на минуту.

- Но сейчас их нет, - сказал Дес. - И мне они не друзья. Можете садиться.

Он не добавил, что большинство шахтеров из дневной смены, вероятно, играть и не будут. Появление за столом Деса было для них мрачнее ночи; он выигрывал слишком часто, чем им хотелось бы.

Пустые места быстро заполнились.

- И как сегодня карты, энсин? - спросила молодая женщина, которую Дес обыграл в последнем раунде. Она присела напротив и поставила перед ним бокал кореллианского эля.

- Не слишком-то хорошие, - признал он, ухмыльнувшись и сменив пустой бокал на полный. - Я буду должен тебе за выпивку. Не похоже, что сегодня мне удастся вырваться на перерыв. - Он кивнул в сторону Деса. - Присматривай за этим. Одно из двух: либо он так же хорош, как и коммандер, либо он жульничает.

Он тут же улыбнулся, показывая, что это лишь одна из его безобидных шуток. Дес проигнорировал тираду; его не в первый раз называли мошенником. Он прекрасно знал, что предвидение давало ему преимущество над всеми остальными игроками. Возможно, это преимущество было нечестным, но жульничеством он его не считал. Оно ведь не давало ему знать, что произойдет в каждом раунде; он не мог его контролировать. Дес просто был достаточно умен, чтобы не упускать большинство из откровений, когда те к нему приходили.

Крупье принялся за раздачу фишек новичкам, как всегда желая каждому из них формальное «Удачи».

- Похоже, отношения с другими шахтерами у тебя не слишком хорошие, - сказала лейтенант, припомнив недавний комментарий Деса. - Ты никогда не думал о смене профессии?

Дес мысленно простонал. Едва он сел за стол, офицеры пооставляли свои вербовочные рассказы и сосредоточились главным образом на игре. Теперь же он дал ей повод поднять эту тему вновь.

- Я не заинтересован в том, чтобы стать солдатом, - проговорил Дес, делая взнос на следующий раунд.

- Не будь таким опрометчивым, - произнесла лейтенант, ее голос плавно перетек в успокаивающую и мелодичную трель. - Быть солдатом Республики - значит получать определенные преимущества. К тому же, мне думается это лучше, чем работать на рудниках.

- Перед тобой вся Галактика, сынок, - добавил коммандер. - Миры, гораздо привлекательнее, чем этот, если ты понимаешь, о чем я.

Как будто я не знаю, - подумал Дес. Вслух он сказал:

- Я не собираюсь проводить здесь всю свою жизнь. Но когда я уберусь с этой скалы, то не стану тратить дни, уклоняясь на фронте от ситских бластеров.

- Нам не долго осталось воевать с ситами, сынок. Мы уже пустили их в бега.

Коммандер говорил с такой спокойной уверенностью, что едва не соблазнил Деса

поверить сказанному.

- У меня другие сведения, - сказал Дес. - Ходят слухи, что Братство Тьмы одержало победу в большинстве битв. Я слышал, что под их контролем теперь больше десятка регионов.

- Это было до генерала Хота, - перебил один из солдат.

Дес знал про Хота из ГолоСети: это был самый настоящий герой Республики. Победивший в целом ряде крупных сражений, он был блестящим стратегом, знавшим, как вырвать победу из лап поражения. Не удивительно, учитывая, кем он был.

- Хот? - невинно поинтересовался Дес, опустив глаза в свои карты. Мусор. Он сбросил комбинацию. - Разве он не джедай?

- Так и есть, - ответил командер, заглядывая в карты. Он сделал небольшую ставку. - Мастер джедай, если точнее. И хороший солдат к тому же. Невозможно было отыскать лучшего человека, чтобы возглавить военную кампанию Республики.

- А ситы, знаете ли, не просто солдаты, - серьезно изрек подвыпивший энсин, его голос был даже громче, чем прежде. - Некоторые из них могут использовать Силу, совсем как джедаи! Их нельзя прикончить одними только бластерами.

Дес наслушался достаточно безумных баек, в которых джедаи выделяли экстраординарные фокусы, используя мистическое могущество Силы, но считал, что это - легенды и мифы. Или, по крайней мере, нечто сильно преувеличенное. Он знал, что существовали силы, выходящие за грань материального мира: его собственное предвидение было тому доказательством. Но в истории о том, что могли вытворять джедаи, было слишком сложно поверить. Если Сила на самом деле была таким могучим оружием, то почему эта война длилась так долго?

- Идея отвечать перед Мастером джедаем меня мало привлекает, - сказал он. - Я слышал разные чудные вещи о том, во что они верят: нет страстям, нет эмоциям. Звучит так, словно они хотят превратить всех нас в дроидов.

Перед оставшимися игроками разложили очередной круг карт.

- Джедаи руководствуются мудростью, - объяснил командер. - Они не позволяют таким вещам, как страсть и гнев затуманить их суждение.

- Гнев полезен, - заметил Дес. - Он вытаскивал меня из кучи отвратительных мест.

- По мне, так лучше было вообще в эти места не соваться, - ласковым голосом парировала лейтенант.

После нескольких ходов раунд закончился. Молодая женщина, принеся энсину выпивку, открылась на двадцати - не слишком удачная комбинация, но и не плохая. Она поглядела на командера, когда тот перевернул свои карты и улыбнулась, видя, что у него оказалось только девятнадцать. Ее улыбка исчезла, когда пьяный энсин показал свое двадцать одно. Когда он стал сгребать кон, она живо прервала его смех дружеским тычком под ребра.

Все заплатили взносы, и крупье сдал каждому из игроков еще по две карты.

- Джедаи защищают Республику, - убедительно продолжала лейтенант. - Штатским их взгляды могут показаться странными, но они на нашей стороне. Все, чего они хотят - это мира.

- Правда? - сказал Дес, посмотрев на свои карты и пододвинув фишки. - А я думал, они хотят уничтожить ситов.

- Ситы - это незаконная группировка, - объяснила лейтенант. Секунду подумав, она сбросила карты - Сенат издал билль, объявивший их вне закона почти три тысячи лет назад, сразу после того, как Реван и Малак посеяли разрушение по всей Галактике.

- Мне всегда казалось, что Реван спас Республику, - сказал Дес.

Командер вновь вступил в беседу:

- История Ревана запутана, - сказал он. - Но факты налицо - ситы и их учения были Сенатом запрещены. Их существование - само по себе нарушение закона Республики, и хороший аргумент. Джедаи понимают угрозу, представляемую ситами. Вот почему они

присоединились к флоту. Во благо Галактики, ситы должны быть уничтожены раз и навсегда.

Перебравший энсин снова выиграл кон, уже второй раз подряд. Иногда лучше быть удачливым, чем умным.

- Так значит, Республика повелела, чтобы ситы были уничтожены, - сказал Дес, внося деньги за следующий раунд. - Если за все ответственные одни ситы, держу пари, они скажут то же самое и о джедаях.

- Ты бы не говорил так, если бы знал, какие ситы на самом деле, - сказал один из прочих солдат. - Я воевал против них. Они кровожадные убийцы!

Дес рассмеялся.

- Да уж, как смеют они пытаться убить тебя на войне? Разве они не знают, что ты занят их убийством? Как невоспитанно!

- Кровожадная катская дворняга! - взорвался солдат, поднимаясь со стула.

- Сядь на место, рядовой! - рявкнул командер.

Солдат подчинился приказу, но Дес по-прежнему чувствовал повисшее в воздухе напряжение. Все остальные за столом - за исключением, вероятно, двух офицеров - уставились на него.

Чудно. Последнее, что у них теперь на уме, так это карты. Обозленные люди плохо играют в сабакк.

Командер тоже почувствовал, что дела плохи. Он изо всех сил постарался разрядить обстановку.

- Ситы блюдут учения темной стороны, сынок, - сказал он Десу. - Если бы ты видел все те вещи, какие они сотворили в ходе этой войны... и не только с другими солдатами. Им все равно, даже если страдают невинные граждане.

Слушая только краем уха, Дес заглянул в карты и сделал ставку.

- Я не дурак, командер, - сказал он. - Признает это Республика официально или нет, у вас с Братством Тьмы война. И несчастья на войне случаются, с обеих сторон. Так что не пытайтесь уверить меня в том, что ситы - монстры. Они люди, такие же, как вы и я.

Из всех игроков за столом только командер сбросил свои карты. Дес знал, что по крайней мере несколько солдат будут играть плохими комбинациями просто ради того, чтобы завалить его.

Командер вздохнул.

- Возможно, ты и прав. Обычные солдаты - служащие в армии только потому, что не подозревают, чем на самом деле являются Мастера ситы и Братство Тьмы - всего лишь люди. Но взгляни на идеалы, стоящие за этой войной. Пойми, за что действительно борется каждая из сторон.

- Просветите меня, командер.

Дес придал своему голосу некоторый намек на снисходительность и мельком зачерпнул еще несколько фишек, зная, что это взбесит всех еще больше. Он был рад увидеть, что никто больше не раскрылся; он играл ими как битский музыкант, высвистывающий трель на сабрикете.

- Джедаи стремятся сохранить мир, - в очередной раз повторил командер. - Они способствуют делу справедливости. Всякий раз, когда есть возможность, они используют свое могущество, чтобы помочь нуждающимся. Они стремятся служить, а не править. Они верят, что все живые существа, невзирая на расу или пол, созданы равными. Уверен, ты можешь это понять.

Это было больше утверждением, нежели вопросом, но Дес все равно ответил:

- Но ведь все живые существа не равны в действительности, разве нет? Я имею ввиду, что кто-то умнее или сильнее... или лучше играет в карты.

При последнем замечании он слегка улыбнулся командеру, но все остальные за столом нахмурились.

- Отчасти ты прав, сынок. Но разве не долг сильных помогать слабым?

Дес пожал плечами. Он не особо верил в равенство. Труд, направленный на то, чтобы сделать всех одинаковыми, не оставлял никому шансов достичь величия.

- Так что там насчет Братства Тьмы? - спросил он. - Во что они верят?

- Они следуют учениям темной стороны. Единственная вещь, к которой они стремятся - это власть; они верят, что естественный порядок Галактики состоит в служении слабых сильным.

- Звучит довольно неплохо, если ты один из сильных.

Дес раскрыл карты и прибрал к рукам кон, наслаждаясь жалобами и руганью, которые бубнили себе под нос проигравшие.

Дес озарил всех мерзкой ухмылкой.

- Во имя Республики надеюсь, что вы, ребята, лучше исполняете солдатский долг, чем играете в сабакк.

- Грязный, мерзопакостный трус! - вскричал энсин, вскочив на ноги и расплескав по полу свою выпивку. - Если бы не мы, ситы уже до краев заполонили бы эту выгребную яму!

Любой другой шахтер на месте Деса принял бы вызов, но энсину - уже достаточно пьяному - все же хватило военной дисциплины, чтобы не распускать кулаки. Суровый взгляд командера заставил его сесть на место и пробурчать извинения. Дес был впечатлен. И немного разочарован.

- Все мы знаем, почему Республика печется об Апатросе, - сказал он, складывая в кучу свои фишки и стараясь выглядеть беспечным. В действительности же он внимательно рассматривал стол в поисках кого-то еще, кто мог бы на него наброситься. - Вы используете кортозис в фюзеляжах своих кораблей, вы используете его в окладах своего оружия, вы находите ему применение даже в натальной броне. Без нас у вас не было бы и шанса в этой войне. Так что не делайте вид, будто проявляете тут какую-то заботу: мы нужны вам так же, как вы нужны нам.

Никто еще не сделал взносов; все глаза приковались к драме, разыгравшейся между игроками. Крупье колебался, его ограниченный разум не мог понять, каким образом разрешить ситуацию. Дес знал, что Грошик наблюдает за ними с дальнего конца кантины. Его рука лежит на оглушающем бластере, который он тайком хранит за барной стойкой. И все же Дес сомневался, что неймодианину понадобится оружие.

- Хорошо сказано, - признал командер, делая ставку. Остальные, включая Деса, последовали его примеру. - Но мы хотя бы платим за кортозис, который используем. Ситы просто забрали бы его у вас.

- Нет, - поправил Дес, изучая карты, - вы платите за кортозис РВК. Эти кредиты не доходят до таких парней, как я. - Он сбросил свою комбинацию, но не закончил разговор. - Видите, в этом-то и проблема Республики. В Ядре все восхитительно: люди здоровы, богаты и счастливы. Но здесь в Кольце все не так просто. Я работал на рудниках так долго, как только помню, и я все еще должен РВК достаточно кредитов, чтобы ими можно было заполнить трюм грузовоза. Но я не вижу никаких джедаев, пришедших спасти меня от этой маленькой несправедливости.

В этот раз никто ему не ответил, даже командер. Дес рассудил, что они уже достаточно поговорили о политике; он хотел сосредоточиться на том, чтобы выиграть две тысячи кредитов, которые составляли банк. Дес поставил себе целью избавиться от противников.

- Не пытайтесь всучить мне ваших джедаев и вашу Республику, потому что именно этим она и является: *вашей* Республикой. Вы говорите, что ситы уважают только силу? Что ж, здесь в Кольце законы почти те же. Тебе приходится самому присматривать за собой, потому что никто больше этого не сделает. *Вот почему* ситы нашли тут новых рекрутов, готовых к ним присоединиться. Люди без ничего чувствуют, что им терять нечего. И если Республика не разберется с этим в ближайшее время, Братство Тьмы победит в войне в независимости от того, как много джедаев возглавят вашу армию.

- Может, лучше займемся картами? - предложила лейтенант после долгого и

неудобного молчания.

- Это мне подходит, - сказал Дес. - Без обид?

- Без обид, - проговорил командер, выдавив улыбку.

Несколько солдат согласно забормотали, но Дес знал, что обиды все равно остались. Он сделал все что мог, чтобы они залегли как можно глубже.

Глава 4

Часы летели. Начали прибывать другие шахтеры - дневная смена пришла заменить ушедшую ночную. Крупье продолжал сдавать карты, а игроки продолжали делать ставки. Груда фишек Деса неуклонно росла, а банк все увеличивался: три тысячи кредитов, четыре, пять... никто из игроков больше не веселился; Дес счел, что его едкая речь лишила всех удовольствия от игры.

Десу было наплевать. Он играл в сабакк не ради развлечения. Это была работа, точно такая же, как на рудниках. Способ заработать кредиты и расплатиться с РВК, чтобы навсегда покинуть Апатрос.

Двое солдат ушли из-за стола с опустевшими карманами. Их места вскоре заняли шахтеры из дневной смены. Даже нежелание конфликтовать с Десом не могло остановить их от искушения сорвать солидный банк.

Еще через час старшие офицеры - лейтенант и командер - наконец сдались. Их тоже заменили шахтеры, грезящие мечтами об одном хорошем раскладе и получении неисчислимого банка. Энсин, первый бросивший вызов Десу, и несколько республиканских солдат игру не кончали, имея, вероятно, слишком глубокие карманы.

При постоянном наплыве новых игроков и новых денег, Десу пришлось изменить стратегию. У него было несколько сотен кредитов - достаточно средств, чтобы при необходимости позволить себе потерять несколько комбинаций. Единственной его заботой теперь стала защита банка. Если у него не было хорошей руки, с которой можно было выиграть, он открывался в самом начале. Он не собирался дать кому-то еще возможность собрать комбинацию из двадцати трех. Дес прекратил сбрасывать карты, даже когда те были слабы. Пересидеть с комбинацией - значило дать остальным игрокам слишком большие шансы на победу.

Несколько удачных замен и несколько плохих ходов оппонентов убедили его, что стратегия работает, хотя и не без изъяна. Усилия по защите банка начали растрачивать его прибыль. Стопка выигрышей быстро сокращалась, но когда на кону стоял банк, их было не жалко.

Раунд за раундом игроки продолжали приходить и уходить. Один за другим солдаты оставляли свои места, вынужденные ретироваться, истощив запасы фишек и не в состоянии позволить себе большего. Из первого состава остались только Дес и энсин. Выигрыш энсина рос. Несколько солдат остались поглазеть, подбивая своего человека переиграть нахального шахтера.

Остальные зрители то приходили, то уходили. Кое-кто просто поджидал, пока игрок продуется, чтобы подскочить и занять его место. Остальных привлекала напряженность за столом и размер конов. Еще через час банк достиг десяти тысяч - максимального лимита. Теперь все кредиты, уплаченные в него, пропадали впустую: они направлялись прямоком на счета РВК. Но никто не жаловался. Только не при возможности занять небольшое состояние.

Дес поднял глаза на настенный хронометр. Кантина закроется меньше чем через час. Когда он только сел за стол, он чувствовал уверенность, что крупно выиграет. Некоторое время он был на высоте. Но последние несколько часов истощили накопленные им фишки. Защита банка принесла убытки: он проиграл всю свою прибыль и вынужден был дважды докупиться. Дес попался в классическую западню азартного игрока: стал так одержим желанием выиграть большой кон, что упустил из виду, сколько стал терять. Он позволил

игре стать личной.

Ему было душно. От долгого сидения его ноги онемели, а спина ныла из-за постоянного изучения карт.

Он спустил за ночь практически тысячу кредитов, но никто из других игроков не сможет нажиться на его неудаче. Скопивший все ставки и штрафы банк направится в лапы РВК. Ему придется отработать месяц изнурительных смен на рудниках, чтобы хоть когда-нибудь увидеть эти кредиты вновь. Но отступать было слишком поздно. Единственным его утешением было то, что республиканский энсин проиграл, по крайней мере, в два раза больше, чем он. Однако каждый раз, когда тот истощал запас фишек, он просто запускал руку себе в карман и вытаскивал очередную кипу кредитов, словно имел неисчерпаемые запасы. Или ему просто было наплевать.

Крупье начал очередной раунд. Заглянув в свои карты, Дес ощутил первые серьезные симптомы неуверенности. Что если предчувствие на этот раз изменило ему? Что если эта ночь не была для него удачной? Он не мог даже вспомнить ситуации, когда дар подводил его, но это вовсе не значило, что такого произойти не могло.

Хотя его комбинация была никакой, он выдвинул фишки, игнорируя всякий инстинкт, твердивший ему сбросить карты. Во время следующего хода ему придется открыться, в независимости от того, как плохи карты. Чуть дольше, и кто-нибудь обязательно уведет банк, который он так старательно собирал.

Маркер мигнул и карты изменились. Дес даже не стал смотреть; он попросту перевернул их и пробурчал:

- Открываюсь.

Когда он увидел свою комбинацию, то испытал ощущение, сродни пощечине. Он сидел ровно с минус двадцатью тремя - перебором. Штраф полностью очистил его от фишек.

- Фу ты, ну ты, дружбан, - пьяно усмехнулся энсин, - ты должно быть лума наглотался, раз на этом открываешься. О какой фигне ты думал?

- Может, он просто не понимает разницы между плюс двадцатью тремя и минус? - сказал один наблюдавших за партией солдат, оскалившись, словно манкский кот.

Дес старался игнорировать их, выплачивая штраф. Он ощущал пустоту. Вакуум.

- Ты мало треплешься когда проигрываешь, а? - глумился энсин.

Ненависть. Поначалу Дес ни чувствовал ничего кроме нее. Чистая, раскаленная до бела ненависть поглотила каждую мысль, каждое суждение и каждую каплю его разума. Внезапно он перестал уже волноваться за кон, волноваться о том, сколько кредитов потерял. Все чего он хотел, так это стереть самодовольное выражение с лица энсина. И была только одна возможность сделать это.

Он бросил свирепый взгляд в направлении паренька, но тот был чересчур пьян, чтобы испугаться. Не сводя глаз со своего противника, Дес пропустил расчетную карту РВК через считыватель и докупился, не обращая внимания на логику своего разума, пытавшуюся предупредить его не принимать в этом участия.

Крупье (его цепи и контуры не сообразили, что происходит на самом деле) пододвинул к ним фишки и изрек свое типично бодрое: «Удачи».

Дес начал с Тузом и двойкой мечей. У него было семнадцать - опасная рука. Слишком большая возможность ступить со следующими картами на грань перебора. Он колебался, понимая, что правильное всего было бы сбросить.

- Начал думать? - подколот энсин.

Руководствуясь порывом, который он не мог даже объяснить, Дес положил двойку на поле помех, затем передвинул свои фишки на кон. Он позволил эмоциям направлять себя, и больше из-за этого не волновался. И когда следующей картой пришла тройка, Дес уже знал, что сделает. Он спихнул тройку на поле помех рядом с двойкой, которая уже была там. Затем поставил максимальную ставку и стал ждать замены.

По сути, существовало два способа выиграть банк. Один из них - получить комбинацию, составляющую ровно двадцать три - чистый сабакк. Но было и кое-что

получше: «расклад идиота». Согласно измененным Беспинским правилам, если ты имел на руках двойку и тройку одной масти и при этом вытягивал карту старшего аркана, известную как Идиот, которая не имела собственного значения, то получал «расклад идиота»... двадцать три, точнее говоря.

Дес подобрался к нему уже на две трети. Все, в чем он сейчас нуждался - это чтобы замена забрала его десятку и подменила ее Идиотом. Естественно, это означало, что замена должна произойти. Но даже тогда придется еще добыть Идиота... а во всей колоде, состоящей из семидесяти шести карт, Идиотов было только два. Это было до смешного рискованное предприятие.

Маркер вспыхнул красным; карты изменились. Десу даже не нужно было на них смотреть: он *знал*.

Он уставился энсину прямо в глаза.

- Открываюсь.

Энсин опустил взгляд в свои карты, чтобы посмотреть, что принесла ему замена, и, из всей силы захохотав, выложил их на стол. У него была двойка фляг, тройка фляг... и Идиот!

В толпе раздались удивленные вздохи и недоверчивый шепот.

- Как вам это нравится, ребята? - прогоготал он. - «Расклад идиота» при замене!

Он встал, потянувшись к груде фишек на небольшом постаменте в центре стола, которая и была банком.

Дес схватил юношу за запястье хваткой, холодной и крепкой, как дюрстил. Он раскрыл собственные карты. Во всей кантине повисло гробовое молчание; хохот застрял у энсина в глотке. Секундой позже он выдернул руку и ошеломленно опустился на стул. С дальнего края стола кто-то длинно и изумленно присвистнул. Вся остальная толпа взорвалась гамом.

- ... никогда в жизни...

- ... не могу поверить...

- ... статистически невозможно...

- *Два* «расклада идиота» в одном раунде?

Крупье подвел итог в безупречной аналитической манере:

- У нас два игрока с равнозначными комбинациями. Конечный исход будет определен случайной досдачей.

Реакция энсина была далеко не так спокойна.

- Ты, тупой грязеед! - выпалил он полным ярости голосом. - Теперь никто не получит этот банк!

Его глаза одичало выпучились; вены на лбу пульсировали. Один из его приятелей-солдат положил руку ему на плечо, словно боялся, что малец может перепрыгнуть через стол и попытаться убить сидящего напортив шахтера.

Энсин был прав: не один из них не завладеет банком в этом раунде. При случайной досдаче каждому игроку раздавалось еще по карте, и значение комбинаций пересчитывалось. Если ты имел превосходство - ты выигрывал... но не получал банка, если только не набирал при этом ровно двадцати трех. Хотя подобное казалось невозможным: Идиотов, с помощью которых можно было собрать «расклад», больше не было, а ни одна из одиночных карт не имела значения выше, чем пятнадцать очков Туза.

Но не об этом тревожился Дес. Ему нужно было сломить волю оппонента; раздавить его надежды и лишить победы. Он чувствовал ненависть энсина, и откликался на нее. Она была словно живое существо, сущность, из которой он черпал силу, разжигая собственное клокочущее пекло. Но Дес не выставлял эмоций на показ толпе. Ненависть, кипевшая в нем, была его личным арсеналом, мощью, бушующей внутри него столь свирепо, что он чувствовал, что она попросту расколет мир, если позволить ей выйти.

Раздающий перевернул обе карты картинкой вверх, чтобы каждый мог видеть. И та и другая были девятками. До того, как кто-то смог отреагировать, дроид пересчитал комбинации, определив, что два игрока опять сыграли вничью, и сдал им еще по карте.

Энсин получил восьмерку, но Десу досталась еще одна девятка. Идиот, двойка, тройка, девятка, снова девятка... двадцать три!

Он неспешно потянулся и раскрыл свои карты, прошептав оппоненту единственное слово:

- Сабакк.

Солдат пришел в ярость. Он резко подскочил, схватился обеими руками за край стола и со всей силы рванул его вверх. Только лишь вес и энергия встроенных стабилизаторов уберегли стол от опрокидывания, но тот все же качнулся и с оглушительным грохотом встал на прежнее место. Вся выпивка на нем расплескалась; эль с лумом затопили электронные карты, от чего те закоротило со снопом разноцветных искр.

- Сэр, пожалуйста, не трогайте стол, - жалостливым голосом взмолился крупье.

- Заткнись ты, ржавый кусок лома!

Энсин схватил один из упавших со стола бокалов и запустил его в крупье. Со звоном бокал ударился о дроида, и тот, пошатнувшись, упал.

Энсин ткнул пальцем в Деса.

- Ты смухлевал! Никто не может получить банк при досдаче! Если только не мухлюет!

Дес ничего не сказал; он даже не поднялся. Но напряг мускулы на случай, если солдат начнет действовать.

Энсин снова обернулся к дроиду, когда тот с трудом поднялся на ноги.

- Ты тоже в этом замешан! - Он швырнул в него очередной бокал, снова разбившийся и опрокинувший дроида во второй раз. Двое солдат попытались усмирить энсина, но тот вырвался из их хватки. Он носился по кругу, размахивая руками. - Вы все в этом замешаны! Грязное, ситолубивое отродье! Вы презираете Республику! Вы презираете нас. Мы это знаем. *Мы знаем!*

Гневно ворча, шахтеры подступили ближе. Оскорбления энсина не прошли мимо цели; здесь, на Апатросе, Республику недолюбливали многие. И если он не попридержит язык, кто-нибудь точно продемонстрирует ему, насколько эти чувства сильны.

- Мы отдаем свои жизни, чтобы защищать вас, но вы даже спасибо не говорите! Если есть хоть одна возможность нас унизить, вы ее используете!

Друзья вновь схватили его, пытаясь вытащить его из кантины. Но протолкаться через толпу было совершенно невозможно. Судя по выражениям на их лицах, солдат охватил ужас. *И не без основания*, - подумал Дес. Никто из них не был вооружен: все бластеры остались на корабле. Теперь они были пойманы в ловушку в самом центре толпы грузных, враждебно настроенных и мускулистых шахтеров, которые пили всю ночь напролет. А их друг по-прежнему не мог уговориться.

- Вы должны падать на колени и благодарить нас всякий раз, как мы садимся на этом куске бантового дерьма, который вы называете планетой! Но вы слишком тупы, чтобы понять, как вам повезло, что мы на вашей стороне! Вы ни что иное, как стадо грязных, безграмотных...

Кто-то из толпы метнул бутылку лума, которая крепко заехала энсину по голове, оборвав его на полуслове. Он грохнулся на пол, утянув вслед за собой друзей. Дес оставался неподвижен, в то время как масса обозленных шахтеров неистовствовала.

Звук бластера заставил всех замереть. Грошик взобрался на барную стойку, изготовив оружие для следующего выстрела. И все знали, что второй разряд будет направлен уже не в потолок.

- Мы закрываемся, - выкрикнул он так громко, насколько позволял его дребезжащий голос. - Все вон из моей кантины!

Шахтеры начали отступать, и солдаты осторожно поднялись. Энсин покачивался, из раны на лбу, заливая глаз, сочилась кровь.

- Сперва вы трое, - сказал неймодианин энсину и солдатам, что его поддерживали. Он угрожающе обвел помещение оружием ствол. - Освободите дорогу. Дайте им уйти.

Все, кроме солдат, стояли без движения. Это был уже не первый раз, когда Грошик

выхватывал бластер. Оглушающая винтовка БласТех КС-33 «Файерспрей» была одним из самых внушительных травматических средств контроля толпы в здешнем магазине. Она способна была одним-единственным выстрелом обезвредить сразу несколько целей. Немало шахтеров ощутило зверскую силу этого широко-радиусного оружия, оставляющего их без сознания. По личному опыту Дес мог подтвердить, что боль была из той, какую забыть невозможно.

После того, как республиканцы растворились в ночи, толпа начала медленно продвигаться к двери. Дес пошел вместе со всеми, но как только он миновал бар, Грошик нацелил на него бластер.

- Не ты. Ты остаешься.

Дес не сдвинулся и на миллиметр, пока все остальные не ушли. Он не боялся; у него и в мыслях не было, что Грошик действительно выстрелит. И все же, он не видел никакого смысла в том, чтобы давать ему на то причину.

Только после того, как последний рабочий ушел, и дверь закрылась, Грошик опустил свою руку. Он неуклюже соскочил с барной стойки и, бросив винтовку на стол, повернулся к Десу.

- Я подумал, что будет безопаснее, если ты ненадолго здесь останешься, - объяснил он.
- Эти солдаты просто бешеные. Они могли подкараулить тебя по пути домой.

Дес улыбнулся.

- Я и не думал, что ты на меня злишься, - сказал он.

Грошик фыркнул:

- О, я зол на тебя. Вот потому то ты и поможешь мне расчистить весь этот беспорядок.

Дес вздохнул и в притворном раздражении покачал головой.

- Ты видел, что произошло, Грошик. Я всего лишь невинный свидетель.

Грошик был не в настроении, чтобы выслушивать подобные речи.

- Просто начинай поднимать стулья, - пробурчал он.

С помощью крупные (по крайней мере, он годился на что-то еще, кроме раздачи карт, - подумал Дес) они закончили уборку всего за час. Когда все было сделано, дроид нетвердой походкой поплелся в ремонтное помещение. Прежде чем он ушел, Дес убедился, что выигрыш в сабакк зачислен на его счет.

Теперь, когда они остались вдвоем, Грошик подозвал Деса к бару, схватил пару стаканов, и достал с полки бутылку.

- Кортигское бренди, - сказал он, разливая каждому из них по полстакана. - Прямо с Кашииика. Но не та крепкая дрянь, что пьют вуки. Мягче. Лучше. Более тонкий вкус.

Дес сделал глоток, и чуть было не поперхнулся, когда поток жгучей жидкости пронзил его глотку. - И это, по-твоему, тонкий вкус? Не хотел бы я увидеть, что пьют вуки!

Грошик пожал плечами.

- А чего ты хотел? Они же вуки.

Со следующим глотком Дес был более осторожен. Позволив ему плавно течь по языку, он смаковал богатый вкус.

- Неплохо, Грошик. И бьюсь об заклад, что дорого. По какому поводу?

- У тебя был трудный день. Я подумал, тебе это пригодится.

Дес осушил свой стакан. Грошик вновь наполнил его, но лишь наполовину, затем закупорил бутылку и поставил ее обратно на полку.

- Я тревожусь за тебя, - проскрежетал неймодианин. - Тревожусь о том, что произошло в драке с Джердом.

- Он не дал мне другого выбора.

Неймодианин кивнул.

- Знаю, знаю. Хотя... ты откусил ему палец. А сегодня чуть было не начал бунт у меня в баре.

- Эй, я всего лишь хотел поиграть в карты, - возразил Дес. - Это не моя вина, что все вышло из-под контроля.

- Может так, а может и нет. Я наблюдал за тобой. Ты подстрекал этого солдата, играя с ним, как играл со всяким, кто усаживался рядом. Ты давил на них, крутил ими, заставлял их танцевать, словно марионетки на ниточках. Ты не останавливался. Даже когда у тебя было преимущество, ты продолжал давить. Ты *хотел*, чтобы все так и произошло.

- Думаешь, я все спланировал? - рассмеялся Дес. - Прекрати, Грошик. Это карты вывели его из себя. Ты же знаешь, что я не жульничал - это просто невозможно. Как я мог контролировать раздачу карт?

- Дело тут не только в картах, Дес, - произнес Грошик, его хриплый голос стих настолько, что Десу пришлось наклониться поближе, чтобы его расслышать. - Ты был разгневан, Дес. Разгневан сильнее, чем я когда-либо видел. Я ощущал это с другого конца помещения, словно повисший в воздухе туман. Все мы чувствовали. Толпа разозлилась с легкостью, Дес. Они как будто подпитывались от твоей ярости, твоего гнева. Ты изливал волны эмоций, бурю злости и бешенства. Все остальные просто втягивались: толпа, этот солдат... все. Я сам хотел выстрелить и заставить каждого из них корчиться от боли.

Дес не поверил своим ушам.

- Послушай, что ты несешь, Грошик. Это безумие. Ты же знаешь, что я не стану такого делать. Я *не могу* этого сделать. Никто не может.

Грошик протянул длинную, тощую руку и потрепал ею Деса по плечу.

- Я знаю, что ты никогда не сделал бы этого нарочно, Дес. И я знаю, как безумно это звучит. Но этой ночью с тобой было что-то не то. Ты поддался эмоциям, и они высвободили нечто... странное. Нечто опасное. - Грошик откинул назад голову, осушив остатки бренди, и вздрогнул, когда напиток опустился вниз по горлу. - Просто будь осторожен, Дес. Пожалуйста. У меня дурные предчувствия.

- Будь осторожен, Грошик, - ответил Дес с очередным смешком. - Разве неймодиане не знают, что не стоит доверять своим чувствам? Это скверно для бизнеса.

Мгновение Грошик внимательно изучал его, потом утомленно кивнул.

- Верно. Может быть, я просто устал. Мне нужно немного поспать. И тебе тоже.

Они пожали руки, и Дес покинул кантину.

Глава 5

Улицы Апатроса были темны. РВК назначала такие высокие тарифы на электроэнергию, что все, отправляясь ко сну, выключали свет, поэтому ночью только луна скудной лучинкой горела на небе. Не было даже сияния кантины, чтобы разогнать темень: Грошик обесточил освещение на стенах и куполе до открытия на следующий день. Дес придерживался середины улицы, чтобы не разбить ноги о лом, притаившийся в тених по ее краям.

Хотя каким-то образом, невзирая на почти абсолютную тьму, он увидел их приближение.

За долю секунды до случившегося, пришло чувство надвигающейся опасности... и того, откуда она приближается. На него надвигались три силуэта: двое шли в лоб, а другой атаковал с тыла. Дес поднырнул вниз как раз вовремя, тут же почувствовав, как металлическая труба, которая расколола бы ему голову, рассекла воздух на волосок выше нее. Он снова выпрямился, едва оружие пронеслось мимо, и двинул кулаком в безликую голову ближайшей фигуры. Дес был вознагражден слабым хрустом кости.

Он снова нырнул, на этот раз в сторону, и труба, целью которой было размозжить ему голову прямо промеж глаз, с силой прошла по его левому плечу. Дес отшатнулся в сторону, ведомый силой удара. Он быстро восстановил равновесие, потому как даже в темноте у противников заняло мгновение, чтобы обнаружить его.

Сквозь мрак он мог различить лишь смутные очертания нападавших. Тот, кого он ударил, медленно поднимался; двое других настороженно выжидали. Ему не нужно было видеть их лиц, чтобы понять, кто они: энсин и двое солдат, что выволокли его из кантины.

Дес чувствовал доносящийся до него смрад кореллианского эля, подтверждающий их личности. Они, должно быть, ждали у кантины и преследовали его до тех пор, пока не решили, что готовы на него наброситься. Это было хорошо, потому как означало, что они не возвращались на корабль за бластерами.

Неожиданно бросившись к нему, они напали снова. На их стороне были многомесячные военные тренировки ведения рукопашного боя; у Деса же была сила, габариты и годы кулачных потасовок. Но в темноте, ничто из этого не имело особого значения.

Дес лоб в лоб встретил атаку и все четверо повалились на землю. Удары кулаками и пинки раздавались безо всякого намека на точность или стратегию: слепые бились вслепую. Каждый удар Деса доносил удовлетворяющие глухие звуки или стоны со стороны противников, но драка не доставляла удовольствие, потому как противники точно так же избивали и его.

Не имело значения, открыты его глаза или закрыты, он все равно ничего не видел. Дес реагировал инстинктивно; боль и страдания смывались во тьму адреналином, бурлящим в его крови.

И вдруг он что-то заметил. Кто-то выхватил вибролезвие. Оно было черно, как сердцевина рудника при обвале, однако Дес мог видеть лезвие так же четко, как если бы оно пылало внутренним огнем. Оно понеслось на него, и он схватил запястье атакующего, вывернув его в противоположную сторону и направив обратно в темную живую массу. Раздался пронзительный вопль, а затем приглушенное бульканье; пылающее лезвие перед его взглядом внезапно сверкнуло - угроза ушла.

Нападавшие прекратили драку, и двое из них тут же отскочили. Третий оставался неподвижен. Через секунду Дес услышал щелчок включившегося фонаря, и тут же ослеп от вырвавшегося из него луча света. Плотно зажмурив глаза, он услышал вздох.

- Он мертв! - воскликнул один из солдат. - Ты убил его!

Заслоняя глаза от яркого света, Дес опустил взгляд, чтобы увидеть то, что и ожидал: энсин лежал на спине с глубоко погруженным в грудь вибролезвием.

Фонарь отключился и Дес приготовился к очередному нападению. Вместо этого он услышал растворяющиеся в ночи звуки шагов солдат, направляющихся к докам.

Дес посмотрел на тело под ногами, намереваясь вырвать горящее лезвие и, воспользовавшись его сиянием, проложить себе путь во тьме. Но лезвие теперь не светило. В действительности, понял он, оно не светило вообще. Оно просто не могло: вибролезвия не являлись энергетическим оружием. Это был обыкновенный металл.

Однако, с выяснением того, как он увидел вибролезвие в темноте, можно было и повременить. Как только солдаты доберутся до своего корабля, они тут же доложат обо всем командеру, который сообщит об инциденте властям РВК. Та перевернет планету с ног на голову в его поисках. Десу его шансы не нравились. Его слово, как шахтера (с прошлым, полным драк и насилия), будет ничем против двух республиканских флотских офицеров. Никто не поверит, что это была самооборона.

И была ли это самооборона на самом деле? Он видел, как приближается лезвие. Мог он просто обезоружить своего противника, но не убивать его? Дес покачал головой. У него не было времени на вину и раскаяние. Не сейчас. Нужно было найти какое-нибудь безопасное место, чтобы спрятаться.

Он не мог вернуться в свой барак: именно там первым делом и будут его искать. Ему ни за что не пройти пешком к рудникам до рассвета, и не было не единого места на открытых пустошах, где он мог бы затаиться, едва взойдет солнце. Оставалась только одна возможность, одна надежда. В конечном итоге, они придут в поисках его и туда. Но идти больше было некуда.

* * *

Грошик, похоже, до сих пор не спал, потому как отворил дверь всего через несколько секунд после того, как Дес начал в нее молотить. Неймодианин бегло осмотрел кровь на руках и рубаше молодого человека и схватил его за рукав.

- Живо внутрь! - прохрипел он, втащив Деса и плотно захлопнув за ним дверь. - Ты ранен?

Дес покачал головой.

- Не думаю. Кровь не моя.

Отойдя на шаг назад, неймодианин оглядел его с ног до головы.

- Ее много. Слишком. Пахнет человеческой.

Когда Дес не ответил, Грошик осмелился предположить:

- Джерда?

Дес снова качнул головой.

- Энсина, - сказал он.

Грошик повесил голову и еле слышно пробормотал:

- Кто знает? Власти уже в курсе?

- Пока нет. Но скоро. - Затем, словно пытаясь оправдать свои действия, он добавил: - Их было трое, Грошик. Погиб только один.

Старый друг сочувственно кивнул головой.

- Я уверен, что он это заслужил. Как и Джерд. Но фактов это не меняет. Республиканский солдат мертв... и именно ты понешь ответственность.

Владелец кантины провел Деса к бару и достал бутылку кортигского бренди. Не говоря ни слова, он налил им обоим. На этот раз, по полному стакану.

- Прости, что я пришел сюда, - сказал Дес, попытавшись прервать неудобное молчание. - Я не хотел впутывать тебя во все это.

- Влезать в такие вещи для меня не впервой, - уверил Грошик и утешительно похлопал его по руке. - Я постараюсь придумать, как нас из этого вытащить. Дай мне время.

Они опорожнили свои стаканы. Это все, что мог сделать Дес, чтобы не дать себе запаниковать; с каждой проходящей секундой он ожидал появления десятка человек в униформе РВК, которые разнесут в клочья дверь кантины. Спустя несколько минут, показавшихся бесконечными часами, Грошик заговорил. Он говорил тихо, и Дес не был уверен, обращается ли неймодианин к нему или просто разговаривает вслух, чтобы помочь себе думать.

- Ты не можешь оставаться здесь. РВК не позволит себе потерять республиканские контракты. Они перевернут все колонию, чтобы тебя найти. Нам нужно вывезти тебя за пределы планеты, - он сделал паузу. - Но уже утром твой портрет будет на каждом дисплее в республиканском пространстве. Смена внешности тоже поможет мало. Даже с париком или лицевыми протезами ты будешь выделяться из толпы. Следовательно, это значит, что нам нужно убрать тебя из пространства Республики. А это означает... - фраза Грошика повисла в воздухе.

Дес с надеждой ждал.

- Те вещи, что ты говорил этой ночью, - решил Грошик, - о ситах и о Республике. Ты так считаешь? Ты *и в самом деле* так считаешь?

- Не знаю. Вроде как.

Повисла еще одна долгая пауза, бармен как будто бы собирался с духом.

- Что ты думаешь насчет того, чтобы присоединиться к ситам? - внезапно выпалил он.

Деса вопрос застал врасплох.

- Чего?

- Я знаю... людей. Я могу вытащить тебя с планеты. Сегодня ночью. Но эти люди не ищут пассажиров: ситам нужны солдаты. Они постоянно вербуют новобранцев, совсем как те республиканские офицеры.

Дес покачал головой.

- Не могу поверить. Ты работаешь на ситов? Ты же всегда говорил, что не принимаешь

ничьей стороны!

- Я не работаю на ситов, - фыркнул Грошик. - Я просто знаю людей, которые работают. Еще я знаю людей, которые работают на Республику. Но они в данной ситуации вряд ли очень помогут. Ну, так мне нужно знать, Дес. Это то, чего ты хочешь?

- У меня не очень-то много других вариантов, - пробурчал Дес в ответ.

- Может да, а может, нет. Если ты останешься здесь, власти РВК точно найдут тебя. Преднамеренным убийством это не было. Судьи, скорее всего, не пропустят твое ходатайство о самообороне, но им придется признать, что были смягчающие обстоятельства. Ты отбудешь некоторый срок на одной из каторжных колоний - пять, может шесть лет - и потом, ты свободный человек.

- Или я присоединюсь к ситам.

Грошик кивнул.

- Или ты присоединишься к ситам. Но если я помогу тебе сделать это, я хочу быть уверенным, что ты знаешь, во что влезаешь.

Дес подумал об этом, но не долго.

- Я провел всю свою жизнь, стараясь выбраться с этого булыжника, - медленно произнес он. - Если я попаду в тюремный мир, я променяю одну гнилую, треклятую планету на другую. Это то же самое, что оставаться здесь. Если примкну к ситам, то уж, по крайней мере, ускользну из-под пяты РВК. И ты слышал, что сказал о них тот республиканский командер. Ситы уважают силу. Думаю, я смогу постоять за себя.

- Я в этом не сомневаюсь, - признал Грошик. - Но не забывай все остальное, что сказал командер. Он был прав насчет Братства Тьмы. Они могут быть беспощадны и жестоки. В некоторых людях они выявляют худшие черты. Я не хочу, чтобы ты попался в эту ловушку.

- Сначала ты говоришь мне присоединиться к ситам, - сказал Дес, - а теперь остерегаешь меня от этого. Что происходит?

Неймодианин глубоко вздохнул.

- Ты прав, Дес. Решение принято. Неумолимая судьба и неудача сговорились против тебя. Это не похоже на сабакк; ты не можешь сбросить плохую комбинацию. В жизни ты просто играешь теми картами, которые тебе розданы. - Он отвернулся, направившись к маленькой лестнице в углу кантины. - Идем. Через несколько часов, едва они обыщут жилые блоки в колонии, он начнут искать тебя в космопорте. Нам нужно поторопиться, если мы хотим успеть спрятать тебя на одном из грузовозов.

Дес перегнулся через барную стойку и схватил Грошика за плечо. Тот повернул к нему лицо, и Дес сжал узкое, хилое предплечье неймодианина.

- Спасибо, старый друг. Я не забуду этого.

- Знаю, что не забудешь, Дес.

Хотя слова шли от сердца, в хриплом голосе сквозила откровенная грусть.

Дес ослабил хватку, испытывая неловкость, пристыженность, испуг, признательность и волнение одновременно.

Он чувствовал, что должен сказать что-то еще, но смог лишь добавить:

- Как-нибудь я отплатю тебе за это. В следующий раз, когда мы встретимся...

- Твоя жизнь здесь окончена, Дес, - произнес Грошик, оборвав его. - Следующего раза не будет. Не для нас. - Неймодианин покачал головой. - Я не знаю, что ждет тебя впереди, но у меня предчувствие, что придется тебе нелегко. Не рассчитывай на чужую помощь. В конце каждый из нас остается в одиночестве. Выживают лишь те, кто знает, как о себе позаботиться.

С этими словами он отвернулся, и быстро зашаркал ногами по полу кантины, устремившись к черному выходу. Дес мгновение поколебался, потому как слова Грошика отдавались эхом в его разуме, потом отправился вслед за ним.

* * *

Скрючившись в трюме корабля, Дес старался устроиться поудобнее. Он находился в маленьком контрабандном отсеке уже почти час. Для человека его размеров коморка была слишком узкой.

Двенадцать минут назад он услышал, как патруль РВК приходил обыскать корабль. Они провели поверхностный осмотр; не найдя беглеца, которого искали, они удалились. Двенадцать секунд спустя, капитан - родианский пилот - с силой ударил по панели, скрывающей Деса.

- Ты оставайся там, пока двигатели не заведутся, - окликнул он на сносном галактическом Основном. - Мы поднимаемся, ты вылезать. Не раньше.

Дес не узнал его, когда поднялся на борт; его было не отличить от любого другого родианина, которых он повидал. Просто еще один независимый капитан грузовоза, забирающий партию кортозиса в надежде продать его в каком-нибудь другом мире с достаточной выгодой, чтобы продержаться свой корабль на ходу еще несколько месяцев.

Если бы РВК предложила награду за поимку Деса, капитан, вероятно, уже продал бы его. Это означало, что руководство корпорации не назначило цену за его голову. Их больше волновала выплата награды, нежели дозволение беглецу избежать республиканского правосудия. Было не важно, смогут ли они найти его, главное - это показать Республике, что они стараются. Грошик, вероятно, принимал это в расчет, когда договаривался с контрабандистом взять Деса на борт.

Пронзительный гул прогревающихся двигателей заставил Деса прижаться к стенкам своей тесной коморки. Через несколько секунд гул превратился в оглушительный рев, и корабль под ним дрогнул. Включились репульсоры, уравновесившие судно, и Дес ощутил давление гравитации, когда судно взмыло к небесам.

Он разок пнул ногой по панели, выбив ее, и выбрался из тайника. Капитана и команды поблизости не было; перед стартом все они заняли свои места.

Дес понятия не имел, куда они направлялись. Все, что он знал - это то, что в конце пути его будет ждать женщина-человек, которая запишет его в армию ситов. Как и прежде, Деса переполняла буря эмоций. Страх и возбуждение властвовали над всеми остальными.

Корабль слабо дернулся, выйдя из атмосферы, и начал удаляться от крошечного шахтерского мирка. Несколько секунд спустя Дес почувствовал незнакомый, но безошибочный толчок, когда звездолет прыгнул в гиперпространство.

Душу его наполнило внезапное чувство избавления. Он был свободен. Первый раз в своей жизни он был вне цепкой хватки РВК и ее кортозисных рудников. Грошик сказал, что неумолимая судьба и неудача сговорились против него, но теперь Дес в этом сомневался. Не все шло так, как он планировал - он был беглецом с кровью республиканского солдата на руках - но он, наконец, сбежал с Апатроса.

Возможно карты, которые ему раздали, были не так уж и плохи. Ведь он получил именно то, что хотел больше всего. А когда все давалось тебе в руки, разве не было это единственным, что действительно имело значение?

Глава 6

Желтое солнце Фазиры висело прямо над головой, рассыпая лучи по сочной долине внизу и над лагерем в джунглях, где ждали Дес и его ситские товарищи по взводу. Под сенью дерева сайдера Дес, чтобы скоротать время, проводил быструю системную проверку своей бластерной винтовки ТК-22. Энергоблок был полностью заряжен и пригоден для пятидесяти выстрелов. Запасной силовой модуль он тоже проверил. Прицел чуть отходил в сторону: общая проблема всех моделей серии ТК. У них были хорошая дальнбойность и мощность, но их прицелы со временем теряли точность калибровки. Быстрый шлепок вернул его на место.

Благодаря бессчетному количеству тренировок руки Деса двигались проворно и

уверенно. За последние двенадцать месяцев он подвергался рутине так часто, что при работе не приходилось даже думать. Предбоевая проверка оружия не была стандартной практикой в ситских вооруженных силах, но эта привычка несколько раз спасла ему жизнь. Армия ситов росла так быстро, что просто не могла угнаться за собственными потребностями. Лучшее оборудование предназначалось для ветеранов и офицеров, в то время как новобранцы вынуждены были довольствоваться тем, что имелось на руках.

Теперь, когда он был сержантом, он мог затребовать модель и получше. Но ТК-22 была первым оружием, из которого он научился стрелять, и с которым довольно неплохо обращался. Дес полагал, что небольшой рутинный уход был лучше, чем изучение различных премудростей прочего вооружения.

Впрочем, у него еще имелся неплохой бластерный пистолет. Он выдавался не каждому солдату-ситу: для многих бойцов полуавтоматической винтовки среднего радиуса действия было вполне достаточно. Они, вероятно, погибли бы еще задолго до того, как смогли бы из него выстрелить. Но Дес за прошедший год не раз доказал, что был не из таких. Солдатам, чтобы пережить начальный натиск и подобраться к противнику, требовалось оружие, более подходящее для боя на близких дистанциях.

Для Деса таким оружием был ГСИ-21Д: внушительный пистолет-дизраптор производства «Галактик солюшнс индастрис». Предельный радиус его огня был не более двадцати метров, но с этой дистанции он с одинаковой эффективностью способен был пробить броню, плоть и дроидный корпус. Из-за устрашающего разрушительного потенциала, 21Д был под запретом в большинстве контролируемых Республикой секторов Галактики. В энергоблоке дизраптора помещалось зарядов лишь на десяток выстрелов, но когда Дес был с глазу на глаз с противником, ему редко требовалось больше одного.

Он затолкал пистолет в кобуру, закрепленную на поясе; проверил виброрезвие в сапоге и оглядел свой отряд. Все мужчины и женщины его подразделения следовали его примеру, в ожидании приказов проводя аналогичную проверку собственного оружия. Дес не смог удержаться от улыбки; он хорошо их обучил.

Он примкнул к армии ситов, чтобы избежать тюрьмы, а заодно и Апатроса. Но ему не потребовалось много времени, чтобы по-настоящему полюбить солдатскую жизнь. Между людьми, сражавшимися на их стороне, установился товарищеский дух, тесные узы, которые сразу же приняли в себя Деса. Он никогда в жизни не чувствовал родства с шахтерами на Апатросе и всегда считал себя кем-то вроде одиночки. Но в военной обстановке он нашел свое истинное призвание. Его место было здесь, со взводом. *Его* взводом.

Ефрейтор Аданар заметил его пристальный взгляд и в ответ дважды ударил сжатым кулаком по груди, прямо над сердцем. Это был жест, известный только членам подразделения: неофициальный знак верности и преданности, символ связи, которую они разделяли.

Дес возвратил приветствие. Они с Аданаром были в одном подразделении с первого дня их военной жизни. Вербовщик записал их в армию одновременно и определил обоих к Мракоходам - подразделению лейтенанта Улабора.

Аданар подобрал свое ружье и приблизился к сидящему на земле другу.

- Считаешь, что нам может скоро понадобится твоя пушка, сержант?

- Пока что обойдемся без жертв, - ответил Дес и выхватил дизраптор, прокрутив его на пальце, прежде чем возвратить в кобуру.

- Надеюсь, они уже дали нам «добро», - проворчал Аданар - Мы на позиции целых два дня. Как долго они собираются ждать?

Дес пожал плечами.

- Мы не можем начинать, пока они не будут готовы выдвинуть основные силы. Отойдем слишком рано - и план провалится.

Мракоходы за минувший год заработали неплохую репутацию. Они поучаствовали во множестве битв на многих мирах, и снискали далеко не мало побед. Они прошли путь от одного из тысячи расходных фронтовых подразделений до элитного взвода, чьим назначением были рискованные миссии. Как раз сейчас они могли послужить ключом к захвату промышленного мира Фазиира - если бы только им приказали наступать. А до тех пор им предстоит торчать в этом лагере в джунглях, в часе пути от цели. Они были здесь лишь пару дней, но это уже начинало действовать на нервы.

Аданар принялся мерить шагами землю. Дес спокойно сидел в тени, наблюдая, как он марширует взад-вперед.

- Не изводи себя, - произнес он через минуту. - До сумерек мы никуда не пойдем. Ты тоже можешь отдохнуть.

Аданар прекратил расхаживать, но не сел.

- Лейтенант говорит, что это будет так же просто, как контрабанда пряности, - сказал он, старательно сохраняя в голосе небрежность. - Думаешь, он прав?

Лейтенанту Улабору доставалась куча похвал за успехи собственных бойцов, но все в подразделении знали, кто на самом деле был в ответе, когда над головой начинали свистеть бластерные выстрелы.

Этот факт стал непреложной истиной примерно год назад на Кашииике, где Дес и Аданар приняли свой первый бой. Взяв под контроль систему, Братство Тьмы рассчитывало обеспечить себе плацдарм в Срединном Кольце, и посылало солдат волну за волной, чтобы завладеть богатыми ресурсами родины вуки. Но планета была республиканским опорным пунктом, и отступать они были не намерены, даже несмотря на огромное численное превосходство.

Как только флот ситов высадился, их враги попросту растворились в лесу. Вторжение превратилось в войну на истощение, затянувшуюся, продолжительную кампанию, бой, который велся среди ветвей вроширов высоко над поверхностью планеты. Ситские войска не привыкли сражаться на вершинах деревьев, а толщи листвы и лозы кшии лесного полога обеспечивали превосходное прикрытие для республиканских солдат и их проводников-вуки, устраивавших засады и партизанские рейды. Тысячи за тысячами, захватчики расставались с жизнями; многие погибли, так и не увидев противника, сделавшего роковой выстрел... но Мастера ситы просто продолжали отряжать туда еще больше солдат.

Мракоходы входили во вторую волну подкрепления. При первой битве они откололись от основных сил, лишившись связи с остальной армией. Одиноким и окруженным врагами,

лейтенант Улабор запаниковал. В отсутствии прямых приказов он не представлял себе, что предпринять, чтобы сохранить свое подразделение. К счастью, Дес вмешался и спас их шкуры.

Он мог чувствовать врагов, даже когда не мог их видеть. Каким-то образом он просто *знал*, где они. Он не мог этого объяснить, он уже очень давно оставил попытки отыскать объяснение своим уникальным талантам. Теперь он просто старался использовать их как преимущество. С Десом в качестве проводника, Мракоходы смогли избежать ловушек и засад, пока медленно пробирались обратно на воссоединение с основной армией. Это заняло три дня и три ночи тщательно спланированных, безжалостных битв, и безнадёжного с виду прохождения через территорию врага, но у них все же получилось. После всех сражений, подразделение потеряло лишь несколько солдат, а взвод, вернувшийся назад, понял, что обязан Десу жизнью.

История Мракоходов сплотила всю армию ситов, подняв боевой дух, который начал опасно снижаться. Если одно-единственное подразделение смогло продержаться три дня, рассудили они, то значит, тысяча подразделений уж точно сможет выиграть войну. В конце концов, потребовалось почти две тысячи взводов, но Кашииик пал.

Как командиру героических Мракоходов, лейтенанту Улабору были объявлены особые благодарности. А тот даже не потрудился упомянуть, что в действительности за все отвечал Дес. Хотя и проявил здравый смысл, повысив Деса до сержанта. Еще он был достаточно рассудителен, чтобы убираться с дороги, когда становилось горячо.

- Ну и? - повторил Аданар. - Что скажешь, Дес? Когда они подадут нам сигнал, будет ли это задание похоже на контрабанду пряности?

- Лейтенант просто сказал то, что, по его мнению, все мы хотим услышать.

- Я это знаю, Дес. Вот почему я говорю с тобой. Я хочу знать, что нам предстоит на самом деле.

Дес задумался на несколько секунд. Они скрывались в джунглях на краю узкой долины - единственного пути в столичный город Фазиры, где армия Республики соорудила свой главный лагерь. На соседнем холме, возвышавшемся над долиной, стояла республиканская застава. Если ситы попытаются продвинуть войска через долину, пусть даже ночью, на заставе их заметят точно. Они подадут сигнал в базовый лагерь, и вся их оборона поднимется и подготовится к бою еще задолго до того, как враг их настигнет.

Миссия Мракоходов была проста: ликвидировать заставу так, чтобы остальная армия могла начать внезапную атаку на главный лагерь Республики. У них были генераторы помех - коротко-диапазонное глушащее оборудование, которое при включении не даст заставе возможности передать тревожный сигнал. Но им нужно было ударить по противнику быстро. Застава выходила на связь каждый день на рассвете, и если Мракоходы нападут слишком рано, то Республика поймет, что что-то не так, но не пришедшему вовремя докладу.

Расчет времени был решающим. Им нужно будет избавиться от республиканской заставы непосредственно перед тем, как в район войдут основные силы. На то, чтобы пересечь долину и застать лагерь неподготовленным, уйдет несколько часов. Это было выполнимо, но только если все будет отлично скоординировано. Мракоходы были на месте, но главное войско пока не подготовилось к выступлению... так что они просто ждали.

- Мне не по себе, - признал, наконец, Дес. - Взять эту заставу будет не так то просто. Когда нам дадут «добро», права на ошибку не будет. Мы должны быть идеальны. Если они для нас приготовили сюрпризы, то не избежать неприятностей.

Аданар сплюнул на землю.

- Я так и знал! У тебя плохое предчувствие, да? Все опять как на Хссноре!

Хсснор был кошмаром. После падения Кашииика, выжившие республиканские солдаты бежали на близлежащий мир Трандоша. Двадцать подразделений солдат, включая Мракоходов, направили в погоню. Они нагнали выживших республиканцев на пустынных равнинах за пределами города Хсснор.

День беспощадного сражения оставил много погибших с обеих сторон, но не определил победителя. Десу было не по себе во время битвы, хотя он не мог тогда сказать почему. Тревога возросла, как только опустилась ночь, и обе стороны отступили на свои позиции для перегруппировки. Трандошаны набросились несколько часов спустя.

Кромешная тьма не была помехой для рептилиеобразных инородцев: они могли видеть в инфракрасном спектре. Они появились из ниоткуда, материализуясь во тьме, словно порожденные кошмаром чудовища.

В отличие от вуки, трандошаны не состояли в союзе ни с одной из сторон галактической гражданской войны. Охотники за наградой и наемники Хсснора с жестокостью выкашивали ряды как республиканцев, так и ситов, уходя со своими трофеями и даже не заботясь о том, против кого выступали.

Детали резни так и не были официально обнародованы. Дес был в самом центре кровавой бойни, и даже он едва ли мог осмыслить случившееся. Как и любое другое подразделение, атака застала Мракоходов врасплох. К тому времени, как взошло солнце, почти половина ситских солдат была убита. Дес потерял многих друзей в этой резне... друзей, которых он мог бы спасти, если бы уделял больше внимания дурным предчувствиям, которые ощутил, впервые ступив на тот неприветливый пустынный мир. И он поклялся, что никогда больше не позволит Мракоходам пасть жертвой такого кошмара.

В конечном счете, Хсснор заплатил немалую цену за это нападение. С Кашииика выслали подкрепление, чтобы сокрушить не только силы Республики, но и трандошан. Больше, чем через неделю, ситы смогли заявить о победе, а величественный когда-то город был разграблен и сровнен с землей. Многие из трандошан попросту покинули сражение, защищая свои дома, и начав предлагать услуги собственным победителям. Они были охотниками за наградой, наемниками по призванию, и хищниками по натуре. Их не заботило, на кого они работают, до той поры, пока они имели возможность продолжать убивать. Излишне говорить, что ситы приняли их с распростертыми объятиями.

- Это не станет повторением Хсснора, - заверил Дес своего нервничающего товарища.

Его и правда вновь посетило беспокойное предчувствие. Но в этот раз оно было иным. Что-то серьезное должно было произойти, но Дес не мог сказать с уверенностью, будет ли это что-то хорошим или плохим.

- Давай же, Дес, - настаивал Аданар. - Иди, поговори с Улабором. Он иногда тебя слушает.

- И что мне ему сказать?

Аданар раздраженно вскинул руки.

- Да не знаю я! Расскажи ему о своем плохом предчувствии. Заставь его связаться со штабом и сказать им, чтобы нас вернули. Или убедить их дать сигнал к наступлению! Просто не заставляй нас высиживать тут как куча дохлых вомп-крыс, гниющих на солнце!

Ответить Дес не успел - Лючия, один из младших бойцов, подбежала к ним и бодро отдала честь.

- Сержант! Лейтенант Улабор желает, чтобы вы созвали взвод к его палатке. Он обратится к ним через тринадцать минут, - сказала она серьезным и взволнованным голосом.

Дес улыбнулся другу.

- Думаю, мы, наконец, получим наши приказы.

* * *

Солдаты взвода стояли по стойке «смирно» пока лейтенант с Десом проводили смотр. Как и всегда, инспекция состояла из перемещения Улабора взад-вперед между шеренгами, кивков и пророненных вполголоса одобрений. Все это было больше показухой, возможностью для Улабора почувствовать свою причастность к успеху миссии.

Когда они закончили, лейтенант промаршировал к фронту колонны и развернулся к бойцам. Дес в одиночестве стоял спиной к подразделению, лицом к лицу со старшим офицером.

- Все здесь хорошо знакомы с задачами нашей миссии, - начал Улабор, его голос звучал необычно пронзительно и громко.

Дес предположил, что это попытка казаться авторитетным; но вместо этого все походило на визг.

- Специфические аспекты задания я предоставлю сержанту, - продолжил он. - Наша миссия не из легких, но дни, когда Мракоходам доставалась легкая работа, давно прошли. Мне нечего больше сказать; я знаю, все вы так же сильно, как и я, хотите прекратить это бесконечное ожидание. Вот почему я рад сообщить вам, что нам был отдан приказ наступать. Мы разгромим республиканскую заставу в течение ближайшего часа!

Из шеренги раздались вздохи ужаса и громкий недоверчивый ропот. Улабор отшатнулся назад, словно заработал оплеуху. Он явно рассчитывал на радость и ликование, и был ошарашен внезапным гневом и отсутствием дисциплины.

- Мракоходы, тихо! - рявкнул Дес. Он приблизился к лейтенанту и понизил голос. - Сэр, вы уверены, что приказы были именно такими? Атаковать в течение часа? Вы уверены, что они не имели ввиду «в течение часа после сумерек»?

- Вы подвергаете сомнению мои слова, сержант? - фыркнул Улабор, не делая даже попытки говорить тише.

- Нет, сэр. Просто если мы выйдем в течение часа, то по-прежнему будет светло. Они увидят наше приближение.

- К тому времени, как они нас увидят, мы будем уже достаточно близко, чтобы заглушить их передатчики, - парировал лейтенант. - Они не смогут послать сообщение в главный лагерь.

- Дело не только в этом. Есть еще канонерки. У них три репульсорных судна, оборудованных противопехотными пушками. Если мы попытаемся взять заставу средь бела дня, эти штуковины перебьют нас с воздуха.

- Это самоубийственная миссия! - выкрикнул кто-то из строя.

Глаза Улабора сощурились, а лицо залилось краской.

- Основные соединения выдвигаются в сумерках, сержант, - сказал он сквозь плотно стиснутые зубы. - Они хотят пересечь долину во тьме и разбить республиканский лагерь с первым лучом солнца.

- Тогда у нас нет причин выходить так скоро, - ответил Дес, из всех сил стараясь сохранять спокойствие. - Если они начнут атаку в сумерках, у них займет, по крайней мере, часа три, чтобы достичь долины с текущей позиции. Это даст нам достаточно времени, чтобы захватить заставу до их прибытия, даже если мы дождемся наступления темноты.

- Очевидно, вы не понимаете, что на самом деле происходит, сержант, - сказал Улабор, словно спорил с упрямым ребенком. - Главные силы не начнут двигаться до тех пор, *пока* мы не доложим, что наша миссия завершена. Вот почему нам нужно идти сейчас.

Это имело смысл: генералы не хотели рисковать основным войском, пока они не убедятся, что долина безопасна. Но то, что их отправляют при свете дня, гарантировало, что количество убитых и раненных среди Мракоходов увеличится в пять раз.

- Вы должны снова связаться со штабом и объяснить им ситуацию, - сказал Дес. - Мы не можем мериться силами с этими канонерками. Нам нужно подождать до тех пор, пока они не посадят их на ночь. Вы должны заставить штаб понять, с чем нам предстоит столкнуться.

Лейтенант казалось, даже и не слышал его.

- Генералы отдают приказы мне, а я отдаю их вам, - фыркнул он. - И никак иначе! Армия выдвигается в сумерках, и никто не станет менять этого, чтобы приспособиться к вашим замыслам, сержант!

- Им не нужно менять свои планы, - настаивал Дес. - Если мы выйдем, как только стемнеет, мы сумеем разбить эту заставу к тому времени, как они войдут в долину. Но посылать нас сейчас - это просто...

- Довольно! - провизжал лейтенант. - Прекратите хныкать как банта, отбившаяся от стада! У вас есть приказы, так и следуйте им! Или вы хотите увидеть, что случается с солдатами, которые не повинуются старшим офицерам?

Внезапно Десу стало совершенно ясно, как в действительности обстоит дело. Улабор

знал, что приказ был ошибкой, но он слишком боялся что-либо предпринять. Приказ, вероятно, исходил напрямую от одного из Темных Повелителей. Улабор скорее отправит свой взвод на бойню, чем столкнется с гневом Мастера сита. Но Дес не собирался позволять ему вести Мракоходов к гибели. Это не должно было стать повторением Хсснора. Он колебался всего лишь секунду, прежде чем ударить лейтенанта кулаком в челюсть, послав его в нокаут.

Когда Улабор тяжело повалился на землю, среди бойцов повисло оглушительное молчание. Дес быстро забрал упавшее офицерское оружие, потом повернулся и ткнул пальцем в парочку новобранцев.

- Вы двое, присмотрите за лейтенантом. Убедитесь, что ему будет удобно, когда он очнется, но не подпускайте его и на шаг близко к передатчику.

Офицеру-связисту он сказал:

- Прямо перед сумерками отошли сообщение в штаб, что наше задание выполнено, и что они могут начинать продвигать главные силы в долину. Это даст нам два часа на успешное выполнение задачи до их появления.

Повернувшись, чтобы обратиться к остальным солдатам, он сделал паузу, давая понять серьезность своих дальнейших слов.

- То, что я сделал - это мятеж, - медленно произнес он. - Любой, кто последует за мной сейчас, по окончании задания может столкнуться с трибуналом. Если кто-то из вас полагает, что после совершенного мной не может подчиняться моим приказам, скажите сейчас, чтобы я мог передать командование ефрейтору Аданару вплоть до завершения миссии.

Он пристально оглядел солдат. Около секунды никто не говорил; затем все как один воздели кулаки и два раза ударили себя в грудь, прямо над сердцем.

Переполненный гордостью, Дес тяжело сглотнул перед тем, как отдать последний приказ взводу... *своему* взводу.

- Мракоходы, вольно!

Шеренги распались на группы по двое-трое, солдаты принялись тихо перешептываться. Аданар отделился от остальных и подошел к Десу.

- Улабор этого не забудет, - спокойно сказал он. - Что собираешься делать?

- После того, как мы захватим заставу, они захотят вручить нашему командиру медаль, - ответил Дес. - Держу пари, он скорее заткнется и примет ее, чем расскажет кому-нибудь, что произошло на самом деле.

Аданар хмыкнул.

- Похоже, ты все просчитал.

- Не совсем, - признал Дес. - Я все еще не уверен, каким образом мы возьмем эту заставу.

Глава 7

Застава примостилась в прогалине на вершине плато, возвышавшемся над долиной. Под прикрытием ночи Мракоходы бесшумно двигались через джунгли, чтобы взять ее в осаду. Дес разбил взвод на четыре отряда, все приближались с разных сторон. Каждый отряд имел при себе генератор помех.

Оказавшись в полукилометре от базы, они установили и активировали генераторы, глуша все передачи в пределах ее периметра. Отряды придерживались кромок прогалины, а затем остановились, ожидая, когда Дес даст сигнал к наступлению. Безо всякой коммуникации между отрядами (генераторы с тем же успехом глушили и их собственное оборудование) наиболее надежным сигналом оставался звук бластерного выстрела.

Окинув пристальным взглядом другой край прогалины и три репульсорных судна, покоящихся на посадочной платформе на крыше заставы, Дес ощутил знакомое чувство в глубине живота. Все солдаты испытывали подобное, отправляясь на битву, в не зависимости от того, признавали они то или нет - это был страх. Страх поражения, страх смерти, страх того, что они увидят, как умирают их друзья, страх ранения и жизни до конца дней изуродованным или покалеченным. Страх всегда рядом, и он поглотит тебя, если ты позволишь ему сделать это.

Дес знал, как обратить этот страх себе в преимущество. *Взять то, что делает тебя слабым и превратить это в нечто, что делает тебя сильнее.* Преобразовать страх в гнев и ненависть: ненависть к врагу; ненависть к Республике и к джедаям. Ненависть давала ему силу, а сила приносила победу.

Для Деса трансформация проходила без труда, сразу же, как только начинался бой. Благодаря извергу-отцу, он превращал страх в гнев и ненависть с тех самых пор, как был ребенком. Возможно, именно поэтому он и стал таким хорошим солдатом. Возможно, именно поэтому остальные искали в нем лидера.

Они дожидались его сигнала. Как только он сделает первый выстрел, они пойдут в атаку на заставу. Противник превосходил Мракоходов по численности почти вдвое; им было необходимо преимущество внезапного нападения, чтобы сравнять шансы. Но эти канонерки оказались проблемой, которую Дес не предвидел.

Прогалину окружал яркий свет, освещавший все в пределах сотни метров от заставы. И хотя репульсорные суда не парили в воздухе, в тылу каждого из них, у открытой турели, стоял за орудием солдат. Бронированные стенки турели поднимались до пояса, чтобы дать стрелку хоть какое-то прикрытия, а сама пушка была тяжело экранирована для защиты от вражеского огня.

С посадочной платформы на крыше стрелкам открывался прекрасный вид на окружающую местность. В случае если он сделает первый выстрел, остальные отряды тотчас пойдут в атаку, выйдя на прогалину, и попадут прямоком под ураган противопехотного бластерного огня. Они будут растерзаны словно зукка, сброшенная к ранкору в яму.

- В чем дело, сержант? - спросила Лючия, недавно доставившая ему приказы Улабора. - Чего мы ждем?

Уже было слишком поздно, чтобы откладывать задание. Основная армия была на подходе; к тому времени как Дес возвратится в лагерь, чтобы предупредить их, они будут уже на пол пути.

Он опустил взгляд на юного рекрута и прикинул возможности ее оружия. У Люции была ТК-17 - дальнобойная бластерная винтовка. Костяшки ее пальцев побелели от чересчур сильной хватки оружия, вызванной страхом и предвкушением. До перевода к Мракоходам она участвовала лишь в незначительном боевом задании, но Дес знал, что она была одним из лучших стрелков во всем взводе. ТК-17 годилась лишь для десяти выстрелов, после чего энергоблок нужно было заменять, но радиус поражения составлял более трех сотен метров.

К каждому из четырех отрядов был приписан снайпер. Когда начнется бой, их работой будет наблюдение за периметром сражения и обеспечение того, чтобы никто из

республиканских солдат не сбежал дабы предупредить свой главный лагерь.

- Видишь тех солдат, что стоят в тылу канонерок? Тех, что обслуживают орудия? - спросил Лючию Дес.

Она кивнула.

- Если мы каким-то образом не отделаемся от них, они превратят наши отряды в пушечное мясо через десять секунд после начала битвы.

Она снова кивнула, ее глаза расширились от испуга. Чтобы успокоить ее, Дес постарался сохранять голос ровным и уверенным.

- Я хочу, чтобы ты поразмыслила об этом очень внимательно, солдат. Как думаешь, быстро ли ты сможешь снять их с этого расстояния?

Она заколебалась.

- Я... я даже не знаю, могу ли я, сержант. Не всех. Не с этой точки. Я могу подбить первого, но сомневаюсь, что как только он упадет, остальные будут стоять смирно и ждать, пока я прицелюсь. Скорее всего, они нырнут в укрытие за турели. И даже если я выкурю стрелков оттуда, на крыше почти десяток солдат, которые тут же займут их места. Я не могу сбить девять целей быстрее, чем в моих силах, сержант. Никто не может.

Дес закусил губу и постарался отыскать решение. Здесь было только три канонерки. Если бы ему как-то удалось отправить сообщение снайперу в каждый отряд и заставить их выстрелить в одно и то же время, они смогли бы убрать ничего не подозревающих стрелков... хотя им все равно еще придется остановить других солдат, придушивших им на смену.

Он оборвал свои мысли тихим проклятием. Это ни за что не сработает. Из-за помехогенераторов не было никакой возможности связаться с остальными отрядами вовремя.

Взяв снайперскую винтовку из рук Люции, он поднял оружие и приставил к глазу прицел, чтобы получше рассмотреть местность. Он быстро обвел взглядом крышу, отмечая позицию каждого из республиканских солдат. Благодаря увеличивающей способности прицела он мог разобрать их черты до такой ясности, что видел, как шевелятся при разговоре их губы.

Ситуация казалась практически безнадежной. Застава была ключом к захвату Фазиры, а турели на крыше были ключом к захвату заставы. Но у Деса не оставалось вариантов и почти не оставалось времени.

Он ощутил страх, даже более сильный, чем обычно, и, сделав глубокий вдох, сфокусировал свой разум. Адреналин заклокотал по его венам, когда он перенаправил страх, чтобы придать себе силу. Он навел прицел бластера на одного из стрелков, и в тот же миг на его взор опустилась алая завеса. А затем он выстрелил.

Он руководствовался инстинктом, двигаясь слишком быстро, чтобы позволить встать на своем пути осознанным мыслям. Он даже не видел, как упал первый солдат; прицел уже переместился к следующей мишени. У второго стрелка было достаточно времени, чтобы расширить глаза от удивления, перед тем как Дес выстрелил и перешел к третьей цели. Но та видела, как рухнул первый стрелок, и уже бросилась в укрытие за армированные стенки турели канонерки.

Дес не поддавался желанию начать бешеную пальбу и повел прицелом по узкому кругу, тщетно ища возможность сделать точный выстрел. Звук бластерного огня прогремел в ночи, вторя крикам и топоту ног, когда Мракоходы вырвались из укрытия и бросились на заставу. Они в точности следовали своим приказам, атакуя по звуку первого выстрела. Дес знал, что у него есть лишь несколько секунд до того, как орудия откроют ответный огонь и превратят прогалину в кровавое месиво, но он никак не мог зацепить третьего стрелка.

Дес в отчаянии повел вокруг винтовкой, ища на крыше новую цель. Он обратил внимание на солдата, низко склонившегося над небольшой канистрой. Солдат не двигался и прикрывал лицо руками, словно защищал свои глаза. Выстрел из оружия Деса поразил его прямо в грудь, в то время как устройство у ног солдата сдетонировало.

- Слепящая канистра! - выкрикнула Лючия, но ее предупреждение пришло слишком поздно.

Обзор в прицеле исчез за сверкающей белой вспышкой, на время ослепившей Деса.

Но когда зрение пропало, все внезапно прояснилось. Он знал позицию каждого солдата, даже если бы все они расползлись по укрытиям; он мог с точностью отследить, где они, и куда направляются.

Солдат за третьей турелью наводила орудия на приближающийся вал бойцов. В волнении она лишь слегка высунула голову из укрытия, оставив небольшую часть тела незащищенной. Дес снял ее единственным выстрелом; разряд вошел прямо в одно ушное отверстие ее шлема и вышел через другое.

Время словно бы замедлилось. Двигаясь со спокойствием и смертоносной точностью, он навел свою винтовку на следующую цель, поразив ее в сердце; лишь мгновением спустя он прикончил еще одного солдата прямо промеж его холодных голубых глаз. Одного человека Дес пристрелил в спину, когда тот понесся к ближайшей канонерке. Еще один был на середине трапа одной из турелей, когда разряд прошил ему бедро, заставив его потерять равновесие. Он свалился с трапа и прежде чем упал на землю, Дес всадил следующий выстрел ему в грудь.

Потребовалось менее трех секунд, чтобы избавиться от восьми из девяти солдат. Последний помчался к краю платформы, надеясь уйти, сиганув вниз с крыши на дальнем конце здания. Дес позволил ему бежать. Он чувствовал ужас, исходящий волнами от своей обреченной добычи; он смаковал его так долго, как только мог. Солдат спрыгнул с крыши, и, казалось, завис на секунду в воздухе; Дес выпустил последние три заряда в его тело, опустошив энергоблок оружия.

Он передал винтовку обратно Лючии, быстро смагивая льющиеся градом слезы, пока его глаза пытались смягчить поврежденную сетчатку. Эффект от слепящей канистры был только временным; зрение вскоре начало восстанавливаться. И сверхъестественное ясновидение, которое он испытал, пропало.

Дес понял, протирая глаза, что сейчас было не время думать о только что произошедшем. Он устранил стрелков, но его бойцы все еще оставались в меньшинстве. Он был нужен им внизу, в пылу сражения, а не здесь, на краю битвы.

- Не спускай глаз с крыши, - предупредил он Лючию. - Если хоть один из этих республиканских отбросов появится наверху - избавься от него до того, как он сядет в канонерку.

Она не ответила; ее челюсть отвисла в изумлении от того, чему она только что была свидетелем.

Дес схватил ее за плечо и резко встряхнул.

- Прийди в себя, солдат! У тебя есть работа, которую нужно делать!

Она тряхнула головой, чтобы собраться с мыслями и кивнула, после чего вставила в свое оружие другой энергоблок. Удовлетворенный, Дес вытащил 21Д и побежал в атаку к другой стороне прогалины, пылая желанием присоединиться к битве.

* * *

Через три часа все было кончено. Миссия завершилась успешно: застава была у них в руках, а республиканцы даже не подозревали, что тысячи солдат-ситов маршируют через долину, чтобы атаковать их на рассвете. Сама же битва была короткой, но кровопролитной: сорок шесть солдат Республики погибли, так же как и девять Деса. Каждый раз, когда один из Мракоходов уходил, какая-то частица Деса чувствовала, что он сделал что-то не так. Но учитывая характер их задания, то, что потери оказались столь незначительны, было не так уж и плохо.

Как только их цель была захвачена, он оставил Аданара и небольшой контингент солдат оборонять заставу. Под предводительством Деса остальной взвод пошел обратно в

лагерь.

По пути он старался игнорировать сдавленный шепот и бросаемые тайком взгляды, которые доставались ему от команды. Лючия разболтала о его поразительной стрельбе, и об этом заговорило все подразделение. Никто из них не был достаточно храбр, чтобы сказать ему что-то в лицо, но из шеренг позади он слышал обрывки разговора.

По правде говоря, он не винил их. Вспоминая произошедшее, даже он не мог с уверенностью сказать, что же случилось. Дес был хорошим стрелком, но он не был снайпером. Хотя каким-то образом ему удалось сделать десяток невыполнимых выстрелов из оружия, которым он никогда раньше не пользовался... и большинство из них после того, как взорвалась слепящая канистра. Это было за гранью невероятного. Как будто после потери зрения некая таинственная сила взяла над ним контроль и руководила его действиями. Она была живительной, но в то же время ужасающей. Откуда исходила эта сила? И почему он не мог ее контролировать?

Он был так погружен в свои мысли, что поначалу даже не заметил чужаков, поджидающих их около лагеря. Только после того, как они подошли и защелкнули на его запястьях наручники-станеры, он осознал, что происходит.

- С возвращением, сержант.

Голос Улабора захлебывался от желчи.

Дес огляделся. С десятков инфорсеров - военной охраны ситской армии - стояли вокруг с оружием на изготовку. Улабор топтался позади них с обширным синяком на лице, куда его ударил Дес. Вдалеке он разглядел двух новобранцев, которых оставил охранять Улабора. Они уставились в землю, растерянные и пристыженные.

- Неужели ты и в самом деле думал, что эти новички будут держать своего руководящего офицера связанным, словно какого-то заключенного? - усмехнулся Улабор из-за прикрывающей его стены вооруженной охраны. - Неужели ты в самом деле верил, что они последуют за тобой в твоём безумстве?

- Это безумство спасло наши жизни! - выкрикнула Лючия.

Дес поднял свои закованные руки, чтобы ее утихомирить: эта ситуация могла слишком легко выйти из-под контроля.

Когда ничего больше не произошло, лейтенант, казалось, набрался кое-какой отваги. Он выступил из-за защитной стены охранников и подошел к Десу.

- Я предупреждал тебя насчет неподчинения приказам, - глумился он. - Теперь ты сам увидишь, как Братство Тьмы расправляется с мятежными солдатами!

Кое-кто из Мракоходов медленно потянулся к оружию, но Дес качнул головой, и они замерли. Охрана уже держала наготове бластеры и готова была пустить их в ход. Солдаты не смогут сделать ни единого выстрела.

- Что такое, сержант? - напирал Улабор, придвигаясь ближе к своему побежденному врагу. Даже слишком близко. - Нечего сказать?

Дес знал, что может убить лейтенанта единственным быстрым движением. Охранники прикончат его, но, по крайней мере, он заберет с собой и Улабора. Каждая фибра его души жаждала наброситься на него и покончить со всем в оргии крови и бластерного огня. Но ему удалось перебороть этот порыв. Не было смысла кончать с жизнью. Трибунал, вероятно, завершится смертным приговором, но если он отправится на суд, то у него будет хотя бы шанс.

Улабор подошел и отвесил пощечину, затем плюнул ему на сапоги и отступил.

- Увести прочь, - сказал он охране, повернувшись к Десу спиной.

Когда Деса уводили он не смог не заметить взглядов Люции и бойцов, чьи жизни он спас всего несколько часов назад. У него было предчувствие, что в следующий раз, когда взвод пойдет в бой, Улабор пострадает от несчастного случая со смертельным исходом.

Осознание этого заставило его слегка улыбнуться.

Охранники вели его через джунгли несколько часов, все это время не спуская с него оружия. Они опустили его только тогда, когда достигли караула у периметра главного лагеря ситов.

- Заключенный для трибунала, - скучающим голосом произнес один из охранников. - Пойди, доложи Повелителю Копежу.

Один из караульных отдал честь и скрылся.

Они повели Деса по лагерю к помещению для арестованных. Он видел, что многие солдаты узнают его. Благодаря своему росту и лысой голове, он выглядел довольно внушительно. Множество бойцов слышали о его подвигах. Картина того, как прежде идеального солдата ведут под трибунал, оставляла неизгладимое впечатление.

Они дошли до импровизированной лагерной тюрьмы - небольшого защитного поля вокруг ямы три на три метра, которая служила карцером для захваченных шпионов и военнопленных. Охрана забрала все его оружие сразу, как только взяла под арест; теперь же они провели более тщательный обыск, и изъяли остальное. Потом они отключили защитное поле и грубо спихнули его вниз, не позаботившись даже снять наручники. Он неуклюже повалился на твердую землю на дне ямы. Кое-как поднявшись на ноги, он тотчас же слышал безошибочное гудение вновь активируемого поля, которое заперло его внутри.

За исключением Деса, яма была пуста. Ситы не были склонны надолго задерживать у себя заключенных. Дес задумался, не совершил ли он серьезную ошибку. Он надеялся, что прошлые заслуги добавят ему на суде некоторой снисходительности, но теперь понял, что репутация в действительности могла сработать против него. Мастера ситы не отличались терпимостью или милосердием. Он открыто не повиновался прямому приказу. Вероятно, его наказание послужит хорошим примером остальным.

Он не мог сказать, как долго они продержат его здесь. Спустя некоторое время он задремал, изнуренный битвой и вынужденным походом. Он то просыпался, то снова засыпал; сначала за пределами тюрьмы было светло - он понял, что наступил день. В следующий раз, когда он очнулся, снова потемнело.

Они до сих пор не покормили его; живот протестующее урчал, словно готовый переварить сам себя. Горло пересохло от жажды; язык, казалось, распух так сильно, что им можно было поперхнуться. Кроме того, медленно набухал мочевой пузырь, но опорожнять его не хотелось. Яма и так достаточно пропиталась смрадом.

Наверное, они просто собирались оставить его умирать медленной и одинокой смертью. Учитывая слухи, которые он слышал о пытках ситов, он почти поверил, чтобы так оно и было. Но он не сдавался. Пока нет.

Когда он услышал звук приближающихся шагов, он медленно поднялся на ноги и выпрямился во весь рост, хотя руки его по-прежнему были скованы наручниками.

Сквозь защитное поле он мог разглядеть только размытые силуэты нескольких стражей, стоящих на краю ямы вместе с еще одной фигурой, облаченной в тяжелый, темный плащ.

- Доставьте его на мой корабль, - глубоким, скрежещущим голосом произнес незнакомец. - Я разберусь с ним на Коррибане.

Глава 8

Дес так и не смог хорошо разглядеть человека, который приказал переправить его. К тому времени, как они вытащили его из ямы, закутанная в плащ фигура исчезла. Они дали ему пищи и воды, потом позволили помыться и привести себя в порядок. Хотя его освободили от наручников, он все еще находился под серьезной охраной, когда сел на борт небольшого транспортного корабля, направляющегося на Коррибан.

Никто не разговаривал с ним в пути, и Дес не имел ни малейшего представления, что происходит. Что ж, по крайней мере, он не был больше в кандалах. Он решил считать это

хорошим знаком.

Они прибыли в полдень. Дес ожидал, что они сядут в Дрешдэ, единственном городе на мрачном и отталкивающем мире. Вместо этого корабль приземлился в космопорте, выстроенном на вершине древнего храма, что возвышался над пустынной долиной. Когда Дес выходил из корабля, вдоль посадочной площадки пронёсся прохладный ветерок, но он его не побеспокоил. После спертого воздуха ямы любой легкий бриз был желанным. Едва нога Деса коснулась поверхности Коррибана, как его прошиб озноб. Он слышал, что некогда это было место великой силы, однако сейчас от него осталась всего лишь тень. Вокруг витала потаенная злоба; он почувствовал это как только транспорт вошел в бледную атмосферу планеты.

Отсюда он мог разглядеть и другие храмы, рассыпанные по пустынной поверхности. Даже с такого расстояния он различал разъеденный и крошащийся камень некогда грандиозных построек. По ту сторону долины крошечным пятнышком на горизонте вырисовывался город Дрешдэ.

На посадочной площадке его встретил человек в плаще. Дес сразу понял, что это не тот, кто приходил к нему, когда он находился в яме. Эту личность нельзя было сравнить с его освободителем ни по росту, ни по вальяжному поведению; даже сквозь защитное поле Дес смог тогда ощутить его внушительный нрав.

Эта особа, которая, как понял Дес, была женщиной, жестом показала ему следовать за собой. Молча, она провела его вниз по каменным ступенькам в сам храм. Они миновали лестничную площадку и спустились еще на несколько маршей вниз, затем снова, этаж за этажом сходя с вершины храма на его нижний уровень. На каждой лестничной площадке имелись ведущие на этаж двери и коридоры, и Дес слышал обрывки звуков и разговоров, эхом доносившиеся из них, хотя толком и не разбирал сказанного.

Женщина молчала, и Дес понимал, что ему лучше не нарушать тишину. Формально, он все еще был заключенным. Все, что он знал - это то, что она ведет его под трибунал. Не хотелось усугублять ситуацию, задавая глупые вопросы.

Когда они добрались до основания здания, она подвела его к каменной арке, за которой находился еще один лестничный марш. Лестница эта была другая: узкая и темная, простиравшаяся вниз до тех пор, пока не исчезала из вида глубоко под землей. Не говоря ни слова, проводник передала ему факел, что взяла из крепления в стене, и отошла в сторону.

Удивляясь происходящему, Дес осторожно начал спускаться по крутой лестнице. Он не мог сказать, насколько глубоко он зашел; было сложно сохранять хоть какую-то перспективу в узких границах лестничной клетки. Через несколько минут он, наконец, добрался до подножия, и все ради того, чтобы найти протянувшийся перед собой длинный коридор, в конце которого обнаружилась одна-единственная комната.

Комната была темна и наполнена тенями. Лишь несколько факелов потрескивали на каменной стене, едва способные пронзить мрак своим тусклым пламенем.

Дес остановился на пороге, давая своим глазам привыкнуть к темноте. Только сейчас он различил внутри едва заметную фигуру. Она подозвала его.

- Подойди.

Он ощутил дрожь, хотя в комнате холодно не было. Сам воздух был наэлектризован, переполнен энергией, которую Дес практически осязал. Он удивился, что ему не страшно, и понял, что испытанное им было лишь дрожью предвкушения.

Когда Дес прошел в комнату, черты незнакомца прояснились, изобличив в нем тви'лека. Даже несмотря на просторную рясу, что тот носил, было заметно его полноту и немалый рост. В нем было почти два метра - это был, возможно, самый большой из тви'леков, которых Дес когда-либо встречал... хотя все же меньше самого Деса.

Его легку свисали на широкую грудь, оборачиваясь вокруг мускулистой шеи и плеч; глаза из подо лба сверкали оранжевым, отражая трепещущие факелы. Он улыбнулся, обнажив присущие своей расе острые зубы.

- Я Повелитель Копеж из ситов, - сказал он.

В этот момент Дес окончательно понял, кем был приходивший к нему незнакомец, и слегка склонил голову в знак признательности.

- Я буду твоим инквизитором, - объяснил Копеж голосом, не выражавшим никаких эмоций. - Я один определю твою участь. И будь уверен, что мое решение - последнее.

Дес снова кивнул.

Тви'лек впился горящими огнем глазами в Деса.

- Ты не друг джедаям и Республике.

Это не был вопрос, но Дес все равно почувствовал необходимость ответить:

- Разве они хоть что-то для меня сделали?

- Вот именно, - с жуткой улыбкой произнес Копеж. - Я слышал, ты много сражался против республиканских сил. Твои приятели-солдаты высоко о тебе отзывались. Для окончательной победы ситы нуждаются в таких людях, как ты. - Он помедлил. - Ты был образцовым солдатом... пока не ослушался прямого приказа.

- Приказ был ошибкой, - сказал Дес. Горло пересохло и стало невероятно сложно выдать хоть слово.

- Почему ты отказался от штурма заставы днем? Ты трус?

- Трус не выполнил бы задание, - резко ответил Дес, уязвленный обвинением.

Копеж склонил голову на бок и ждал.

- Нападение при свете дня было тактическим промахом, - продолжил Дес, стараясь отстоять свою точку зрения. - Улабор должен был передать эту информацию обратно командованию, но он испугался. Это Улабор - трус, а не я. Он скорее бы отважился на смерть в лапах Республики, чем предстал бы перед Братством Тьмы. Я предпочитаю не расставаться с жизнью раньше времени.

- Я понял это из твоего послужного списка, - сказал Копеж. - Кашииик, Трандоша, Фазиира... Если эти рапорты точны, ты совершил невероятные подвиги за то время, что провел с Мракоходами. Подвиги, по большей части немыслимые.

Дес оцетинился сказанному.

- Рапорты точны, - отозвался он.

- Не сомневаюсь, что так оно и есть. - Копеж или не заметил или не обратил внимания на тон ответа Деса. - Знаешь ли ты, почему я привез тебя на Коррибан?

Дес начал понимать, что на самом деле трибуналом тут и не пахло. Это была скорее проверка, но он по-прежнему не знал на что.

- Мне кажется, я был для чего-то избран.

Копеж одарил его очередной зловещей улыбкой.

- Хорошо. Твой ум работает быстро. Что ты знаешь о Силе?

- Немного, - признал Дес, пожав плечами. - Это нечто, во что верят джедаи: какая-то грандиозная энергия, якобы просто струящаяся повсюду во Вселенной.

- А что ты знаешь о джедаях?

- Я знаю, что они провозгласили себя стражами Республики, - ответил Дес, совершенно не стараясь скрыть свое презрение. - Я знаю, что они владеют огромным влиянием в Сенате. Я знаю, что многие верят, будто у них есть мистические силы.

- А Братство Тьмы?

На этот раз Дес более тщательно продумывал свои слова.

- Вы - полководцы нашей армии и заклятые враги джедаев. Многие верят, что вы, так же как и джедаи, обладаете необычными возможностями.

- Но ты не веришь?

Дес заколебался, пытаясь найти правильный ответ на вопрос, который Копеж хотел услышать. В конце концов, так и не поняв, чего ожидает от него инквизитор, он просто сказал ему правду:

- Я верю в то, что большинство историй крайне преувеличены.

Копеж кивнул.

- Довольно расхожее мнение. Те, кто не разумеет путей Силы, считают подобные

истории мифами или легендами. Но Сила реальна, и те, кто владеют ею, обладают могуществом, которое невозможно себе даже представить.

Ты видел много сражений, но не вкусил настоящей войны. Пока войска спорят за контроль миров и лун, джедаи и Мастера ситы стремятся сокрушить друг друга. Мы движемся к неминуемому и решающему противостоянию. Выжившие - ситы или джедаи - определяют судьбу Галактики на следующую тысячу лет.

Истинная победа в этой войне придет не благодаря армии, а благодаря Братству Тьмы. Наше величайшее оружие - это Сила, и те индивиды, что способны ею управлять. Такие, как ты.

Он остановился, чтобы дать своим словам закрепиться, затем продолжил:

- Ты особенный, Дес. У тебя есть немало выдающихся талантов. Эти таланты - проявление Силы, и они хорошо послужили тебе в бытность твою солдатом. Но ты лишь скользнул по поверхности своего дара. Сила реальна; она существует везде вокруг нас. Ты можешь ощутить ее мощь в этой комнате. Ты чувствуешь ее?

Дес задумался лишь на мгновение, потом кивнул.

- Я чувствую. Жаркая. словно огонь, готовый распалиться.

- Мощь темной стороны. Жар страстей и эмоций. Я чувствую это и в тебе. Пылающее под поверхностью. Пылающее, как твой гнев. Он делает тебя сильным.

Копеж прикрыл глаза и откинул назад голову, словно греясь в тепле. Даже кончики его легку слегка подергивались. Единственным звуком оставалось слабое потрескивание пламени факелов. Капли пота скатились с макушки Деса вниз по шее. Он не стал смахивать их, а лишь неудобно поежился, когда они скользнули между лопаток. Легкое движение, казалось, вывело тви'лека из транса.

Он помолчал несколько секунд, сосредоточенно изучая Деса своим пронизывающим взглядом.

- Ты касался Силы в прошлом, но твои способности - малая толика по сравнению с могуществом настоящего Мастера сита, - сказал он, наконец. - В тебе огромный потенциал. Если ты останешься здесь, на Коррибана, мы научим тебя всему.

Дес хранил молчание.

- Ты не будешь больше бойцом на линии фронта, - продолжал Копеж. - Если ты примешь мое предложение, эта часть твоей жизни завершится. Тебя будут обучать путям темной стороны. Ты станешь одним из Братства Тьмы. И ты не вернешься к Мракоходам.

У Деса участилось сердцебиение, голова пошла кругом. Все время, как он себя помнил, он знал, что особенный благодаря своим уникальным талантам. И теперь ему сказали, что все его способности не значат ничего в сравнении с тем, чего он мог в действительности добиться.

И все же, часть его противилась мысли оставить свое подразделение без права на прощание. Он считал Аданара, Лючию и остальных больше, чем просто приятелями-солдатами; они были его друзьями. Мог ли он действительно покинуть их вот так, хотя бы и ради шанса присоединиться к Мастерам ситам?

Вдруг в памяти всплыла фраза, что он когда-то слышал от Грошика: *Не рассчитывай на чужую помощь. В конце каждый из нас остается в одиночестве. Выживают лишь те, кто знает, как о себе позаботиться.*

Все, что он мог, он отдал своему взводу. Он спасал их жизни столько раз, что это уже не поддавалось подсчету. А когда пришедшая охрана уводила его, они оказались бессильны его спасти. Если бы он позволил им, они попытались бы, но погибли. Дес осознал правду: его взвод - его друзья - теперь не могут ничего для него сделать.

Он может полагаться только на самого себя, как, впрочем, и всегда. Он будет дураком, если упустит эту возможность.

- Я польщен, Мастер Копеж, и я с благодарностью принимаю ваше предложение.

- Путь ситов не для слабых, - предостерег крупный тви'лек. - Те, кто оступятся, будут... забыты.

Было что-то угрожающее в его тоне.

- Я не буду забыт, - бесстрастно ответил Дес.

- Это вскоре прояснится, - заметил Копеж. Потом добавил: - Это новое начало для тебя, Дес. Новая жизнь. Многие студенты, прибывающие сюда, берут для себя новые имена. Они оставляют свою прошлую жизнь позади.

У Деса не было желания цепляться за что-то из своего прошлого. Изверг-отец, бесчеловечность работы на рудниках Апатроса; он искал новую жизнь слишком долго. Мракоходы дали спасение, но лишь временно. Теперь же у него была возможность навсегда оставить позади свое прошлое. Все, что ему нужно сделать - это принять Братство Тьмы и его учения. И все же, по причинам, которые он не мог объяснить, он ощутил сомкнувшуюся на себе холодную хватку страха. Страх заставлял его колебаться.

- Желает ли ты выбрать себя новое имя, Дес? - спросил Копеж, вероятно чувствуя его нерешительность. - Желает ли родиться заново?

Дес кивнул.

Копеж вновь улыбнулся.

- И каким же именем мы будем звать тебя?

Страх не остановит его; он овладеет страхом, преобразует его, и сделает родным. Он возьмет то, что когда-то делало его слабым и использует это, чтобы стать сильным.

- Меня зовут Бэйн. Бэйн из ситов.

* * *

Повелитель Кордис, влиятельный Мастер Академии ситов на Коррибане, слегка поскреб по подбородку длинными, похожими на когти пальцами.

- Студент, которого ты привел ко мне - этот Бэйн - никогда не обучался путям Силы?

Копеж покачал головой и раздраженно подернул левую щеку.

- Как я и говорил ранее, Кордис, он вырос на Апатросе - мире, контролируемом компанией РВК.

- И все же, ты смог отыскать этого юнца и привезти его сюда, в Академию. Это кажется слишком уж невероятным.

Грузный тви'лек зарычал.

- Это не заговор против тебя, Кордис. Это больше не наш путь. Мы теперь Братство, помнишь? Ты слишком подозрителен.

Кордис усмехнулся.

- Не подозрителен, просто осторожен. Это помогло мне сохранить мое положение здесь, среди множества могущественных и амбициозных молодых ситов.

- Он так же могущественен, как и любой из них, - настаивал Копеж.

- Но в то же время он старше. Мы предпочитаем принимать студентов, когда те моложе и более... податливы.

- Теперь ты говоришь как джедай, - фыркнул Копеж. - Они ищут учеников все моложе и моложе, надеясь застать их чистыми и невинными, и отвергая любого, кто не является ребенком. Мы должны быть проворнее, чтобы подбирать тех, кого они оставляют позади. Кроме того, - продолжал он, - Бэйн слишком силен, чтобы просто его проглядеть; это же относится и к джедаям. Нам повезло, что мы нашли его раньше них.

- Да, повезло, - эхом отозвался Кордис, голос которого просто истекал сарказмом. - Его прибытие сюда кажется неправдоподобным стечением множества случайных обстоятельств. Действительно очень повезло.

- Некоторые могут взглянуть на это и в таком свете, - признал Копеж. - Другие же увидят нечто большее. Судьбу, возможно.

Молчание затянулось; Кордис обдумывал слова своего давнего соперника.

- Другие служители обучались много лет. Он будет далеко позади, - в конце концов, сказал он.

- Он нагонит их, если получит шанс, - настаивал Копеж.
- Мне сомнительно... а дадут ли ему этот шанс другие? Если они умны, то нет. Я боюсь, мы можем просто потерять одного из лучших бойцов Повелителя Каана.
- Мы оба знаем, что джедаев не победить солдатами, - воскликнул Копеж. - Я охотно обменяю тысячу наших лучших бойцов даже на одного Мастера сита.
Кордис, казалось, был ошеломлен его пылкой реакцией.
- Он что, настолько силен? Этот Бэйн?
Копеж кивнул.
- Я думаю, он может оказаться тем, кого мы искали. Он может оказаться сит'ари.
- Прежде, чем он сможет претендовать на этот титул, - произнес Кордис, коварно улыбнувшись, - ему предстоит пережить его обучение.

Часть вторая

Глава 9

*Покой - это ложь. Есть только страсть
Через страсть я познаю силу
Через силу я познаю мощь
Через мощь я познаю победу
Через победу мои оковы рвутся*

Копеж отбыл, вновь присоединившись к армии Каана, к войне, идущей против джедаев и Республики. Бэйн остался в Академии на Коррибана, чтобы изучать пути ситов. Его первый урок состоялся следующим утром, и преподавал его сам Повелитель Кордис.

- Догматы ситов - не просто слова, которые следует запомнить, - объяснял преподаватель Академии своему новому ученику. - Изучи их, пойми их. Они приведут тебя к истинному могуществу Силы: могуществу темной стороны.

Кордис был выше, чем Копеж. Выше даже Бэйна. Он был невероятно худой, облаченный в черную, просторную рясу, капюшон которой был отброшен и ниспадал на плечи. Он походил на человека, но что-то в его внешности говорило об обратном. Кожа его была какого-то неестественно бледного оттенка, что еще резче подчеркивалось сияющими драгоценными камнями, инкрустированными во множество колец на длинных пальцах. Глаза были темными и впалыми. Зубы - острые, а ногти изгибались омерзительными когтями.

Бэйн преклонил колени, тоже облаченный в темное одеяние с откинутым назад капюшоном. Уже этим утром он впервые услышал Кодекс ситов и слова все еще были свежи и таинственны. Они кружились в водоворотах его разума, время от времени пробиваясь ключом в сознание, когда он пытался впитать стоящий за ними глубинный смысл. *Покой - это ложь. Есть только страсть.* Он знал, что, по крайней мере, первый принцип был правдой. Вся его жизнь была тому доказательством.

- Копеж говорил мне, что ты пришел к нам неопытным учеником, - заметил Кордис. - Он сказал, что ты никогда не обучался путям Силы.

- Я способный ученик, - заверил его Бэйн.

- Да... и в тебе велика сила темной стороны. Но то же самое можно сказать обо всех, кто приходит сюда.

Не зная наверняка, как ответить, Бэйн решил, что мудрее всего промолчать.

- Что ты знаешь об этой Академии? - спросил, наконец, Кордис.

- Студенты здесь учатся использовать Силу. Они обучаются секретам темной стороны под вашим надзором и надзором других Повелителей. - После некоторого колебания он добавил: - И я знаю, что есть еще много других академий, как эта.

- Нет, - поправил Кордис. - Не таких, как эта. Воистину, мы располагаем другими учебными заведениями, рассеянными по нашей непрерывно растущей империи, там, где подающие надежды индивиды учатся контролировать и использовать свою силу. Но каждое

заведение уникально, и то, куда будет послан студент, зависит от того, как много потенциала мы в нем видим.

Достойные внимания, но обделенные способностями отсылаются на Хоногр, Гентес или Гаморр, чтобы стать Воителями или Мародерами. Там они учатся обращать свои эмоции в безумную ярость и боевое бешенство. Мощь темной стороны превращает их в зверей смерти, несущих смерть и разрушение, которых спускают с цепи против наших врагов.

Через страсть я познаю силу, - подумал Бэйн. Но вслух он произнес:

- Одной лишь животной силы не достаточно, чтобы сломить Республику.

- Верно, - согласился Кордис.

По тону его голоса Бэйн понял, что сказал именно то, что и хотел услышать от него учитель.

- Тех, у кого имеются большие задатки, посылают на миры, где мы находим союзников в деле уничтожения Республики: Рилот, Умбара, Нар Шадаа. Эти студенты становятся порождением тени, обучаясь использовать темную сторону для конспирации, обмана и манипуляции. Те, кто переживают подготовку, превращаются в убийц, которых невозможно остановить, и которые способны притягивать тьму для убийства своей цели без единого движения.

- Но даже они не соперники джедаям, - добавил Бэйн, думая, что понял смысл полученного урока.

- В точности, - согласился учитель. - Академии на Датомире и Иридонии наиболее близки к этой. Там ученики обучаются под присмотром Мастеров. Те, кто преуспевают в своей учебе, становятся адептами и служителями; именно они возглавляют ряды наших армий. Они точное зеркальное отражение Рыцарей джедаев, что стоят на пути нашей окончательной победы.

Но подобно тому, как Рыцари джедаи должны отвечать перед Мастерами, так же и адепты и служители отвечают перед Повелителем ситов. А те, кто обладает потенциалом, достаточным чтобы стать Повелителем (и только те, у кого есть такой потенциал), обучаются здесь, на Коррибане.

Бэйн ощутил дрожь возбуждения. *Через силу я познаю мощь*.

- Коррибан - отчий дом ситов, - пояснил Кордис. - Эта планета - место великой силы; темная сторона живет и дышит в самом ядре этого мира.

Он сделал паузу и медленно вытянул ладонью вверх свою скелетообразную руку. Казалось, он убаюкивал что-то невидимое - что-то дорогое и бесценное - в своих похожих на когти пальцах.

- Храм, где мы находимся, был построен много тысяч лет назад, чтобы собирать и фокусировать эту силу. Чувствуешь ли ты здесь темную сторону во всем ее могуществе? - Он сжал свой кулак так крепко, что длинные ногти впились в ладонь, пустив кровь. - Ты был избран, потому что в тебе огромный потенциал, - прошептал он. - Великие дела ждут учеников здесь, на Коррибане. Учеба трудна, но награда для преуспевших велика.

Через мощь я познаю победу.

Кордис протянул руку и положил пораненную ладонь на оголенный череп Бэйна, размазывая по нему кровь Повелителя ситов. Бэйн, как солдат, повидал крови достаточно, и все же, отчего-то этот торжественный акт самоистязания вызвал в нем отвращения больше, чем любое кровавое поле боя. Все, что он мог сделать - это не шевелиться.

- У тебя есть потенциал для того, чтобы стать одним из нас - одним из Братства Тьмы. Вместе мы сможем сбросить кандалы Республики.

Через победу мои оковы рвутся.

- Но даже те, у кого есть потенциал, могут потерпеть неудачу, - закончил Кордис. - Я верю, что ты не разочаруешь нас.

У Бэйна не было ни малейшего намерения делать это.

Следующие несколько недель пролетели быстро, стоило только Бэйну целиком посвятить себя учебе. К своему удивлению он обнаружил, что его неопытность в Силе была скорее исключением, чем правилом. Многие студенты до поступления в Академию на Коррибане тренировались месяцами или даже годами.

Поначалу Бэйн находил это затруднительным. Он только-только начал обучение, и был далеко позади. В таком конкурентном, безжалостном окружении он был легкой мишенью для любого студента. Но хорошенько все взвесив, он начал понимать, что не так уязвим, как думал.

Он один, в отличие от всех учеников Академии, смог выявить силу темной стороны без каких либо тренировок. Он пользовался ей так часто, что принимал за нечто само собой разумеющееся. Она давала ему преимущество над оппонентами в картах и потасовках. На войне она предупреждала его об опасности и приносила победу в совершенно невероятных обстоятельствах.

И все это инстинктивно, без тренировок, даже безо всякой осознанной мысли, что он делает. Теперь же, впервые, его обучали правильному использованию его способностей. Ему не следовало опасаться других студентов... скорее уж им следовало бояться его. Когда он завершит свое обучение, никто не будет ему равным.

Основная часть его учебы проходила под руководством Кордиса и остальных Мастеров: Каз'има, Ориллта, Шенаяга, Хеззорана и Бортиса. В Академии существовала система учебных сессий, но они были разделены большими промежутками. Слабым и медленным не позволялось сдерживать сильных и амбициозных. Студенты учились в собственном темпе, ведомые вождельем и жаждой власти. У каждого Мастера было около шести учеников, которым приходилось доказывать свою ценность перед преподавателем, тратящим драгоценное время, чтобы обучить их секретам ситов.

Несмотря на то, что он был новичком, Бэйну легко удавалось получать внимание Повелителей ситов, и в особенности Кордиса. Он знал, что излишний интерес неизбежно породит враждебность других студентов, но заставлял себя не думать об этом. Со временем дополнительное образование, что он получал от учителей, позволит ему нагнать и перегнать остальных. И когда он сделает это, ему не придется уже волноваться об этой ничтожной зависти. А до тех пор он действовал осторожно, стоя в стороне и не привлекая внимания.

Когда он не учился у Мастеров, он был в библиотеке, изучая древние записи. Как джедаи хранили сведения в своем храме на Корусанте, так же и ситы начали собирать и накапливать информацию в архиве коррибанского храма. Однако в отличие от библиотеки джедаев (где большинство информации хранилось в электронном, голограммном формате и в виде голокронов), собрание ситов ограничивалось свитками, томами и руководствами. Все три тысячи стандартных лет, с тех пор, как Дарт Реван практически уничтожил Республику, джедаи вели неустанную борьбу по искоренению учебных пособий темной стороны. Все известные голокроны ситов были или уничтожены, или тайно свезены на хранение в храм джедаев на Корусанте. Ходило множество слухов о не обнаруженных голокронах ситов - либо спрятанных на удаленных мирах, либо припасенных одним из темных Мастеров, страстно желавшим сберечь для себя его тайные знания. Но все попытки Братства найти эти утерянные сокровища были тщетны, что принуждало их полагаться на примитивные технологии пергамента и флимсипласта.

А поскольку собрание то и дело увеличивалось, все указатели и ссылки безнадежно устаревали. Поиск в архиве подчас был задачей безуспешной, и большинство студентов считали, что лучше проводить время в попытках выучиться или произвести впечатление на Мастеров.

Было ли тому причиной его старшинство над остальными, или года, проведенные на рудниках, и научившие его терпению, но Бэйн каждый день тратил несколько часов на изучение древних записей. Они пленили его. Многие свитки содержали исторические записи, подробно излагавшие стародавние битвы или прославлявшие подвиги древних

Повелителей ситов. Сама по себе информация имела малую практическую пользу, но он понимал, что в действительности представляет собой каждая индивидуальная работа: крошечный кусочек большой мозаики, ключ к гораздо большему знанию.

Архив дополнял то, что он узнавал от учителей. Это был фон абстрактным урокам. Бэйн чувствовал, что со временем древние знания послужат ключом к раскрытию его абсолютного потенциала. И таким образом, его понимание Силы постепенно принимало нужную форму.

Таинственная и необъяснимая, Сила была также естественна и неотъемлема: основополагающая энергия, связующая Вселенную и объединяющая в себе всех живых существ. Эту энергию, эту мощь, можно было обуздать. Ею можно было манипулировать, и она поддавалась контролю. И с помощью знаний темной стороны, Бэйн учился ею овладевать. Он ежедневно практиковался в медитации и тренировках, часто под бдительным присмотром Кордиса. Всего через несколько недель он научился передвигать небольшие предметы простой силой мысли - нечто, что он посчитал бы совсем недавно невозможным.

Уже сейчас он понимал, что это было только начало. Он стал постигать великую истину на глубоком, фундаментальном уровне: сила для выживания должна исходить изнутри. Остальное всегда будет подводить тебя. Друзья, семья, товарищи по взводу... в конце каждый остается один. Когда нуждаешься, обратиться к себе.

Темная сторона вскармливала силу личности. Учения Мастеров ситов сделают его сильным. Угождая им, он сможет раскрыть свой абсолютный потенциал и в один прекрасный день встать в их ряды.

* * *

Первая же волна атаки застала Республиканский флот, блуждающий по орбите Руусана, врасплох. Мелкий и политически незначительный, этот густо поросший лесом мир служил базой на стадии опустошительных молниеносных атак против сил ситов, дислоцированных рядом в системе Кашииик. Теперь враг обернул их же стратегию против них самих.

Ситы ударили без предупреждения, всей своей массой материализовавшись из гиперпространства, что было почти самоубийственным маневром для такой крупной флотилии. Не успел прозвучать сигнал тревоги, как корабли Республики обнаружили, что находятся под обстрелом трех крейсеров-дредноутов, двух линкоров класса «корсар», десятков перехватчиков, и множества истребителей-«канюков». Во главе атаки стоял флагман Братства Тьмы, «ситский разрушитель» «Сумерки».

В своей медитационной сфере на борту «Сумерек», Повелитель Каан руководил наступлением. Находясь внутри, он мог поддерживать связь с каждым из кораблей, зная, что когда он отдает приказы, они будут немедленно и точно исполнены. Камера пульсировала светом и звуком: сияющие мониторы и вспыхивающие экраны непрерывно сигналили, предупреждая о постоянно меняющихся вестях сражения.

Но Темный Повелитель даже не смотрел на экраны. Его восприятие протянулось далеко за медитационную сферу, далеко за информацию, выдаваемую электронными приборами. Он знал местонахождение всех кораблей, втянутых в противостояние: своих, и тех, что принадлежали врагу. Он чувствовал каждый залп огня, каждый неуловимый поворот и крен, любое движение и контр-движение, сделанное каждым кораблем. Часто он ощущал его еще до того, как оно происходило.

Каан нахмурился в напряженной концентрации; дыхание стало неровным и порывистым. Капельки пота скатывались по телу. Нагрузка была чудовищной; и все же, несмотря на физическое истощение, медитационная сфера позволяла ему сохранять ментальный фокус, и притягивать темную сторону Силы для воздействия на ход столкновения.

Мастерство боевой медитации - оружия, дошедшего от древних ситских чародеев - приносило хаос в ряды врага, подпитывая их страх и отчаяние, круша сердца и души

холодным отчаянием. Каждый неверный ход оппонента умножался, каждое колебание превращалось в лавину погрешностей и ошибок, которые овладевали даже самыми дисциплинированными бойцами. Битва, не успев начаться, уже едва ли не подходила к концу.

Республиканский флот был в полном смятении. Два из четырех линейных кораблей класса «Молотоголовый» потеряли основные щиты при первом же стремительном налете «канюков». Теперь на них надвигались дредноуты ситов, беря внезапно уязвимых «Молотоголовых» на прицел разрушительными носовыми лазерами. Находясь на грани уничтожения, они только сейчас выпустили истребители, чтобы отразить угрозу быстро приближающихся вражеских крейсеров.

Два других линейных корабля находились под обстрелом «Гнева» и «Ярости», линкоров ситов. Перенаправляя свои тяжелые орудия, громоздкие республиканские суда рассчитывали на корабли поддержки в создании оборонительных линий для сдерживания врага. Без этих линий они были практически беззащитны против более быстрых и проворных «корсаров». «Гнев» и «Ярость» легли на вектор, который сократил количество орудий, что могли нацелить на них «Молотоголовые». Они хотели обойти их вокруг, поливая огнем из всех пушек. Если «Молотоголовые» попытаются сменить направление, чтобы навести на цель больше орудий, «корсары» развернутся и зайдут с другого вектора, нанося еще больше ущерба. Беспощадный маневр был известен как «рубка палубы», и без поддержки истребителями или линкорами, линейные корабли не смогли бы долго его выдерживать.

Помощь от республиканских линкоров, тем не менее, приходиться не спешила. Тот, что стоял на страже, уже обуглился, лишившись жизни. Он был уничтожен в первые секунды атаки прямым попаданием «Сумерек», еще до того, как смог поднять щиты. Другие два корабля, облепленные перехватчиками и обстреливаемые бортовой артиллерией флагмана, не в состоянии были продержаться дольше, чем первый.

Каан чувствовал это: панику, начавшуюся среди солдат и командиров Республики. Его атака была чистым оскорблением; стратегия наносила максимальный ущерб противнику, но оставляла собственные корабли незащищенными и уязвимыми для хорошо организованной контратаки. Но ничего подобного не предвиделось. Республиканские капитаны были не способны скоординировать усилия, неспособны создать оборонительные линии. Они не могли устроить даже приличного отступления... побег был просто невозможен. Победа была у него в руках!

А затем «Ярость» внезапно исчезла, сокрушенная взрывом, который разорвал «корсар» на части. Все произошло так быстро, что Каан - даже со сверхчувственным восприятием боевой медитации - ничего не почувствовал. «Молотоголовые» легли на уклоняющие вектора, оба невообразимым образом навели прецел на траекторию «Ярости». Один открыл огонь из носовых орудий, чтобы снять щиты «Ярости», в то время как другой выпустил туда же шквал лазерного огня, вызвав массивную детонацию, которая мгновенно уничтожила линкор. Это был блестящий маневр: находясь под безжалостной атакой, два корабля превосходно согласовали свои усилия для уничтожения общего врага. Подобное казалось просто невозможным.

Каан приказал «Гневу» уйти в уклонение; «корсар» сошел с атакующего маршрута сразу же, как только «Молотоголовые» открыли огонь, едва избежав участи собрата. Дредноуты, наступавшие на поврежденных республиканцев, тоже вынуждены были внезапно ретироваться. С грузовых палуб их предположительно беззащитной добычи сорвались четыре полных звена истребителей. Даже при идеальных условиях было бы сложно так быстро ввести истребители в бой; в этой же ситуации подобное было просто немыслимо. Но все же Каан чувствовал их: около полусотни летящих плотным строем «Ауреков», яростно атакующих дредноуты, пока отступают все четыре линейных корабля. Они создавали оборонительную линию!

Призвав на помощь могущество темной стороны, Повелитель Каан распростер свое влияние, чтобы коснуться разумов врага. Они были мрачны, но не в отчаянии. Некоторые

были напуганы, но не паниковали. Все, что он ощущал - это дисциплина, целеустремленность и решительность. И тут он почувствовал что-то еще. Чье-то присутствие в битве.

Оно было едва уловимо, но он был уверен, что его не было тут в самом начале атаки. Некто использовал Силу, чтобы поддержать боевой дух бойцов Республики. Кто-то применял светлую сторону, чтобы нейтрализовать боевую медитацию Каана и коренным образом изменить ход сражения. Только Мастер джедай мог обладать достаточной силой, чтобы оказывать сопротивление воле Повелителя ситов.

Копеж тоже почувствовал это. Устроившись в сидении истребителя-перехватчика, он кружил и кувыркался в сполохах заградительного огня противоистребительных турелей, когда присутствие Мастера джедая накрыло его волной. Оно застало его врасплох, заставив на миг потерять концентрацию. Для другого пилота это было бы фатальной ошибкой, но Копеж был не просто пилотом.

Реагируя с быстротой, порожденной инстинктом, отточенной тренировками и поддерживаемой чутьем темной стороны, он оттянул рычаг управления двигателем и с силой налег на рукоятки. Перехватчик упал в крутое пики, аккуратно поднырнув под три последовательных выстрела ионных пушек «Молотоголового». Выйдя из пики, он сделал широкий вираж и двинулся обратно к самому большому из четырех республиканских крейсеров. Джедай был там. Он чувствовал его: Сила освещала корабль, словно сигнальный маяк. И Копеж намеревался убить его.

На «Сумерках» Каан тоже сошелся в смертельной битве с Мастером джедаем, хотя их бой велся с помощью кораблей и пилотов флотилий. Республика располагала большим количеством судов с более значительной огневой мощностью; Каан рассчитывал на элемент неожиданности и боевую медитацию, чтобы дать ситам превосходство. Однако же теперь оба эти преимущества были сведены на нет. Несмотря на всю свою силу, Темный Повелитель не был искусен в редком мастерстве боевой медитации. Это был один из его талантов, и он работал над развитием всех их в равной степени. Однако оппонирующий джедай, видимо, с рождения обучался только лишь для подобного противостояния. Ход битвы понемногу изменялся, и Темный Повелитель начинал впадать в отчаяние.

Он сжал в кулак свою волю и ударил резкой волной силы темной стороны, отчаянным гамбитом, который мог снова вернуть бой под его контроль. Подстрекаемые адреналином, жаждой крови и неодолимым приказом лидера, пара «канюков» попыталась протаранить ближайшую эскадрилью «Ауреков»; они были полны решимости разорвать формацию истребителей самоубийственной атакой. Но пилоты Республики не стали впадать в панику или нарушать строй, пытаясь уклониться от безрассудного нападения. Вместо этого они встретили атаку в лоб, открыв огонь из всех орудий и испарив врага прежде, чем тот смог нанести хоть какой то урон.

На другом краю битвы перехватчик Копежа вспорол оборонительный периметр вокруг линейного корабля и его драгоценного джедайского груза, слишком быстро и проворно, чтобы быть пойманным на прицел «Ауреком» или турелью. Пройдя сквозь республиканские линии, Копеж направил корабль в самое сердце главного ангара; защитные заслонки опустились лишь долей секунды позже. Корабль крутанулся, заскользив по настилу посадочной палубы, и он открыл огонь, уничтожая почти всех солдат, имевших несчастье оказаться внутри.

Едва корабль затормозил, Копеж тотчас распахнул люк и выпрыгнул из истребителя. Проворно приземлившись на ноги, он одним плавным движением выхватил и зажег светомеч. Первая широкая дуга багряного лезвия поймала бластерный огонь двух бойцов, переживших начальную атаку, и безопасно их отклонила. Одним прыжком тви'лек преодолел шесть метров до своих противников; еще одна дуга лезвия оборвала их жизни.

Копеж помедлил, оценивая ситуацию. Искромсанные тела и разбитые вдребезги механизмы были всем, что осталось от бригады и оборудования, обслуживавших истребители Республики. Улыбнувшись, он переступил порог шлюза, ведущего во

внутреннее пространство корабля.

Быстро и уверенно он зашагал по коридорам, ведомый силой, излучаемой Мастером джедаем, как тук'ата, идущая по следу жука-визгуна. В одном из коридоров его перехватила команда безопасности. Алые знаки на их рукавах указывали на элитное отделение специально тренированных солдат: лучшие телохранители, какими располагала республиканская армия. Копеж знал об их превосходной выучке... одна из них смогла даже дважды выстрелить, прежде чем вся команда погибла от его меча.

Он вошел в большое помещение с единственной дверью. Добыча была за ней, но стоящая в центре комнаты парочка селкатов (амфибий с мира под названием Манаан) перекрыла ему путь с мечами наизготовку. Они были лишь Падаванами, но прислужниками Мастера джедая. Копеж не стал даже вступать в бой: это было ниже его достоинства. Вместо этого он просто вытолкнул вперед массивный кулак и отшвырнул их Силой. Первого Падавана оглушило ударом. К тому времени, как он неуверенно поднялся на ноги, его компаньонка была уже мертва - мощь темной стороны вытянула из нее жизнь.

Выживший Падаван отступил, когда Копеж медленно двинулся вперед. Повелитель ситов размеренным шагом пересек комнату, фокусируя свою силу. Он высвободил ее в урагане электричества, разрядами сине-фиолетовых молний окутавшего плоть несчастной жертвы. Тело селката плясало в судорогах агонии до тех пор, пока его дымящийся труп, наконец, не рухнул на пол.

Дойдя до двери в конце комнаты, Копеж отворил ее и ступил в покои для медитации. На полу, скрестив ноги, сидела пожилая женщина-цереанка, одетая в простую коричневую рясу Мастера. Ее морщинистое старческое лицо истекало потом от силы, прилагаемой на использование боевой медитации против Каана и ситов.

Изнуренная, иссушенная до дна, она не могла соперничать со склонившимся над ней Повелителем. И она не сделала ни единого движения, чтобы спастись бегством или хотя бы защитить себя. Даже умирая через несколько секунд, она сохраняла разум и силу сфокусированными целиком на битве флотилий.

Бесстрастно лишая ее жизни, Копеж не смог не восхититься ее отвагой. Ее спокойное принятие смерти лишило его победу всякого удовольствия. «Покой - это ложь», - вполголоса пробормотал он, шествуя обратно по коридорам к посадочной палубе и ожидающему его кораблю. Нужно было убраться отсюда до того, как «Сумерки» или один из кораблей разнесут «Молотоголового» на кусочки.

Смерть Мастера джедая вновь изменила ход боя. Сопротивление рушилось; ситы превратили битву в разгром, а затем и в резню. Не защищаемые больше могуществом светлой стороны Силы, республиканские солдаты были вконец деморализованы ужасом и безысходностью, которые породил в их разумах Каан. Те, что были решительны, оставили всякую надежду спасти положение, или выбраться из битвы живыми. Остальные же пребывали в таком унынии, что могли надеяться только лишь на быструю и милосердную смерть. Первые не получили того, что хотели, а вот последние получили все.

Скользнув на сидение перехватчика, Повелитель Копеж вывел истребитель из ангара за секунды до того, как линейный корабль вспыхнул в красочном и сокрушительном взрыве.

Потери ситов в этот день оказались крупнее, чем ожидалось, но победа их была абсолютна. Не один республиканский корабль, пилот или солдат не вышел из Первой Битвы при Руусане живым.

Глава 10

Способности Бэйна росли. Всего за несколько месяцев занятий он узнал многое о Силе и о могуществе темной стороны. Физически он ощущал себя сильнее, чем когда-либо. На утренних тренировочных пробегах он мог промчаться на полной скорости пять километров, прежде чем начинал тяжело дышать. Его рефлексy ускорились, разум и чувства стали невероятно остры.

При необходимости он мог пропускать через свое тело Силу, даруя ему приливы энергии, позволяющие совершать на вид невозможные вещи: делать полные сальто из положения стоя; безопасно переносить падения с невероятных высот; прыгать в высоту на десять и более метров.

Все это время он ни на миг не забывал о своем окружении, ощущая взгляды остальных. Иногда он даже чувствовал их замыслы, расплывчатые следы их истинных мыслей. Теперь он был способен поднимать в воздух предметы большего размера, и на более длительное время. С каждым уроком его могущество росло. Становилось все легче управлять Силой и подчинять ее своей воле. И с каждой неделей Бэйн осознавал, что превосходит других учеников, некогда опережавших его.

Все меньше и меньше времени он тратил в архиве, изучая древние свитки. Его первоначальное очарование ими блекло, теряясь в напряженной жизни Академии. Впитывать знания давно умерших Мастеров было малым и напрасным удовольствием. Исторические записи не шли ни в какое сравнение с ощущением возбуждения и власти, которые он чувствовал, используя Силу. Бэйн был частью Академии и Братства Тьмы. Частью настоящего, а не дремучего прошлого.

Он стал проводить больше времени среди других студентов. При этом он чувствовал, что кто-то из них испытывает зависть, хотя никто не осмеливался выступить против него. Конкуренция между студентами поощрялась, и Мастера позволяли соперничеству перетекать во враждебность и ненависть, которые разжигали темную сторону. Но для любого ученика, пойманного на вмешательстве в учебу другого студента или на ее срыве, предусматривалось суровое наказание.

Конечно же, все ученики понимали, что накажут их только лишь за небрежное поведение, которое их выдаст. Предательство молчаливо одобрялось, при условии, что оно было содеяно с достаточной ловкостью, чтобы избежать внимания преподавателей. Феноменальный прогресс Бэйна оберегал его от козней товарищей-студентов; ни кто не мог перейти ему дорогу без того, чтобы не привлечь внимание Кордиса или остальных Повелителей.

К несчастью, пристальные взгляды не давали возможности самому Бэйну прибегнуть к вероломству, манипуляции или к сходным методам, чтобы добиться большего статуса в Академии.

И все же был один дозволенный способ, с помощью которого студенты могли дискредитировать соперника: бой на светомечах. Избранное оружие как джедаев, так и ситов, светомеч был больше, чем просто клинком энергии, способным рассеять практически любой известный материал в Галактике. Он был продолжением владельца и его управления Силой. Настоящими светомечами могли пользоваться лишь те студенты, кто обладал строгой умственной дисциплиной и совершенным физическим мастерством... по крайней мере, так учили Бэйна и остальных.

Некоторые студенты почти уже заслужили мечи; но им все еще нужно было доказать свое достоинство в глазах Кордиса и других преподавателей. Хотя это и не удерживало Повелителя Каз'има - тви'лека, заслуженного Мастера клинка - от обучения студентов стилям и техникам, которые те будут использовать, едва получат оружие. Каждое утро ученики собирались на широкой, открытой крыше храма, чтобы поупражняться в занятиях и комплексных упражнениях под его бдительным оком, изо всех сил стараясь заучить экзотические маневры, которые принесут им победу на поле боя.

* * *

По лицу Бэйна уже начал стекать пот, а он все доводил себя до изнеможения. Он смахнул жгучую испарину и удвоил усилия, снова и снова рассекая перед собой воздух тренировочным мечом. Остальные ученики рядом с ним делали то же самое; каждый силился превозмочь свои физические недостатки и стать больше, чем просто бойцом с

оружием. Цель была в том, чтобы сделаться продолжением самой темной стороны.

Бэйн начал с изучения базисных техник, общих для всех семи традиционных форм владения светомечом. Первые недели он потратил на бесконечные повторения защитных позиций, верхних ударов, парирований и контрударов. Наблюдая естественные склонности своих студентов, Повелитель Каз'им определял, какая форма будет лучше всего соответствовать их стилю. Для Бэйна он выбрал Джем Со, Форму V. Пятая форма особо акцентировала внимание на силе и мощи, позволяя Бэйну использовать рост и мускулы для достижения наибольшего преимущества. Только после того, как он смог выполнять каждое движение Джем Со в соответствии с требованиями Каз'има, его допустили к настоящим тренировкам.

Теперь каждое утро, вместе с остальными студентами Академии, он проводил в отточке своей техники с тренировочным мечом под зорким взглядом Мастера клинка. Сделанные из дюрестила с притупленными гранями, тренировочные мечи были изготовлены таким образом, чтобы их баланс и вес имитировали лучи энергии, испускаемые настоящими светомечами. Крепкий удар мог нанести достаточно сильные повреждения, но поскольку светомеч работал совсем не так, каждый тренировочный клинок покрывали миллионы шипов заполненных токсином, слишком маленьких, чтобы их можно было разглядеть. Они представляли собой микроскопические спинные колючки смертоносного жука пелко - редкого насекомого, обитающего на Коррибане глубоко в песках Долины Темных Повелителей. При прямом попадании шипы могли пронзить любую материю; яд пелко немедленно оставлял на плоти ожог с волдырем. При инфицировании моментально наступал временный паралич, делающий практически бесполезной любую пораженную конечность. Это обеспечивало превосходную возможность симитировать эффект потери кисти, руки или ноги от лезвия светомеча.

Утро наполнялось ворчанием учеников и беспрестанным свистом, когда их клинки разрубали воздух. Отчего-то это напомнило Бэйну о его военной муштре: группа солдат собиралась и проводила строевую подготовку, до тех пор, пока их движения не становились инстинктивными.

Но здесь в Академии не было и следа товарищества. Ученики соперничали, открыто и без затей. Во многих отношениях это мало чем отличалось от его жизни на Апатросе. Впрочем, теперь изоляция того стоила. Ведь здесь учили секретам темной стороны.

- Неверно! - вдруг рявкнул Каз'им. Он прохаживался взад-вперед между рядами тренирующихся учеников, но сейчас остановился возле Бэйна. - Бей со злостью и меткостью! - Он протянул руку и схватил запястье Бэйна, резко повернув его и изменив угол клинка. - Ты действуешь слишком напряженно! - фыркнул он. - Здесь *нет* места для ошибки!

Он задержался перед Бэйном на пару секунд, наблюдая за тем, как его урок был усвоен. После нескольких напористых выпадов Бэйна с измененной хваткой, Мастер клинка одобрительно кивнул и продолжил обход.

Бэйн воспроизводил единственное движение снова и снова, стараясь сохранять высоту и угол лезвия в точности, как показал ему Каз'им. Напрягая мышцы бесконечными повторами, он добивался того, чтобы те воссоздавать движение безупречно каждый раз без исключения. Только тогда он сможет достичь до того уровня, чтобы соединить все в более сложные маневры.

Вскоре Бэйн уже тяжело дышал от собственных усилий. Физически тренировочные сеансы Каз'има не шли ни в какое сравнение с долбежкой отбойным молотком кортозисной жилы по несколько часов кряду. Но с другой стороны, они были гораздо изнурительнее. Они требовали глубокой сосредоточенности, внимания к деталям, находившимся далеко за гранью восприятия. Истинное мастерство клинка требовало союза как тела, так и разума.

Бой Мастеров на световых мечах всегда был столь стремительным, что ни взгляд, ни даже мысль не могли уследить за ним. Движениями бойцов управлял инстинкт - тело защищалось и атаковало, не дожидаясь медлительного сознания. И Каз'им, добиваясь от студентов должного уровня, заставлял их тщательно прорабатывать серию ударов и

уклонений, взятых из их избранного стиля. Связки разрабатывал сам Мастер клинка, так, чтобы каждый маневр плавно перетекал в следующий, максимально увеличивая эффективность атаки, но сводя к минимуму защиту.

Использование в бою последовательностей позволяло студентам освобождать свой разум от мыслей, в то время как их тела автоматически продолжали выполнять движения. Применять связки было эффективнее и быстрее, чем обдумывать и выполнять каждый удар или блок по отдельности. Это давало огромное преимущество над оппонентом, не знакомым с техникой.

Впрочем, тщательное изучение каждой новой последовательности было долгим и усердным процессом. У многих это занимало от двух до трех недель тренировок, и даже больше, если связка происходила из стиля, который студент все еще старался одолеть. Даже крохотная ошибка в малейшем движении могла обрушить всю последовательность.

Каз'им заметил потенциально фатальную брешь в технике Бэйна. Теперь Бэйн был полон решимости устранить ее, даже если это означало, что он потратит на тренировки часы собственного времени. Он был непреклонен в стремлении к совершенству - и не только в боевых, но и во всех своих учебных занятиях. У него была цель.

- Достаточно, - объявил Каз'има.

По этой команде все студенты замерли и обратили внимание на Мастера клинка. Он стоял во главе группы, лицом к ним.

- Можете передохнуть несколько минут, - сказал он. - После этого начнутся дуэли.

Бэйн, как и все остальные, опустился на землю, скрестив под собой ноги. Положив тренировочный меч перед собой, он закрыл глаза и ускользнул в легкий транс, привлекая темную сторону, чтобы наполнить силой ноющие мышцы и освежить утомленный разум.

Он позволил энергии течь через себя, дав своему рассудку плыть по течению. Как это часто бывало, течение отнесло его туда, где он в первый раз коснулся темной стороны. Это было не слепое легкое прикосновение, что посещало его на Апатросе или в бытность его солдатом, а истинное осознание Силы.

Это был его третий день в Академии. Он использовал медитативные техники, которые изучил днем ранее, когда вдруг ощутил что-то. Это было подобно прорыву плотины, яростный поток которой затопил его, унося прочь все его недостатки: слабость, страх, неуверенность в себе. В тот момент он понял, почему он здесь. В тот момент его трансформация из Деса в Бэйна, из простого смертного в одного из ситов, началась.

Через мощь я познаю победу.

Через победу мои оковы рвутся.

Бэйн знал об оковах все. Одни были очевидны: незаботливый изверг-отец; изнурительные смены на рудниках; долги безликой, беспощадной корпорации. Другие более туманны: Республика с ее идеалистическими обещаниями лучшей жизни, которые никогда не осуществлялись; джедаи с их обетом избавить Галактику от несправедливости. Даже друзья среди Мракоходов были чем-то вроде пут. Он заботился о них, нес за них ответственность. И какой же толк от них был в конце, когда он больше всего в них нуждался?

Теперь он уяснил, что личные привязанности лишь сдерживали его. Друзья были обузой. Он может положиться только на самого себя. Ему надо развивать свой собственный потенциал. Собственную силу. В конце-концов, именно к этому все и придет. К могуществу. А темная сторона, прежде всего, обещала могущество.

Он услышал рядом с собой движение; мягкое шуршанье ряса учеников, поднимающихся из медитативных поз и направляющихся к дуэльному рингу. Схватив свой тренировочный меч, он вскочил на ноги, чтобы присоединиться к ним.

В конце каждого занятия класс собирался на широком, неровном круге на вершине храма. Каждый студент мог ступить в него и бросить вызов любому. Каз'им внимательно наблюдал за дуэлями, и по их окончании проводил для класса анализ боя. Те, кто побеждал, получали поощрение, а их статус в неофициальной иерархии Академии повышался. Те, кто

терпел поражение, наказывались за свой промах, а заодно и теряли престиж.

Когда Бэйн только начал свое обучение, многие студенты горячо призывали его на поединок. Они знали, что он был неофитом в Силе, и горели желанием побить мускулистого гиганта на глазах своих товарищей. Первое время он отклонял вызовы. Бэйн знал, что это был самый быстрый способ заработать престиж в Академии, но у него хватало ума не ввязываться в бой, из которого не было шанса выйти победителем.

Однако в минувшие месяцы он усердно работал, изучая свой стиль и доводя до совершенства свою технику. Он быстро разучивал новые последовательности, и когда сам Каз'им отметил его прогресс, Бэйн почувствовал в себе достаточную уверенность, чтобы начать принимать вызовы. Он не всегда выходил победителем, но выиграл гораздо больше дуэлей, чем проиграл, медленно восходя по ступенькам к вершине лестницы. Сегодня он ощутил готовность сделать следующий шаг.

Ученики столпились кольцом в три ряда, оставив около десяти метров пространства в центре. Каз'им вышел на середину. Он не сказал ни слова, а лишь склонил голову в знак того, что настало время для начала поединков. Бэйн ступил в центр до того, как кто-нибудь смог пошевелиться.

- Я вызываю Фогара, - огласил он дерзким тоном.

- Принимаю, - донесся ответ откуда-то с противоположной стороны толпы.

Ученики расступились, давая пройти дуэлянту. Каз'им отвесил полупоклон каждому из бойцов и отступил к краю открытого участка, оставляя им больше простора.

Фогар был макуртом. Во многом он напоминал Бэйну трандошан, против которых он сражался вместе с Мракоходами. Обе расы были двуногими ящероподобными гуманоидами, с зеленой чешуей, похожей на кожу. Но макурты помимо этого обладали четырьмя изогнутыми рогами, растущими из макушки.

Ранее Бэйн уже сражался против Фогара - и потерпел поражение. Болезненное.

Макурт по природе своей был ночным созданием. Однако, как и шахтеры ночной смены на Апаторсе, он приспособился к неестественному режиму дня, чтобы обучаться вместе с остальными учениками Академии. В первом бою Бэйн недооценил Фогара, ожидая, что тот будет вялым и медлительным при свете дня. Второй раз он этой ошибки не допустит.

Пока Каз'им и ученики молча наблюдали, двое бойцов кружили друг перед другом на ринге, выставив тренировочные мечи в стандартных изготовочных позициях. Дыхание макурта перешло в сопение и хрип, ноздри расширились - так он пытался запугать своего противника-человека. Время от времени он издавал низкий рык и качал четырехрогой ящерной головой, сверкая хищными зубами. В прошлый раз, когда он столкнулся с этим зеленым, пыхтящим демоном, Бэйна испугало притворство Фогара. Теперь же он просто игнорировал позерство.

Бэйн сделал выпад простым верхним ударом, но Фогар отреагировал быстрым парированием, отклонив его в сторону. Вместо треска и гудения пересекающихся лезвий чистой энергии, при столкновении дуэльных мечей раздался громкий лязг. Бойцы тотчас отпрянули друг от друга и вновь вернулись в выжидательные позиции.

Бэйн бросился вперед, его клинок прошел по диагонали справа налево по длинной, быстрой дуге. Фогар сумел перенаправить удар своим оружием, но потерял равновесие и отшатнулся назад. Бэйн постарался закрепить свое преимущество, его тренировочный меч понесся по дуге слева направо. Его оппонент отскочил на безопасное расстояние, создав между ними пространство. Бэйн оборвал наполовину выполненную последовательность и вернулся на изготовку.

На Апаторсе скрытые способности Силы позволяли ему предвидеть поступки противников и противодействовать им. Здесь же каждый оппонент пользовался тем же преимуществом. В итоге, победа требовала сочетания Силы и мускул.

Бэйн работал над достижением физического мастерства на протяжении всех последних месяцев. По мере того как умение росло, все меньше и меньше умственной энергии уходило на материальное выполнение ударов, парирований и контрударов. Это концентрировало его

разум. Таким образом, он мог использовать Силу, опережая действия своих противников, в то же самое время затмевая и сбивая с толку их превентивные чувства.

В последний раз, когда он встречался с Фогаром, Бэйн был еще новичком. Он выучил лишь ничтожную долю последовательностей. Теперь он знал их почти сотню, и был способен плавно переходить от одной к другой, открывая обширную серию атакующих и защитных комбинаций. А увеличившееся количество вариантов еще больше усложняло врагу использование Силы для предугадывания его действий.

Фогар, несмотря на свой ужасающий внешний вид, был меньше и легче, чем его соперник-человек. Подавленный грубой силой Формы V Бэйна, он вынужден был полагаться на оборонительный стиль Формы III, чтобы не подпускать напористых атак своего более крупного противника.

Быстро вращая тренировочный меч, Бэйн подпрыгнул высоко в воздух и стремительно обрушился на врага. Фогар отразил атаку, но рухнул на землю. Он перекатился на спину, и едва сумел вовремя поднять меч, чтобы заблокировать следующий резкий выпад. Металл запел, когда удары Бэйна посыпались дождем. Макурт удержал его от нанесения прямого удара мастерским защитным шквалом, затем, сделав подсечку, сбил Бэйна с ног, уложив их обоих на спины.

Они вскочили на ноги одновременно, зеркальным отражением; их клинки встретились с очередным оглушающим грохотом, прежде чем они вновь отстранились друг от друга. Со стороны собравшейся толпы донеслись отрывистый шепот и бормотание, но Бэйн постарался отрешиться от них. Они думали, что бой окончен... так думал и сам Бэйн. Он был разочарован, что не смог прикончить павшего противника, но знал, что победа уже близко. Живучесть Фогара до добра не довела: он отрывисто дышал, плечи поникли.

Бэйн снова бросился на него. Однако в этот раз макурт не отступил. Он шагнул вперед, и сделал быстрый выпад, перейдя из Формы III к более точной и агрессивной Форме II. Неожиданным маневром он застал Бэйна врасплох, и тот на какой-то миг промедлил с осознанием перемены. Попытка парировать удар отразила лезвие, направленное ему в грудь, но только для того, чтобы оно вспорол его правое плечо.

Толпа загалдела, Фогар издал победный рык, а Бэйн, завопив от боли, выронил меч из внезапно обессиливших пальцев. Фогар отшатнулся и Бэйн откатился на безопасное расстояние.

Кое-как поднявшись на ноги, Бэйн протянул свою левую руку к тренировочному мечу, лежащему на земле в трех метров от него. Тот, подскочив в воздух, лег ему в ладонь; Бэйн снова встал на изготовку. Правая рука бесполезно повисла. Некоторые ситы обучались сражаться обеими руками, но Бэйн еще не достиг этой стадии. Сжимаемое в ладони оружие казалось неуклюжим и неповоротливым. С мечом в левой руке он не был соперником Фогару. Бой был окончен.

Его противник тоже почувствовал это.

- Поражение не сладко, человек, - прорычал он на Основном глубоким и грозным голосом. - Я одолел тебя; ты проиграл.

Он не просил Бэйна сдаться; о капитуляции не было и речи. Он попросту насмехался над ним, публично унижая его перед другими студентами.

- Ты тренировался неделями, чтобы вызвать меня на дуэль, - продолжал Фогар, давя еще больше. - Ты провалился. Победа снова моя.

- Ну, так иди и прикончи меня! - выкрикнул в ответ Бэйн.

Ничего другого он сказать не мог. Все, что враг выговаривал на своем неуклюжем Основном, было правдой, и слова резанули гораздо глубже, чем могло это сделать притупленное лезвие тренировочного меча.

- Это закончится, когда я решу, - отозвался макурт, отказываясь поддаваться искушению.

Глаза остальных учеников жгли Бэйна; он чувствовал, как их пристальные взоры впитывают его страдание. Они были в большой обиде, в обиде на завышенное внимание,

которое доставалось ему от учителей. Теперь они наслаждались его поражением.

- Ты слаб, - пояснил Фогар, между делом выписывая своим мечом сложные замысловатые узоры. - Предсказуем.

Остановись! - хотел закричать Бэйн. - *Закончи с этим! Прикончи меня!* Но, несмотря на эмоции, бушующие в нем, он отказался доставить противнику удовольствие, сказав ему хоть что-то в ответ. Вместо этого он позволил совершенно бесполезному мечу вновь упасть на землю. Вдалеке он видел сосредоточенно наблюдающего Мастера клинка, переполненного любопытством увидеть, как именно это противостояние достигнет неминуемого конца.

- Учителя балуют тебя. Они уделяют тебе лишнее время и внимание. Больше, чем остальным. Больше, чем мне.

Бэйн уже не разбирал слов. Его сердце стучало так громко, что он слышал, как кровь мчится по венам. Буквально сотрясаясь в бессильной ярости, он опустил голову и припал на одно колено, выставив свою обнаженную шею.

- Несмотря на это, ты по-прежнему ниже меня... *Бэйн* из ситов... *проклятие* ситов.

Бэйн. Что-то было в том, как Фогар произнес это, что побудило Бэйна поднять взгляд. Он сказал это так же, как имел обыкновение говорить отец.

- Это имя - мое, - прошептал Бэйн низким и грозным голосом. - Никто не смеет использовать его против меня.

Фогар то ли не услышал его, то ли проигнорировал. Он медленно шагнул вперед.

- *Проклятый*. Никчемный. Ничего не стоящий. Мастера тратят на тебя свое время. Время, которое лучше бы проводить с остальными студентами. Хорошее у тебя имя, потому что ты и вправду проклятие этой Академии!

- Нет! - завопил Бэйн, вытолкнув вперед здоровую руку в тот самый момент, когда Фогар подскочил, чтобы прикончить его. Энергия темной стороны вырвалась из раскрытой ладони и застигла его противника, отшвырнув к краю толпы, где тот приземлился у ног Каз'има.

Мастер наблюдал за всем с заинтересованным, но настороженным выражением. Бэйн медленно стиснул кулак и поднялся на ноги. На земле перед ним Фогар корчился в агонии, хватаясь за горло и отчаянно ловя воздух.

В отличие от макурта, Бэйну было нечего сказать своему беззащитному оппоненту. Он плотнее сжал кулак, чувствуя, как Сила струится сквозь него подобно ветру, когда он вытягивал жизнь из своего врага. Каблуки Фогара выстукивали дробь по камням храмовой крыши, пока его тело билось в конвульсиях. Он начал издавать булькающие звуки, а из орта ключом забила розовая пена.

- Достаточно, Бэйн, - сказал Каз'им холодным, ровным голосом.

Хотя он стоял возле студента, бьющегося в смертельной агонии, его глаза приковались к тому, кто был на ногах.

Финальный порыв энергии взревел в душе Бэйна и вырвался наружу. В ответ тело Фогара в последний раз дернулось, и его глаза закатились. Бэйн освободил хватку Силы над павшим противником, и тело макурта обмякло, когда угасли последние остатки его жизни.

- Вот теперь достаточно, - произнес Бэйн, повернувшись спиной к трупу и направившись к лестнице, которая вела внутрь храма. Кольцо студентов немедленно разомкнулось, открыв ему дорогу. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, что Каз'им наблюдает за ним с еще большим интересом.

* * *

Бэйн ощутил присутствие кого-то, следующего за ним вниз по лестнице, задолго до того, как услышал шаги. Он не сменил темпа, но остановился на первой же лестничной площадке и повернулся к неизвестному лицу. Он почти ожидал увидеть Повелителя Каз'има, но вместо Мастера клинка обнаружил, что смотрит прямо в оранжевые глаза

Зирака, еще одного ученика Академии. Или, скорее, лучшего ученика Академии.

Зирак был одним из трех забраков, обучающихся на Коррибане. Забракам обычно предписывались амбициозность и надменность (возможно, именно эти характерные черты и делали чувствительных к Силе представителей их расы такими могучими в путях темной стороны), и Зирак являлся превосходным воплощением этих характеристик. Он был самым сильным из троицы. Куда бы Зирак ни пошел, двое других обычно сопровождали его, плетясь хвостом, словно покорные слуги. Они составляли красочное трио: краснокожие Ллокай и Йевра, и бледно-желтый Зирак. Но сейчас эта парочка, видимо, отсутствовала.

Ходили слухи, что Зирак приступил к изучению темной стороны под руководством Кордиса почти двадцать лет назад, еще задолго до того, как Академию на Коррибане вернули к жизни. Бэйн не знал, были ли слухи правдивы, и не думал, что будет мудро об этом спрашивать. Иридонинский брак был не только могущественным, но и опасным. До сих пор Бэйн старался не привлекать внимания самого продвинутого студента Академии. По-видимому, эта стратегия перестала быть эффективной.

Напор адреналина, который он ощущал, обрывая жизнь Фогара, сходил на нет. Так же как самоуверенность, и чувство непобедимости, что привели его к столь драматичному исходу. Бэйн не испугался, когда брак приблизился к нему, но насторожился.

В тусклом факельном свете храма, бледно-желтая кожа Зирака приобрела нездоровый, восковой оттенок. Это воскресило воспоминания Бэйна о начале работы на шахтах Апатроса. Бригада из пяти человек - трех мужчин и двух женщин - попала в ловушку в пещере. Они пережили обвал туннеля, забившись в укрепленную безопасную полость, вырытую в скале, но ядовитые пары, вырвавшиеся на свободу при обвале, просочились в их убежище и убили всех до того, как спасательные команды смогли их откопать. Их распухшие трупы были точно такого же цвета, что и кожа Зирака: цвета медленной, мучительной смерти.

Бэйн потрянул головой, отгоняя воспоминания. Та жизнь принадлежала Десу, а Дес был мертв.

- Чего ты хочешь? - спросил он, стараясь сохранять голос спокойным.

- Ты знаешь, почему я здесь, - раздался холодный ответ. - Фогар.

- Он был тебе другом?

Бэйн был неподдельно смущен. За исключением своих дружков-забраков, Зирак редко общался с другими студентами. По сути, многие обвинения Фогара, направленные на Бэйна - такие, как большее внимание учителей - могли быть с легкостью обращены и на Зирака.

- Макурт был ни другом, ни врагом, - пришел надменный ответ. - Он был не достоин моего внимания, как и ты. До сих пор.

Бэйн ответил лишь твердым, немигающим взглядом. Мерцающий свет факелов, отражающийся от зрачков брака, производил впечатление голодных языков пламени, пляшущих внутри его черепа.

- Ты интригующий противник, - прошептал Зирак, подступив на шаг ближе. - Весомый... по крайней мере, в сравнении с остальными здешними «учениками». Теперь я наблюдаю за тобой. Я жду.

Он медленно протянул руку и надавил пальцем в грудь Бэйна. Тот поборол побуждение отступить назад.

- Я не принимаю вызовов, - продолжал брак. - Мне не нужно испытывать себя против более слабого оппонента. - Сверкнув жуткой улыбкой, он убрал свой палец и сделал шаг назад. - Впрочем, когда ты одурачишь себя тем, что готов, то неизбежно вызовешь меня на бой. Я буду ждать этого с нетерпением.

С этими словами он прошел по узкой площадке мимо Бэйна, и, словно не замечая, слегка толкнул его плечом, продолжив затем спуск вниз по лестнице.

Сообщение, донесенное этим легким ударом, не было упущено Бэйном. Он знал, что Зирак пытается запугать его... и побудить к противоборству, к которому Бэйн не был готов. Он не собирался попадаться в ловушку. Вместо этого он неподвижно стоял на площадке, отказываясь обернуться и посмотреть на Зирака. Только когда Бэйн услышал звуки

остального класса спускающегося с крыши, он снова пошевелился. Развернувшись на каблуках, он пошел по лестнице на нижние уровни в уединение своей комнаты.

Глава 11

Следующим утром Бэйн отсутствовал на храмовой крыше, когда остальные студенты занимались фехтованием. Повелитель Кордис хотел побеседовать с ним. С глазу на глаз.

Он шел на эту встречу по абсолютно пустым коридорам Академии. Внешне Бэйн был абсолютно спокоен и уверен. Внутренне он был очень напряжен.

Всю ночь Бэйн пролежал в безмолвии и темноте своей комнаты, снова и снова прокручивая дуэль у себя в голове. Освободившись от эмоций боя, он понял, что зашел слишком далеко. Он доказал свое превосходство над Фогаром, ударив по нему Силой; этим он уже достиг многого. Макурт никогда бы не осмелился вновь бросить ему вызов. Бэйн мог бы остановиться. Но он этого не захотел.

В тот момент он не чувствовал ни малейшей вины за собственные действия. Никакого сожаления. Но как только кровь остыла, что-то внутри заставило думать, что он поступил неправильно. Действительно ли Фогар заслужил смерти?

Но в то же время он отказывался признавать свою вину. Он не испытывал симпатии к макурту. Никаких чувств вовсе. Фогар был никем, лишь помехой прогрессу Бэйна. Помехой, которая была устранена.

В тот момент он всецело отдал себя темной стороне. Это было нечто большее, чем просто ярость или жажда крови. Это лежало глубже, внутри, в его душе. Он потерял рассудок и контроль... но тогда это казалось *правильным*.

Бэйн провел длинную бессонную ночь, стараясь примирить два чувства: торжество и раскаяние. Но когда этим утром он получил вызов, внутренний конфликт оттеснился более срочными делами.

Смерть Фогара не пройдет бесследно. Бой должен испытывать учеников, закалять их характер напряжением и болью. Убийство при этом не подразумевалось. Все без исключения ученики Академии, от Зирака до самого последнего студента, могли стать Мастерами. Каждый обладал крайне редким даром темной стороны - даром, который следовало использовать против джедаев, а не друг друга.

Убив Фогара, Бэйн пробил брешь в рядах потенциальных Мастеров. Он нанес серьезный удар по военной кампании. Каждый ученик в Академии ценился даже больше, чем целая дивизия солдат. Он уничтожил бесценное оружие. И, как подозревал Бэйн, за это он будет жестоко наказан.

Пока он шел на встречу, которая решала его судьбу, он старался забыть страх и вину. Ничто из того, что он сейчас сделает, не сможет вернуть Фогара обратно. Макурт погиб, но Бэйн был еще здесь. И выжившим был он. Ему надо быть сильным. Ему надо найти какой-нибудь способ, чтобы оправдать свой поступок перед Повелителем Кордисом.

Он старался подобрать аргументы. Фогар был слаб. Бэйн не просто убил его: он разоблачил его. Кордис и другие Мастера поощряли соперничество и распри среди своих подопечных. Они понимали ценность брошенного вызова и самого состязания. Те, кто подавал надежды - индивиды, стоящие выше остальных - вознаграждались. Они обучались с учителями один на один, для того, чтобы достичь своего полного потенциала. Те же, кто не поспевал, забывались. Таков был путь темной стороны.

Смерть Фогара была всего лишь естественным развитием философии темной стороны. Она была окончательным поражением - его поражением. Почему же Бэйна должны винить за чужую слабость?

Он ускорил темп, стиснув зубы в яростном разочаровании. Не удивительно, что его эмоции так противоречат друг другу. Учения Академии сами по себе были противоречивы. Темная сторона не допускала ни милосердия, ни прощения. Хотя от учеников ожидалось, что они отступят, едва взяв верх над оппонентом на дуэльном ринге. Это было неправильно.

Бэйн подошел к двери Кордиса. Он задержался, стараясь сделать выбор между неизбежностью наказания и злостью на возмутительную ситуацию, в которую его и всех остальных учеников вовлекали каждый день.

Гнев, решил он, наконец, послужит ему лучшим образом.

Он коротко постучал в дверь и, когда изнутри донеслось разрешение войти, отворил ее. Кордис преклонил колени в центре комнаты, погружившись в глубокую медитацию. Бэйн был в этой комнате и прежде, и не мог не восхититься ее экстравагантностью. Стены украшали дорогие гобелены и ковры. Кругом, придавая тусклое сияние туманному воздуху, беспорядочно стояли золотые жаровни и курильницы, в которых жглись густые благовония. В одном из углов покоилась широкая роскошная кровать. В другом стоял искусно гравированный стол из обсидиана, с небольшим ларем на поверхности.

Крышка ларя была открыта, обнажая лежащие внутри ювелирные изделия: ожерелья и цепочки из драгоценных металлов, кольца из золота и платины, инкрустированные полудрагоценными камнями. Кордис приложил большие усилия не только для того, чтобы окружить себя материальными благами и богатым убранством, но и для того, чтобы обратить на все это чужое внимание. Бэйн подозревал, что Повелитель ситов в какой-то мере получал удовольствие (и силу) от завистливого вождения и алчности, вселяемых в остальных его имуществом.

Впрочем, безделушки для Бэйна не представляли интереса. Его больше впечатляли манускрипты и тома, рядами стоящие на полках вдоль стены; каждая из великолепных книг была обтянута кожей с золотым тиснением. Многие тома насчитывали тысячи лет, и он знал, что они содержали секреты древних ситов.

Повелитель Кордис, наконец, поднялся на ноги и выпрямился, взглянув сверху вниз на студента серыми, впалыми глазами.

- Каз'им рассказал мне о том, что произошло вчера утром, - произнес он. - Он сказал мне, что ты несешь ответственность за смерть Фогара.

Тон его голоса не сказал Бэйну ровным счетом ничего относительно его эмоционального состояния.

- Я не могу нести за это ответственность, - спокойно ответил Бэйн. Он был зол, но не глуп. Следующие свои слова он подбирал очень осторожно; он хотел убедить Повелителя Кордиса, а не привести его в ярость. - Фогар опустил защиту. Он оставил себя уязвимым на ринге. Было бы проявлением слабости не воспользоваться этим.

Это было не совсем правдой, но достаточно близко к ней. Одним из первых уроков, которые преподавал студентам Каз'им, было сооружение вокруг себя защитного экрана, который не даст врагу использовать Силу. Одаренный Силой оппонент мог вырвать твой светомеч, сбить тебя с ног, или даже потушить клинок меча, не касаясь рукой и не используя оружия. Щит Силы был самой главной и самой необходимой защитой из всех.

Она стала для всех учеников инстинктом, почти что их второй сущностью. Как только клинок опускался, поднимался защитный покров. Оборона от силового натиска противника и сокрытие собственных действий требовали столько же концентрации и энергии, сколько и увеличение физической отваги или предугадывание движений соперника. Это была та невидимая часть боя, незримая битва умов (а не банальное противостояние тел и клинков), которая почти всегда определяла исход дуэли.

- Каз'им говорил, что Фогар не опускал защиты, - парировал Кордис. - Он сказал, что ты просто прорвался через нее. Его оборона не смогла устоять перед твоей мощью.

- Мастер, вы хотите, чтобы я был сдержанным, когда мой противник слаб?

Это был довольно провокационный вопрос. На который Кордис даже не потрудился ответить.

- Одно дело, поразить оппонента на ринге. Но даже после его падения, ты продолжил атаковать его. Он был побежден задолго до того, как ты совершил убийство. То, что сделал ты, нисколько не отличается от поражения мечом павшего и бессознательного врага... подобное не допускается на тренировках.

Слова попали почти в цель, воскресив чувство вины, которое Бэйн старался похоронить как раз по пути сюда. Кордис молчал, ожидая хоть какой-то реакции. А Бэйну надо было дать ответ. Но единственное, что приходило на ум, это вопрос, который мучал его все сумеречные часы перед рассветом.

- Каз'им знал, что происходит. Он видел, что я делаю. Почему он не остановил меня?

- И в самом деле, почему? - спокойно ответил Кордис. - Повелитель Каз'им хотел увидеть, что произойдет. Он хотел увидеть, как ты поведешь себя в этой ситуации. Будешь ли ты милосердным... или сильным.

И вдруг Бэйн понял, что он был вызван в покои Мастера не для наказания.

- Я... не понимаю. Я думал, что запрещено убивать другого ученика.

Кордис кивнул.

- Нам не нужны студенты, нападающие друг на друга в коридорах; мы хотим, чтобы ваша ненависть была направлена против джедаев, а не против друг друга.

Слова вторили аргументу, к которому Бэйн пришел всего лишь несколько минут назад. Но то, что последовало дальше, он никак не ожидал.

- Несмотря на это, смерть Фогара может стать незначительной утратой, если поможет тебе раскрыть твои полные возможности. Для тех, кто силен в темной стороне, можно сделать исключение.

- Как Зирак? - спросил Бэйн. Слова вылетели непроизвольно, и он даже не успел осознать, что сказал.

К счастью, вопрос скорее позабавил Кордиса, нежели оскорбил его.

- Зирак понимает мощь темной стороны, - сказал он с улыбкой. - Тьму питают страсти.

- Покой - это ложь, есть только страсть, - заученно проговорил Бэйн. - Через страсть я познаю силу.

- Совершенно верно. - Кордис, казалось, был доволен, хотя сложно было сказать, собой ли, или своим студентом. - Через силу я познаю мощь; Через мощь я познаю победу?

- Через победу мои оковы рвутся, - почтительно продекламировал Бэйн.

- Уясни это - *по настоящему уясни это* - и возможности твои будут безграничны!

Кордис освобождающе взмахнул рукой, затем снова уселся на коврик для медитации, едва Бэйн повернулся, чтобы уйти. У самой двери молодой человек помедлил и обернулся.

- Кто такой сит'ари? - выпалил он.

Кордис склонил голову набок.

- Где ты слышал это слово? - его голос стал серьезным.

- Я... я слышал, как его употребляли некоторые студенты. О Зираке. Они говорили, что он может быть сит'ари.

- Некоторые из старых текстов рассказывают о сит'ари, - медленно ответил Кордис, указывая окольцованным когтем на книги, расставленные по комнате. - Говорят, что ситов однажды возглавит совершенное создание, тот, кто воплотит темную сторону и все, за что мы боремся.

- Зирак и есть это совершенное создание?

Кордис пожал плечами.

- Зирак - сильнейший студент Академии. На данный момент. Быть может, со временем он превзойдет Повелителя Каз'има и меня, равно как и всех остальных Повелителей. А может, нет. - Он сделал паузу. - Многие из Мастеров не верят в легенду о сит'ари, - через мгновение продолжил он. - Повелитель Каан тоже отрицает ее. Она идет вразрез с философией, лежащей в основе Братства Тьмы.

- А вы, Мастер? Вы верите в легенду?

Бэйн ждал, пока Кордис обдумывал ответ. Казалось, это длилось вечность.

- Такие вопросы слишком опасны, чтобы задавать их, - наконец, вымолвил Темный Повелитель. - Но если сит'ари больше, чем легенда, он не родится, уже имея в голове все наши учения. Он должен пройти через тигль испытаний и битв, чтобы достигнуть такого совершенства. Кое-кто мог бы сказать, что подобное обучение - цель этой Академии. Но я не

согласился бы, заявив, что мы тренируем наших учеников для того, чтобы те примкнули к рядам Повелителей ситов. Тренируем с той целью, чтобы они могли встать бок о бок с Кааном и остальным Братством.

Поняв, что этот ответ был не хуже того, что он намеревался получить, Бэйн поклонился и покинул покои. Его освободили от преступления, одарили прощением благодаря его силе и потенциалу. Ему следовало бы ликовать, торжествовать. Но, по какой-то причине, все, о чем он мог думать, направляясь на крышу к другим студентам, было неприятное бульканье предсмертных вздохов Фогара.

* * *

Этой ночью, в уединении комнаты, Бэйн изо всех сил старался отыскать смысл произошедшего. Он искал глубинную мудрость за словами Мастера. Кордис сказал, что его эмоции - его гнев - позволили призвать силу, чтобы одолеть Фогара. Он сказал, что темную сторону питает страсть. Бэйн испытывал подобное слишком часто, потому знал, что это правда.

Но он не мог отделаться от ощущения, что здесь было и нечто большее. Он не считал себя бессердечным. Он не верил, что был беспощадным или жестоким. Но как еще объяснить то, что он сделал с беспомощным макуртом? Это было убийство, или казнь... и Бэйн никак не мог найти правильный ответ.

У него на руках было много крови: он убил сотни, может даже тысячи республиканских солдат. Но то была война. И убитый на Апатросе энсин был лишь актом самозащиты. Все это были случаи из разряда «убей или будь убитым», и он не испытывал никакого сожаления о содеянном. Но то, что произошло вчера, было иным.

Как он ни старался, он не мог найти оправдание случившемуся на ринге. Фогар насмеялся над ним, вскармливая его гнев и смертоносную ярость. И все же, он не мог извинить себя даже тем, что был захвачен накалом страстей. Возможно, он не был с собой честен. Притягивая темную сторону, он чувствовал бушующие в себе эмоции, но само деяние было холодным и обдуманым. Даже расчетливым.

Лежа в кровати, Бэйн задавался вопросом, были ли взаимоотношения между страстью и темной стороной более сложными, чем пояснил Кордис? Он закрыл глаза, снова вернувшись мыслями к произошедшему. Дыша медленно и глубоко, он постарался оставаться спокойным и бесстрастным, чтобы проанализировать свои ошибки.

Он был унижен и оскорблен, и отплатил гневом. Гнев позволил ему призвать темную сторону, чтобы ударить ею по врагу. Он помнил чувство восторга, триумфа, когда Фогара отшвырнуло прочь по воздуху. Но было и что-то еще. Даже после победы его ненависть продолжала расти, вздымаясь словно пламя, потушить которое можно было только кровью.

Темную сторону питала страсть, но что если страсть точно так же питала и темную сторону? Эмоции приносили силу, но эта сила множила интенсивность эмоций... которые вкуче давали увеличение силы. При подходящих обстоятельствах это могло создать цикл, который завершится только тогда, когда человек достигнет пределов возможностей управления Силой - или когда цель его гнева и ненависти будет уничтожена.

Несмотря на тепло в комнате, по спине Бэйна пробежал холодок. Как вообще возможно было вмещать или контролировать силу, питающую саму себя? Чем больше он, как ученик, будет учиться привлекать Силу, тем больше его будут контролировать эмоции. Чем сильнее человек станет, тем менее рационален он будет. Это неизбежно.

Нет, - подумал Бэйн. Он что-то упустил. Должен был упустить. Если это было правдой, Мастера обучали бы студентов техникам ухода от таких ситуаций. Обучали бы дистанцировать себя от собственных эмоций, даже если те использовались для призыва темной стороны. Но в его обучении не было ничего похожего, так что анализ Бэйна, скорее всего, неверен. Должен быть неверен!

Отчасти успокоившись, Бэйн позволил комфорту сна поглотить свои мысли.

* * *

- Меня от тебя тошнит! - сплюнул отец. - Погляди, как много ты жрешь! Да ты еще хуже, чем паршивая зуккская свинья!

Дес старался игнорировать его. Он сгорбился на стуле за обеденным столом и сосредоточился на еде, запихивая в рот то, что можно было подцепить вилкой.

- Ты слышал меня, пацан? - фыркнул отец. - Думаешь, эта еда перед тобой бесплатная? Я ее оплачиваю, знаешь ли! Я надрывался каждый день недели, но я сейчас должен даже больше, чем в начале этого поганого месяца!

Харст был пьян, как обычно. Его глаза остекленели, и от него по-прежнему несло рудниками; он не потрудился даже принять душ, перед тем как приложиться к бутылке, которую прятал под одеялом на своей койке.

- Ты что хочешь, чтобы я начал вкалывать по две смены, чтобы прокормить тебя, пацан? - выкрикнул он.

Не поднимая глаз от тарелки, Дес пробурчал:

- Я отрабатываю столько же смен, сколько и ты.

- Чего? - сказал Харст, его голос упал до угрожающего шепота. - Что ты сейчас сказал?

Вместо того чтобы прикусить язык, Дес поднял голову от тарелки и вперил взгляд прямо в красные, затуманенные отцовские глаза.

- Я сказал, что отрабатываю столько же смен, сколько и ты. А мне только восемнадцать.

Харст встал, откинув свой стул.

- Восемнадцать, а все еще слишком туп, чтобы понять, когда надо держать язык за зубами. - Он разочарованно покачал головой. - Кроважидное проклятие моего существования - вот ты кто.

Швырнув вилку в тарелку, Дес встал в полный рост, опрокинув собственный стул. Теперь он был выше, чем отец, и на теле уже начинали проступать мускулы, наработанные в туннелях.

- Собираешься избить меня? - бросил он отцу. - Намерен преподать мне урок?

Челюсть Харста отвисла.

- Да что у тебя с башкой творится, сосунок?

- Меня воротит от всего этого, - огрызнулся Дес. - Ты валишь свои проблемы на меня, но это ты пропиваешь все наши кредиты. Может если бы ты, наконец, протрезвел, мы смогли бы убраться с этого вонючего мирка!

- Ах ты дерзкий, мерзопакостный щенок! - взревел Харст, вдвинув стол в стену.

Он перескочил через опустевшее теперь пространство и схватил Деса за руки так крепко, словно это была пара дюрестиловых наручников. Юноша попытался вырваться, но отец был намного тяжелее его, и почти половина его веса приходилась на мускулы.

Поняв, что это безнадежно, Дес перестал сопротивляться спустя несколько секунд. Но он не собирался унижаться и плакать. Только не в этот раз.

- Если хочешь избить меня, - сказал он, - запомни, что это будет в последний раз, старик. Тебе лучше хорошенько постараться.

Харст так и сделал. Он накинулся на своего сына с животной яростью озлобленного, отчаявшегося человека. Он сломал ему нос, подбил оба глаза. Он выбил ему два зуба, рассек губу, и переломал ребра. Но пока все это продолжалось, Дес не сказал ни слова, и не пролил ни единой слезы.

Той ночью, когда Дес лежал в своей кровати, слишком контуженный и опухший, чтобы заснуть, единственная мысль крутилась у него в голове, заглушаемая лишь громким пьяным храпом Харста, отрубившегося в углу.

Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты умрешь.

В этот момент он ненавидел своего отца, как никогда. Он воображал себе, как

гигантская рука сжимает его жестокое сердце.

Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты умрешь.

Слова прокручивались в голове снова и снова, бесконечной мантрой, словно он мог сделать их явью посредством одной лишь силы воли.

Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты умрешь.

Слезы, которые он сдерживал при зверской трепке, наконец, накатились, теплыми каплями заструившись по его багровому, отекающему лицу.

Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты умрешь. Надеюсь, ты...

Бэйн внезапно проснулся, его сердце бешено колотилось, сам он был мокрый от пота, как и одеяло, спутавшегося в его ногах. На краткий миг Бэйн подумал, что он снова на Апатросе в тесной комнате, наполненной храпом Харста и тягостным смрадом спиртных напитков. Потом он понял, где находится, и кошмар начал отступать. На смену ему пришло ужасное осознание.

Харст умер той ночью. Власти постановили, что смерть была естественной. Инфаркт был вызван совокупностью чрезмерного употребления алкоголя, работы на рудниках и перенапряжения от избиения сына голыми руками до полусмерти. Они даже не заподозрили настоящей причины. Не подозревал о ней и Бэйн. До настоящего момента.

Слегка вздрагивая, он поворочался, изнуренный, но знающий, что сон этой ночью к нему не вернется.

Фогар не был первым, кого он убил с помощью Силы. И, скорее всего, не последним. Бэйн был достаточно умен, чтобы понимать это.

Он встряхнул головой, чтобы рассеять воспоминания о смерти Харста. Этот человек не заслужил ни сострадания, ни прощения. Слабые всегда будут уничтожены сильными. Если Бэйн хочет выжить, ему надо стать одним из сильных. Вот почему он был здесь, в Академии. Это было его целью. Это было путем темной стороны.

Но осознание никак не повлияло на тошнотворное чувство у него в животе, а когда он закрыл глаза, то снова увидел лицо отца.

Глава 12

- Нет! - рявкнул Каз'им, презрительно оттолкнув в сторону тренировочный меч Бэйна собственным оружием. - Неверно! Ты слишком медлителен при первом переходе. Ты оставляешь левый бок незащищенным для быстрого встречного удара.

Мастер клинка обучал его новой последовательности; он преподавал ее уже больше недели. Но отчего-то у Бэйна не получалось усвоить вереницу движений. Меч у него в руке казался неповоротливым и неуклюжим.

Он отступил назад и снова принял выжидательную позицию. Каз'им, окинув его взглядом, встал в защитную стойку. Бэйн глубоко вдохнул, пытаясь сфокусировать свой разум, прежде чем снова повторить связку.

Его мускулы двигались инстинктивно, пробуждая действие. Со свистом клинок из нижнего положения вспорол воздух, промелькнув размытым пятном... но слишком медленно. Каз'им моментально отреагировал, уйдя в сторону, и выписал своим двухклинковым оружием длинную, быструю дугу, которая крепко треснула Бэйна по ребрам.

Воздух со свистом вырвался из легких, и Бэйн ощутил жгучую боль шипов пелко, последовавшую за слишком знакомым онемением, которое распространилось по левой стороне туловища. Он беспомощно отшатнулся назад, пока Каз'им молча за всем наблюдал. Бэйн постарался устоять на ногах, но не смог, неуклюже свалившись наземь. Мастер клинка разочарованно покачал головой.

Бэйн заставил себя подняться, стараясь не показывать собственное расстройство. Прошло уже почти три недели с тех пор, как он одолел Фогара на ринге, и с того самого момента он тренировался вместе с Каз'имом на индивидуальных сеансах, чтобы улучшить свое мастерство владения мечом. Но почему-то не достиг никакого прогресса.

- Простите, Мастер. Я снова буду практиковать комплексные упражнения, - сказал он, скрипя зубами.

- Комплексные упражнения? - повторил тви'лек безжалостным и глумливым голосом. - И что это даст?

- Я... я должен выучить связку лучше. Чтобы стать быстрее.

Каз'им сплюнул на землю.

- Если ты действительно в это веришь, значит, ты глупец.

Бэйн, не зная, как реагировать, просто молчал.

Мастер клинка сделал шаг вперед и резко двинул его по уху. Удар предназначался не для того, чтобы причинить боль, а чтобы унижить его.

- Фогар был лучше тренирован, чем ты, - фыркнул он. - Он знал больше связок, больше форм. Но они не смогли спасти его.

Связки - лишь оружие. Они помогают тебе освободить твой разум, чтобы ты мог почерпнуть Силу. Вот где ты найдешь ключ к победе. Не в мускулах рук или в быстроте клинка. Ты должен воззвать к темной стороне, чтобы уничтожить врага!

Стиснув челюсть от сжигающей боли, растекшейся теперь по всей левой стороне тела, Бэйн смог только кивнуть.

- Ты сдерживаешься, - продолжал Мастер. - Не пользуешься Силой. Без нее твои движения медленны и предсказуемы.

- Я... очень стараюсь, Мастер.

- Стараешься? - Каз'им в отвращении отвернулся. - Ты потерял волю к сражению. Урок окончен.

Поняв, что его отпустили, Бэйн медленно поплелся к лестнице, ведущей с храмовой крыши. Когда он дошел до нее, Каз'им выкрикнул последний совет:

- Возвращайся, когда будешь готов принять темную сторону вместо того, чтобы отталкивать ее от себя.

Бэйн не смог даже обернуться: боль и онемение в левом боку делали это невозможным. Но пока он ковылял вниз по лестнице, слова Повелителя Каз'има отдавались в ушах звоном истины.

Это был не первый тренировочный сеанс, что он провалил. И его провалы не ограничивались Каз'имом и светомечом. Бэйн заработал как репутацию, так и престиж, победив Фогара; кое-кто из Мастеров выказал внезапную готовность дать ему индивидуальные уроки. Но, несмотря на дополнительное внимание, способности Бэйна совершенно не прогрессировали. Если точнее, он даже сделал несколько шагов назад.

Он прошел по коридорам к своей комнате, затем осторожно лег на кровать. Пока он был парализован ядом пелко, оставалось лишь отдыхать и медитировать.

Было очевидно, что что-то пошло не так, но что именно он не мог сказать с точностью. Он не чувствовал больше энергии. Не ощущал в себе *жизнь*. Когда он впервые обрел восприимчивость к Силе, чувства его невероятно обострились: мир стал резонансным и более реальным. Теперь же все было глухим и отдаленным. Он ходил по коридорам Академии, словно находясь в каком-то трансе.

Он плохо спал; ему продолжали сниться кошмары. Иногда ему снился отец и ночь, когда тот умер. В остальное время ему снился бой с Фогаром. Временами сны переплетались, сливаясь в одно ужасное видение: макурт избивает его в комнате на Апатросе, а отец лежит мертвый на дуэльном ринге на вершине коррибанского храма. И всякий раз Бэйн просыпался в мокром ознобе, задыхаясь от крика.

Но не только отсутствие сна вгоняло его в жуткий ступор. Страсть, которая вела его, улетучилась. Бушующий огонь внутри него погас, его сменила холодная пустота. А без своей страсти он был неспособен призвать энергию темной стороны. Повелевать Силой становилось все сложнее и сложнее.

Поначалу перемены были неуловимы, едва различимы. Но со временем незаметное стало зримым. Теперь передвижение даже мелких предметов просто опустошало его. Он был

медлителен и неуклюж с тренировочным мечом. Он не мог больше предвидеть действия противника; он мог реагировать только на само движение.

Скрывать было бесполезно: он регрессировал. Ученики, которых он превзошел давным-давно, снова нагнали его. Он видел что отставал, просто наблюдая за другими студентами в ходе их занятий... что означало, что и они, вероятно, так же наблюдали за ним.

Он снова подумал о том, что сказал ему учитель-тви'лек. *Ты потерял волю к сражению.*

Каз'им был прав. Бэйн чувствовал, что она ускользает от него со времени первого сна об отце. К сожалению, он совершенно не представлял к себе, как возратить гнев и пыл соперничества, которые подпитывали его эффектное восхождение в иерархии учеников-ситов.

Возвращайся, когда будешь готов принять темную сторону вместо того, чтобы отталкивать ее от себя.

Что-то сдерживало его. Что-то внутри него испытывало ужас от того, в кого он превратился. Он медитировал по несколько часов в день, концентрируя разум на поиске кружащейся водоворотом, пульсирующей ярости темной стороны, запертой внутри себя. Но поиски были тщетны. Холодная завеса опустилась на само его естество, и как он ни старался, он не мог разорвать ее, чтобы завладеть силой, лежащей за ней.

И он истощал свой запас времени. До сих пор никто не смел бросить ему вызов на дуэльном ринге - только не после смерти Фогара. Ужасная кончина макурта все еще внушала достаточно страха в других студентов, чтобы они держались от него подальше.

Но Бэйн знал, что еще немного, и они перестанут хранить дистанцию. Его уверенность и возможности шли на убыль, а неудачи становились публичными. Вскоре они будут так же очевидны для студентов, как и для него.

В первые дни после смерти Фогара его единственно реальным соперником был Зирак. Теперь же каждый ученик на Коррибане представлял собой потенциальную угрозу. Его просто убивала безнадежность ситуации. Из-за этого ему хотелось орать и в бессильном гневе скрести ногтями по каменным стенам. И все же, несмотря на все свое разочарование, он не способен был вызвать страсть, питавшую темную сторону.

Вскоре на ринг ступит претендент, горящий желанием одолеть его. И он не мог ничего сделать, чтобы отсрочить приближение этого момента.

* * *

Повелитель Каан беспокойно мерил шагами мостик флагмана «Сумерки», в то время как тот проплывал по орбите над индустриальным миром Брентаал IV. Флот ситов оккупировал сектор Бормеа, регион космоса, где пересекались Перлемианский торговый и Хайдианский пути. Братство Тьмы контролировало теперь два главных гиперпространственных маршрута, обслуживающих Миры Ядра; сопротивление Республики неуклонно наступающему флоту ситов было подавлено.

И все же, невзирая на самую последнюю победу, Каан чувствовал, что что-то не так. Завоевание сектора Бормеа прошло слишком уж гладко. Такие миры, как Корулаг, Чандрила и Брентаал - все пали с неожиданной быстротой, а их защитники проявили только видимость сопротивления, прежде чем отступить перед нахлынувшей ордой.

Он ощутил лишь горстку джедаев среди противостоявших им республиканских сил. Это было не в первый раз, когда джедаи практически отсутствовали в ключевых битвах: в ходе сражений у Беспина, Саллуста и Таанаба, Каан ожидал столкновения с флотом, ведомым Мастером джедаем Хотом, единственным республиканским командиром, кто был способен одерживать победу в бою против ситов. Но генерал Хот - несмотря на репутацию, которую заработал на ранних этапах войны - так и не появился.

Первое время Каан подозревал, что это была западня, некий план, детально разработанный и подготовленный коварным Хотом, чтобы заманить в ловушку и

уничтожить своего заклятого врага. Но если это и был капкан, то он никак не срабатывал. Ситы наступали по всем фронтам; они почти уже осадили подступы к самому Корусанту. А джедаи почитай пропали, по-видимому, бросив Республику во времена величайшей необходимости.

Ему полагалось пребывать в экстазе. Без джедаев война была все равно, что окончена. Республика падет в ближайшие месяцы, и ситы придут к власти. Но куда пропали джедаи? Каану это не нравилось. Странное сообщение, которое Копеж прислал всего несколько часов назад, только добавило ему беспокойства. Тви'лек направлялся на «Сумерки» со срочными новостями о Руусане, новостями, которые он не стал передавать по официальным каналам связи. Новостями столь важными, что он решил доставить их лично.

- Перехватчик только что сел на посадочной палубе «Сумерек», Повелитель Каан, - доложили с мостика.

Несмотря на страстное желание услышать вести Копежа, Каан устоял против искушения спуститься в ангар, чтобы лично встретить его. Он чувствовал, что случилось что-то очень, очень плохое, но необходимо было сохранять видимость спокойной уверенности перед лицом своих солдат. Но терпение все же не было присуще многим Повелителям ситов, и он не мог заставить себя прекратить расхаживать взад-вперед, ожидая, когда тви'лек доберется до мостика и доставит свои тревожные известия.

Время ожидания Копежа показалось часами, хотя прошло лишь несколько минут. Выражение его лица, когда он пересек мостик и формально поклонился, несколько не облегчило растущие мрачные опасения Каана.

- Я должен поговорить с тобой наедине, Повелитель Каан.

- Можешь говорить здесь, - заверил его Каан. - Сказанное не покинет этого корабля.

Экипаж мостика «Сумерек» был тщательно подобран лично Кааном. Все дали клятву служить с абсолютной верностью; они знали о серьезных последствиях, ждущих их в случае ее нарушения.

Копеж с подозрением огляделся вокруг, но все члены судовой команды сосредоточились на работе. Никто, казалось, даже не замечал их.

- Мы потеряли Руусан, - прошептал он, несмотря на заверения Каана. - База, размещенная на поверхности, орбитальная флотилия... все уничтожено!

На мгновение Каан потерял дар речи. Когда он заговорил, голос его перешел на шепот, как и голос Копежа.

- Как такое могло произойти? У нас шпионы повсюду в республиканской армии. Весь их флот отступил к Ядру. Все они! Они просто не могли собрать достаточно сил, чтобы отбить Руусан. Не могли, без того чтобы мы не узнали!

- Это была не Республика, - ответил Копеж. - Джедаи. Сотни. Тысячи. Мастера, Рыцари, Падаваны: целая армия джедаев.

Копеж громко выругался. Никто из экипажа даже не взглянул в его направлении, помня о собственной выучке и страхе перед командиром.

- Лорд Хот понял, что сила Ордена джедаев распласталась слишком тонким слоем в попытке защитить Республику, - продолжал Копеж. - Он собрал всех их в единое войско с одной лишь целью: уничтожить властителей темной стороны. Их не волнуют больше наши солдаты и наш флот. Все, что они хотят, это уничтожить нас: учеников, служителей, Мастеров... и особенно Темных Повелителей. Лорд Хот лично возглавляет их, - добавил тви'лек, хотя Каан уже и сам догадался об этом. - Они называют себя Армией Света.

Копеж помедлил, чтобы дать новостям усвоиться. Каан сделал несколько глубоких вдохов, безмолвно проговаривая Кодекс ситов, чтобы вновь сфокусировать свои бушующие мысли.

И потом рассмеялся.

- Армия Света против Братства Тьмы.

Копеж озадаченно уставился на него.

- Хот знает, что джедаи не способны разбить наши огромные армии, - объяснил Каан. -

Больше не способны. Республика обречена. Так что теперь он сконцентрировался непосредственно на нас: лидерах этих армий. Отруби голову - и тело умрет.

- Мы должны послать наш флот на Руусан, - предложил Копеж. Весь целиком. Сокрушить джедаев одним ударом и навсегда изгнать их из Галактики.

Каан покачал головой.

- Именно этого Хот и добивается. Отвлечь наши армии от Республики, отвести их от Корусанта. Оставить все пространство, которое мы отвоевали, ради безрассудной и бессмысленной атаки на джедаев.

- Бессмысленной?

- Ты говоришь, у него есть армия джедаев: тысячи джедаев. Какие шансы у флота простых солдат против такого врага? Корабли и оружие ничто по сравнению с могуществом Силы. Хот знает это.

В конце концов, Копеж понимающе кивнул.

- Ты всегда говорил, что эта война не определится военной мощью.

- Именно. По сути, Республика - лишь тень. Только посредством абсолютного истребления Ордена джедаев мы можем достичь истинной победы. И Хот был достаточно любезен, чтобы собрать всех их в одном месте лично для нас.

- Но Братство не может состязаться с объединенной мощью всего Ордена джедаев, - возразил Копеж. - Их слишком много, а нас слишком мало.

- Наши ряды шире, чем ты думаешь, - сказал Каан. - У нас есть академии, рассеянные по всей Галактике. Мы можем пополнить свои ряды Мародерами с Хоногра и Гентеса. Мы соберем всех убийц, тренируемых на Умбаре. Мы отошлем приказы студентам на Датомире, Иридонии и в остальных академиях присоединиться к рядам Братства Тьмы. Мы соберем свою собственную армию ситов - единственно способную разгромить Хота и Армию Света!

- А что с Академией на Коррибане? - спросил Копеж.

- Они примкнут к Братству, но только после того, как закончат обучение под руководством Кордиса.

- Мы можем использовать их против джедаев, - настаивал Копеж. - Коррибан - приют сильнейших наших учеников.

- Именно поэтому слишком опасно втягивать их в конфликт, - пояснил Каан. - Вместе с силой приходит честолюбие и конкуренция. В пылу сражения их эмоции возобладают над умами; они обернутся друг против друга. Расколют наши ряды во внутренней борьбе, в то время как джедаи останутся сплоченными. - Он сделал паузу. - В прошлом это случалось с ситами слишком часто; я не позволю подобному произойти вновь. Они останутся с Кордисом и закончат свое обучение. Он научит их дисциплине и лояльности Братству. Только тогда они присоединятся к нам на поле боя.

- Ты правда веришь в это, - спросил Копеж, - или так сказал тебе Кордис?

- Не позволяй недоверию к Кордису скрыть от тебя то, чего мы пытаемся достигнуть, - упрекнул Каан. - Его воспитанники - будущее Братства. Будущее ситов. Я не окуну их в эту войну до тех пор, пока они не будут готовы. - Тон его голоса четко говорил об окончании спора. - Ученики на Коррибане присоединятся к Братству в свое время. Но это время еще не настало.

- Ну, тогда лучше бы поскорее, - проворчал Копеж, только отчасти успокоенный. - Я не думаю, что мы сможем одолеть Хота без них.

Каан протянул руку и крепко сдвинул массивное плечо твоего лека.

- Никогда не бойся, друг мой, - сказал он с улыбкой. - Джедаи не смогут устоять перед нами. Мы уничтожим их на Руусане и сотрем с лица Галактики. Может ученики и будущее Братства, но настоящее принадлежит нам!

К облегчению Каана, Копеж улыбнулся в ответ. Лидер Братства не слишком обрадовался бы, узнав, что Копеж получил удовлетворение во многом от мысли, что Кордис пропустит триумф грядущей победы.

Повелитель Каз'им вошел в богато обставленные покои и кивнул главе Академии.

- Ты хотел меня видеть?

- Новости с фронта, - сказал Кордис, неспешно подымаясь с коврика для медитации. - Джедаи собрались на Руусане под единым знаменем. Генерал Хот ведет их. Повелитель Каан собрал собственную армию. В настоящий момент они направляются туда, чтобы вступить в бой с джедаями.

- Мы присоединимся к ним? - спросил Каз'им, голос его был напряжен, а локти подергивались при мысли о том, что он сможет применить свои способности против величайших воинов Ордена джедаев.

Кордис покачал головой.

- Мы - нет. Никто из Мастеров. И никто из студентов, если только ты не чувствуешь, что кто-то из них уже готов.

- Нет, - ответил Каз'им после секундного размышления. - Зирак, возможно. Он достаточно силен. Но его гордыня слишком велика, и ему по-прежнему многому надо учиться.

- Что насчет Бэйна? Он показал большие перспективы, избавившись от Фогара.

Каз'им пожал плечами.

- Это было месяц назад. С тех пор он не достиг почти никакого прогресса. Что-то сдерживает его. Страх, я полагаю.

- Страх? Перед другими студентами? Перед Зираком?

- Нет. Ни это. Он, наконец, увидел, на что действительно способен; он увидел всю силу темной стороны. Думаю, он боится посмотреть ей в лицо.

- Значит, теперь он бесполезен для нас, - решительно заявил Кордис. - Сосредоточься на других студентах. Не трать на него свое время.

Мастер клинка на мгновение потерял дар речи. Он поразился, что Кордис столь быстро отказался от студента с таким несомненным потенциалом.

- Я считаю, ему просто нужно больше времени, - предложил он. - Многие наши ученики изучают пути ситов многие годы. С самого детства. Бэйн не начинал своего обучения вплоть до юности.

- Я прекрасно осведомлен об обстоятельствах, окружающих его прибытие в эту Академию! - рявкнул Кордис, и Каз'им внезапно понял, что же в действительности происходит.

Бэйна доставил на Коррибан Повелитель Копеж, а между Копежом и главой Академии не было добрых отношений. Неудача Бэйна, в конечном счете, падет невзрачной тенью на самого злостного соперника Кордиса.

- В следующий раз, когда Бэйн придет к тебе, отвернись от него, - сказал Темный Повелитель, тон его голоса не оставлял сомнений, что слова были приказом, а не просьбой. - Убедись, чтобы все Мастера поняли, что он не достоин более наших усилий.

Каз'им кивнул в знак понимания. Он сделает, как приказано. По отношению к Бэйну это было крайне нечестно. Но никто никогда не говорил, что ситы были честны.

Глава 13

Бэйн знал, что должен что-то предпринять. Его положение становилось безнадежным. Он все еще был не в ладах с собой, не способен призвать силу, которую использовал для уничтожения Фогара. Но теперь его слабость получила огласку.

Вчера, во время вечерних тренировок, он подошел к Каз'иму, чтобы договориться о времени индивидуальных уроков, надеясь все-таки сбросить оковы охватившей себя летаргии. Но Мастер клинка отверг его, покачав головой, и обратил внимание на другого студента. Сигнал поняли все: Бэйн уязвим.

Когда студенты после утренних занятий собрались в круге на вершине храма, Бэйн уже знал, что надо будет сделать. Репутация берегла его от вызовов со стороны других студентов. Теперь же от его репутации не осталось и следа. Но он не мог просто сидеть, сложа руки, и ждать, когда один из учеников вызовет его на дуэль и одержит победу. Ему необходимо было перехватить инициативу; необходимо было атаковать. Сегодня он должен быть первым, кто ступит на ринг.

Само собой, если он бросит вызов слабому студенту, все воспримут это как подтверждение изъяна, что он так старательно скрывал. Была единственная возможность искупить себя в глазах школы и преподавателей; был единственный противник, которого он мог вызвать.

Несколько учеников по-прежнему сновали вокруг, пытаясь отыскать место, где можно было без помех наблюдать за утренним действием. Уже вошло в привычку ждать, пока все займут свои места, прежде чем вызов будет брошен, но Бэйн понимал, что чем дольше он выжидает, тем сложнее будет задача. Он смело ступил в центр ринга, ловя любопытные взгляды других студентов. Каз'им смерил его взглядом неодобрения, но Бэйн постарался выкинуть это из головы.

- У меня есть вызов, - объявил он. - Я вызываю Зирака.

Среди студентов раздался возбужденный гул, но Бэйн едва расслышал его за биением собственного сердца. Зирак нечасто сражался в полновесном бою; Бэйн никогда не видел его в действии. Но слышал, как другие студенты говорили о мастерстве Зирака на дуэльном ринге, толкая безумные байки о его непобедимых способностях. С тех пор как забрак повстречался с ним на лестнице, Бэйн наблюдал за своим оппонентом на тренировках, готовясь к этому противостоянию. И судя по тому, что он увидел, раздутые отзывы о его мастерстве были слишком уж точны.

В отличие от большинства студентов, Зирак предпочитал двухклинковый тренировочный меч традиционному одноклинковому. Не считая самого Каз'има, по мнению Бэйна, Зирак был единственным, кто владел экзотическим оружием с такой сноровкой. Неопытному глазу Бэйна его техника виделась едва ли не совершенством. Казалось, он всегда был предельно собран; всегда в наступлении. Даже в простых комплексных упражнениях его превосходство было просто очевидным. Зирак был способен овладеть новой последовательностью всего за несколько дней, в то время как большинству студентов на это требовалось две-три недели. И сейчас Бэйну предстояло сойтись с ним на ринге.

Ответив на вызов, забрак выступил из толпы, двигаясь медленно и грациозно. Только подходя к центру ринга, он уже источал дух угрозы. Приближаясь, он мимоходом помахивал своим оружием: двойные дюрестиловые лезвия высекали в воздухе длинные, неспешные дуги.

Бэйн наблюдал за ним, чувствуя, как ритм сердца и дыхание участились, едва тело высвободило в организм адреналин, инстинктивно подготавливая себя к предстоящему бою. Однако в противоположность физическому, эмоциональное состояние Бэйна совершенно не изменилось. Он ожидал, что почувствует волны страха и гнева при приближении Зирака - эмоции, от которых он мог бы подпитаться, чтобы прорвать завесу безжизненности и высвободить темную сторону. Но летаргический ступор по-прежнему окутывал его глухим, серым саваном.

- Жаль, что ты не вызвал меня раньше, - прошептал Зирак, так, чтобы только Бэйн мог расслышать. - В первую неделю после смерти Фогара многие считали, что ты мне ровня. Я заработал бы немалый престиж, одолев тебя. Теперь этому уже не бывать.

Зирак остановился всего в нескольких метрах. Его двухклинковый меч по-прежнему неторопливо выплясывал в воздухе. Он двигался как живой, словно животное, предвкушающее охоту, слишком взбудораженное, чтобы оставаться неподвижным.

- Победить тебя сейчас - не слишком большая честь, - произнес он. - Но я получу немалое удовольствие от твоих страданий.

За спиной Зирака Бэйн увидел Ллокая и Йевру, других учеников-забраков, которые

проталкивались к переднему краю толпы, чтобы лучше видеть своего покровителя. У брата на лице застыла жестокая ухмылка; у сестры - выражение голодного предвкушения. Бэйн старался не замечать пыла на их алых лицах, позволив им раствориться на фоне серого пейзажа зрителей.

Вся его концентрация была нацелена на изменчивые движения непривычного оружия в руках Зирака. Он пытался запомнить связи, что тот использовал на тренировках. Теперь Бэйн искал информацию, которую могли выдать руки противника - это раскрыло бы то, какую последовательность он планирует использовать для начала боя. Если Бэйн сделает верный вывод, он сможет перейти в контрнаступление и возможно даже закончить битву при первом же выпаде. Это была лучшая возможность победить, но без возможности привлечь Силу шансы на то, чтобы верно угадать избранную врагом последовательность, были очень и очень малы.

Зирак поднял сдвоенный меч над головой, вращая его так быстро, что различить можно было лишь расплывчатое пятно, и ринулся вперед. Один из клинков рубанул свирепым верхним ударом, который Бэйн с легкостью отразил. Но движение было всего лишь уловкой, обеспечившей второму клинку стремительную атаку в поясницу. Распознав маневр в последнюю секунду, Бэйн не смог предпринять ничего другого, кроме как кувырнуться назад, избегая травмы.

Враг оказался над ним до того, как он поднялся на ноги; двойные лезвия обрушились на него чередованием атак: слева-справа-слева-справа. Бэйн блокировал, перекачивался, изворачивался, и снова блокировал, отражая шквал. Он попытался сделать подсечку, но Зирак предугадал движение и проворно отскочил в сторону, дав Бэйну время, чтобы подняться на ноги.

При следующей атаке Бэйн мог только ретироваться, но не дал Зираку добиться преимущества, отступив и вернувшись к базовым оборонительным последовательностям. Он все еще отчаянно пытался добиться хоть какого-то преимущества, наблюдая за движениями своего противника. На секунду показалось, что Зирак использует удары и выпады Ваапада, самой агрессивной и точной из семи традиционных форм. Но в середине последовательности он внезапно переключился на мощную атаку Джем Со, породив такую силу, что даже блокировка удара заставила Бэйна отшатнуться. Быстрый поворот или вращение оружием, а затем один из двойных клинков вдруг вновь проворачивался под опасным углом, заставляя Бэйна терять равновесие при парировании удара.

Во время внезапного перерыва дуэлянты постарались пересмотреть свои стратегии. Оба они тяжело дышали. Зирак крутанул оружие в быстрой, сложной последовательности, которая провела меч под его правой рукой, вокруг спины, над левым плечом, и спереди. Улыбнувшись, он проделал то же самое в обратном порядке.

Бэйн наблюдал за экстравагантным росчерком оружия с ощущением полного поражения. Зирак играл с ним в первых нескольких выпадах, затягивая бой, чтобы победа показалась более впечатляющей. Теперь он показывал свое истинное мастерство, используя связи, которые объединяли несколько форм в одну, стремительно переключаясь между различными стилями в составных схемах, которые Бэйн никогда прежде не видел.

Это был еще один признак превосходства забрака. Если Бэйн попытается комбинировать разные стили в единую последовательность, то он, скорее всего, выбьет себе глаз или заедет по затылку. Было ясно - он побежден; единственной надеждой оставалось то, что враг допустит небрежность и сделает ошибку.

Зирак снова бросился в бой, его тренировочный меч двигался столь быстро, что Бэйн слышал шипение рассекаемого им воздуха. Бэйн стремительно подскочил вперед, чтобы принять вызов, попытавшись призвать силу темной стороны для предугадывания и блокирования движений молниеносных двойных клинков. Он чувствовал, как Сила течет сквозь него, но она казалась отдаленной и пустой: вуаль все еще накрывала его. Он смог удержать парализующие острия меча Зирака на безопасном расстоянии, но это потребовало полной концентрации внимания на контроле собственного лезвия... что сделало его

уязвимым для реальной атаки, которую против него направили.

Череп Бэйна взорвалась от боли, когда Зирак двинул его лбом. Боль затуманила зрение скоплением серебряных звезд. С тошнотворным хрустом сломался нос, и наружу хлынул поток крови. Ослепленный и ошеломленный, он смог отразить следующий удар, полагаясь только на инстинкт, ведомый лишь слабым нашептыванием Силы. Но когда его меч отклонился, Зирак повернулся и с разворота нанес удар наотмашь, который раздробил колено Бэйна.

Взревев от боли, Бэйн рухнул на землю, едва успев опереться на свободную руку. Зирак придавил его пальцы своим сапогом, вминая их в твердый камень храмовой крыши. Последовал удар коленом и оглушительный треск раздробленной челюсти.

Последней, отчаянной попыткой Бэйн попытался отшвырнуть противника с помощью темной стороны. Зирак отразил толчок, с легкостью отклонив его щитом Силы, которым окутал себя в самом начале дуэли. Затем он подошел ближе, чтобы завершить все своим оружием. Первый удар подоспел с силой лендспидера, налетевшего на преграду, разбив правое запястье Бэйна. Тренировочный меч вывалился из его внезапно ослабшей хватки. Следующий удар пришелся чуть повыше, и по той же руке, вывихнув локоть.

Незамысловатый удар по лицу заставил осколки от выбитых зубов высыпаться изо рта, а по разбитой челюсти - пронестись резкой боли. Бэйн тяжело склонился вперед, едва сохраняя сознание, в то время как Зирак отступил, опустил меч, и, вытянув свободную руку, взял Бэйна за горло душащей хваткой Силы. Он поднял руку и легко подхватил мускулистого Бэйна, словно ребенка швырнув его через ринг.

Рухнув на землю, Бэйн почувствовал, как треснула еще одна кость, но он уже перешел в шоковое состояние, и не ощущал больше боли. Он лежал неподвижно побитой, перекошенной массой. Кровь из носа и рта заливала горло. Приступ кашля сотряс его тело, и он скорее услышал, чем почувствовал скрежет сломанных ребер.

Все вокруг начало тускнеть. Краем глаза он разглядел лишь покрытые пятнами крови сапоги, движущиеся в его сторону, и только после этого сдался на милость темноте.

* * *

Копеж качал головой, изучая план боевых действий, который Каан разложил на импровизированном столе в своей палатке. Голокарта территории Руусана указывала позиции ситов плавающими над поверхностью красными треугольниками. Позиции джедаев представляли зеленые квадраты. Несмотря на сей высокотехнологичный прогресс, остальная часть карты являла собой простое двумерное изображение окружающей топографии. Оно никак не могло передать ту мрачную разруху, которая фактически превратила Руусан в пустошь, разоренную войной.

Три великих битвы флотилий за прошедший год состоялись высоко над этим миром, каждый раз разбрасывая обломки кораблей проигравшей стороны по практически не населенному миру. Опаленные и покоробившиеся остовы, бывшие когда-то судами, падали в буйные леса, вызвая неистовые пожары, которые превратили почти всю поверхности небольшого мирка в испепеленную и бесплодную землю.

Руусан, несмотря на свой невнушительный размер, стал миром первостепенной важности как для Республики, так и для ситов. Стратегически расположенный на краю Внутреннего Кольца, он, что самое главное, находился на рубеже между безопасным и охраняемым Ядром и остальной Республикой. Руусан был символом. Завоевание его ситами означало дальнейшее их наступление и окончательное завоевание Республики; освобождение подразумевало способность джедаев отеснить захватчиков и защитить граждан Республики. А результатом этого противостояния явился нескончаемый круговорот сражений, в котором ни одна из сторон не желала признать поражения.

Первая Битва при Руусане наблюдала за нахлынувшим флотом ситов, разбившим на голову республиканские силы с помощью элемента неожиданности и могущества боевой

медитации Каана. Вторая битва стала свидетелем того, как Республика попыталась вернуть контроль над Руусаном и потерпела поражение, оттесненная превосходящими силами и огневой мощью противника.

Третье сражение в руусанских небесах ознаменовало возникновение Армии Света. Вместо республиканских крейсеров или истребителей, ситы обнаружили, что столкнулись с флотом, собранным в основном из одного или двухместных истребителей, пилотируемых лишь джедаями. Рядовые солдаты, которые скрепляли армию Каана, не могли противостоять Силе, и Руусан был спасен... на время.

Ситы оплатили Армии Света, собрав все Братство Тьмы в единое войско, и обрушив его на Руусан. Война, которая опустошила верхний мир, опустилась и на поверхность, обернувшись еще более разрушительными последствиями. В сравнении с космическими битвами флотилий, наземный бой был куда более жестким, кровавым и ужасающим.

Копеж ударил кулаком по столу.

- Это безнадежно, Каан.

Другие собравшиеся в палатке Повелители согласно забормотали.

- Позиции джедаев слишком хорошо защищены; у них все преимущества, - сердито продолжал Копеж. - Высота, обороняемые укрепления, превосходящие силы. Нам здесь не победить!

- Посмотри еще раз, - ответил Каан. - Войска джедаев слишком разбросаны.

Крупный тви'лек изучил карту более детально и понял, что Каан прав. Периметр джедаев протянулся слишком далеко от их базового лагеря. Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы понять из-за чего.

Столкновение между армиями джедаев и ситов, ведомыми Мастерами и Темными Повелителями, потрясло основы мира. Мощь силы необузданно бушевала по полям сражений подобно резонансу от взорвавшейся звезды. Города, деревни, простые дома, подхваченные штормом, были уничтожены, оставив после себя лишь смерть и разрушение. Гражданские, угодившие в кильватер войны, вынуждены были спасаться бегством, став беженцами эпической битвы между поборниками Света и Тьмы.

Видя их страдания, джедаи стремились утешить, поддержать и защитить невинных жителей Руусана. Свою стратегию они планировали, основываясь на защите гражданских поселений и районов, пренебрегая даже собственными ресурсами и тактическим преимуществом. Ситы, конечно же, до подобных уступок не снисходили.

- Сострадание джедаев - слабость, - продолжил Каан. - Та, что мы можем использовать в своих интересах. Если мы сконцентрируем все свои силы в одной точке, то сможем устроить брешь в их рядах. Тогда преимущество будет у нас.

Собравшиеся генералы и стратеги Братства Тьмы согласно закивали. Кое-кто повысил голос, ликуя и изливая поздравления. Только Копеж не пожелал присоединиться к торжеству.

- Армия Света по-прежнему превышает нас вдвое, - напомнил крупный тви'лек. - Их линии может кое-где и растянуты, но мы не знаем, где именно они уязвимы. Они в курсе, что наши разведчики наблюдают за ними, и скрывают свое число, так же как и мы. Если атакуем там, где их численность окажется велика, нас разобьют в пух и прах!

Остальные генералы притихли, не разделяя больше энтузиазма лидера, когда был раскрыт столь заметный изъян в его плане. Вновь послышался ропот разногласий и недовольства. Копеж не обращал внимания на реакцию других Повелителей. Несмотря на всю их силу, несмотря на все амбиции, они были словно скопище бант, слепо следующее за стадом. В теории, все в Братстве Тьмы были равны, но на практике же правил Каан.

Копеж понимал это, и готов был идти за ним. Ситы нуждались в сильном и харизматичном вожде, проницательном человеке, чтобы подавить внутреннюю борьбу, терзающую их ряды. Каан был именно таким лидером, и, кроме того, выдающимся военным тактиком. Но этот план был безумием. Самоубийством. В отличие от остальной толпы, Копеж не собирался следовать за Кааном навстречу верной гибели.

- Ты недооценил меня, Копеж, - вновь заверил его Каан спокойным и уверенным голосом, словно заранее предвидел упрек и уже имел на руках готовый ответ. Возможно, так и было. - Мы не ударим до тех пор, пока не узнаем наверняка, в каком месте они уязвимы больше всего, - пояснил Темный Повелитель. - Ко времени нападения, мы будем знать точное количество и состав каждого взвода и патруля вдоль их периметра.

- Каким образом? - спросил Копеж. - Даже наши умбаранские шпионы-тени не могут дать нам таких подробностей. И не с такой быстротой, чтобы использовать их для составления плана атаки. Мы никоим образом не можем добыть информацию, в которой нуждаемся.

Каан засмеялся.

- Конечно же, можем. Один из джедаев предоставит ее нам.

Словно по сигналу раздвинулись полы, прикрывающие вход длинной палатки военного штаба, и внутрь ступила молодая женщина-человек в одеждах Ордена джедаев. Она была среднего роста, но это было единственное, что вообще можно было назвать средним. За плечи ей ниспадали густые черные, с блестящим отливом, волосы. Лицо и фигура были превосходным экземпляром человеческих женских форм; светло-медную кожу оттеняли зеленые глаза, тлеющие жаром как угрозы, так и приглашения. Идя мимо толпы Темных Повелителей, она двигалась с гибкой грацией тви'леккского танцора, со скромной улыбкой на губах притворяясь, будто не слышит их изумленного перешептывания.

Копеж в свое время повидал много поразительных женщин. Среди Темных Повелителей женского пола, что собрались в палатке, были прекрасные дамы - знаменитые за невероятную красоту в той же мере, в какой и за огромную силу. Но когда молодой джедай приблизилась, он обнаружил, что не способен отвести от нее глаз. В ней было что-то магнетическое, что-то, что выходило за грань физической привлекательности.

Она высоко держала голову, гордые черты лица бросили безмолвный вызов, когда она подошла. И Копеж разглядел нечто еще: откровенное честолубие, дерзкое и голодное.

Стоящий рядом Каан прошептал:

- Изумительна, правда?

Она дошла до середины палатки и грациозно опустилась на колено, чуть преклонив голову в знак уважения Каану.

- Добро пожаловать, Гитани, - сказал он, жестом показав ей встать. - Мы ждали тебя.

- Мое почтение, Повелитель Каан, - промурлыкала она.

Копеж почувствовал, как его колени ослабли от этого чувственного голоса, но одернул себя, вновь возвратившись к абсолютному вниманию. Он был слишком стар и мудр, чтобы дать ослепить себя чарам этой женщины. Его заботило лишь то, что она могла предложить им против джедаев.

- У тебя есть для нас информация? - резко спросил он.

Она склонила голову набок и одарила его любознательным взглядом, стараясь отыскать причину такому холодному приему.

После секундной паузы она ответила:

- Я могу сказать вам, где именно следует ударить по их линиям, и когда. Лорд Хот сделал джедая по имени Киел Чарни ответственным за координирование обороны. У меня есть сведения непосредственно от него.

- Зачем этому Чарни делить такие сведения с тобой? - подозрительно поинтересовался Копеж.

Она подарила ему лукавую улыбку.

- Киел и я были... близки. Мы много, что делили. Он бы и представить себе не мог, что я приду с этой информацией к вам.

Копеж прищурился.

- Я думал, джедаи не одобрительно относятся к подобного рода вещам.

Ее улыбка превратилась в презрительную усмешку.

- Джедаи многого не одобряют. Вот почему я пришла к вам.

Каан сделал шаг вперед, и, прежде чем Копеж смог задать новый вопрос, положил хорошо знакомую руку ей на талию, отвернув ее в сторону.

- У нас нет на это времени, Гитани, - сказал он. - Ты должна дать нам отчет и возвратиться в лагерь джедаев до того, как кто-то заметит твою пропажу.

Она сверкнула Каану ослепительной улыбкой и кивнула.

- Конечно. Нам надо поторопиться.

Он вежливо подвел ее к голокарте. Вокруг немедленно столпилась группа стратегов, заслонив Гитани от глаз пока она раскрывала секреты обороны джедаев. Несколько секунд спустя Каан появился из толпы и вновь встал рядом с Копежом.

- Тщеславие, измена - темная сторона сильна в ней, - прошептал тви'лек. - Я удивлен, что джедаи вообще приняли ее к себе.

- Вероятно, они верили, что смогут направить ее к Свету, - ответил Каан, говоря так же тихо. - Но Гитани была рождена для темной стороны. Как я. Как ты. То, что она однажды примкнет к ситам, было неизбежно.

- Выбор времени удачен, - заметил Копеж. - Может, даже слишком. Есть вероятность, что это окажется ловушкой. Ты уверен, что мы можем доверять ей? Думаю, она опасна.

Каан отклонил предостережение легким смехом.

- Как и ты, Повелитель Копеж. Именно это делает тебя таким полезным для Братства.

* * *

Бэйн плавал в невесомости, окруженный темнотой и безмолвием. Казалось, что его несет по течению в черных водах самой смерти.

Потом сознание начало возвращаться. Его тело, вялое от блаженной бессознательности, вздрогнуло в темно-зеленой жидкости бакта-камеры, вызвав поток пузырьков, которые медленно устремились к поверхности. Сердце забилося, и он услышал, как по венам устремилась кровь.

Глаза резко раскрылись, как раз, чтобы разглядеть меддроида, подошедшего отрегулировать что-то в настройках его камеры. Через несколько секунд частота биения сердца замедлилась, а произвольная дрожь контуженных и разбитых конечностей утихла. Но хотя тело и было успокоено транквилизатором, разум Бэйна был теперь в сознании, полный тревоги.

Воспоминания о действиях и боли вспыхивали у него в голове. Виды, звуки, и запахи боя. Он вспомнил приближение запачканных кровью сапог: его кровью. Каз'им, вероятно, вмешался после потери Бэйном сознания, и не дал Зираку добить противника. И потом они доставили его сюда для лечения.

Сначала он был удивлен, что они потрудились помочь ему с выздоровлением. Потом понял что он, как и все студенты Академии, был слишком ценен для Братства, чтобы попросту от него отказаться. Поэтому он выжил... но жизнь его была, по сути, окончена.

Со времени своего прибытия в Академию он трудился только над одной задачей. Вся его учеба, все тренировки, были предназначены для одной-единственной цели: осмыслить и подчинить мощь темной стороны Силы. Тьма должна была принести ему могущество. Славу. Силу. Свободу.

Теперь он будет отщепенцем в Академии. Ему позволят посещать групповые занятия, практиковаться в способностях на тренировочных сессиях Каз'има, но этим все и ограничится. Всякая надежда на индивидуальные уроки с любым из Мастеров умерла вместе с его унижительным поражением. А без особых наставлений, потенциал его увянет и умрет.

В теории, все в Братстве были равны, но Бэйн был достаточно сообразителен, чтобы видеть реальную правду. На практике, ситы нуждались в лидерах, Мастерах, подобных Каану или Кордису. Сильные всегда впереди; слабым ничего не остается, кроме как следовать за ними.

Теперь Бэйн был обречен стать одним из тех, кто плетется в хвосте. Прожить жизнь в

рабOLEпии и повиновении.

Через победу мои оковы рвутся. Но Бэйн не нашел победы, и он слишком хорошо представлял себе оковы рабства, которые скуют его навеки. Он был уничтожен.

Вероятно, было бы лучше, если бы Зирак просто довершил работу.

Глава 14

В залах Академии ситов витала атмосфера неестественного торжества. Братство Тьмы одержало сокрушительную победу над джедаями на Руусане, и ликование празднества, которое устроил Кордис в ее честь, задержалось в воздухе. В ходе тренировочных занятий, комплексных упражнений и уроков, слышно было, как студенты азартно перешептываются, делясь подробностями битвы. Джедаи на Руусане были практически уничтожены, говорили одни. Другие утверждали, что пал и сам лорд Хот. Ходили слухи, что Храм джедаев на Корусанте остался беззащитным, и пройдет всего лишь несколько дней, и он будет разграблен Темными Повелителями ситов.

Мастера знали, что большая часть сказанного была либо преувеличена, либо не точна. Джедаи на Руусане были разгромлены, но большинству удалось избежать битвы. Лорд Хот не погиб; наиболее вероятно, что он сплавивал джедаев для неизбежного контрнаступления. И Храм на Корусанте был все еще далеко за пределами досягаемости Каана и Братства Тьмы. Тем не менее, повинаясь приказам Кордиса, преподаватели не препятствовали энтузиазму воспитанников ради улучшения боевого духа последних.

Однако ликующий настрой в Академии мало сказался на Бэйне. Прошло три недели регулярных сеансов в бакта-камере, прежде чем он полностью восстановился от жестокого избиения, причиненного ему Зираком. Обычно ущерб на дуэльном ринге требовал лишь дня или двух в камере, прежде чем студент снова готов был продолжить занятия. Но другие не пострадали так же сильно, как Бэйн.

Харст часто распускал кулаки, и Бэйн за свою юность пережил много зверских взбучек. Суровое обращение научило его тому, каково иметь дело с физической болью, но травма, причиненная Зираком, была гораздо сильнее, чем побои отца.

Бэйн неторопливо прохаживался по коридорам Академии, но медленная походка была скорее выбором, чем необходимостью. Томительный дискомфорт, который он ощущал, был ничтожным. Благодаря бакта-камере сломанные кости срослись, а ушибы полностью исчезли. Но эмоциональный ущерб восстановить было гораздо сложнее.

Приблизилась парочка хохочущих учениц, потчует друг дружку вымышленными фактами победы ситов на Руусане. Беседа оборвалась, едва они подошли к одинокой фигуре. Бэйн отвернулся, избегая встречи, когда те проходили мимо. Одна прошептала что-то невразумительное, но презрение, сквозившее в ее тоне, было очевидным.

Бэйн не отреагировал. Он справлялся с эмоциональной болью единственным известным ему способом. Тем же самым, каким он пользовался, когда был ребенком. Он ушел в себя, стараясь стать невидимым, чтобы сбежать от чужих презрения и насмешек.

Его поражение - столь публичное и сокрушительное - уничтожило его и так уже подорванную репутацию, как среди студентов, так и среди преподавателей. Даже до дуэли многие чувствовали, что сила покинула его. Теперь их подозрения подтвердились. Бэйн стал изгоем в Академии, избегаемый студентами и игнорируемый Мастерами.

Даже Зирак не обращал на него внимания. Он покорила своего соперника; Бэйн больше не был достоин его внимания. Внимание забрала, как и внимание практически всех воспитанников, обратилось к молодой женщине-человеку, которая прибыла вскоре после руусанской битвы, чтобы присоединиться к ним.

Ее звали Гитани. Бэйн слышал, что раньше она была Падаваном джедаев, но отвергла Свет в угоду темной стороне... достаточно заурядная в Академии история. Гитани, однако, никак нельзя было назвать заурядной. Она сыграла существенную роль в победе ситов на Руусане, и прилетела на Коррибан под фанфары героя.

Бэйн был еще слаб, чтобы посетить праздник в честь победы, где Кордис представил новоприбывшую остальным студентам, но с тех пор он несколько раз видел ее в Академии. Она была ошеломляюще прекрасна; совершенно очевидно, что многие студенты-мужчины испытывали к ней вожделение. И не менее очевидно, что кое-кто из женщин ей завидовал, хотя ради собственного же блага держал свое возмущение при себе.

Гитани была столь же высокомерна и безжалостна, сколь и физически привлекательна, не говоря уже об огромной Силе, которая в ней присутствовала. Всего за несколько недель она заработала себе репутацию, расправляясь с теми, кто вставал у нее на пути. Не удивительно, что она быстро стала любимицей Кордиса и других Темных Повелителей.

Впрочем, для Бэйна ничто из этого особого значения не имело. Он с опущенной головой устало тащился по коридорам, идя к расположенной в глубинах Академии библиотеке. Изучение архива казалось наилучшим способом дополнить уроки преподавателей на ранних этапах его учебы. Теперь же холодное, тихое помещение глубоко под основными ярусами храма служило ему единственным прибежищем.

Большая комната была совершенно пуста, если не считать ряды полок с нагромождениями рукописей, разложенных в случайном порядке, и затем забытых. Лишь несколько студентов утруждали себя зайти туда. Зачем тратить время, созерцая мудрость древних, когда ты можешь учиться под руководством подлинного Темного Повелителя? Даже Бэйн пришел туда только от безысходности; Мастера не будут больше тратить на него свое время.

Но когда он внимательно читал древние тексты, часть его, которая, как он думал, умерла, начала пробуждаться вновь. Внутренний огонь - бурлящая ярость, которая всегда была его тайным резервом - ушла. И все же, хоть и слабо, но темная сторона взывала к нему, и Бэйн понял, что еще не готов сдаться. И тогда он посвятил себя учебе.

Студентам не дозволялось выносить записи из помещения архива, так что Бэйн прочитывал все там. Вчера он, наконец, осилил довольно длинный и подробный трактат древнего Повелителя ситов по имени Нага Садоу об алхимии и ядах. Даже в нем он нашел малые крупицы глубинной мудрости, которые и сохранил для себя. Постепенно его знания росли.

Он медленно бродил от одного ряда к другому, мельком бросая взгляды на заголовки и имена авторов, надеясь отыскать нечто полезное. Он так погрузился в свои поиски, что не заметил темную фигуру в плаще, которая вошла в архив и молча встала в дверях, наблюдая за ним.

* * *

Гитани не сказала ни слова, пока высокий, плечистый мужчина блуждал по архиву. Он был слишком внушителен; даже под его свободной рясой ясно просматривались мускулы. Сконцентрировавшись, как учили Мастера джедаи до того, как она предала их, Гитани смогла ощутить в нем мощь темной стороны; Сила была в нем на удивление велика. Но вел себя не так, как подобает сильному. Даже здесь, вдали от чужих глаз, спина была сгорбленной, плечи опущены.

Вот что Зирак может сделать со своим соперником, поняла она. Вот что он может сделать с ней, если она выйдет против него и потерпит поражение. Гитани имела четкое намерение бросить вызов общепризнанно первому студенту Академии... но только тогда, когда будет уверена, что сможет одолеть его на ринге.

Она разыскала Бэйна, надеясь извлечь урок из его ошибок. Видя его теперь, слабого и разбитого, она поняла, что может получить от него гораздо больше, чем просто информацию. В обычных обстоятельствах она остереглась бы сблизиться с другим студентом, особенно с таким сильным, как Бэйн. Гитани предпочитала работать в одиночку; она слишком хорошо знала то, какими разрушительными могут быть последствия неожиданного предательства.

Но человек, которого она увидела, был уязвим, открыт. Он был одинок и в отчаянии: не в том положении, чтобы кого-то предать. Она может подчинить его, использовать в своих целях и избавиться от него, когда закончит дело.

Он снял книгу с полки и не спеша прошел к столу. Гитани подождала, пока он усядется и начнет читать. Глубоко вздохнув, она откинула назад капюшон, позволив своим длинным локонам каскадом рассыпаться по плечам. Затем она нацепила свою самую обольстительную улыбку и направилась к нему.

* * *

Бэйн осторожно раскрыл страницы древнего тома, который взял с полки архива. Его заглавие гласило «Раката и Неизвестный мир», и согласно дате, ему было почти три тысячи стандартных лет. Но не заголовок или тема приковали его внимание. Его привлекло имя автора: Дарт Реван. История Ревана была хорошо известно и ситам, и джедаям. Что особо интриговало Бэйна, так это использование титула «Дарт».

Никто из современных ситов не использовал имя «Дарт», предпочитая именовать себя «Темным Повелителем». Бэйн всегда находил это озадачивающим, но никогда не спрашивал Мастеров. Быть может в томе, написанном одним из последних великих ситов с этим титулом, он сможет узнать, почему традиция канула в лету.

Едва он начал читать первую страницу, как услышал чьи-то шаги. Он поднял взгляд и увидел новую ученицу Академии - Гитани - идущую к нему. Она улыбалась, сделав свои и так выдающиеся черты еще привлекательнее. Раньше Бэйн видел ее только на расстоянии; вблизи у него буквально перехватило дыхание. Когда она скользнула на кресло рядом с ним, тонкий запах духов защекотал в носу, заставив его скачущее сердце забиться еще сильнее.

- Бэйн, - прошептала она, хотя в архиве не было никого, кому могла бы помешать их беседа. - Я искала тебя.

Это заявление застало его врасплох.

- Искала меня? Зачем?

Она положила руку ему на предплечье.

- Я нуждаюсь в тебе. Нуждаюсь в помощи против Зирака.

Ее близость, лаконичное прикосновение к его руке, и соблазнительное благоухание вскружили Бэйну голову. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что именно она имеет в виду. Но как только до него дошло, ее внезапный интерес к нему стал очевиден. Новости об унижении от рук забрака достигли и ее ушей. Она пришла, чтобы повидаться с ним лично, надеясь научиться чему-то, что не даст ей пасть жертвой сходной неудачи.

- Я не могу помочь тебе с Зираком, - сказал он, отвернувшись и уткнув лицо в книгу.

Ее рука слегка сдавила его предплечье, и он снова поднял глаза. Она наклонилась ближе, и он понял, что смотрит прямо в ее изумрудные глаза.

- Пожалуйста, Бэйн. Просто послушай то, что я скажу.

Он кивнул, не совсем уверенный, что сможет произнести хоть слово, пока она так близко от него. Он закрыл книгу и чуть повернулся в кресле, чтобы лучше видеть ее лицо. Гитани благодарно вздохнула и немного отодвинулась. Он ощутил легкую вспышку досады, когда ее рука соскользнула.

- Я знаю, что случилось с тобой на ринге, - начала она. - Я знаю, все верят, что Зирак уничтожил тебя; что поражение неким образом лишило тебя силы. Я вижу, что и ты в это веришь.

На ее лице читалось сострадание. Хорошо хоть не жалость. Бэйну не нужно было этого ни от кого, а особенно от нее. Но при разговоре она выказала неподдельное сожаление.

Когда он не ответил, Гитани глубоко вздохнула и продолжила:

- Они ошибаются, Бэйн. Ты не мог просто потерять способность управлять Силой. Никто из нас не может. Сила - часть нас; часть нашей сущности.

Я слышала отзывы о том, что ты сделал с макуртом. Это показало, на что ты способен. Выявило твой реальный потенциал; доказало, что ты награжден огромным даром. - Она помедлила. Взор ее напрягся. - Ты можешь верить, что растратил этот дар, или потерял его. Но меня не проведешь. Я чувствую силу внутри тебя. Я осязаю ее. Она все еще там.

Бэйн покачал головой.

- Сила может и там, но мое умение контролировать ее ушло. Я совсем уже не тот, что был раньше.

- Это невозможно, - сказала она ласковым голосом. - Как ты можешь верить в такое?

Хотя он и знал что сказать, но помедлил, прежде чем ответить. Это был вопрос, который он задавал себе бесконечное множество раз, пока плавал в невесомости бакта-камеры. После поражения у него было много времени, чтобы разобраться со своей неудачей, и, в конечном счете, он пришел к пониманию того, что ему не удалось... но только не того, как это исправить.

Он не был уверен, что хочет делить личное откровение с практически посторонним человеком. Но кому еще он может довериться? Не другим студентам; уж точно не преподавателям. И даром что он едва знал Гитани - она протянула ему руку помощи. Она была единственной, кто сделал это.

Разоблачить свою слабость здесь, в Академии, мог только глупец или идиот. Но терять Бэйну было нечего, и эта правда не доставляла удовольствия.

- Всю жизнь меня вел гнев, - объяснил он. Он говорил медленно, уставившись на поверхность стола, и не в силах смотреть ей в глаза. - Гнев делал меня сильным. Он связывал меня с Силой и темной стороной. Когда Фогар погиб - когда я убил его - я понял, что несу ответственность и за смерть своего отца. Я так же убил его силой темной стороны.

- И ты чувствуешь себя виноватым? - спросила она, снова положив свою нежную ладонь на его руку.

- Нет. Наверное. Я не знаю. - Ее рука была теплой; он ощущал жар, струящийся по коже сквозь ткань его рукава. - Все, что я знаю, это то, что понимание этого изменило меня. Гнев, ведущий меня, пропал. Все, что осталось после, было... ну... ничем.

- Дай мне свою руку. - Голос Гитани был тверд, и Бэйн колебался лишь мгновение, прежде чем сделать это. Она сжала его ладонь двумя руками. - Закрой глаза, - приказала она, закрыв собственные.

Во мраке Бэйн остро ощутил, как сильно она сжимает его руку: сдавливает плоть так крепко, что через ладони он чувствовал биение ее сердца. Оно было быстрым, и его сильно колотящееся сердце ускорилося в ответ.

Он ощутил пощипывание в пальцах, нечто, находящееся за пределами физического контакта. Она тянулась к нему Силой.

- Идем со мной, Бэйн, - прошептала она.

Неожиданно он почувствовал, что падает. Нет, не падает: ныряет. Устремляется вниз, в огромную бездну, черную пустоту внутри самого себя. От холодной тьмы его тело онемело; он потерял ощущения в конечностях. Он не чувствовал больше ладоней Гитани, обхвативших его руку. Он не знал даже, сидит ли она все еще рядом с ним. Он был один в ледяной пустоте.

- Темная сторона - это эмоции, Бэйн. - Ее слова дошли издалека, тусклые, но ясные. - Гнев, ненависть, любовь, вожделение. Вот что делает нас сильными. Покой - это ложь. Есть только страсть. - Ее слова звучали теперь громче, достаточно громко, чтобы заглушить стук его сердца. - Твоя страсть по-прежнему при тебе, Бэйн. Отыщи ее. Верни.

Словно в ответ на ее слова внутри него ключом забили эмоции. Он ощутил злость. Ярость. Чистый, пульсирующий гнев: гнев на других студентов за то, что избегали его, гнев на Мастеров за то, что отказались от него. Больше всего он ненавидел Зирака. А на смену ненависти пришла жажда мести.

Затем он почувствовал что-то еще. Искру; вспышку света, жар в холодной темноте. Его разум устремился к ней, ухватив пламя, и на одно короткое мгновение он ощутил

восхитительную мощь Силы, вновь зажегшуюся в нем. Но Гитани отпустила его руку, и все пропало - потухло, как если бы он просто дал волю воображению. Но то была реальность. Он действительно почувствовал это.

Бэйн осторожно раскрыл глаза, словно человек, пробудившийся ото сна, который боялся забыть. По выражению лица Гитани он понял, что она тоже что-то почувствовала.

- Как ты сделала это? - спросил он, неудачно попытавшись избежать отчаяния в голосе.

- Мастер Хэнда научил меня, когда я была его ученицей в Ордене джедаев, - признала она. - Однажды я потеряла контакт с Силой, как и ты. Я была еще маленькой девочкой, когда это случилось. Мой разум просто не мог осознать столь огромное и безграничное. Он выстроил стену, пытаюсь защитить себя?

Бэйн кивнул, специально не говоря ни слова, чтобы она могла продолжить.

- Твой гнев по-прежнему в тебе. Как и Сила. Теперь ты должен прорваться сквозь стены, которые выстроил. Тебе нужно вернуться к началу и вновь научиться контактировать с Силой.

- Как мне это сделать?

- Тренировки, - ответила Гитани, словно это было очевидно. - Как еще научиться пользоваться Силой?

Слабая надежда, зажженная внутри него этим откровением, погасла.

- Мастера не будут больше обучать меня, - пробормотал он. - Кордис запретил.

- Я буду учить тебя, - с напускной скромностью сказала Гитани. - Я могу делиться с тобой всем, что знаю от джедаев. И всему, чему будут учить меня о темной стороне Мастера, я буду учить и тебя.

Бэйн призадумался. Гитани была не Мастером, но все же немало лет обучалась на джедая. Вероятно, она знает многое о Силе, что будет ново для него. И с помощью Гитани он уж точно узнает больше, чем без нее. Но все же что-то беспокоило в ее предложении.

- Почему ты делаешь это? - спросил он.

Она одарила его коварной улыбкой.

- По-прежнему не доверяешь мне? Хорошо. Ты и не должен. Я делаю это только ради себя. Я не могу одолеть Зирака в одиночку. Он очень силен?

- Говорят, что он сит'ари, - пробурчал Бэйн.

- Я не верю в пророчества, - парировала она. - Но у него могучие союзники. И прочие здешние браки безраздельно преданы ему. Если я захочу бросить ему вызов, мне потребуется кто-то на моей стороне. Кто-то могучий в Силе. Кто-то, похожий на тебя.

Ее доводы имели смысл, но Бэйн по-прежнему был встревожен.

- Повелитель Кордис и другие Мастера не одобряют этого, - предостерег он. - Ты подвергаешься большому риску.

- Риск - это единственный способ заработать награду, - ответила она. - Кроме того, меня не волнует то, что думают Мастера. В конце концов, выживают лишь те, кто заботится о себе.

Бэйну потребовалась секунда, чтобы понять, почему ее слова прозвучали так знакомо. Потом вспомнил последнее, что сказал ему Грошик перед тем, как он покинул Апатрос. *В конце каждый из нас остается в одиночестве. Выживают лишь те, кто знает, как о себе позаботиться.*

- Ты помогла мне вернуть Силу, а я помогу тебе с Зираком, - сказал он, протянув руку. Она пожала ее, и поднялась, чтобы уйти. Бэйн, не разжав хватки, снова заставил ее сесть. В глазах Гитани промелькнул опасный блеск, но он не отпустил руки.

- Почему ты оставила джедаев? - спросил он.

Выражение ее лица смягчилось, и Гитани покачала головой. Она протянула другую руку и мягко прикоснулась к его щеке.

- Не думаю, что я уже готова поделиться этим с тобой.

Он кивнул. Ему не было нужды давить на нее сейчас, и он знал, что еще не заслужил такого права.

Рука соскользнула с его щеки, и он разжал пальцы. Она одарила его последним оценивающим взглядом, потом поднялась и пошла прочь неровным, целеустремленным шагом. Она ни разу не обернулась, но Бэйн довольствовался тем, что следил за ее покачивающимися бедрами, пока она не скрылась из виду.

* * *

Гитани знала, что он наблюдал за ее уходом. Мужчины всегда наблюдали за ней; она привыкла к этому.

В целом она чувствовала, что встреча прошла удачно. Лишь на краткий миг - когда он отказался отпустить ее руку - на ум ей пришел вопрос: могла ли она недооценить его? Подобное вызывающее поведение застало ее врасплох; она ожидала кого-то слабого и послушного. Но, едва взглянув в его глаза, она поняла, что он сошелся с ней от отчаяния и страха. Одно-единственное знакомство и он уже не мог перенести расставания.

Несмотря на то, что она была с ситами еще совсем недолго, пути темной стороны стали для нее естественны. Она не чувствовала к нему ни сострадания, ни сожаления; его уязвимость лишь упрощала контроль. А в отличие от джедаев, Братство Тьмы вознаграждало амбиции. Каждый соперник, которого она раздавит, докажет ее ценность и поднимет статус среди ситов.

Она думала, что Бэйн послужит превосходным орудием для уничтожения ее противников. Он был невероятно могуч в Силе. Сильнее даже, чем она решила вначале. Гитани была поражена мощью, которую ощутила внутри него. И теперь она полностью обвела его вокруг пальца. Надо лишь обеспечить, чтобы он не свернул с намеченного пути.

Она медленно поведет его за собой, всегда держа чуть позади собственных возможностей. Эта игра была опасна, но она хорошо в нее играла. Знание было властью, и она одна проследит за тем, какое знание он получит. Она проучит его. Одурачит, подчинит своей воле, и использует, чтобы сокрушить Зирака. И потом, если почувствует, что Бэйн стал слишком силен, она уничтожит и его.

* * *

Ночь опустилась на Коррибан; потрескивающие факелы отбрасывали мрачные тени на коридоры Академии. Бэйн шел по ним, закутавшись в черный плащ, сам мало чем отличаясь от тени.

Ученикам запрещено было покидать свои комнаты после наступления комендантского часа - одна из мер, что предпринял Кордис для уменьшения количества «необъяснимых» смертей, участившихся в академиях, населенных конкурирующими студентами. Бэйн знал, что если его поймают, наказание будет суровым. Но только в это время он мог действовать без опасения быть увиденным другими студентами.

Он крался по этажу общежития, на котором жили студенты, пока не достиг лестницы, ведущей на верхние уровни в покои преподавателей. Бэйн быстро огляделся по сторонам, всматриваясь в трепещущие тени, разбросанные по каменным стенам. Он замер, стараясь расслышать звук кого-нибудь, кто мог его застигнуть. Он помнил маршрут ночного караула, который патрулировал коридоры после наступления темноты; Бэйн знал, что у него есть почти час до того, как они возвратятся на этот этаж храма. Но было и множество другой обслуги - поваров, уборщиков, сторожей - которые служили нуждам Академии и могли слоняться поблизости.

Услышав только тишину, он продолжил подъем по лестнице. Бэйн быстро прошел мимо личных апартаментов Кордиса, отчасти успокоившись, увидев, что даже Мастер чувствовал необходимость запираť на ночь дверь. Он миновал еще несколько дверей, прежде чем остановился перед апартаментами Мастера клинка.

Он тихо постучал, стараясь не разбудить остальных. Не успел он ударить по двери

снова, как та распахнулась, и за ней показался тви'лек. На краткий миг Бэйн подумал, что он стоял с другой стороны, поджидая его. Но это, разумеется, было невозможно. Скорее всего, превосходно тренированные рефлексy Мастера клинка среагировали на первый стук так быстро, что он успел пересечь комнату и отворить дверь прежде, чем последовал второй.

На нем были штаны, но торс остался обнаженным, выставляя на показ грудь, всю в шрамах и татуировках. Смущенное выражение его лица подкрепило предположение Бэйна, что Мастер клинка не знал о его приходе. А скорость, с которой он протянул руку, чтобы схватить Бэйна и втянуть в комнату, подтвердила подозрение о выдающихся рефлексax.

Не успел Бэйн понять, что происходит, как дверь за ним закрылась, заперев их обоих в маленькой, темной комнате. Ее хозяин зажег небольшой светящийся стержень в креплении над кроватью, и повернулся, свирепо взглянув на незваного гостя.

- Что ты здесь делаешь? - прошипел он.

Бэйн заколебался, не зная, как много он может поведать. Он раздумывал о предложении Гитани, и о том, что она ему сказала. И решил, что она была права: ему следует присматривать за собой, если он намерен выжить. Это значит, что он должен стать тем, кто одолеет Зирака, но не она.

- Я хочу, чтобы вы снова тренировали меня, - прошептал Бэйн. - Хочу, чтобы вы научили меня всему, что знаете об искусстве боя на светомечах.

Каз'им в ответ покачал головой, но Бэйн заметил, что тот на мгновение заколебался, прежде чем сделать это.

- Кордис никогда не позволит. Он четко распорядился, чтобы никто из Мастеров не тратил больше на тебя времени.

- Но вы ведь не отвечаете перед Кордисом, - парировал Бэйн. - Разве не все Мастера в Братстве Тьмы равны?

Это была бесстыдная апелляция к гордости Мастера клинка, и тви'лек с легкостью распознал, что к чему. Он улыбнулся, позабавленный дерзостью Бэйна.

- В целом, ты прав, - признал он. - Но здесь, на Коррибане, другие Повелители считаются с мнением Кордиса. Это избавляет от... сложностей.

- Кордису не обязательно знать, - заметил Бэйн, расхрабрившись тем, что Каз'им все еще не отказал ему. - Тренируйте меня в тайне. Мы можем встречаться ночью на крыше храма.

- Почему я должен делать это? - поинтересовался тви'лек, скрестив мускулистые руки. - Ты просишь учебы у Повелителя ситов, но что предлагаешь взамен?

- Вы знаете мой потенциал, - настаивал Бэйн. - Кордис отверг меня. Если я преуспею сейчас, доверие к нему пошатнется. Если я стану искусным воином Братства, Повелитель Каан узнает, что это вы меня тренировали. А если потерплю неудачу, никто никогда не заподозрит вашего в этом участия. Вам нечего терять.

- Кроме моего времени, - ответил Каз'им, поскребывая подбородок. - Ты потерял волю к сражению. Ты доказал это в бою против Зирака.

Его лекку слегка поддрагивали, и Бэйн принял это за знак того, что, несмотря на свои слова, он всерьез обдумывает предложение.

Бэйн вновь заколебался. Как много он рискнет раскрыть? Он все еще планировал позволить Гитани обучать себя Силе и путям темной стороны. Но он понимал, что если она будет его единственным учителем, ее сила навсегда затмит его. Если он хочет стать тем, кто поразит Зирака, ему в помощниках нужен Каз'им... и нужно не позволить ей узнать об этом.

- Моя воля к сражению вернулась, - сказал он, наконец, решив не выдавать причастности Гитани к своему внезапному исцелению. - Я готов принять силу темной стороны.

Каз'им кивнул.

- Почему ты делаешь это?

Бэйн знал, что это финальный тест. Каз'им был Темным Повелителем ситов. Его талант и мастерство предназначались для тех, кто однажды возвысится над остальными и примкнет

к Мастерам Братства Тьмы. Он хотел не только доказательства того, что Бэйн был действительно готов. Ему нужно было убедиться, что Бэйн достоин.

- Я хочу мести, - ответил Бэйн после тщательного раздумья. - Хочу уничтожить Зирака. Хочу раздавить его, как насекомое, каблуком своего сапога.

Мастер клинка улыбнулся в мрачном удовлетворении от ответа.

- Мы начнем завтра.

Глава 15

Бэйн шел по коридору осторожным, размеренным шагом. Но хотя поступь его была унылой и подавленной, настроение преисполнял ликующий триумф. За недели, прошедшие с судьбоносной встречи с Гитани, его положение коренным образом изменилось.

Как Гитани и обещала, она учила его. Первые несколько занятий прошли неспешно: на них она помогала ему преодолеть страх разума перед собственным потенциалом. Черная плена постепенно спадала. Шаг за шагом она помогала ему возратить потерянное, пока он вновь не ощутил бегущую по венам энергию темной стороны.

С тех пор учеба пошла гораздо быстрее. Жажда мщения подгоняла его занятия. Она питала его способность направлять Силу. Позволяла усваивать уроки, которые Мастера преподавали Гитани, и которые она передавала ему. Несмотря на пренебрежение преподавателей, он снова изучал все то, что давалось другим студентам - и изучал быстро.

Когда мимо прошел очередной студент, Бэйн склонил голову, поддерживая иллюзию раболепия. Важно, чтобы никто не заподозрил перемен. Он держал занятия с Гитани в секрете от остальных, даже от Каз'има... точно так же, как и тренировки Мастера клинка утаивались от нее.

Каз'им знал, что Бэйн стал искуснее в обращении с мечом, но не ведал о его успехах в других областях. Гитани видела прогресс в раскрытии его способности обращения с Силой, но не подозревала, что он осваивал и бой на мечях. В итоге, оба они недооценивали весь масштаб его возможностей. Бэйну нравилась та тонкая грань, по которой он ходил.

Его дни теперь были заполнены учебой и тренировками. В сумеречные часы, перед первым лучом зари, он встречался с Каз'имом чтобы отработать комплексные упражнения и техники. В полдень он был с Гитани в архиве, где она могла делиться с ним уроками без опасения, что их прервут или обнаружат. А всякий раз, когда он не тренировался с Каз'имом или не занимался с Гитани, он читал древние тексты.

Приблизился другой ученик и Бэйн посторонился, проецируя образ слабости и страха, чтобы скрыть свое поразительное преобразование. Он подождал, пока шаги ученика не стихнут, и спустился по лестнице к книгам на нижних уровнях храма.

Кордис или кто-то из преподавателей смогли бы проникнуть за проецируемое им прикрытие, и почувствовать его истинную силу, если бы не были так ослеплены собственным высокомерием. Они отогнали его от себя, посчитав за неудачника; теперь он был вне их внимания. К счастью, эта анонимность прекрасно устраивала Бэйна.

Он практически не спал. Казалось, что тело его во сне больше не нуждается; оно питалось растущей властью над темной стороной. Часа или двух медитации один раз в день было достаточно, чтобы сохранять энергичность и остроту ума. Он поглощал знания с аппетитом изголодавшегося ранкора, впитывая все, что получал от тайных наставников, и всегда желая большего. Мастер клинка был ошеломлен его прогрессом, и даже Гитани - несмотря на годы обучения с джедаями - не могла уследить за ним. Все, что Бэйн узнавал, он дополнял мудростью древних. Ощувив при первом посещении ценность архива, он повернулся к нему спиной, едва втянувшись в ежедневную рутину и интенсивные занятия Академии. Теперь он понял, что первоначальные инстинкты оказались верны: знание, содержащееся в пожелтевших пергаментах и обтянутых кожей манускриптах, были бессмертны. Силы была вечной, и хотя Мастера в Академии шли теперь по пути иному, нежели их предки-ситы, все они искали ответы в темной стороне.

Бэйн улыбнулся ироничности подобной жизни. Он был изгоем, студентом, которого Кордис хотел оставить позади. Но с помощью Гитани, Каз'има, и собственного изучения архива, он получил образование гораздо большее, чем любой другой студент на Коррибане.

Истина вскоре раскроется. И когда подойдет время, Зирак обнаружит, что недооценивал Бэйна. Все они обнаружат это.

* * *

- Превосходно! - вымолвил Каз'им, когда Бэйн блокировал шквальный натиск Темного Повелителя и сам нанес серию встречных ударов.

Ему не удалось прямое попадание, но он вынудил Мастера клинка отступить под яростью своей атаки.

Внезапно тви'лек высоко подпрыгнул, вращаясь и извиваясь, чтобы обрушиться на Бэйна, пролетев у него над головой. Бэйн подготовился, перейдя из наступления в оборону так плавно, что все выглядело как единое движение. Он отразил оба клинка меча Каз'има, одновременно поднырнув в сторону и без помех перекатившись на безопасное расстояние.

Развернувшись лицом к врагу, он увидел что Каз'им опустил оружие, показывая этим, что урок окончен.

- Очень хорошо, Бэйн, - сказал тви'лек, отвесив ему легкий поклон. - Я думал, тебя застанет врасплох этот ход, но ты смог предугадать его и защититься практически идеальной формой.

Бэйн был обрадован похвалой наставника, но огорчился, узнав, что занятие закончилось. Он тяжело дышал, мускулы блестели от пота и подергивались от адреналина, но он чувствовал себя так, словно готов был сражаться часами. Спарринг и комплексные занятия стали для него теперь больше, чем просто физическим напряжением. Каждое движение, каждый удар и выпад превращались в продолжение Силы, действующей через оболочку его физического тела.

Он страстно желал вступить в бой с другим оппонентом на ринге. Он ждал шанса испытать себя против других учеников. Но еще было не время. Пока нет. Он по-прежнему не был достаточно хорош, чтобы одолеть Зирака, и до тех пор, пока он не сможет сделать это, ему придется скрывать свой стремительно развивающийся талант.

Каз'им кинул ему полотенце. Бэйн был польщен, увидев, что тви'лек вспотел, хотя все же и не так сильно, как он сам.

- У вас есть что-нибудь для меня на завтра? - с жаром спросил Бэйн. - Новая последовательность? Новая форма? Что-нибудь?

- Ты двигаешься далеко за пределами последовательностей и форм, - сказал ему Мастер. - В последнем выпаде ты оборвал атаку на середине связки и набросился на меня под иным и совершенно неожиданным углом.

- Правда? - Бэйн был удивлен. - Я... и не подозревал.

- Именно это делает твой ход потенциально разрушительным, - растолковал Каз'им. - Теперь ты позволяешь Силе направлять твой клинок. Ты действуешь без мысли или резона. Тебя ведут страсти: ярость, гнев... даже ненависть. Твой меч стал продолжением темной стороны.

Бэйн мог не улыбнуться, но все же испуганно поморщился.

- Я все еще не могу пройти через вашу защиту, - сказал он, стараясь мысленно воссоздать бой. Что бы он ни пытался сделать, один из клинков сдвоенного меча тви'лека всегда оказывался рядом, чтобы парировать его атаку. Крупица сомнения поселилась в его разуме, когда он вспомнил, что Зирак пользовался точно таким же оружием. - Дает ли вам преимущество двухклиновый меч? - спросил он.

- Дает, но не такое, какое ты думаешь, - ответил Каз'им.

Бэйн молчал, терпеливо ожидая дальнейшего разъяснения. Мгновенья спустя учитель

угодил ему.

- Как ты уже знаешь, Сила - настоящий ключ к победе в любом противостоянии. Однако уравнение не такое простое. Кто-то, основательно обученный бою на светомечах, может сразить противника, имеющего преимущество в Силе. Сила позволяет тебе предугадывать действия оппонента и парировать их собственными. Но чем больше вариантов доступно врагу, тем сложнее предсказать, какой из них он выберет.

Бэйну показалось, что он понял.

- Значит, двухклинковое оружие дает вам больше вариантов?

- Нет, - ответил Каз'им. - Но ты думаешь, что дает, так что эффект тот же.

На несколько секунд Бэйн задумался над странными словами Мастера клинка, пытаясь разгадать их. В конце концов, ему пришлось признать поражение.

- Я по-прежнему не понимаю, Мастер.

- Ты хорошо знаешь обычный светомеч; ты пользуешься им сам, и ты видел, что и большинство других студентов используют его. Мое оружие кажется тебе странным. Незнакомым. Ты не совсем понимаешь, что оно может сделать, а чего нет.

По отсутствию нетерпения или раздражения в тоне тви'лека, Бэйн предположил, что учитель не ждал, что он поймет все самостоятельно.

- В бою твой разум старается проследить за каждым клинком по отдельности, что эффективно удваивает количество возможностей. Но оба клинка связаны: зная положение одного, ты тут же узнаешь положение другого. В реальном применении, двухклинковый светомеч ограничен сильнее, чем традиционный. Я могу причинить больше ущерба, но это будет менее аккуратно. Он требует долгих, широких движений, которые плохо переходят в быстрые колющие удары или выпады. Из-за того, что оружие нелегко освоить, лишь единицы среди джедаев - или даже ситов - понимают его. Они не знают, как атаковать или эффективно против него обороняться. Подобное дает тем из нас, кто использует его, преимущество над большинством противников.

- Как кнут Гитани! - воскликнул Бэйн.

Гитани воздерживалась от традиционного оружия в пользу очень редкого энергетического кнута: это было лишь одной из многих особенностей, которые выделяли ее из толпы прочих учеников. Его работа основывалась на тех же базовых принципах, что и работа светомеча, но вместо устойчивого луча, энергия кристаллов проецировалась в гибкую ленту, которая могла изгибаться в ответ на физические движения Гитани и использование Силы.

- Совершенно верно. Энергетический кнут гораздо менее эффективен, чем любой из светомечей. Однако никто и никогда не противостоял кнуту. Гитани знает, что замешательство ее врагов при столкновении с кнутом дает ей верх.

- Раскрывая мне этот секрет, вы отказываетесь от собственного преимущества, - заметил Бэйн, с улыбкой указав на двойной меч Каз'има.

- Лишь на очень малую толику, - сказал тви'лек. - Теперь ты понимаешь, почему экзотическое оружие или неизвестный стиль будут сложнее для обороны, но до тех пор, пока ты не станешь искусен в индивидуальном стиле, в пылу сражения твой разум все так же будет силиться разобрать его недостатки.

Бэйн не сбавлял напора, горя желанием обернуть новое знание в нечто практическое, чем он сможет воспользоваться.

- Значит, изучая различные стили, я могу опровергнуть это преимущество?

- В теории. Но время, потраченное на постижение других стилей - это время, упущенное от освоения твоей собственной формы. Наилучшего прогресса ты достигнешь при большей концентрации на себе и меньшей на оппоненте.

- Тогда зачем было вообще говорить мне все это? - расстроено выпалил Бэйн.

- Знание - сила, Бэйн. Мое назначение - дать тебе это знание. Решать тебе, какое применение ему найти.

С этими словами Мастер клинка оставил его и направился вниз по храмовой лестнице,

надеясь выкроить несколько часов сна до восхода солнца. Бэйн остался, размышляя над уроком, пока не пришло время встретиться с Гитани в архиве.

* * *

Запах горелого озона разнесся по архиву, заполняя ноздри Гитани, пока она наблюдала за тем, как Бэйн практикуется в последнем занятии. В помещение раздавалось потрескивание и шипение, когда он собирал энергию Силы и метал ее по комнате крупными искрящимися всполохами сине-фиолетовых молний.

Гитани стояла вместе с Бэйном в самом центре шторма. Свирепый ветер вихрем кружил вокруг, развевая ее волосы и полы одежды. Он раскачивал и сотрясал книжные полки, сбрасывая манускрипты на пол и терзая их страницы. Сам воздух пропитался электричеством, заставляя зудеть ее кожу.

Посреди всего этого Бэйн расхохотался, воздев в триумфе свои руки, и метнув очередной разряд, рикошетом отскочивший от стены. Каждый раз, как вспыхивала молния, яркость всполоха обжигала Гитани сетчатку, вынуждая ее заслонять лицо. Она заметила, что Бэйн не отворачивался: его глаза расширились и одичали от напора силы.

Грохот был почти оглушительным, а шторм не прекращал бушевать. Если Бэйн потеряет осторожность, эхо доберется до уровней над архивом, раскрыв их тайный тренировочный полигон всей Академии.

Двигаясь с осторожностью, Гитани вытянулась и коснулась его руки. Он повернул к ней голову, и безумие в его глазах едва не заставило ее отшатнуться. Вместо этого Гитани улыбнулась.

- Очень хорошо, Бэйн! - выкрикнула она, стараясь перекрыть грохот. - На сегодня достаточно!

Она в ожидании затаила дыхание, пока он не кивнул и не опустил руки. Она тотчас ощутила, как сила шторма утихает. Через несколько секунд он сошел на нет, оставив после себя лишь беспорядок.

- Я... я никогда не чувствовал ничего подобного, - выдохнул Бэйн, с его лица все еще не сходило выражение возбуждения.

Гитани кивнула.

- Это удивительное ощущение, - согласилась она. - Но ты должен быть осторожен, чтобы не потерять себя в нем.

Она цитировала слова Мастера Кордиса, который лишь несколько дней назад учил ее, как вызывать молнии Силы. Но сама она никогда не сотворяла чего-то столь грандиозного, как порожденная Бэйном мощь.

- Ты должен сохранять контроль, иначе шторм подхватит тебя вместе с твоими врагами, - сказала она ему, стараясь подражать спокойному, чуть снисходительному тону учителя, общающегося со своим учеником.

Она не могла позволить ему узнать, что он уже превзошел ее в этой новой способности. Не могла позволить узнать, что ощутила нависшую над собой ледяную хватку страха.

Он окинул взором поваленные полки, задержавшись взглядом на книгах и свитках, разбросанных вокруг.

- Нам лучше прибраться, пока кто-нибудь не увидел всего этого.

Гитани снова кивнула, и вдвоем они взялись за возвращение архива в его первоначальное состояние. Пока они работали, Гитани не могла не задуматься, не совершила ли она ошибку, объединившись с Бэйном.

Лишь лучшие ученики присутствовали на уроке, на котором Кордис обучал их использованию темной стороны для обращения Силы в смертоносный шторм. Никто - даже Зирак - не смог в тот первый день создать что-то большее, чем пару разрядов энергии. А Бэйн, всего час назад получивший от Гитани новое знание, вызвал достаточно силы, чтобы разнести на части целое помещение.

Это был уже не первый раз, когда Бэйн усваивал ее урок, и с первой попытки превосходил ее достижения. Он был гораздо могущественнее в Силе, чем она предполагала, и казалось, становился сильнее с каждым днем. Ее беспокоило, что контроль над ним может пропасть.

Само собой, Гитани была осторожна. Ей доставало ума не рассказывать ему все, что она узнавала от Мастеров ситов. Хотя не похоже было, что это давало ей хоть какое-то превосходство над ее учеником. Временами вопрос терзал ее: что если верх ему давало исследование древних текстов? Учеба под руководством настоящего Мастера должна была принести большую пользу, нежели чтение теоретических трудов, написанных тысячи лет назад... если только теперешние ситы не были в какой-то мере испорчены.

К сожалению, она совершенно не представляла, как проверить свою теорию. Если внезапно начать проводить по несколько часов на дню в архиве, Бэйн непременно пожелает знать, что же именно она задумала. Он может решить, что ее учеба не так полезна в сравнении с тем, что он может узнать самостоятельно. Может решить, что она бесполезна. И если дело дойдет до стычки, она вряд ли сможет одолеть его.

Но Гитани всегда гордилась своей приспособляемостью. Первоначальный план держать Бэйна при себе как раболепного ученика не подавал больше признаков жизни. Хотя она все еще хотела иметь его на своей стороне; Бэйн мог стать могучим союзником - первым делом убив Зирака.

Весь следующий час они трудились в молчании, подбирая книги и ровняя полки. К тому времени, как комната была приведена хоть в какое-то подобие порядка, спина Гитани уже ныла от постоянных наклонов. Она рухнула в одно из кресел, одарив Бэйна усталой улыбкой.

- Я выдохлась, - с преувеличенным вздохом сказала она.

Бэйн подошел ближе и встал сзади, положив крупные руки ей на плечи, прямо у основания ее длинной шеи. Он начал массировать мышцы, движения его оказались неожиданно нежными для человека таких габаритов.

- Ммм... как хорошо, - признала она. - Где ты этому научился?

- Труд на кортозисных рудниках учит многому о боли и плохом самочувствии, - ответил он, сильнее надавив большими пальцами над лопатками. Она ахнула и выгнула спину, затем медленно расслабилась, когда мышцы растаяли под его прикосновением.

Он редко говорил о своей прошлой жизни, но за то время, что они провели вместе, Гитани собрала воедино большинство из воспоминаний. Она же, с другой стороны, всегда была предельно осторожна с тем, что открывала о себе.

- Ты спросил меня однажды, почему я покинула джедаев, - проговорила она, чувствуя, что уплывает по волнам размеренных движений его пальцев. - Я так и не сказала тебе, да?

- У нас у всех есть прошлое, которое мы предпочитаем не вспоминать, - ответил он, не останавливаясь. - Я знал, что ты расскажешь мне, когда будешь готова.

Она прикрыла глаза и откинула назад голову, в то время как он продолжал растирать ее плечи.

- Моим учителем был катар, - негромко сказала она. - Мастер Хэнда. Он учил меня с тех пор, как я себя помню; родители передали меня Ордену, когда я была совсем еще ребенком.

- Я слышал, что джедаям нет дела до семейных уз.

- Их волнует только Сила, - согласилась она после секундного размышления. - Мирские привязанности - друзья, семья, возлюбленные - затуманивают разум эмоциями и страстями.

Бэйн фыркнул, и она ощутила, как глубокий, низкий звук прошел по кончикам его пальцев.

- Страсть ведет на темную сторону. По крайней мере, так я слышал.

- Для джедаев это шуткой не было. Особенно для Мастера Хэнды. Катары известны своей горячей кровью. Он всегда предупреждал меня и Киела об опасностях уступки нашим эмоциям.

- Киела?

- Киела Чарни. Второго Падавана Хэнды. Мы частенько тренировались вместе; он был лишь на год старше меня.

- Тоже катар? - спросил Бэйн.

- Нет, Киел был человеком. С годами мы стали близки. Очень близки.

Небольшой напор в его прикосновении сообщил ей, что до Бэйна дошло все значение ее слов. Она притворилась, что не заметила.

- Киел и я были любовниками, - продолжала она. - Джедаи запрещают подобные привязанности. Мастера боятся, что это затуманит разум опасными эмоциями.

- Тебя по-настоящему влекло к нему, или просто из намерения послушаться твоего учителя?

Она долгое время раздумывала над этим.

- Немного того, немного другого, полагаю, - сказала она, наконец. - Он был довольно красив. С большой Силой. Это было серьезной приманкой.

Бэйн лишь усмехнулся в ответ. Его руки прекратили массировать, и теперь отдыхали на ее шее.

- Стоило нам только стать любовниками, как Мастер Хэнды тотчас это выяснил. Несмотря на все его проповеди о контроле эмоций, я бы сказала, что он был в ярости. Он приказал нам отвергнуть наши чувства и запретил продолжать отношения.

Бэйн презрительно фыркнул.

- Неужели он и правда думал, что это будет вот так просто?

- Джедаям эмоции видятся как часть нашей животной натуры. Они верят, что мы должны выситься над своими основными инстинктами. Но я знаю, что страсть - это то, что делает нас сильнее. Джедаи боятся ее только потому, что их Падаваны теряют предсказуемость и не поддаются контролю.

Реакция Мастера Хэнды позволила мне осознать правду. Все, что джедаи думают о Силе - извращение реальности, ложь. Я, наконец, поняла, что никогда не раскрою своих полных возможностей с Мастером Хэндой. Это был момент, когда я повернулась спиной к Ордену и начала планировать свой побег к ситам.

- А как насчет Киела Чарни? - он снова массировал ее плечи, но движения его рук были теперь немного грубее.

- Я предложила ему пойти со мной, - созналась она. - Я сказала ему, что у него есть выбор: джедаи, или мы. Он выбрал джедаев.

Напряжение в руках Бэйна чуточку смягчилось.

- Он мертв?

Она рассмеялась.

- Убила ли я его, ты имеешь в виду? Нет, он все еще жив, насколько я знаю. Но мог и умереть, сражаясь против ситов на Руусане. И я не испытываю особого желания убивать его своими руками.

- Из чего можно сделать вывод, что твои чувства к нему были не так сильны, как ты думала.

Гитани замерла. Это могло быть и шуткой, но она знала, что в словах Бэйна есть доля правды. С Киелом было удобно. Хотя присутствовало и физическое влечение, но он стал больше, чем другом во многом из-за ее положения: суток совместной учебы под руководством Мастера Хэнды; напряженной жизни по пустым идеалам джедаев; стресса от заточения в горниле, казалось бы, бесконечной войне на Руусане.

Бэйн обнял ее за шею, его прикосновение было решительным, но не крепким. Он наклонился и зашептал ей в ухо, заставив вздрогнуть от тепла и близости своего дыхания.

- Я надеюсь, что предав меня, ты постарайся убить меня сама.

Она вскочила с кресла, стряхнув его руки и развернувшись к нему лицом. На долю секунды она разглядела самодовольное выражение на его лице. Затем оно пропало, сменившись оправдательным беспокойством.

- Прости, Гитани. Это была шутка. Я не хотел тебя расстраивать.
- Я раскрыла болезненную часть своего прошлого, Бэйн, - осторожно сказала она. - Я вообще не хотела проливать на это свет.
- Ты права, - произнес он. - Я... пойду.

Она не спускала с него глаз, едва он не отвернулся и не направился к выходу. Казалось, он искренне сожалеет о сказанном, раскаивается, что причинил ей боль. Превосходная ситуация, чтобы надавить на тот эмоциональный рычаг, что она искала... если бы только не та короткая вспышка или что-то на нее похожее.

Едва он ушел, она тряхнула головой, пытаясь прояснить ситуацию. Бэйн был похож на огромное, неповоротливое животное в обличье человека, но за его тяжелым лбом и лысым черепом скрывались мудрость и коварство.

Она прокрутила в голове последние двадцать минут, стараясь определить, когда потеряла контроль над ситуацией. Между ними пробежала искра, как она того и хотела. Бэйн не делал ничего, чтобы скрыть свое вожеление; она чувствовала жар, когда он ласкал ее шею. И все же, что-то пошло не так в ее тщательно спланированном плане обождения.

Возможно ли, что она и в самом деле была к нему не равнодушна?

Гитани бессознательно закусил нижнюю губу. Бэйн был могущественным, сообразительным и дерзким. Он нужен был ей для устранения Зирака. Но он не переставал удивлять ее. Он продолжал оспаривать ее выводы и опровергать ожидания.

Ей пришлось признать, что даже несмотря на это, она находила его интригующим. Или как раз из-за этого. У Бэйна было все, чего не хватало Киелу: амбиции, импульсивность, непредсказуемость. Несмотря на все ее намерения, какая-то малая толика тянулась к нему. А это - больше, чем что-либо еще - делало его очень опасным союзником.

Глава 16

На самой вершине коррибанского храма, на фоне кроваво-красной луны, вырисовываясь темными силуэтами, неподвижно стояли две фигуры: человек и тви'лек. Холодный ветер дул по крыше, но, несмотря на то, что оба бойца сбросили свои рясы, чтобы сражаться с оголенным торсом, никто из них не ежился от холода. Они могли бы быть статуями, недвижимыми и твердыми как камень, если бы не тлеющий жар в их глазах.

Без всякого предупреждения фигуры ринулись друг на друга, двигаясь так быстро, что сторонний наблюдатель не смог бы определить, кто пошел в атаку, а кто среагировал. Они встретились с оглушительным скрежетом своих смертоносных клинков.

Даже отчаянно борясь за то, чтобы не сдавать позиции, Бэйн тщательно изучал Каз'има. Он скрупулезно наблюдал за каждым финтом и ударом, анализируя и запоминая всякий блок, парирование и контрудар. Мастер клинка говорил, что лучше тратить время на совершенствование собственной техники, но Бэйн решил свести на нет преимущество Зирака, вбирая все, что только можно от двухклинкового стиля боя тви'лека.

Обмен ударами продлился не больше минуты, без перерыва или передышки, до тех пор, пока Бэйн не отскочил для перегруппировки. Он чувствовал, что его атаки плавно переходят в бессознательную систему, а предсказывание теряет смысл против такого искусного оппонента, как Каз'им. Он уже попал в эту ловушку на прошлой неделе. И не собирался допускать промаха дважды.

Два бойца снова столкнулись, неподвижно следя за глазами друг друга, мечущимися в поисках любого признака, который можно было использовать для получения хоть какого-то преимущества.

За последний месяц их тренировочные сеансы стали проходить реже, но гораздо интенсивнее. Бэйна полагал, что Каз'им находил собственную ценность в спарринге с ним: Мастеру клинка уже, вероятно, изрядно надоело скрещивать клинки с учениками и студентами гораздо ниже собственного уровня.

Однако Бэйн так и не мог одолеть наставника. Но каждый раз, когда они сходились в

бою, он чувствовал, что подбирается все ближе и ближе к цели. Форма и техника Каз'има были безупречны, но Бэйн прекрасно знал, что незначительная ошибка была именно той удобной возможностью, что ему требовалась.

Оба бойца тяжело дышали; занятие длилось намного дольше, чем раньше. Их бои обычно заканчивались, когда тви'лек наносил решающий удар, обездвигивая одну из рук студента жгучим ядом пелко. Однако этой ночью Каз'иму еще придется постараться, чтобы сделать это.

Каз'им ринулся вперед, лязг оружий пронзительным звоном разнесся над крышей. Они стояли практически рядом, нанося друг другу удары, не уступая и не снижая натиска. В конце концов, Бэйн вынужден был ретироваться, внезапно оборвав схватку до того, как виртуозность Мастера Клинки не прорвала его оборону.

На сей раз, Бэйн оказался тем, кто инициировал атаку. В очередной раз их тренировочные мечи обрушились друг на друга, и в очередной раз разошлись, оставив обоих бойцов без повреждений. Но на этот раз в исходе боя сомнений не оставалось.

Бэйн склонил голову и опустил меч, признавая поражение. Последним выпадом он сдержал Каз'има, но с каждым взмахом меча ему становилось все тяжелее. Приходила усталость. Даже Сила не могла сохранять бодрость мускул вечно, и бесконечная дуэль, судя по всему, начала приносить слишком большие потери. Мастер клинка, с другой стороны, не потерял практически ни капли в скорости и меткости.

Бэйн сомневался, что выдержит следующий выпад, и даже если выдержит, то пришедший ему на смену точно принесет поражение. Это было неизбежно, так что не было смысла продолжать дальше, чтобы в итоге пострадать от болезненного удара.

Каз'им, казалось, на мгновение удивился поступку, но потом кивнул, признавая победу.

- Ты поступил здраво, осознав, что битва окончена, но я ожидал, что ты доведешь бой до конца. В капитуляции мало чести.

- Честь - награда глупцов, - ответил Бэйн, цитируя отрывок из одной книги, которую он недавно прочитал в архиве. - Слава бесполезна для мертвых.

На мгновение задумавшись над его словами, Мастер клинка кивнул.

- Хорошо сказано, мой юный ученик.

Бэйн не удивился, что Каз'им не узнал цитаты. Слова были написаны Дартом Реваном почти три тысячелетия назад. Преподаватели были так же апатичны, как и студенты, когда дело касалось изучения древних записей. Академия, по-видимому, повернулась спиной к былым приверженцам темной стороны.

Верно, Реван в итоге возвратился обратно к джедаям и к Свету, пережив предательство Дарта Малака. И все же, Реван и Малак были на волосок от уничтожения Республики. Было глупо обесценивать все, чего они достигли, и еще глупее игнорировать уроки, которые можно было от них получить. Несмотря на это, Кордис и прочие Мастера упорно отказывались проводить хоть сколько-нибудь времени за изучением истории Ордена ситов. К счастью для Бэйна, эту же черту они прививали и своим студентам.

Это давало ему неоспоримое преимущество над другими учениками. И непременно раскроет ему реальный потенциал темной стороны. Архив был полон записей неслыханного проявления могущества: города опустошались, миры склонялись, целые звездные системы обращались в прах, когда Темный Повелитель превращал солнце в Новую. Некоторые из историй, скорее всего, были преувеличениями, мифами, которые разрастались с каждым пересказом, прежде чем осесть на пергаменте. Хотя корнями своими они уходили в правду, и правда эта вдохновляла Бэйна двигаться все дальше, и быстрее, чем он осмеливался.

Мысли о Реване и Повелителях ситов прошлого вернули его к вопросу, который уже некоторое время волновал его.

- Мастер, почему ситы не используют больше титул Дарт?

- Так решил Повелитель Каан, - сказал ему тви'лек, закончив обтираться полотенцем. - Традиция имени Дарт - пережиток прошлого. Она олицетворяет то, чем ситы были когда-то, а не то, кто мы сейчас.

Бэйн покачал головой, неудовлетворенный ответом.

- Неужели дело только в этом? - спросил он, нагнувшись, чтобы подобрать сброшенную в начале поединка рясу. - Повелитель Каан не стал бы отбрасывать древние традиции без оправдания.

- Я вижу, простой ответ не для тебя, - со вздохом произнес Каз'им, натягивая рясу. - Отлично. Чтобы понять, почему титул больше не в употреблении, ты должен уяснить, что он символизирует на самом деле. Титул Дарт был не просто символом власти; он утверждал господство. Он был в ходу у тех Повелителей, что стремились навязать свою волю другим Мастерам. Это был вызов, предупреждение: склонись, или будь уничтожен.

Бэйн уже знал это, но не думал, что будет мудрым перебивать. Вместо этого он сел, скрестив ноги, смотря вверх на своего наставника и просто слушая.

- Естественно, немногие Темные Повелители когда-либо покорялись чужой воле, - продолжал Каз'им. - Стоило кому-то из нашего Ордена взять титул Дарт, как обман и предательство рука об руку следовали за ним, неся с собою смерть. Не было покоя Мастеру, который осмеливался воспользоваться именем Дарт.

- Покой - это ложь, - отозвался Бэйн. - Есть только страсть?

Каз'им в раздражении приподнял бровь.

- Покой - всего лишь слово. То, что я имел в виду - это стабильность. Те Мастера, что избирали титул Дарт, тратили столько же времени, обороняясь от мнимых союзников, сколько сражаясь против джедаев. Каан хотел положить конец подобному расточительству.

Оттуда, где он сидел, Бэйну показалось, что Мастер клинка старался убедить в этом не столько своего ученика, сколько себя.

- Каан хотел, чтобы мы сосредоточили все свои ресурсы на нашем истинном враге, а не на друг друга, - заявил Каз'им. - Вот почему все мы равны в Братстве Тьмы.

- Равенство - миф для защиты слабых, - возразил Бэйн. - Кто-то из нас могуч в Силе, кто-то нет. Лишь глупец думает иначе.

- Есть и другие причины, почему титул Дарт был отринут, - заявил Каз'им с некоторым разочарованием. - Главная причина в том, что он притягивал внимание джедаев. Он раскрывал врагу наших лидеров: давал им легкие цели для устранения.

Бэйн по-прежнему не убедился. Джедаи знали настоящих лидеров ситов, как бы те себя не называли - будь то Дарт, Повелитель или Мастер. Но Бэйн видел, что тви'лек не в восторге от дискуссии, и он уже узнал достаточно, чтобы можно было закончить.

- Простите меня, Повелитель Каз'им, - сказал он, склонив голову. - Я не хотел оскорбить вас. Я лишь пытался почерпнуть вашей мудрости, чтобы объяснить то, что я не мог понять самостоятельно.

Каз'им взглянул на него с тем же выражением лица, что было у него, когда Бэйн внезапно закончил их дуэль.

В конце концов, он спросил:

- Так теперь ты видишь мудрость решения Повелителя Каана покончить с традицией?

- Конечно, - солгал Бэйн. - Он действовал на благо всех нас.

Поднявшись на ноги, он подумал: *Каан поступал как один из джедаев. Тревожился о вящем благе. Стремился принести гармонию и сотрудничество нашему Ордену. Темная сторона чахнет и мрет в таких условиях!*

Каз'им пристально посмотрел на Бэйна, словно желая сказать нечто большее. Но все же промолчал.

- На сегодня достаточно, - сказал Каз'им. Небо вдалеке подернулось серой пеленой зари; до рассвета оставался всего час. - Другие студенты скоро придут на тренировку.

Перед уходом Бэйн поклонился еще раз. Спускаясь по ступенькам храма, он понял, что Каз'им, невзирая на свое мастерство со светомечом, не сможет научить его тому, что ему действительно нужно знать. Тви'лек повернулся спиной к прошлому; отверг индивидуалистские основы ситов в угоду Братству Каана.

Таинства подлинных возможностей темной стороны были ему недоступны - и

недоступны, вероятно, каждому Мастеру Академии.

* * *

Гитани чувствовала, что что-то тревожит Бэйна. Он едва проявлял признаки внимания, когда она делилась с ним тем, что узнала от Мастеров на самых последних занятиях.

Она не знала, что его беспокоит. Да и по правде говоря, ей было все равно. Если только это не мешало ее собственным планам.

- Что у тебя на уме, Бэйн, - прошептала она.

Погруженному в размышления, ему потребовалось некоторое время, чтобы отреагировать.

- Я... прости, Гитани.

- Что не так? - настаивала она, стараясь создать видимость искренней заботы. - О чем ты думаешь?

Сначала он не ответил; казалось, он тщательно взвешивает слова, прежде чем заговорить.

- Ты веришь в могущество темной стороны? - спросил он.

- Конечно.

- И так ли ты себе все представляла? Оказалась ли Академия достойна твоих ожиданий?

- В чем-то нет, - ответила она со слабой улыбкой. - Но я узнала многое от Кордиса и прочих с тех пор, как оказалась здесь. Вещи, которые джедаи никогда бы мне не раскрыли.

Бэйн насмешливо фыркнул.

- Большая часть того, что знаю я, из этих книг, - он обвел рукой полки.

Она не знала, что сказать дальше, так что промолчала.

- Ты как-то сказала мне, что Мастера не знают всего, - продолжал Бэйн. - Ты тогда имела в виду джедаев, но я начинаю верить, что это также относится и к ситам.

- Они были не правы, что отвернулись от тебя, - сказала она, видя удобную возможность, которую так долго ждала. - Но ты должен направить вину в нужное русло. Мы оба знаем, кто в ответе за то, что с тобой случилось.

- Зирак, - сказал Бэйн, выплюнув имя, словно то было ядом.

- Он должен заплатить за содеянное с тобой, Бэйн. Мы ждали достаточно. Время пришло.

- Время для чего?

Гитани придала голосу налет трепета.

- Завтра утром я собираюсь бросить ему вызов на ринге.

- Что? - Бэйн покачал головой. - Не глупи, Гитани! Он уничтожит тебя!

Превосходно, - подумала она.

- У меня нет выбора, Бэйн, - с грустью сказала она. - Я же говорила тебе, что не верю в легенду о сит'ари. Зирак может и лучший ученик в школе, но победить его можно.

- Если он и не сит'ари, то все равно слишком силен для тебя. Ты не можешь сойтись с ним на ринге, Гитани. Я изучал его; я знаю, как он хорош. Тебе его не одолеть.

Она дала его словам повиснуть в воздухе на длительное время, прежде чем сокрушенно опустить голову.

- Какой еще есть выбор? Мы должны уничтожить его, и единственная возможность сделать это - дуэль.

Бэйн ответил не сразу; она видела, что он обдумывает иное решение. Оба они знали, что есть лишь один возможный ход; одно решение, к которому он неминуемо придет. Им нужно покончить с Зираком вне ринга. Убить его. Это было вопиющим нарушением правил Академии, и если их поймают, последствия будут суровы.

Именно поэтому идея должна была возникнуть у Бэйна. И как только она придет к нему, Гитани сможет интригой заставить Бэйна привести ее в исполнение. Это был

идеальный план: избавиться от Зирака и заставить Бэйна принять весь риск на себя.

Позже она может «невзначай» намекнуть Мастерам об участии Бэйна... если потребуется. Однако Гитани не была больше так уверена в этой части плана. Она ставила под сомнение собственное желание предать Бэйна. Но не возражала против манипуляции им.

Бэйн глубоко вздохнул, собираясь с мыслями, чтобы заговорить. Она приготовилась изобразить очень убедительный (и притворный) возглас удивления.

- Ты не можешь встретиться с Зираком на ринге, но я могу, - сказал он.

- Что? - удивление Гитани было почти как настоящее. - Он едва не забил тебя до смерти в прошлый раз! На этот раз он точно тебя убьет!

- Теперь я намерен победить.

Тон его голоса заставил Гитани понять, что она что-то упустила.

- Что происходит, Бэйн? - потребовала она.

Он недолго колебался, прежде чем сознаться:

- Я в тайне занимался с Повелителем Каз'имом.

В этом есть смысл, - поняла она. Она могла бы и сама все сообразить. *Может, смогла бы, если бы не дала Бэйну добраться до тебя*, - упрекнула она себя. - *Ты знаешь, что начинаешь испытывать к нему чувства; позволяешь им затуманить свое суждение*.

Вслух она сказала:

- Я не люблю, когда мне морочат голову, Бэйн.

- Как и я, - ответил он. - Я не дурак, Гитани. Я знаю, чего ты от меня хочешь. Я знаю, что ты ожидаешь услышать. Я расквитаюсь с Зираком. Но я пойду своим путем.

Даже не сознавая того, Гитани принялась покусывать нижнюю губу.

- Когда?

- Завтра утром. Как ты и сказала.

- Но ты же знаешь, что я не серьезно.

- А ты знаешь, что я серьезно.

Гитани невольно начала накручивать на палец локон волос. Она резко одернула руку, как только поняла, что делает.

Бэйн осторожно обнял ее за плечи.

- Тебе не нужно волноваться, - заверил он. - Никто не узнает, что ты была замешана.

- Меня не это заботит, - прошептала Гитани.

Он склонил голову на бок, пристально изучая ее, чтобы увидеть, была ли она честна с ним. К ее большому удивлению, это было правдой.

Бэйн, видимо, ощутил ее искренность, потому как притянул ближе и нежно поцеловал в губы. Он медленно отодвинулся, позволив своей руке соскользнуть с ее плеча. Не говоря ни слова, он поднялся на ноги и направился к двери, ведущей из архива.

Она в молчании наблюдала за ним, затем, в последнюю секунду, выкрикнула:

- Удачи, Бэйн. Будь осторожен.

Он остановился, застыв на месте, как если бы получил в спину заряд бластера.

- Буду, - ответил он, не оглядываясь. И ушел.

Через несколько секунд Гитани почувствовала, что лицо ее горит. Она рассеяно смахнула слезу, скатившуюся по щеке, и медленно подняла руку, в недоверии уставившись на влагу, растекшуюся по ладони.

Чувствуя отвращение к собственной слабости, Гитани вытерла слезу о полы плаща. Она встала с кресла, расправила плечи и выпрямила спину, высоко и гордо подняв голову.

А что если все пойдет не по плану? Если Бэйн убьет Зирака на ринге, ее соперник все же умрет. А если Бэйн потерпит поражение, она всегда сможет найти кого-то еще, чтобы прикончить забрака. В конце концов, все работает по одной схеме.

Но когда она спешно выходила из комнаты, что-то ей подсказало, что это неправда. Не важно, как именно сложится игра, она все равно будет сильно отличаться от того, что Гитани себе представляла.

Утреннее небо потемнело от грозowych туч. Слышно было, как гром прокатывается по пустым равнинам, которые отделяли храм от Долины Темных Повелителей.

Бэйн не спал этой ночью. После словесной баталии с Гитани он вернулся к себе в комнату, чтобы помедитировать. Но даже это оказалось сложным; его разум переполняло слишком много мыслей, чтобы должным образом сосредоточиться.

Воспоминания об ужасном избиении, через которое он прошел, всплыли на поверхность, вытянув следом сомнение и страх поражения. Пока что ему удавалось сопротивляться шепоту, угрожавшему решительности, и он твердо следовал первоначальному замыслу.

Ученики собирались, некоторые бросали косые взгляды на тучи над головой. Храмовая крыша была полностью открыта для стихии, и в не зависимости, как сыро, холодно и плохо было студентам, они знали, что комплексные упражнения и поединки не отменят. Мелкий дождь - ничто для ситов, любил повторять Каз'им.

Бэйн нашел место среди толчеи, готовящейся к групповой тренировке. Ученики вокруг старательно игнорировали его присутствие. Так было с того самого момента, как его победил Зирак: его избегали; он стал анафемой для других студентов. Хотя он и занимался на всех занятиях, все было так, словно на самом деле его не существовало. Он был безмолвной тенью, скрывающейся в темных углах, изгнанный если не физически, то духовно.

Бэйн оглядел толпу в поисках Гитани, но когда встретился с ней взглядом, она быстро отвела глаза. И все же он нашел ее присутствие успокаивающим. Он верил, что она, может и частично, но желает ему успеха. Верил, что нечто, что они чувствовали друг к другу, было не просто частью игры, в которую оба они играли.

Когда занятия начались, Бэйн приказал себе не оглядываться на Зирака. За последние месяцы он изучил забрака во всех деталях; все, что он случайно обнаружит сейчас, лишь сподвигнет его пересмотреть себя. Вместо этого он сосредоточился на собственной технике.

На прошлых занятиях он умышленно допускал ошибки и промахи, для того чтобы сохранять собственный растущий талант в тайне от любого студента, который нечаянно мог взглянуть в его направлении. Теперь же время для секретности прошло. После сегодняшней дуэли все узнают, на что он способен - или же его убьют и забудут навеки.

Закапал дождь. Сначала медленно; плотные, тяжелые капли оставляли между друг дружкой достаточные промежутки, чтобы можно было разобрать звук падения каждой. Но затем тучи разверзлись, и дождь пошел равномерным, постукивающим ритмом. Бэйн едва обращал на него внимание. Он ушел в себя, погрузившись глубоко в душу, чтобы посмотреть в лицо страху. Пока его тело выполняло движения базовых атак и защитных стоек вместе с остальным классом, он медленно преобразовывал страх в гнев.

Бэйн не мог сказать, как долго продлился тренировочный сеанс: казалось, он шел вечность, но в действительности, Каз'им закончил его раньше из-за стойкого ливня, насквозь промочившего его воспитанников. К тому времени, как упражнения прекратились, и ученики собрались в знакомый круг возле дуэльного ринга, молодой человек обратил kloкочущий гнев в раскаленную добела ненависть.

Как Бэйн сделал и в прошлый раз, вызывая Зирака, он зашел на ринг быстрее всех, протолкавшись через толпу с самого дальнего от середины края. Послышался удивленный шепот, когда остальные признали дуэлянта.

Он чувствовал, как темная сторона бушует внутри него, формируя бурю много свирепее, чем та, что низвергалась с небес. Настало время ненависти принести ему освобождение.

- Зирак! - прокричал он, и голос его вознесся над бушующим ветром. - Я вызываю тебя!

Глава 17

Брошенный Бэйном вызов повис в воздухе, как если бы плотная завеса дождя каким-то образом поглотила его слова. Сквозь тьму бури он разглядел часть толпы и медленно выступившего вперед Зирака.

Забрак двигался со спокойствием и уверенностью. Бэйн надеялся, что неожиданный вызов выбьет врага из колеи. Если бы он смог смутить Зирака, застать его врасплох или запутать, преимущество оказалось бы на его стороне еще до начала драки. Но если его противник чувствовал вообще хоть что-то, то он тщательно скрывал это под холодной, невозмутимой маской.

Зирак передал свой длинный тренировочный меч Йевре, одной из двойняшек-забраков, что всегда следовала за ним по пятам, и сбросил плотный, намокший от дождя плащ. Под ним он носил простые брюки и жилет. Не говоря ни слова, он протянул скомканный плащ Ллокаю, еще одному забраку, выбежавшему из толпы. Затем подскочила Йевра, возвратив оружие в его уже раскрытую ждущую ладонь.

Бэйн стянул с себя плащ и сбросил на землю, стараясь игнорировать холодные уколы дождя по обнаженному торсу. Он мало надеялся на то, что Зирака взволнует его вызов, но рассчитывал, что забрак отчасти потеряет в уверенности. И все же в приготовлениях Зирака ощущалась убийственная эффективность (экономия и аккуратность движений), давшая Бэйну знать, что он принял дуэль очень даже всерьез.

Зирак был высокомерен, но не глуп. Ему хватило здравого смысла понять, что Бэйн не вызвал бы его снова, если бы не имел на руках некоего победного плана. И до тех пор, пока он не поймет, в чем заключается план, он не оставит оппонента в покое.

Бэйн знал, что теперь может одержать над Зираком верх. Как и Гитани, он не верил в легенду об избранном, что взойдет над рядами ситов: он сохранял убеждение, что Зирак на самом деле не был сит'ари. Но он не хотел просто сразить его. Он хотел уничтожить его, точно так же, как Зирак уничтожил его при их последней встрече.

Но Зирак слишком хорош; он никогда не оставит брешь в обороне, как когда-то сделал Бэйн. Не сразу. Нет, если только Бэйн каким-то образом не вынудит его сделать это.

На противоположной стороне ринга Зирак встал на изготовку. Его отполированная дождем кожа как будто светилась во тьме: он казался желтым демоном, вышедшим из теней ночного кошмара под резкий свет реальности.

Бэйн стремительно ринулся вперед, начав дуэль серией агрессивных комплексных атак. Он двигался быстро... но не достаточно быстро. Из толпы в ответ на бесспорное и неожиданное мастерство прозвучали вздохи изумления, хотя Зирак отклонил нападение достаточно легко.

В ответ на неизбежную контратаку, Бэйн, пошатываясь, отступил. На долю секунды он увидел, что его оппонент перенапрягся и оставил правую руку уязвимой для удара, достаточного, чтобы закончить состязание. Борясь с прекрасно отточенными инстинктами, Бэйн сдержался. Он трудился слишком долго и настойчиво, чтобы добыть победу простым ударом по руке.

Сражение продолжилось в привычном боевом ритме, где быстро сменялись нападение и оборона. Бэйн сделал так, чтобы атаки его были эффективны, но грубы. Этим он старался убедить врага, что был опасным, но все же менее умелым оппонентом. Каждый раз, отражая одну из атак Зирака, он приукрашал собственные оборонительные маневры, трансформируя быстрые парирования в продолжительные, неуклюжие удары плеча, которые якобы не подпускали двухклинковый меч только лишь благодаря слепой удаче.

Со скользящей волной каждого обмена ударами Бэйн осторожно касался Силы, проверяя противника и ища слабость, которую он мог использовать в своих интересах. Понадобилось всего лишь несколько минут, для того чтобы распознать ее. Несмотря на всю свою подготовку, забрак не имел реального опыта в долгих, продолжительных боях - ни один из его противников никогда не протягивал достаточно долго, чтобы напрячь его по-настоящему. Незаметно, по мере того как Зирак утомлялся, удары его становились менее четкими, парирования менее тщательными, а переходы менее элегантными. Густой туман

изнеможения понемногу заволакивал его разум, и Бэйн знал, что совсем скоро тот сделает критический и роковой просчет.

Хотя сражался он с забраком, настоящая битва Бэйна разгорелась с самим собой. То и дело ему приходилось отступать, чтобы воздержаться от нанесения удара по бреши, предоставляемой все чаще и чаще отчаянной атакой противника. Бэйн понимал, что сокрушительная победа, к которой он стремился, придет лишь посредством терпения - качества, не поощряемого обычно последователями темной стороны.

И в итоге, терпение его было вознаграждено. Зирак становился все более сломленным, непрерывно и безуспешно стараясь взять верх над своим неуклюжим и неумелым противником. Когда длительное физическое напряжение начало брать свое, замахи его стали неистовыми и безрассудными, пока он не оставил все притязания к обороне в попытке закончить дуэль, которая, как он чувствовал, от него ускользала.

Когда безрассудство забрака перешло в отчаяние, каждый импульс в Бэйне вскричал желанием действовать и покончить с дракой. Но вместо этого он позволил дразнящей близости поражения Зирака насытить его жажду мести. Жажда росла с каждой секундой, до тех пор, пока не превратилась в физическую боль, раздирающую всю его сущность. Темная сторона заполнила Бэйна, и он чувствовал, что она вот-вот разорвет его на части, вспоров кожу и хлынув наружу фонтаном черной крови.

Он ждал до самой последней секунды, прежде чем высвободить томящуюся внутри энергию в ужасающем порыве силы. Он пропустил ее через мускулы и части тела, двигаясь так быстро, что казалось, будто время для остального мира остановилось. В мановение ока он выбил меч из руки Зирака, рубанул снизу, раскроив его предплечье, и, обернувшись вокруг оси, занес клинок для удара по голени противника. Он раздробил ее, и Зирак завопил, когда осколок блестящей белой кости вспорол мышцы, сухожилия и кожу.

Одно мгновение никто из наблюдателей даже не понимал, что произошло. Их разуму потребовалось некоторое время, чтобы обнаружить и уследить за размытым пятном движения, более стремительным, чем могли разглядеть их глаза.

Покалеченный Зирак лежал на земле, корчась в агонии и зажав здоровой рукой обломок кости, торчащий из голени. Бэйн колебался долю секунды, прежде чем сделать решающее убийственное движение, смакуя момент... и дав Каз'иму возможность вмешаться.

- Довольно! - выкрикнул Мастер клинка, и ученик подчинился, остановив свой меч, уже занесенный для удара по незащитному врагу. - Все кончено, Бэйн.

Бэйн медленно опустил меч и отступил. Бешенство и средоточие, которые превратили его в канал необузданной мощи темной стороны, пропали, сменившись полным осознанием окружающего. Он стоял на вершине храмовой крыши посреди свирепствующего шторма, промокший под ледяным дождем. Тело его практически окоченело.

Бэйн вздрогнул, наклонившись к земле за сброшенным плащом. Он поднял его, но, обнаружив, что тот насквозь промок, даже не потрудился его надеть.

Каз'им выступил из толпы, плавно проскользнув между Бэйном и беспомощным забраком.

- Вы сегодня были свидетелями поразительной победы, - стараясь перекрычать шум дождя, сообщил он собравшейся толпе. - Триумф Бэйна был результатом как блестящей стратегии, так и великолепного мастерства.

Бэйн практически не прислушивался к словам. Он просто стоял в центре ринга, молча борясь с ознобом.

- Он был терпелив и осторожен. Он хотел не просто победить противника... он хотел уничтожить его! Он добился желаемого - и не потому, что был лучше Зирака, а потому, что был умнее.

Мастер клинка протянул руку и положил ее на обнаженное плечо Бэйна.

- Пусть это будет уроком всем вам, - подытожил он. - Секретность может стать вашим величайшим оружием. Скрывайте в тайне свою истинную силу, до тех пор, пока не будете готовы нанести решающий удар.

Он отпустил плечо Бэйна и прошептал:

- Тебе лучше спуститься вниз, пока ты не простудился, - потом он повернулся, чтобы обратиться к остолбеневшей паре забраков, стоящих возле сомкнувшегося кольца студентов.
- Отнесите Зирака в медцентр.

Когда они подошли, чтобы подобрать своего стонущего и почти бессознательного лидера, Бэйн развернулся к лестнице. Каз'им прав: ему нужно уйти с дождя.

Чувствуя странную нереальность происходящего, он в оцепенении пошел к лестнице, которая вела к крову и теплу нижних комнат. Толпа стремительно расступилась, пропуская его. Большинство студентов глядело на него с выражением страха и нескрываемого интереса, но он едва обращал на это внимание. Он направился по ступенькам на главный этаж храма, находясь в ступоре, который надломился только от голоса Гитани, что окликнула его по имени.

- Бэйн! - прокричала она, и он обернулся, увидев, как она спешно спускается вслед за ним по лестнице.

Намокшие волосы беспорядочно облепили ее лицо и лоб. Сырая одежда плотно пристала к телу, подчеркивая каждый изгиб ее стройной фигуры. Было ли причиной ее тяжелому дыханию возбуждение или напряженный бег, он не мог сказать в точности.

Он подождал у основания лестницы, пока Гитани не приблизилась. Она сбегала к нему вниз по ступенькам, и на мгновение Бэйну показалось, что она влетит в его объятия. Однако в последнюю секунду она остановилась в нескольких сантиметрах от него.

Гитани потребовалась секунда, чтобы перевести дыхание, прежде чем заговорить. Когда она открыла рот, слова ее прозвучали резко, несмотря на тихий голос.

- Что там случилось? Почему ты не убил его?

Что-то подсказывало Бэйну, что ее реакция будет именно такой, но он все же надеялся, что Гитани пришла поздравить его с победой. Он не мог не ощутить разочарования.

- Он отправил меня в бакта-камеру после нашей первой дуэли. Теперь я сделал то же самое с ним, - ответил он. - Это месть.

- Это глупость! - крикнула она в ответ. - Думаешь, Зирак попросту забудет об этом? Он снова придет за тобой, Бэйн. Точно так же, как ты пришел за ним. Это закон. Ты упустил свой шанс раз и навсегда положить конец этой вражде, и я хочу знать, почему.

- Мой клинок был занесен для решающего удара, - напомнил ей Бэйн. - Повелитель Каз'им вмешался прежде, чем я смог прикончить Зирака. Мастера не хотят, чтобы лишали жизни их лучших студентов.

- Нет, - сказала она, качая головой. - Ты занес клинок, но не Каз'им остановил тебя. Ты колебался. Тебя что-то сдерживало.

Бэйн знал, что она права. Он колебался. Только не знал почему. Он попытался объяснить это... Гитани и самому себе.

- Я и так уже убил одного врага на ринге. Кордис отчитал меня за смерть Фогара. Он предупредил меня не повторять такое вновь. Я полагаю... полагаю, я был озабочен тем, что Мастера сделают со мной, если я убью другого ученика.

Глаза Гитани сузились от гнева.

- Думаю, нам пора уже прекратить друг другу лгать, Бэйн.

Это не было ложью. Не совсем. Но не было и полной правдой. Он неудобно поежился, ощущая вину под ее свирепым взглядом.

- Ты не мог сделать этого, - сказала Гитани, протянув руку и с силой ткнув его пальцем в грудь. - Ты почувствовал, как темная сторона поглощает тебя, и отступил.

Теперь настала очередь Бэйна злиться.

- Ты ошибаешься, - фыркнул он, оттолкнув ее руку. - Я отдалился от темной стороны после убийства Фогара. Я знаю, каково это. Это иначе.

Его слова несли в себе справедливый груз истины. В прошлый раз он ощутил пустоту внутри, как если бы у него что-то отняли. Сейчас же он по-прежнему чувствовал Силу, струящуюся в нем во всем своем грандиозном сиянии, насыщая его пылом и мощью. На этот

раз темная сторона оставалась в его подчинении.

Гитани это не убедило.

- Ты все еще не желаешь целиком отдаться темной стороне, - сказала она. - Зирак выказал слабость, а ты проявил к нему милосердие. Это не путь ситов.

- Да что ты знаешь о путях ситов? - выкрикнул он. - Это я читал древние тексты, а не ты! Ты погрязла в невежестве, учась у Мастеров, которые забыли свое прошлое.

- Где в этих древних текстах говорится, что нужно дарить сострадание павшему врагу? - спросила она полным презрения голосом.

Уязвленный словами, Бэйн грубо отпихнул ее и отвернулся. Она быстро восстановила равновесие, но сохранила дистанцию.

- Ты злишься только потому, что твой план провалился, - проворчал он, внезапно обнаружив, что неспособен смотреть ей в глаза.

Бэйн хотел сказать больше, но знал, что скоро спустятся остальные студенты. Он не хотел, чтобы кто-нибудь увидел их вместе, так что просто ушел, оставив ее стоять в одиночестве.

Гитани проследила за ним холодным, расчетливым взглядом. Ее впечатлило то, как он играл с Зираком на ринге; он казался непобедимым. Но когда он не смог добиться беззащитного забрака, она сразу же поняла, что произошло. В характере Бэйна был изъян, слабость, которую он отказывался признавать. Хотя она, все же, у него присутствовала.

Едва пыл момента утих - едва он вышел из-под контроля темной стороны - клокощущая жажда крови остыла. Он не способен был убить без провокации даже самого ненавистного врага. Что значило, что он, вероятно, не сможет убить и Гитани, если когда-нибудь дойдет до столкновения.

Понимание этого вновь меняло природу их взаимоотношений. Не так давно она начала опасаться Бэйна, бояться, что если он однажды обернется против нее, она не будет достаточно сильна, чтобы ему сопротивляться. Теперь она знала, что этого никогда не случится. Он просто не способен убить союзника без оправдания.

К счастью, у нее подобных недостатков не было.

* * *

Позже, уже ночью, лежа в кровати и мучаясь бессонницей, Бэйн все еще думал о том, что сказала Гитани. Почему он не смог убить Зирака? Была ли она права? Неужели он руководствовался каким-то чувством сострадания, вводящим в заблуждение? Он хотел верить, что принял темную сторону, но если так, то он убил бы Зирака без всякой задней мысли - в не зависимости от последствий.

Впрочем, не только это его беспокоило. Он был расстроен тем, как все сложилось с Гитани. Его неодолимо тянуло к ней; она гипнотизировала, и очаровывала красотой. Каждый раз, когда она прихорашивалась на его глазах, он ощущал холодок, пробегающий вниз по спине. Даже когда они были порознь, он часто думал о ней. Воспоминания томили, словно запах ее пьянящих духов. По ночам ее длинные черные волосы и полные опасности глаза являлись ему во сне.

И он искренне верил, что и она что-то чувствовала к нему... хотя и сомневался, что она когда-либо признает это. И все же, как бы близки они ни стали на своих тайных занятиях, они никогда не давали воли желанию. Это просто казалось неправильным, пока Зирак все еще был первым учеником Академии. Победа над ним была основной задачей для каждого из них; никто не хотел отвлекаться. Он был общим врагом, ненависть к которому сплотила их, но во многом он был и стеной, держащей их порознь.

Поражение Зирака должно было сравнять эту стену с землей. Но Бэйн увидел после боя разочарование на лице Гитани. Он дал обещание убить их врага, и она поверила ему. Но своим последним поступком он доказал, что не соответствует ее ожиданиям, и стена между ними внезапно стала гораздо, гораздо выше.

Кто-то тихо постучал в дверь его комнаты. Уже давно наступил комендантский час; ни у кого из воспитанников не было причин шататься по коридорам. Он думал только об одном человеке, кто мог прийти сюда в этот час.

Вскочив с кровати, он одним быстрым шагом пересек комнату и распахнул дверь. Бэйн быстро справился с разочарованием, увидев стоящего за порогом Повелителя Каз'има.

Мастер клинка ступил внутрь, не дожидаясь приглашения войти; едва оказавшись внутри, он кивком попросил Бэйна закрыть за собой дверь. Бэйн так и сделал, гадая о цели неожиданного позднего визита.

- У меня есть кое-что для тебя, - сказал тви'лек, распахнув полы плаща и потянувшись к висящему на поясе мечу.

Нет, - понял Бэйн. - *Меч не его*. Рукоятка оружия Каз'има была заметно длиннее прочих, что давало возможность вмещать сразу два кристалла - по одному на подпитку каждого лезвия. Этот эфес был меньше, и выполнен в форме дуги, что придавало ему слегка крючковатый внешний вид.

Мастер клинка зажег светомеч: единственный клинок вспыхнул темно-красным цветом.

- Это оружие принадлежало моему учителю, - сказал он Бэйну. - Малолетним ребенком я часами наблюдал, как мой наставник тренируется им. Все мои ранние воспоминания только о танцующих рубиновых огнях, перемещающихся в боевой последовательности.

- Вы не помните своих родителей? - удивленно спросил Бэйн.

Каз'им покачал головой.

- Моих родителей продали на рынке рабов Нал Хатты. Там Мастер На'даз и нашел меня. Он увидел мою семью на аукционных подмостках; возможно, его потянуло к ним, потому что он сам был тви'леком. Несмотря на то, что мне было довольно мало лет, Мастер На'даз смог ощутить во мне Силу. Он выкупил меня и отвез обратно на Рилот, чтобы взрастить как своего ученика среди нашего народа.

- Что случилось с вашими родителями?

- Не знаю, - ответил Каз'им, безразлично пожав плечами. - У них не было особой связи с Силой, так что мой учитель не нашел причин выкупать их. Они были слабы, и потому забыты.

Он говорил небрежно, как если бы знание того, что родители жили и, вероятно, умерли рабами на службе у хаттов, не производило на него никакого эффекта. Отчасти, его апатия была понятна. Он никогда не знал родителей, потому не имел эмоциональных привязанностей, хороших или плохих. Бэйн на краткий миг задумался, как могла бы измениться его собственная жизнь, если бы его растил кто-то другой. Если бы Харст расстался с жизнью на кортозисных рудниках, когда Бэйн был еще ребенком, оказался бы он здесь, в Академии Коррибана?

- Мой наставник был великим Повелителем ситов, - продолжал Каз'им. - Он был весьма искусен в мастерстве боя на мечах: это умение он передал и мне. Он научил меня, как пользоваться мечом с двумя клинками, хотя, как видишь, сам он предпочитал более традиционный дизайн. За исключением рукояти, конечно.

Клинок исчез, когда Каз'им выключил оружие и бросил его Бэйну. Тот легко поймал меч, обхватив рукой крючковатую рукоятку.

- Необычное ощущение, - пробормотал он.

- Требуется незначительное изменение в хватке, - объяснил Каз'им. - Держи его в основном в ладони, как можно дальше от кончиков пальцев.

Бэйн сделал, как сказали, пытаясь привыкнуть к дополнительному весу и балансу. Разум его сразу же принялся за анализ особенностей новой хватки. Она будет давать владельцу большую силу при верхних ударах, и не более чем на долю градуса изменит угол атаки. Как раз настолько, чтобы смутить и сбить с толку ничего не подозревающего противника.

- Некоторые движения более трудны с этим специфическим оружием, - предупредил

Каз'им. - Но многие другие гораздо эффективнее. Мне думается, ты скоро обнаружишь, что этот светомеч превосходно дополнит твой персональный стиль.

- Вы дарите его мне? - недоверчиво спросил Бэйн.

- Сегодня ты доказал, что достоин его, - в голосе Мастера клинка прозвучал намек на гордость.

Бэйн зажег меч, вслушиваясь в мелодичное жужжание энергоблока и потрескивающее шипение энергетического клинка. Он сделал несколько простых взмахов, затем вдруг отключил его.

- А Кордис это одобрил?

- Решение мое, не его, - заявил Каз'им. Голос его прозвучал едва ли не оскорбленно. - Я не держал этот клинок десять лет, так что Кордис не может решать, кому я отдам его.

Бэйн ответил почтительным поклоном, полностью осознавая ту огромную честь, которой Каз'им только что одарил его.

Чтобы прервать последовавшее неудобное молчание он спросил:

- Ваш учитель оставил его вам после своей смерти?

- Я сам забрал, когда убил его.

Бэйн был так ошеломлен, что не смог скрыть своей реакции. Мастер клинка увидел это и слегка улыбнулся.

- Я узнал все что мог от Мастера На'даза. Как бы он ни был силен в темной стороне, я стал сильнее. Как бы ни искусен был со светомечом, я стал лучше.

- Но зачем было убивать его? - спросил Бэйн.

- Испытание. Чтобы понять, стал ли я так силен, как думал. Это было до того, как к власти пришел Повелитель Каан; мы все еще были заложниками старых нравов. Сит против сита, учитель против ученика. Глупо сражались друг против друга, чтобы доказать свое превосходство. К счастью, Братство Тьмы положило всему этому конец.

- Не совсем, - проворчал Бэйн, думая о Фогаре и Зираке. - Слабые по-прежнему склоняются перед сильными. Это неизменно.

Каз'им наклонил голову на бок, стараясь оценить смысл его слов.

- Не ослепни от этой чести, - предостерег он. - Ты все еще не готов вызвать на бой меня, юный ученик. Я обучил тебя всему, что ты знаешь, но всему, что знаю я.

Бэйн не смог удержаться от улыбки. Идея сойтись с Каз'имом в реальном бою была абсурдна. Он знал, что не соперник Мастеру клинка. Пока что не соперник.

- Я буду иметь это в виду, Мастер.

Удовлетворенный, Каз'им развернулся, чтобы уйти. Когда Бэйн уже собирался закрыть за ним дверь, он добавил:

- Повелитель Кордис хочет видеть тебя сразу на рассвете. Зайди в его покои перед утренней муштрой.

Даже отрезвляющая перспектива встречи со зловещим надзирателем Академии не могла омрачить приподнятое настроение Бэйна. Как только он остался в комнате один, он вновь зажег светомеч и начал отрабатывать последовательности. Прошло много часов, прежде чем он, наконец, отложил оружие в сторону, и устало забрался в кровать. Все мысли о Гитани надолго стерлись из его разума.

* * *

Первый луч света застал Бэйна у двери, ведущей в частные покои Повелителя Кордиса. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он в последний раз был здесь. Тогда его отчитали за убийство Фогара. Сейчас он жестоко травмировал одного из лучших студентов Академии - одного из персональных любимчиков Кордиса. Хотел бы он знать, что для него припасли.

Собравшись с мужеством, он постучал.

- Войдите, - раздался голос изнутри.

Стараясь не обращать внимания на чувство тревоги, Бэйн открыл дверь. Повелитель Кордис сидел в центре комнаты, преклонив колени на коврике для медитации. Все было так, словно он и не двигался: поза его была точно такой же, как при их прошлой встрече.

- Мастер, - произнес Бэйн, отвесив низкий поклон.

Кордис не потрудился даже встать.

- Я вижу, у тебя на поясе меч.

- Повелитель Каз'им преподнес мне его. Он посчитал, что я заслужил его последней победой на ринге.

Бэйн вдруг почувствовал, что находится под атакой, поэтому решил уйти в глухую оборону.

- Я не имею ни малейшего желания спорить с Мастером клинка, - ответил Кордис, хотя тон его намекал на обратное. - Тем не менее, хоть ты теперь и носишь светомеч, не забывай, что ты все еще ученик. И все еще обязан выказывать послушание и лояльность преподавателям Академии.

- Конечно, Повелитель Кордис.

- То, как ты победил Зирака, произвело большое впечатление на других студентов, - продолжал Кордис. - Они теперь будут стремиться подражать тебе. Ты должен быть для них примером.

- Я сделаю все, что смогу, Мастер.

- Это значит, что твои тайные занятия с Гитани должны прекратиться.

Неприятный озноб охватил Бэйна.

- Вы знали?

- Я - Повелитель ситов и глава этой Академии. Я не дурак, и не слеп ко всему, что происходит в стенах храма. Я позволял подобное поведение, когда ты был изгоем, лишь потому, что это никак не сказывалось на других воспитанниках. Однако теперь многие студенты будут пристально наблюдать за тобой. Я не хочу, чтобы они последовали твоему примеру и начали тренировать друг друга в ошибочной попытке повторить твой успех.

- Что будет с Гитани? Ее накажут?

- Я поговорю с ней, так же как я говорю с тобой. Другим ученикам должно быть ясно, что вы двое не занимаетесь тайком вместе. Это означает, что ты не можешь больше ее видеть. Ты должен избегать любого контакта, за исключением групповых уроков. Если вы обаслушаетесь меня, дальнейших последствий не будет.

Бэйн понимал беспокойство Кордиса, но чувствовал, что это решение было слишком жестоким. Не было нужды полностью изолировать его от Гитани. Ему стало интересно, знали ли Мастера о его влечении к ней? Боялись ли, что она будет помехой?

Нет, понял он, дело в другом. Все сводилось к банальному контролю. Бэйн бросил вызов Повелителю Кордису; он преуспел, несмотря на презрение остальной Академии. Теперь Кордис хотел вернуть права собственности на его достижения.

- Это не все, - продолжил Кордис, оборвав размышления Бэйна. - Ты также должен положить конец изучению архива.

- Почему? - вспыхнул Бэйн, огорошенный и злой. - Рукописи содержат мудрость древних ситов. Я многое почерпнул из них о путях темной стороны.

- Архив - реликт былого, - резко парировал Кордис. - Он из времен, которые уже давно канули в лету. Орден изменился. Мы эволюционировали дальше того, что ты нашел в этих заплесневелых свитках и томах. Ты понял бы это, если бы учился с Мастерами, вместо того чтобы сломя голову нестись по собственному пути.

Но именно ты вынудил меня по нему мчаться, - подумал Бэйн.

- Ситы, может, и изменились, но мы все еще способны прислушиваться к знаниям тех, кто был до нас. Я уверен, вы понимаете это, Мастер. Зачем же еще вы восстановили Академию на Коррибане?

Глаза Темного Повелителя полыхнули гневом. Он явно не любил, когда кто-то из студентов бросал ему вызов. Когда он заговорил, в его голосе засквозили холод и угроза.

- Темная сторона сильна в этом мире. Это единственная причина, по которой мы решили прийти сюда.

Бэйн знал, что ему следовало бы закончить спор, но он не был готов отступить. Это было слишком важно.

- А как насчет Долины Темных Повелителей? Как насчет гробниц всех темных Мастеров, захороненных на Коррибане, и секретов, в них спрятанных?

- Так вот что ты ищешь? - усмехнулся Кордис. - Секреты мертвых? Джедаи разграбили гробницы, когда Коррибан пал пред ними три тысячи лет назад. Ничего ценного не осталось.

- Джедаи - прислужники Света, - возразил Бэйн. - У темной стороны есть тайны, которые им никогда не понять. Должно быть нечто, что они пропустили.

Кордис разразился неприятным и презрительным хохотом, больше походившим на кашель.

- Неужели ты и вправду так наивен?

- Говорят, духи могущественных Мастеров ситов обитают в своих гробницах, - настаивал Бэйн, упорно отказываясь подчиниться. - Они являются только тем, кто достоин. Они не обнаружили бы себя перед джедаями.

- Ты действительно веришь, что призраки и духи по-прежнему влачат существование в собственных могилах, ожидая момента, чтобы передать великие тайны темной стороны разыскивающим их?

Мысли Бэйна вернулись к его обучению. В архиве хранилось слишком много подобных сведений, чтобы те были просто легендой. В них должна была быть какая-то правда.

- Да, - ответил он, хоть и знал, что это еще больше разъярит Кордиса. - Я верю, что могу узнать больше от призраков в Долине, чем от живых Мастеров в Академии.

Кордис вскочил на ноги и с силой отвесил Бэйну пощечину, царапнув его своими когтями. Бэйн не отступил; он даже не вздрогнул.

- Ты бесстыжий дурак! - выкрикнул Мастер. - Ты преклоняешься перед теми, кого давно уже нет в живых. Ты думаешь, они располагают какой-то великой силой, но они ничто, кроме праха и костей!

- Вы ошибаетесь, - сказал Бэйн.

Он чувствовал, как из царапин на лице сочится кровь, но не поднял руки, чтобы смахнуть ее. Он стоял неподвижным изваянием перед своим взбешенным учителем.

Хоть Бэйн и не шевелился, Кордис отступил на полшага назад. Когда он заговорил, голос его был уже более спокоен, но все еще с долей гнева.

- Убирайся, - сказал он, указав длинным, костлявым пальцем на дверь. - Если ты так ценишь мудрость мертвых, то иди. Оставь храм. Отправляйся в Долину Темных Повелителей. Найди свои ответы в их гробницах.

Бэйн замешкался. Он понимал, что это был тест. Если он извинится сейчас - если упадет на колени, умоляя учителя о прощении - Кордис вероятно позволит ему остаться. Но он знал, что Кордис ошибается. Древние ситы были мертвы, но наследие их осталось. Это был шанс заполнить его для себя.

Он повернулся спиной к Повелителю Кордису и молча покинул комнату. Не было смысла продолжать спор. Он мог победить, только найдя доказательство. И он не собирался искать его, оставаясь здесь.

Глава 18

Бэйн пропустил утреннюю тренировку. Каз'иму не составило труда разобраться, кто нес ответственность за его прогул.

Он не потрудился даже постучать в дверь Кордиса; он попросту воспользовался Силой, чтобы разорвать на части замок, и ударом ноги распахнуть ее. К сожалению, элемент неожиданности, на который он уповал, был потерян.

Кордис стоял спиной к двери, разглядывая один из великолепных гобеленов, висящих

близ огромной кровати. Он не обернулся, когда Мастер клинка вломился внутрь; он вообще никак не среагировал. Это значило, что он ожидал вторжения.

Каз'им яростно взмахнул рукой, и дверь со стуком захлопнулась. То, что он собирался сказать, было не для ушей студентов.

- Что, во имя всего, ты наделал, Кордис?

- Полагаю, ты имеешь в виду ученика Бэйна? - прозвучал слишком уж небрежный ответ.

- Конечно, будь ты проклят, я имею в виду Бэйна! Хватит игр, Кордис. Что ты с ним сделал?

- С *ним* ? Ничего. Не то, что ты думаешь. Я просто постарался урезонить его. Постарался заставить его понять необходимость работы в структуре этого учебного заведения.

- Ты манипулировал им, - сказал Каз'им со смиренным вздохом.

Он знал, что Кордис не питает к Бэйну любви. Только не из-за Повелителя Копежа - своего давнего соперника - который и привез Бэйна сюда. Мастер клинка понял, что ему следовало предупредить юного ученика быть предельно внимательным.

- Ты каким-то образом искажил его рассудок, - продолжил он, стараясь добиться реакции. - Ты принудил его встать на тот путь, на который сам хотел его поставить. Губительный путь.

Немедленного ответа не последовало. Устав разглядывать спину Кордиса, тви'лек шагнул вперед, и, протянув руку, схватил высокого человека за плечо, развернув к себе лицом.

- Зачем, Кордис?

За тот краткий миг, что надзиратель Академии поворачивал голову, Каз'им уловил проблеск неуверенности и смятения в изможденных, вытянутых чертах лица. Потом эти черты трансформировались в маску ярости, темные глаза во впалых глазницах загорелись. Кордис отбросил руку Каз'има.

- Бэйн сам навлек это на себя! Он был своеволен! Одержим прошлым! Он бесполезен для нас до тех пор, пока не примет учений этой Академии!

Каз'им был ошеломлен: нет, не внезапным приступом гнева, а неожиданной вспышкой нерешительности, которая тому предшествовала. Ему вдруг стало интересно: возможно ли, что встреча не прошла в точности так, как и было запланировано? Быть может, Кордис попытался манипулировать Бэйном и потерпел неудачу. И это было не впервые, когда они недооценили своего необычного воспитанника.

Теперь Каз'им ощущал больше любопытство, чем злость.

- Скажи мне, что произошло, Кордис. Где сейчас Бэйн?

Кордис вздохнул, словно был в печали.

- Ушел в пустоши. Он держит путь в Долину Темных Повелителей.

- Что? Зачем ему делать это?

- Я сказал тебе: он одержим прошлым. Он верит, что там есть тайны, которые ему откроются. Тайны темной стороны.

- Ты предупредил его об опасностях? О полчищах жуков пелко? О тук'атах?

- Он не дал мне шанса. Да и не стал бы слушать.

По крайней мере, этому Каз'им поверил. Хотя и сомневался, стоит ли доверять остальной истории Кордиса. Глава Академии был проницателен, коварен. Это было как раз в его духе: обманом заставить кого-то отважиться на путешествие в смертоносную Долину Темных Повелителей. Если он хотел устранить Бэйна без видимого участия, это был один из способов - за исключением маленькой детали.

- Он не намерен умирать, - заявил Каз'им. - Он сильнее, чем ты думаешь.

- Если он выживет, - отозвался Кордис, вновь повернувшись к гобелену, - он познает правду. В Долине нет секретов. Больше нет. Все ценное было унесено: разграблено сначала ситами, стремящимися сохранить наш Орден, а потом и джедаями, стремящимися его

уничтожить. Ничего больше не осталось в гробницах, кроме пустых камер и клочьев пыли. Как только он сам это увидит, он оставит всю свою глупую идеализацию древних. Только тогда он будет готов присоединиться к Братству Тьмы.

Разговор был окончен; все прояснилось. Слова Кордиса имели смысл, если все это было частью внушительного урока, дабы заставить Бэйна окончательно отказаться от старых обычаев и принять новый Орден и Братство Каана.

И все-таки, развернувшись и покинув комнату, Каз'им никак не мог отделаться от чувства, что Кордис дал событиям оценку уже после случившегося. Кордис хотел, чтобы другие поверили в то, что у него все под контролем. Но испуганный вид, который мельком уловил Мастер клинка, свидетельствовал о настоящей правде: Кордис был напуган чем-то, что Бэйн сделал или сказал.

Эта мысль искажила в улыбке губы тви'лека. Он был совершенно уверен, что Бэйн переживет путешествие в Долину Темных Повелителей. И было бы очень интересно увидеть, что произойдет, когда юноша вернется.

* * *

Зирак осторожно пошевелился. Он провел последние тридцать шесть часов в бакта-камере, и, несмотря на то, что травмы его были полностью залечены, тело по-прежнему инстинктивно реагировало на воспоминания о ранениях, причиненных мечом Бэйна. Он медленно подобрал свои вещи, страстно желая вернуться в привычную обстановку собственной комнаты и покинуть уединение медцентра.

Подплыл на репульсоре один из медицинских дроидов, принеся ему штаны, рубаху и темную ученическую рясу. Одежда пахла дезинфектантом; стерилизовать все до того, как вносить в медцентр, было обычной практикой. Одежда, казалось, не изменилась, но он знал, что как только наденет ее, ощущение будет такое, словно ее никогда не носили прежде.

С тех самых пор, как его без сознания принесли с дуэльного ринга, он не видел никого и ничего, кроме меддроидов. Никто не пришел навестить его, пока он плавал в исцеляющей жидкости: ни Кордис, ни Каз'им, ни даже Ллокай или Йевра. Он не винил их.

Ситы презирали слабость и поражение. Всякий раз, как ученики оказывались побежденными на дуэльном ринге, их оставляли наедине со стыдом поражения, пока они полностью не восстанавливали силы, чтобы возобновить занятия. Это случалось со всеми, рано или поздно... но никогда прежде не случалось с Зираком.

Он был непобедим, неприкасаем - первый ученик в каждой дисциплине. Он знал все слухи и сплетни. Они звали его сит'ари, совершенным существом. Только вот теперь они больше не будут называть его так. Только не после того, что Бэйн с ним сделал.

Он обернулся к двери и обнаружил стоящую и наблюдающую за ним Гитани.

- Чего ты хочешь? - осторожно спросил он.

Он знал кто она такая, хотя никогда не разговаривал с ней. Со дня своего прибытия она стала для него потенциальной угрозой. Он следил за ней, и видел, что и она следит за ним; каждый изучал и оценивал другого, стараясь вычислить, в чьих руках превосходство. Зирак был на стороже со всеми потенциальными претендентами на свое место, или, по крайней мере, он так думал - пока один из студентов, которого он опасался меньше всего, не сразил его.

- Я пришла поговорить с тобой, - ответила она. - О Бэйне.

Он невольно вздрогнул при упоминании имени, и отругал себя за собственную реакцию. Если Гитани и заметила, то она просто не подала вида.

- Что насчет него? - немногословно поинтересовался Зирак.

- Мне любопытно, каковы теперь твои планы. Как ты намерен разобраться с ситуацией?

Очень сложно было призвать обратно свое бывшее высокомерие, но он все же смог достаточно презрительно усмехнуться.

- Мои планы принадлежат только мне.

- Ты собираешься отомстить? - не отставала она.
- Со временем, возможно, - наконец признал он.
- Я могу помочь тебе.

Она шагнула в комнату. Даже в этом единственном шаге Зирак увидел, что она двигается с чувственной грацией зелтронской танцовщицы. Он с подозрением сощурил глаза.

- Зачем?

- Я помогла Бэйну победить тебя, - сказала Гитани. - Я распознала в нем потенциал в тот самый момент, как впервые увидела его. Когда Кордис и другие Мастера повернулись к нему спиной, я в тайне передавала ему их уроки. Я знаю, что темная сторона в нем велика. И ее в нем больше, чем во мне. Больше, чем в тебе. Может даже больше, чем в самих наставниках.

Зирак никак не мог уловить суть ее слов.

- Ты так и не ответила на мой вопрос. Ты получила то, что хотела благодаря Бэйну. Зачем теперь помогать мне?

Она уныло покачала головой.

- Я ошибалась в Бэйне. Я думала, что если помочь ему стать сильнее, он примет темную сторону. Тогда я смогла бы учиться у него и отвоевать силу для себя самой. Но он не способен впустить в себя Тьму. Все остальные верят, что его победа над тобой была великой. Только я понимаю, что это было полное фиаско.

Она играла с ним. Издевалась. И ему это не нравилось.

- До Бэйна еще никто не обходил меня на дуэльном ринге! - прошипел он. - Как можешь ты называть его неудачником?

- Ты все еще жив, - просто сказала она. - Когда подошел момент свалить тебя с ног и прикончить, он заколебался. Он не смог заставить себя сделать это. Он был слаб.

Заинтригованный, Зирак ничего не ответил. Вместо этого он решил подождать, пока она не раскроет всех подробностей.

- Он плел интриги и строил планы на протяжении месяцев, чтобы отомстить тебе, - продолжала она. - Его ненависть дала ему силу превзойти тебя... и в последнюю секунду он проявил милосердие, оставив тебя в живых.

- Я даровал ему жизнь во время нашей первой дуэли, - напомнил Зирак.

- Это был не акт милосердия - акт презрения. Ты думал, что навсегда уничтожил его. Если бы ты знал, что в один прекрасный день он встанет на ноги, чтобы снова бросить тебе вызов, то лишил бы его жизни, не считаясь с правилами Академии.

Ты недооценил его. Я знаю, что эту ошибку ты не допустишь вновь. Но Бэйн не мог недооценить тебя. Он знал, что ты достаточно силен, чтобы представлять собой серьезную угрозу. И все же, он не добил тебя, зная о том, что однажды ты решишь отомстить. Он либо слабак, либо олух, - заключила она, - а я не хочу принадлежать ни тому, ни другому.

В сказанном была доля правды, но Зирак по-прежнему не был убежден.

- Ты слишком быстро меняешь привязанности, Гитани. Даже для сита.

Она долго молчала, стараясь придумать, как ему ответить. Затем она вдруг опустила взгляд в пол, и когда вновь подняла глаза, они были переполнены стыдом и унижением.

- Это Бэйн разорвал наш союз, не я, - заявила Гитани, едва выговаривая слова. - Он отказался от меня, - продолжала она, нисколько не пытаясь скрыть горечь. - Он покинул Академию. Он так и не сказал мне почему. Он даже не попрощался.

Внезапно все встало на свои места. Зирак понял ее внезапное желание объединиться с ним против бывшего союзника. Гитани привыкла все контролировать. Привыкла всеми руководить. Привыкла быть той, за кем остается последнее слово. И ей не нравилось находиться по другую сторону баррикад.

На ум тут же пришло старое кореллианское выражение: «Бойся гнева женщины презираемой».

- Куда он направился?

- Студенты говорят, что Кордис отослал его в Долину Темных Повелителей.

Зирак едва не выпалил: «Значит, он уже мертв!», но в последнюю секунду вспомнил предостережение о том, что не стоит вновь недооценивать Бэйна.

Вместо этого он сказал:

- Ты полагаешь, что он вернется.

- Я в этом уверена.

- Тогда мы будем готовы, - пообещал Зирак. - Когда он возвратится, мы уничтожим его.

* * *

По мере того, как Бэйн шагал по опаленному песку коррибанских пустошей, он заметил, что солнце стремительно опускается за горизонт. Он шел часами под его жаром; маленький городок Дрешдэ и храм, который над ним возвышался, остались далеко позади. Они уменьшились до крохотных пятен на горизонте; если бы он оглянулся, то едва бы смог различить их в угасающем свете.

Он не оглядывался. Он упорно шел вперед. Палящий жар не задерживал его; не делала того и температура, которая с заходом солнца намеревалась упасть почти до нуля. Физический дискомфорт - холод, жара, жажда, голод, усталость - не оказывал на него, поддерживаемого мощью Силы, значительного эффекта.

Тем не менее, Бэйн был встревожен. Он помнил тот первый раз, когда ступил на поверхность Коррибана. Он ощутил могущество этого мира: Коррибан был полон темной стороны. Но все же чувство было слабым и отдаленным. Пребывая в Академии, он так привык к этому почти подсознательному гулу, что практически не замечал его.

Оставив позади храм и космопорт, он ожидал, что это чувство усилится. С каждым шагом, приближающим его к Долине, он думал что ощутит, как темная сторона растет в своей интенсивности.

Вместо этого, он не чувствовал ничего. Никакого заметного изменения вообще. Бэйн был всего в нескольких километрах от долины; уже можно было разглядеть темные очертания ближайших гробниц, высеченных в каменных стенах. А темная сторона по-прежнему была просто эхом. Не больше, чем забытым отголоском неуловимых слов, сказанных в далеком прошлом.

Отметя в сторону сомнения и отговорки, Бэйн ускорил шаг. Он хотел добраться туда до наступления абсолютной темноты. Перед уходом из Академии Бэйн прихватил с собой охапку светящихся стержней; он мог использовать их, если возникнет необходимость отыскать дорогу. К несчастью, свет их будет как маяк в темноте, выдающий его местонахождение любому. С новым светомечом на поясе Бэйн был уверен, что переживет практически любую схватку. Но внимание отдельных созданий, скрывающихся близ гробниц, он предпочел бы не привлекать.

Последние несколько лучей света все еще падали вдоль горизонта, когда он, наконец, добрался до своей цели. Долина Темных Повелителей во все своей широте раскинулась перед ним, укрытая покровом сумерек. Он решил было сделать привал до рассвета, но затем отклонил идею. Не важно, что будет - день или ночь; когда он окажется внутри гробниц, ему придется воспользоваться светящимися стержнями в не зависимости от времени суток. И теперь, когда он, наконец, пришел, жажда увидеть скрытое все-таки возобладала.

Он выбрал ближайший храм, - единственный, который мог хоть как-то различить в слабом свете. Как и все гробницы, он был выдолблен в высоких каменных утесах, со всех сторон окружавших долину. Величественная арка над входом была высечена прямо в поверхности скалы, но камеры, с останками захороненных внутри Темных Повелителей, залегали глубоко внутри.

Подойдя ближе, Бэйн смог разобрать замысловатые узоры, вырезанные на арке. Что-то было написано письменами, которые он не распознал. Судя по всему, эта тонкая работа некогда внушала благоговение, но зоны пустынных ветров стерли большую часть деталей.

Бэйн остановился на пороге, вбирая в себя воздух запретного таинства, окружавшего вход в гробницу. Он все еще не ощущал перемены в Силе. Подойдя к проходу, он был поражен, увидев, что огромная каменная плита двери расколота. Он пробежался пальцами по краям излома. Гладкий. Стертый. Кто бы ее ни сломал, он сделал это давным-давно.

Бэйн выпрямился, и смело шагнул через разбитую вдребезги дверь. Он направился вниз по длинному туннелю входа, медленно передвигаясь во мраке. Через несколько метров тьма стала такой густой, что ему пришлось вытащить и активировать светящийся стержень.

Мрачный голубой свет наполнил туннель, вынудив небольшой рой смертоносных жуков пелко засновать в поисках убежища вне пределов тусклого сияющего круга. Они подкрались к нему, окружили со всех сторон. Бэйн чувствовал их рядом, прячущихся в тенях всюду вокруг него, но не боялся. В конце концов, это ведь не свет держал их на расстоянии.

Жуки пелко, как и другая местная живность Коррибана, были чувствительны к Силе. Они почуяли приближение Бэйна еще до того, как тот вошел в гробницу; его сила непреодолимо тянула их. Хотя также держала как их самих, так и их парализующие шипы на безопасном расстоянии. Инстинктивно, жуки пелко ощущали истинную глубину его могущества, и остерегались его. Они не подойдут достаточно близко, чтобы и в самом деле атаковать, что делало их не более чем временным неудобством. Большие хищники, наподобие тук'ат, могли представлять реальную угрозу. Но он разделается с ними, если и когда это потребуется.

А сейчас его больше беспокоили потенциальные опасности, которые могли оставить после себя строители гробниц. Мавзолеи ситов были печально известны жестокими и смертельными ловушками. Бэйн потянулся Силой, с осторожностью прощупывая стены, пол и потолок впереди себя в поисках чего-то, выбивающегося из нормы. Он успокоился (и немного разочаровался) не обнаружив ничего. И все же он надеялся, что случайно натолкнется на невоскресшую камеру, пропущенную джедаями.

Он продолжил спуск по туннелю, петляя между разными комнатами, где лежало благосостояние и сокровища усопших Повелителей - вместе с захороненными заживо ничтожными слугами. Комнаты не представляли для него интереса; он не был расхитителем гробниц. Вместо этого он шел все глубже и глубже, пока не достиг погребальной камеры.

Жуки пелко следовали за ним по пятам, не прекращая копошиться прямо за голубым свечением, которое отбрасывал светящийся стержень. Он слышал пронзительное щелканье разочарованного роя: бессильного атаковать свою добычу, но все же неотрывно следующего за ней.

Склеп было легко узнать по огромному каменному саркофагу в центре, что покоился на вершине небольшого пьедестала. Он был не более чем массивной тенью за гранью света стержня, но наполнил Бэйна как чувством страха, так и трепета.

Все еще используя Силу для поиска ловушек, он осторожно подошел к склепу. Благоговение возросло, когда голубоватое свечение опустилось на саркофаг, открывая все больше и больше деталей. Камень был испещрен символами, сходными с теми, что проступали на входе в гробницу, только эти не пережили бесчисленные столетия эрозии. Они выдавались наружу, грубые и резкие. Он не мог прочитать незнакомый язык или узнать Темного Повелителя, но видел, что это было место упокоения древнего и могучего создания.

Бэйн попытался взобраться на невысокий помост. Он поставил на него ногу, затем вытянул руку, чтобы схватить выступающий край одного из резных символов на стенке саркофага. Он приготовился было к резкому удару или толчку, но все что ощутил - это холодный камень под ладонью.

Используя хватку, чтобы сохранить равновесие, он подтянулся и встал обеими ногами на помост, посмотрев на верхнюю часть склепа. К своему ужасу он увидел, что каменная плита, запечатывавшая саркофаг, была полностью уничтожена. Кто бы ни был внутри, он исчез. Место его заняли булыжники, пыль и несколько кусочков разбитых костей, которые некогда могли быть пальцами рук или ног древних останков.

Он спустился с помоста, разочаровавшись, но по-прежнему не желая сдаваться.

Медленно, он прошелся вокруг, словно ожидая найти похищенные кости, лежащие в углу погребальной камеры. Ничего не было: склеп был разграблен и осквернен.

Бэйн не был уверен, что именно он намеревался найти, но точно не это. Духи древних Повелителей были порождениями чистой энергии темной стороны; они были так же вечны, как и сама Сила. Дух будет влачить существование веками - даже тысячелетиями - до тех пор, пока не придет достойный преемник. По крайней мере, именно в это заставили его поверить тексты в архиве.

Однако же перед ним было суровое и неоспоримое свидетельство. Старинные манускрипты подвели его. Он рисковал всем в оправдание этих слов - даже бросил вызов самому Кордису - и потерпел поражение.

В отчаянии, Бэйн запрокинул голову и воздел руки к неровному камню потолка.

- Я здесь, Мастер! - выкрикнул он. - Я пришел, чтобы познать твои тайны!

Он помедлил, ожидая ответа. Ничего не услышав, он прокричал:

- Яви себя! Во имя всей силы темной стороны, яви себя!

Его слова отразились от стен, прозвучав пусто и гулко. Он упал на колени, его руки опустились, голова поникла. Когда эхо утихло, единственным звуком оставалась лишь назойливая трескотня жуков пелко.

* * *

Копеж сплюнул на землю, обозревая лагерь. Его окружала армия, но то была армия приспешников. Куда бы он ни посмотрел, он видел лишь воинов, убийц и учеников. Мастеров ситов практически не наблюдалось. По-видимому, бесконечная война против джедаев на полях Руусана сказалась высокой ценой на Братстве Тьмы Каана. Без подкрепления они будут вынуждены отступить или же их уничтожит генерал Хот и его ненавистная Армия Света.

Тучный тви'лек поднялся на ноги, осознавая, что хоть что-то должно быть сделано. Он прошел через разрозненные очаги солдат, отмечая, как много среди них раненных, истощенных или просто разбитых. К тому моменту, как Копеж достиг входа в палатку Повелителя Каана, презрение, которое он чувствовал к своим так называемым «братьям», достигло точки кипения.

Когда Копеж вошел, Каан бросил на него один единственный взгляд, и резким взмахом руки распустил других советников. Они шеренгой вышли из палатки, никто не посмел подойти слишком близко.

- В чем дело, старый друг? - спросил Каан. Его голос, как всегда, был чарующим, но глаза расширились и одичали, как у загнанного зверя.

- Ты видел то, что считается нашей армией? - медленно подходя ближе, прорычал Копеж, ткнув большим пальцем себе за плечо. - Если это все, что есть у нас против джедаев, мы с тем же успехом можем сжечь наши черные одежды и начать практиковать их Кодекс.

- У нас на подходе подкрепление, - заверил его Каан. - Как минимум две полных дивизии пехотинцев, еще одна бригада снайперов. Полвзвода репульсорных судов, вооруженных тяжелыми орудиями. Многих привлекает триумф нашего дела. С каждым днем все больше и больше. Братство Тьмы не может пасть.

Копежа мало утешили его обещания. Каан всегда был силой Братства Тьмы, человеком, который сплавивал Темных Повелителей под единым началом благодаря величию своей персоны и собственной дальновидности. И все же, сейчас он выглядел как человек, стоящий на грани. Напряжение постоянной борьбы против джедаев вымотало и его.

Копеж с отвращением покачал головой.

- Я не один из твоих лстивых советчиков, - сказал он громко. - Я не буду пресмыкаться, и расшаркиваться пред тобой, Повелитель Каан. Я не буду осыпать похвалами твою дурную голову, когда вижу своими собственными глазами, что ты ведешь нас к уничтожению!

- Умерь голос! - шикнул Каан. - Ты подорвешь моральный дух наших войск!

- У них больше ничего не осталось, - бросил в ответ Копеж, все же понизив тон. - Нам не одолеть джедаев обыкновенными солдатами. Их слишком много, а нас не достаточно.

- Под нами ты подразумеваешь тех, кто достоин примкнуть к рядам Темных Повелителей, - сказал Каан.

Он вздохнул и опустил глаза на голокарту, разложенную на столе перед ним.

- Ты знаешь, что должен сделать, - сказал ему Копеж, голос его слегка подрастерял гнева. Он предпочел следовать за Кааном; он не покинет его сейчас. Но Копеж не собирался празднично отсиживаться и наблюдать за неминуемым поражением. - Мы смотрим в лицо армии Рыцарей и Мастеров джедаев. Нам не выстоять без собственных Мастеров из Академии. И студентов тоже. Их всех.

- Они простые ученики, - возразил Каан.

- Они сильнейшие в нашем Ордене, - напомнил ему Копеж. - Мы оба знаем, что даже самые последние студенты на Коррибане сильнее, чем половина так называемых Темных Повелителей здесь, на Руусане.

- Работа Кордиса еще не закончена. Его студентам очень многому нужно научиться, - настаивал Каан, хоть и без особого напора. - Так много нераскрытого потенциала. Академия олицетворяет будущее ситов.

- Если мы не одолеем джедаев на Руусане, тогда у нас не будет будущего! - воскликнул Копеж.

Каан обхватил голову руками, словно ужасная боль грозила расколоть его череп пополам. Он затрясся в хватке какого-то ужасного паралича. Копеж невольно отступил.

Каану потребовалось лишь несколько секунд, чтобы восстановить самообладание и опустить свои руки. Загнанный взгляд в его глазах пропал, сменившись спокойной уверенностью, которая в первую очередь и привлекала многих в Братство.

- Ты прав, старый друг, - произнес он.

Слова были спокойными и непринужденными; он говорил так, как если бы с его плеч упал огромный груз. Он излучал уверенность и силу. Казалось, он был окутан фиолетовой аурой, словно стал самым воплощением темной стороны. И внезапно, не понятно почему, Копеж успокоился.

- Я извещу Кордиса, - продолжил Каан, Сила исходила от него осязаемыми волнами. - Ты прав. Настало время для Академии на Коррибане присоединиться к армии ситов.

Глава 19

Бэйн никогда в жизни не был так голоден. Голод скрутил в узел его желудок, заставив согнуться, пока он медленно брел по коррибанской пустыне в направлении Дрешдэ. Тринадцать дней он обследовал гробницы в Долине Темных Повелителей, поддерживая себя только с помощью Силы и гидратационных таблеток, которые взял для путешествия в пустыню. Он не спал, но он время от времени давал разуму отдых посредством медитации. Но все-таки, несмотря на все свое могущество, даже Сила не могла создать что-то из ничего. Она могла заглушить голод на время, но не навсегда.

Дважды он подвергался нападению стай тук'ат, - сторожевых псов, рыскавших по склепам бывших хозяев. В первый раз он отогнал их с помощью Силы, подхватив тело вожака и швырнув его в стаю, ранив при этом нескольких зверей. Они умчались прочь с пронзительным воем, от которого по спине у Бэйна пробежала дрожь. Следующая атака была еще ужасней. Во время изучения одной из самых новых гробниц он обнаружил себя в окружении десятка тук'ат: стаи, раза в два превышавшей первую. Он обрушил на них светомеч, рассекая плоть и кость. Когда стая, наконец, поредела, только четверо из двенадцати хищников по-прежнему дышали.

После этого тук'аты оставили его в покое. Это было хорошо, потому что он больше не был уверен, что сможет держать их поодаль, если те нападут снова. Чтобы разогреть

мускулы при продолжительных поисках от гробницы к гробнице, он перенапряг резервы собственного тела, буквально вывернув себя наизнанку. Теперь он расплачивался.

Бэйн мог облегчить собственные страдания, уйдя в медитативный транс, и замедлив для сбережения энергии сердцебиение и жизненные функции. Но толку от этого все равно было мало. Никто не придет искать его, и, в конечном счете, даже гибернационное состояние закончится медленной, относительно безболезненной смертью.

Смерть была не тем вариантом, с которым он готов был считаться. Пока нет. Невзирая на тщетные поиски, невзирая на угнетающее разочарование, он не был к ней готов. Нет, если то значило, что истина, которую он обнаружил, умрет вместе с ним. Так что он терпел боль, и заставлял свою быстро слабеющую плоть нести себя назад. Назад в Академию.

В самом начале путешествия Бэйну понадобились всего лишь сутки, чтобы дойти до долины. Сейчас он шел уже третий день. Он был силен и бодр, едва отправившись в дорогу; теперь же он был голоден и слаб. Но медленному шагу способствовало не только физическое истощение.

Прежде его поддерживало предвкушение. А теперь он был отягощен ношей поражения. Кордис оказался прав: древние Темные Повелители Коррибана исчезли. Почти три тысячи лет прошло со времени, когда ситы покинули Коррибан вместе с Реваном, и днем, когда Братство Каана официально возвратило этот мир Ордену. За это время наследие исконных ситов было полностью утрачено.

Он отправился в пустыню, ища просвещения, но обрел лишь разочарование. Коррибан не был больше колыбелью Тьмы; то была оболочка, сморщенный, высохший труп, весь истерзанный падальщиками. Кордис был прав... и все-таки Бэйн теперь понимал, что сам очень сильно ошибался.

Бэйн не нашел того, что искал в гробницах. Но в долгом пути по пустыне разум его, наконец, прояснился. Голод, жажда, изнеможение - физические страдания очистили его мысли. Они унесли все его иллюзии и изобличили ложь Кордиса и Академии. Духи ситов ушли с Коррибана навсегда. Но в этом следовало винить Братство Тьмы Повелителя Каана, а никак не джедаев.

Они покоробили и извратили древний Орден. Учение Академии абсолютно не считалось со всем, что Бэйн узнал о темной стороне в архиве. Каан отверг истинную мощь личности и подменил ее ложным великолепием самопожертвования во имя благой цели. Он стремился уничтожить джедаев посредством мощи оружия, а не коварства. И самое худшее, он объявил, что все в Братстве ситов равны. Но Бэйн знал, что равенство - это миф. Сильным предназначено править; слабым - служить.

Братство Тьмы символизировало все, что с нынешними ситами было не так. Они свернули с истинного пути. Падение их было причиной того, что призраки Темных Повелителей пропали. Никто на Коррибана - ни учитель, ни ученик - не был достоин их мудрости; не достоин их могущества. Они попросту исчезли, постепенно, подобно горстке пепла, развеянного по песку в пустыне. Бэйн теперь очень ясно видел правду. Но Кордис и остальные навсегда останутся слепы. Они следовали за Кааном, словно он сковал их каким-то тайным заклятием.

Слабый порыв ветра донес до него звук отдаленных голосов. Подняв взгляд, Бэйн удивился, увидев неясно вырисовывавшийся храм Академии, находящийся менее чем в километре от него. Захваченный философскими размышлениями, он и не осознал, как далеко дошел. Бэйн был достаточно близко, чтобы разобрать движущиеся у основания сооружения крохотные силуэты: прислуга, или, может быть, несколько студентов Академии, шатающиеся по окрестностям. Один из них заметил его приближение и поспешил внутрь, вероятно, чтобы передать весть о его возвращении Кордису и Мастерам.

Бэйн понятия не имел, какой прием ему готовят. По правде говоря, ему было безразлично, лишь бы они дали ему еды. После этого они перестанут быть ему полезны. Он презирал их всех: как учителей, так и учеников. Они были не лучше, чем джедаи, разграбившие Коррибан три тысячелетия назад. Академия вызывала отвращение, доказывала

то, как далеко ситы отошли от подлинных идеалов темной стороны.

Бэйн один понимал это. Он один видел правду. И он один мог вновь наставить ситов на путь Тьмы.

Конечно же, он не будет столь глуп, чтобы заявлять об этом напрямую. Братство никогда не последует за ним; как не сделают этого ни Кордис, ни любой другой в Академии. Будь они хоть трижды слабыми и невежественными, они все еще могли подавить его своей численностью. Если он намеревается возвратить ситов к их подлинному величию, ему потребуется союзник.

Но не один из Мастеров: они слишком близки к Каану. И послушники не представляют собой ничего, кроме пресмыкающихся слуг, слепо идущих за собственными учителями. У них нет реального понимания темной стороны. Они не чувствуют, что их ведут по ложному пути. Ни один из них не достоин.

Нет, - поправил себя Бэйн. - *Кое-кто достоин. Гитани*.

Ее не пугали Мастера. Она открыто ослушалась их, чтобы учить Бэйна. Факт того, что она сделала это по собственным эгоистичным мотивам, лишь еще раз доказывал, что она понимает подлинную природу Тьмы.

Хотел бы он поговорить с ней перед уходом из Академии. Он мог бы, по крайней мере, попытаться объяснить, почему ему нужно было уйти. Она разочаровалась в нем после того, как он оставил в живых Зирака. И правильно сделала. Но, в конце концов, именно он от нее отвернулся. Это он оставил ее позади, отправившись на поиски потаенных секретов Коррибана. Что вообще она теперь о нем думает?

Когда Бэйн дошел до окраины территории Храма, запахи полдника, что готовили на кухне, овевали его, унеся с собой все прочие мысли. Рот залился слюной, а в животе заурчало. Он заковылял вверх по ступенькам, подгоняемый близкой перспективой, наконец, поест.

* * *

Новости о том, что Бэйн вернулся, Кордису не понравились. Время для возвращения было самым неудачным. Повелитель Каан прислал срочное сообщение: все из Академии должны прибыть на Руусан, чтобы примкнуть к битве против джедаев. Каждому ученику вручался светомеч и давалось место в Братстве Тьмы, возводящее его в ранг Темного Повелителя ситов.

Было не очень хорошо конфликтовать с одним из наиболее могущественных студентов, столь дерзким, каким Бэйн показал себя при их прошлой встрече. Будет еще хуже, если Бэйн презрительно отнесется к предложению и уйдет, ослушавшись приказа отправиться на Руусан. Каану удавалось сохранять Братство Тьмы в целости, но то был союз, который всегда находился на грани распада. Перед лицом повторного неудачного изгнания джедаев с Руусана, отказ одного выдающегося сита встать в строй может стать последней каплей, чтобы все вышло из-под контроля.

Одно отступничество повлияет на остальных, и все перейдет в состояние хаоса: сит сражается против сита, в то время как Темные Повелители стремятся подавить и уничтожить своих соперников. Джедаи выживут и заново отстроят орден, смеясь над глупостью своих смертельных врагов.

Если бы только Бэйн сгинул в пустошах Коррибана! К несчастью, он вернулся, и Кордис не мог ничего сделать, чтобы сейчас устранить его. Только не после приказа Каана. Они нуждались в каждом светомече и каждом сите, особенно в таком сильном, как Бэйн. Ради Братства - ради превосходной дальновидности Повелителя Каана - Кордису придется найти какой-нибудь способ загладить вину.

* * *

Новости о возвращении Бэйна быстро разлетелись по Академии. Зирак не был удивлен.

По правде говоря, ему даже полегчало. Когда Мастер Кордис известил студентов о скором отправлении на Руусан, он испугался, что они улетят до возвращения Бэйна, и это лишит его возможности отомстить.

Вместо этого удача улыбнулась ему. Но все равно придется действовать быстро. Как только они покинут Коррибан будет уже слишком поздно. Повелитель Каан потребует, чтобы все ученики дали обет преданности и верности друг другу при вступлении в Братство. Убийство его врага после этого будет актом предательства, караемого смертью. Он хотел мести, но не ценой своей жизни.

Зирак знал, что Йевра с Ллокаем помогут ему. Но для того, чтобы уничтожить противника, столь сильного, как Бэйн, ему требовались не только они. Еще нужна была Гитани.

Постучав в дверь ее комнаты, он, прежде чем войти, дождался разрешения.

Она лежала на кровати, расслабленная и спокойная. В контраст ей, Зирак чувствовал себя напряженным, как натянутая сверх меры струна.

- Он вернулся, - только и всего сказал Зирак.

- Когда? - ей не было необходимости спрашивать, о ком шла речь.

- Он приковылял час назад. Может меньше. И направился напрямиком на кухню.

- Кухню? - она, казалось, удивилась. Или обиделась. Вне сомнения, она ждала, что он явится сначала к ней.

- Он уязвим, - намекнул Зирак, рука его легла на эфес недавно полученного меча. - Полуголодный. Изнуренный. Мы должны разобраться с ним прямо сейчас.

- Не глупи, - фыркнула она. - Что Мастера сделают с нами, если мы зарубим его на кухне?

Она была права.

- У тебя есть план?

Она кивнула.

- Сегодня ночью. Жди в архиве. Я приведу его к тебе.

- Я прихвачу Йевру и Ллокая.

Кислая гримаса передернула ее лицо.

- Думаю, они нам потребуются, - признала Гитани, даже не пытаясь скрыть неприязнь.

Губы Зирака скривились в жестокой ухмылке.

- Я прошу еще лишь об одном. Позволь мне нанести смертельный удар.

* * *

Бэйн рухнул на кровать, живот его готов был лопнуть. На кухне он объелся, набросившись на еду с манерами гаммореанского солдата возле поставленного корыта. Он набивал себя всем, что было на глазах, до тех пор, пока его ненасытный голод не был утолен. Только тогда он вспомнил, что не спал почти две недели.

Голод уступил место утомлению, и Бэйн в оцепенении побрел из кухни в свою комнату. Через несколько секунд он погрузился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся он несколькими часами позже от стука в дверь. По-прежнему шатаясь, Бэйн заставил себя подняться на ноги, зажечь светящийся стержень и отворить дверь.

В коридоре стоял Кордис. Он вломился, не дожидаясь приглашения войти, и закрыл за собой дверь. Бэйн был слишком занят попыткой стряхнуть последние остатки сна, чтобы возразить.

- С возвращением, Бэйн, - произнес Мастер. - Надеюсь, твое путешествие было... познавательным.

Озадаченный радушным тоном Кордиса, Бэйн лишь кивнул.

- Я думаю, ты понимаешь теперь, почему я отпустил тебя, - сказал Кордис.

Потому что слишком перетрусил, чтобы попытаться остановить меня, - подумал Бэйн, но вслух ничего не сказал.

- Это было последним этапом твоего обучения, - продолжал Мастер. - Тебе требовалось понять, почему мы отринули прежние обычаи. Это новая эра, и ты мог уяснить это только осознав, что старая и в самом деле ушла.

Бэйн сохранял стоическое молчание, не соглашаясь с Кордисом, но и не желая оспаривать сказанное.

- Теперь, когда ты усвоил последний урок, Академии нечему больше учить тебя. - В этом, по крайней мере, они были в полном согласии. - Ты больше не послушник, Бэйн. Теперь ты готов примкнуть к рядам Мастеров. Теперь ты Темный Повелитель ситов.

Он сделал паузу, словно ожидал хоть какой-то реакции. Бэйн стоял неподвижно, как каменная статуя, что он видел сторожащими гробницы древних ситов в нескольких старинных склепах.

Кордис прочистил горло, нарушив неудобное молчание.

- Я знаю, что Повелитель Каз'им уже вручил тебе меч. У меня тоже есть для тебя подарок.

Он протянул руку, в ладони его сверкнул кристалл для светомеча.

Когда Бэйн замешкался, Кордис вновь подал голос:

- Возьми его, Повелитель Бэйн.

Он сделал особое ударение на новом титуле. Имя прозвучало слишком жалко для Бэйна: пустая почесть, дарованная глупцом, мнящим себя Мастером. Но Бэйн сохранял молчание, в то время как Кордис продолжал говорить.

- Этот искусственный кристалл сильнее, чем тот, что сейчас питает твой меч, - уверял он его. - И гораздо, гораздо лучше, чем природные кристаллы, которые используют в своем оружии джедаи.

Не торопясь, Бэйн протянул руку и взял кристалл из его ладони. Поначалу он показался холодным на ощупь, но когда Бэйн сжал его, шестигранный камень быстро потеплел.

- Ты вернулся из пустыни очень вовремя, - продолжал говорить Кордис. - Мы готовимся покинуть Коррибан. Повелитель Каан нуждается в нас на Руусане. Все ситы должны сплотиться в Братстве Тьмы, чтобы мы могли разгромить джедаев.

- Братство падет, - заявил Бэйн, смело высказав то, что, по его мнению, было правдой. Правдой, которой другие не поверят. - Каан не понимает темной стороны. Он ведет вас по пути разрушения.

Кордис резко втянул воздух и с гневным свистом выпустил его из ноздрей.

- Кое-кто может принять эту болтовню за измену, Повелитель Бэйн. В твоих же интересах в будущем держать подобные мысли при себе.

Он развернулся и сердито шагнул за дверь, рывком распахнув ее. Реакция была именно такой, как Бэйн и ожидал.

Рослый Мастер обернулся, чтобы еще раз взглянуть ему в лицо.

- Ты можешь теперь и Темный Повелитель, Бэйн. Но в темной стороне есть еще много того, о чем ты не догадываешься. Присоединись к Братству, и мы научим тебя всему, что знаем. Отвергни нас, и ты никогда не найдешь того, что ищешь.

Мастер ушел; Бэйн безмолвно наблюдал за тем, как за ним захлопнулась дверь. Кордис ошибался насчет Братства, но он был прав лишь в одном: оставалось еще многое в темной стороне, что требовалось узнать.

И было лишь одно место в Галактике, куда он мог для этого отправиться.

Глава 20

После того, как Кордис ушел, Бэйн заполз обратно в кровать. Он подумал было о том, чтобы навестить Гитани, но он еще не восстановил свои силы. *Завтра*, - засыпая, подумал он.

Несколько часов спустя стук в дверь вновь потревожил его. На этот раз, проснувшись, он почувствовал себя бодрее. Он быстро встал и запалил светящийся стержень, мягким

светом заливший комнату. В его каморке не было окон, но Бэйн предположил, что сейчас, должно быть, около полуночи, ближе к комендантскому часу.

Он встал на ноги и пошел поприветствовать своего второго незванного гостя. В этот раз он не разочаровался, когда открыл дверь.

- Могу я войти? - прошептала Гитани.

Бэйн отошел в сторону, уловив запах ее духов, когда проходя, она слегка задела его. Пока он тихо затворял за ней дверь, Гитани быстрым шагом прошла к кровати и присела на край. Она похлопала рукой рядом с собой, и Бэйн покорно сел, чуть повернувшись, чтобы смотреть ей в глаза.

- Зачем ты пришла? - поинтересовался он.

- Почему ты ушел? - спросила она в ответ.

- Это... сложно объяснить. Ты была права в том, что случилось с Зираком. Я должен был покончить с ним, но не сделал этого. Я был глуп и слаб. И не хотел признаваться тебе в этом.

- Ты ушел из Академии, чтобы не пришлось говорить со мной?

Слова прозвучали сочувствующе, словно она стремилась понять его. Но Бэйн ощущал презрение.

- Нет, - объяснил он. - Я ушел не из-за тебя. Я ушел потому, что ты была единственной, кто распознал мою слабость. Все остальные поздравляли меня с выдающейся победой: Каз'им, Кордис... все. Они слепы к подлинной природе темной стороны. Так же слепы, как был и я, пока ты не раскрыла мне глаза.

Я ушел потому, что Академии больше нечего мне предложить. Я отправился в Долину Темных Повелителей в надежде найти ответы, которые не нашел здесь.

- И ты даже не подумал о том, чтобы прийти и рассказать все это мне?

Голос ее изменился; покров фальшивого сострадания спал. Теперь она была просто зла. Зла и уязвлена. Бэйн испытал облегчение от того, что она все еще была к нему достаточно равнодушна, чтобы выказать некоторые искренние эмоции.

- Я должен был прийти к тебе, - признал он. - Я действовал сгоряча. Позволил гневу на Кордису овладеть собой.

Она кивнула: он знал, что страстные и безрассудные поступки были не чужды Гитани.

- Я ответил на твои вопросы, - сказал он. - Теперь ты ответь на мои. Зачем ты пришла?

Она заколебалась, слегка покусывая зубами нижнюю губу. Бэйн распознал бессознательный жест; он означал, что она погрузилась в мысли, стараясь расставить что-то по своим местам.

- Не здесь, - сказала она, наконец, чопорно поднявшись с кровати. - Я хочу кое-что показать тебе. В архиве.

Не оглядываясь, чтобы посмотреть, последовал ли он за ней, она быстро вышла из комнаты в тусклый коридор. Бэйн вскочил на ноги и поспешил следом, перейдя на легкий бег, чтобы поспеть.

Взгляд ее был устремлен вперед, обувь при каждом стремительном шаге издавала резкие звуки, соприкасаясь с каменным полом. Гулкий шум эхом отдавался по пустым коридорам, но Гитани это, казалось, не волновало. Бэйн видел, что ее что-то беспокоит, но у него не было ни малейшей идеи, что это может быть.

Дверь в архив оказалась открытой. Гитани не выглядела удивленной; не сбавляя темпа, она вошла внутрь. Бэйн помедлил лишь мгновение, прежде чем последовать за ней.

В дальнем конце помещения, вдали от стоящих в ряд полок, она остановилась и обернулась к нему лицом. На ее надменных, но прекрасных чертах лица застыло выражение, которое ему сложно было разгадать.

Бэйн прошел полкомнаты и внезапно замер, когда она остановила его движением руки.

- Гитани, - сказал он, сбитый с толку. - Что проис...

Слова оборвал гулкий грохот захлопнувшейся за их спиной двери архива. Бэйн резко развернулся и увидел Зирака, вместе со стоящими рядом Йеврой и Ллокаем. Бледно-желтые

губы забрака растянулись в безжалостной улыбке, такой широкой, что она сделала его похожим на ухмыляющийся череп. Бэйн не мог не заметить светомечей на поясе у всех трех.

Когда позади заговорила Гитани, он едва устоял против желания обернуться и посмотреть ей в глаза. Было бы не слишком разумно подставлять спину троице забраков.

- Зачем ты пошел за мной, Бэйн? - спросила она, в голосе ее смешались гнев, отвращение и горечь. - Как ты мог быть таким тупицей? Разве до тебя не дошло, что ты идешь напрямиком в ловушку?

Гитани предала его. Беседа у него в комнате была проверкой - и он ее провалил. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы ожидать нечто подобное. Он должен был заподозрить ловушку. Вместо этого он оказался слепым и покорным глупцом.

Он знал, что сам во всем виноват. Теперь ему нужно было найти выход.

- Ты этого хотела, Гитани? - спросил он, пытаясь оттянуть время.

- Она хотела того же, чего хотят и все ситы, - ответил за нее Зирак. - Власти. Победы. Она знает, что лучше быть на стороне сильных.

- Я сильнее, чем он, - сказал Бэйн Гитани. - Я доказал это на ринге.

- Большее значение играет умственная сила, а не физическое совершенство, - отозвался Зирак, зажигая светомеч.

Это был двухклинковый вариант. Глаза Бэйна сосредоточились только на сиянии алых клинков, но он расслышал шипение, когда двое других забраков последовали примеру Зирака. Гитани, напротив, все еще не активировала свой кнут.

- Ум значит больше, чем просто способность контролировать Силу, - продолжал Зирак, выходя на позицию. - Он подразумевает интеллект. Коварство. Беспощадность.

- Ты знаешь, как легко я сокрушил тебя на ринге, - сказал Бэйн, обратившись, наконец, прямо к Зираку, хотя его слова по-прежнему предназначались Гитани. - Ты уверен, что сможешь одолеть меня сейчас?

- Четверо против одного, Бэйн. И ты оставил свой меч у себя в камерке. Мне такой расклад по душе.

Бэйн разразился смехом и повернулся к Зираку спиной. Тот был достаточно близко, чтобы напасть и убить его одним-единственным ударом, но Бэйн поставил на то, что противник воздержится, заподозрив ловушку. Это была опасная авантюра, но он хотел смотреть прямо в глаза Гитани, говоря, быть может, последние слова в своей жизни.

- Этот дурак действительно верит, что ты привела меня сюда ради него, - сказал он ей.

У себя за спиной он почувствовал замешательство и нерешительность Зирака. Пока что никто не нападал.

Гитани встретила его пристальный взгляд холодным, немигающим взглядом и промолчала. Но зубы ее покусывали нижнюю губу.

- Мы оба знаем, почему ты сделала это, Гитани, - сказал он быстро. Зирак не будет долго ждать. - Ты не хотела быть на стороне Зирака. Ты искала возможность убить его с моей помощью с тех самых пор, как только оказалась здесь.

- Довольно! - выкрикнул Зирак.

Бэйн бросился вперед, в последнюю секунду перекатившись в сторону, когда двухклинковый меч пропахал глубокую колею в том месте, где он стоял. Вскочив на ноги, он увидел, что Гитани шевельнулась; когда она бросила ему светомеч, он, вытянув руку, воспользовался Силой и привлек эфес в свою ладонь.

Оружие ожило, и он вовремя развернулся, чтобы блокировать атаку Зирака. Йевра и Ллокай, находившиеся в нескольких метрах позади, бросились вперед, чтобы присоединиться к драке.

Бэйн контратаковал, рубанув снизу по ногам Зирака. Забрак парировал удар, их лезвия встретились с искрами и гулом. Почти не осознавая происходящего, Бэйн сумел расслышать, что Гитани зажгла свой кнут.

Стремительный шквал заставил Зирака отступить. Бэйн выполнил отвлекающий маневр, собравшись было атаковать, и сделав шаг назад, создав между ними достаточно

свободного пространства. Времени оказалось ровно столько, чтобы успеть протянуть руку в направлении ничего не подозревающей Йевры. Подхватив ее с помощью Силы, он с такой силой швырнул ее в одну из ближайших полок, что расщепил дерево.

Оглушенная Йевра рухнула на пол. Не успела та встать, как Гитани, хлестнув кнутом, оборвала жизнь женщины-забрака.

Бэйн едва уловил ее смерть, как Ллокай уже набросился на него. Краснокожий забрак был слабее, но горе и гнев переполнили его силой, достаточной чтобы оттеснить очень крупного соперника серией зверских и отчаянных ударов.

Отшатнувшись назад, Бэйн слишком отвлекся, и вовремя не заметил, как Зирак ударил разрядом потрескивающих голубых молний. В последнюю секунду он вывернулся и поймал потенциально смертельный разряд клинком светомеча, абсорбировав его энергию. Это было скорее инстинктом, последним средством, сделавшим его уязвимым для одного стремительного выпада Ллокая. Но кнут Гитани стеганул возле глаз забрака; клинок его оказался занят, бешено отражая удары.

Видя, как Зирак заколебался, Бэйн снова обратил на него свой взор. В этот самый момент раздался крик Ллокая: он недооценил извилистую траекторию энергетического кнута Гитани и потерял глаз. За первым вскриком последовал бы и второй, если бы она не перерезала ему горло; пылающий кончик ее оружия прижег голосовые связки, так что забрак умер в агонии и полном молчании.

Оставшись в одиночестве, Зирак погасил светомеч и, швырнув его на пол, упал на колени.

- Прошу, Бэйн, - энергичным голосом взмолился он. - Я сдаюсь. Ты истинный Повелитель ситов. Теперь я понимаю.

Гитани прошептала:

- Покончи с этим сейчас, Бэйн.

Подойдя, Бэйн возвысился над своим пресмыкающимся врагом. Внезапно он увидел перед собой не только Зирака. Он увидел всех, кого когда-либо убил. Каждую жизнь, которую он отнял. Макурт Фогар. Безымянный республиканский солдат, убитый на Апатросе. Отец.

Он нес ответственность за эти смерти. Даже сейчас они тяготили его. Вина за смерть Фогара оставила его глухим к темной стороне на долгие месяцы. Она сковала его словно кандалы. Он не хотел снова пройти через это.

- Слушай меня, - молил Зирак. - Я послужу тебе. Я сделаю все, что ты прикажешь. Ты можешь использовать меня. Я могу помочь тебе. Пожалуйста, Бэйн... будь милосердным!

Бэйн ожесточился.

- Те, кто просят о пощаде, - ответил он холодно, - слишком слабы, чтобы заслуживать ее.

И меч скользнул вдоль шеи беспомощного врага. Еще несколько мгновений туловище оставалось в вертикальном положении. Обуглившиеся края тела, где только что была голова, продолжали испускать дымок. Затем оно рухнуло вперед.

Воззрившись на тело, Бэйн почувствовал лишь одно: свободу. Вина, стыд, груз ответственности - все исчезло в одном-единственном, решающем действии. Он полностью открылся темной стороне. Она хлынула на него, наполнив уверенностью и мощью.

Через мощь я познаю победу. Через победу мои оковы рвутся. Он обернулся и увидел улыбку Гитани, ее голодные глаза.

- Какая же я глупая, что недооценивала тебя, - произнесла она. - Ты видел, как я взяла твой меч! Вот почему ты пошел за мной.

- Нет, - ответил Бэйн, все еще разгоряченный уничтожением своего врага. - Я ничего не видел. Лишь предположил.

На мгновение ее лицо омрачилось; потом она разразилась смехом.

- Ты никогда не прекратишь удивлять меня, Повелитель Бэйн.

- Не называй меня так, - сказал он.

- Почему? - спросила она. - Кордис возвел всех студентов в ранг Темных Повелителей.

Видя его недовольство, она подошла ближе, обняла его за шею и заглянула в лицо.

- Бэйн, - выдохнула она, - мы будем сражаться с джедаями! Мы присоединимся к Братству Тьмы Повелителя Каана!

Он осторожно снял ее руки с шеи и сжал нежные пальцы в своих больших кулаках. Озадаченная, она не стала сопротивляться, когда он, соединив ее ладони вместе, прижал их к своей груди.

Как мог он заставить ее понять? Он принадлежал теперь темной стороне; казнь Зирака была последним шагом. Он пересек черту; пути назад не было. Он никогда больше не будет колебаться. Никогда не будет сомневаться. Метаморфоза, которая началась с ним, едва он переступил порог Академии, сейчас завершилась: он был ситом.

Теперь, даже лучше, чем всегда, он понимал ошибки Братства.

- Каан - дурак, Гитани, - сказал он, сосредоточенно глядя ей в глаза, чтобы прочесть ее реакцию.

Она слегка отстранилась и попыталась освободить свои руки. Он сжимал их крепко.

- Да ты никогда даже не виделся с Повелителем Кааном, - сказала она в его защиту. - А я встречалась. Он великий человек, Бэйн. Проницательный.

- Он слеп как оркеллианский пещерный слизень, - возразил Бэйн. - Братство Тьмы, эта Академия, все, чем стали ситы - памятник его невежеству! - Он еще сильнее стиснул ее руки. - Идем со мной. Ничто не держит нас на Коррибанае, а на Руусане ждет только смерть. Но я знаю, куда еще мы можем отправиться. Место, где темная сторона по-прежнему сильна.

Она высвободила руки и отстранилась от него.

- Повелитель Каан объединил ситов в одном грандиозном бою. Мы можем присоединиться к ним на Руусане.

- Тогда иди! - сплюнул Бэйн. - Примкни к остальным на Руусане. Будь едина с ними в их гибели.

Он отвернулся и гневно помчался прочь, ей же оставалось только выкрикнуть:

- Подожди, Бэйн. Постой!

Если бы она сделала хоть один шаг за ним, он, может быть, и остановился.

* * *

Бэйн пинком вышиб дверь комнаты Кордиса; та ударилась о стену с грохотом, который пронесся вдоль по коридору. Глава Академии проснулся и уже оделся, медитируя на коврике в центре комнаты. Теперь же он вскочил на ноги, с потемневшим от злости лицом.

- Что все это значит?

- Это ты послал Зирака убить меня? - выпалил Бэйн. Время для сантиментов прошло.

- Что? Я... что-то случилось с Зираком?

- Я убил его. И Йевру с Ллокаем тоже. Их тела в архиве.

Шок и ужас его реакции прояснили, что Кордис ничего не знал о нападении.

- И ты сделал это накануне нашего отлета на Руусан? - спросил он; в голосе Мастера прорезались пронзительно визгливые нотки.

В коридоре собралось несколько Мастеров, привлеченных шумным вторжением Бэйна. Там же скопились и проходившие мимо студенты. Бэйну было все равно.

- Вы можете лететь на Руусан, - фыркнул Бэйн. - Я не имею ничего общего с Братством Тьмы.

- Ты студент этой Академии, - напомнил ему Кордис. - Ты сделаешь так, как велено!

- Я Темный Повелитель ситов, - парировал Бэйн. - Я не служу никому, только самому себе.

Бросив взгляд за плечо Бэйна, на собравшуюся толпу любопытных, Кордис понизил голос до угрожающего шепота.

- Мы отбываем на Руусан завтра, Повелитель Бэйн. Ты отправляешься с нами. И это не

подлежит обсуждению.

- Я ухожу сегодня, - ответил Бэйн, приглушив свой голос, подражая тону Кордиса. - И никто из вас здесь не в состоянии остановить меня!

Он повернулся спиной к главе Академии и медленно направился прочь из комнаты. На мгновение Бэйн почувствовал, что отверженный Мастер собирает Силу, и приготовился к битве. Но уже секундой позже он ощутил, что энергия угасает.

На пороге он остановился. Когда он заговорил, то слова его относились как к собравшимся зрителям, так и к Кордису.

- Кое-кто однажды сказал мне, что титул «Дарт» не используется больше потому, что способствует соперничеству среди ситов. Он дает джедаям легкие цели. Было гораздо проще отказаться от обычая насовсем. Чтобы заставить всех Мастеров пользоваться одинаковым титулом «Темный Повелитель».

Он немного повысил голос, чтобы слышали все.

- Но я знаю правду, Кордис. Я знаю, почему никто из вас не претендует на это имя. Страх. Вы трусы.

Он развернулся вполоборота и снова посмотрел на Кордиса.

- Никто из Братства не достоин титула Дарт. И меньше всех - ты.

Из толпы собравшихся донеслись вздохи. Некоторые студенты отступили, ожидая какой-то реакции. Конечно же, ее не последовало.

В омерзении качнув головой, Бэйн не среагировал. Когда он проходил мимо других Мастеров, Каз'им преградил ему дорогу, положив руку ему на грудь.

- Не уходи, - произнес Мастер клинка. - Давай поговорим. Если ты только встретишься с Кааном, то поймешь. Это все о чем я прошу, Бэйн.

- *Дарт* Бэйн, - сказал он, отстранив руку тви'лека и протиснувшись мимо него.

Никто не попытался остановить его, когда он шел по коридорам Академии. Никто не попытался следовать за ним, или даже окликнуть его, когда он взбирался по лестнице на небольшую посадочную площадку на крыше.

Там стоял лишь один корабль: «Валцин», персональный крейсер т-класса дальнего радиуса действия. Выполненное в форме клинка судно было одним из самых изящных во флоте ситов, оснащенное по последнему слову техники. Оно прибыло только вчера: подарок Каана Кордису, в знак признательности за работу с учениками Академии.

Бэйн опустил входной люк и забрался внутрь. Во время службы в армии он получил базовые навыки основ пилотирования стандартного гиперприводного судна. К счастью, рычаги управления «Валцина» соответствовали всем межгалактическим стандартам и были спроектированы для простоты использования. Он устроился в пилотском кресле, запустил стартовые ускорители, одновременно набивая гиперпространственные координаты пункта своего назначения, и начал предполетную подготовку. Мгновением позже «Валцин» поднялся с посадочной площадки и взмыл в атмосферу, оставляя Коррибан и Академию позади.

Часть третья

Глава 21

Лорд Хот, Мастер джедай и действующий генерал республиканских сил на Руусане, сидел, согнувшись на пне возле своей палатки, и пристально вглядывался в нависшие над лагерем темные тучи. Он хмурился на гнетущие небеса, словно имел возможность прогнать надвигающийся шторм одним лишь выражением лица.

- Что-то тревожит вас, лорд Хот?

Голос Мастера Перникара, давнего друга и верного помощника в ходе этой непрекращающейся кампании, вернул его от размышлений к реальности.

- А что меня не волнует, Перникар? - спросил он, тяжело вздыхая. - У нас истощились запасы еды и медикаментов. Раненых у нас больше, чем здоровых. Разведчики докладывают,

что подкрепление Каану и его ситам уже в пути. - Он хлопнул рукой по колену. - Все, кого *мы* можем призвать на помощь - юноши и дети.

- Дети, могущественные в Силе, - напомнил ему Перникар. - Если мы не привлечем их на нашу сторону, свои права на них заявят ситы.

- Проклятье, Перникар, это всего лишь дети! А мне нужны джедаи. Полностью обученные. Все, кого мы можем найти. Но даже у нас в Ордене есть еще те, кто отказываются помогать.

- Быть может дело в том, как вы их просите, - донесся сзади новый голос.

Хот потер виски, но не обернулся к говорившему. Лорд Вэлентин Фарфэлл был одним из первых Мастеров, примкнувших к Армии Света на Руусане. Он сражался практически в каждой битве, и ситы его хорошо запомнили: Фарфэллу было сложно пропустить даже в пылу сражения.

У него были длинные, вьющиеся золотые волосы, которые ниспадали ему на спину. Нагрудник его лат тоже был позолочен, и перед каждой битвой полировался и начищался до блеска. Он был отделан ярко-красными рукавами и украшен рубинами, которые сочетались с цветом глаз Фарфэллы и контрастировали с его бледной кожей.

Лорд Хот находил его невыносимым. Фарфэлл был преданным служителем Света, но он также был и тщеславным, задававшимся дураком, который перед каждым боем проводил больше времени подбирая гардероб, нежели планируя стратегию. Фарфэлл был последним человеком, с которым генерал хотел сейчас иметь дело.

- Если бы вы проявляли больше такта, лорд Хот, - продолжал Фарфэлл, плавно шествуя вперед, - то могли бы собрать под свои знамена больше джедаев.

- Мне нет нужды убеждать их! - прорычал Хот, резко вскочив на ноги и в раздражении вздев руки. - Мы сражаемся с ситами! Темная сторона должна быть уничтожена! Мы могли бы сделать это, если бы здесь были еще джедаи!

- Но некоторые, в отличие от вас, видят это в другом свете, - безмятежно произнес Перникар.

За время, проведенное на Руусане, тот начал привыкать к вспышкам гнева Хоты, и научился хоть как-то их игнорировать.

- Есть и другие республиканские миры, помимо этого, которые находятся под непосредственной атакой, - вклинился Фарфэлл. - Многие джедаи оказывают поддержку силам Республики в других секторах, помогая им сражаться с эскадрами ситов.

Хот сплюнул на землю и порадовался, увидев, как на лице Фарфэллы проступило жуткое отвращение.

- Эти эскадры, может, и летают под флагами ситов, но они собраны из простых смертных. У Республики есть силы, чтобы отбить их атаку. Они не нуждаются для этого в помощи джедаев. Все настоящие ситы - Темные Повелители - сейчас здесь. Если мы разобьем Братство Тьмы, их восстание падет. Разве они этого не понимают?

Наступило тягостное молчание, в ходе которого двое других Мастеров обменялись неловкими взглядами. Перникар, наконец, нашел смелость ответить.

- Кое-кто из джедаев думает, что мы не должны быть здесь. Они чувствуют, что единственное, что не дает распасться Братству, это их ненависть к Армии Света. Они утверждают, что если мы отойдем и сдадим Руусан, ситы быстро обернутся друг против друга, и Братство разорвет на части само себя.

Хот недоверчиво замотал головой.

- Разве они не видят, какие у нас здесь большие возможности? Мы можем истребить последователей темной стороны раз и навсегда!

- Некоторые могут возразить, что не это цель нашего Ордена, - осторожно намекнул Фарфэлл. - Джедаи - защитники Республики. Есть мнение, что Армия Света продлевает мятеж, укрепляя решимость ситов. Поговаривают, что на самом деле это вы причиняете вред Республике, которую поклялись оберегать.

- То есть, это *ты* так считаешь? - огрызнулся Хот.

- Лорд Фарфэлла был с нами с самого начала, - напомнил Перникар. - Он всего лишь говорит вам то, что говорят другие - те, что не явились на Руусан.

- Ситы дожидаются подкрепления с Коррибана, - проворчал Хот. - У нас едва хватит бойцов, чтобы сдержать их. Мне только надо заставить их понять!

- Вероятно, мы достигли бы большего успеха, если бы кто-то другой вел против них борьбу, - сказал Фарфэлла. - Ходят слухи, что для вас это стало личной вендеттой. Руусан уже воспринимается не как арена последнего противостояния между Светом и Тьмой, а скорее, как поле битвы между вами и Повелителем Кааном.

Хот устало присел.

- Тогда мы обречены. Без подкрепления нас разгромят.

Фарфэлла присел рядом с ним на корточки, возложив прекрасно наманикюренную, обильно надушенную руку на мускулистое плечо Хота. Потребовалась каждая частица дисциплины джеда, чтобы не сбросить ее.

- Пошлите меня, милорд, - убеждающе произнес Фарфэлла. - Я нахожусь здесь с самого начала; я верю в наше дело так же сильно, как вы.

- С какой стати им прислушиваться к тебе больше, чем ко мне?

Фарфэлла наградил его торжественным, щебечущим смехом, который заставил Хота стиснуть зубы.

- Милорд, невзирая на всю вашу боевую сноровку и все величие Силы, вы отчасти испытываете недостаток в тонком мастерстве дипломатии. Вы выдающийся генерал, и ваш немногословный характер хорошо служит вам при раздаче приказов бойцам. К несчастью, он может привести тех, кто не находится под вашим командованием, в раздражение.

- Вы слишком резки, милорд, - пояснил Перникар.

- Именно это я только что и сказал, - немного раздраженно заявил Фарфэлла. После чего продолжил: - С другой стороны, меня люди находят остроумным и обаятельным. При необходимости я могу быть очень убедительным. Дозвольте мне привлечь других под наше знамя, и я вернусь с сотней - нет, с тремя сотнями! - джедаев, готовых примкнуть к Армии Света.

Хот снова закрыл лицо руками. Виски пульсировали: Фарфэлла, казалось, всегда производил на него подобный эффект.

- Отправляйся, - пробормотал он, не поднимая головы. - Если ты так уверен, что сможешь привести мне подкрепление, тогда приведи его.

Фарфэлла отвесил экстравагантный поклон, вычурно развернулся и ушел, его золотые локоны развевались позади в поднимающемся штормовом ветре.

Как только он отошел на достаточное расстояние, Перникар вновь заговорил:

- Мудро ли это, милорд? Мы и так несем потери. Как долго, вы полагаете, мы сможем выжить без него?

Большими, тяжелыми каплями полил дождь, и Хота осенило.

- Ситы не смогут одолеть нас, если мы не будем стоять и сражаться, - сказал он. - Мы не дадим им такой возможности. Влажный сезон наступил; под дождем их ищейки нас не отыщут. Мы укроемся в лесу, и будем изводить их стремительными атаками из засады, прежде чем снова исчезнуть среди деревьев.

- Эта стратегия утратит силу, едва настанет сухой сезон, - предупредил Перникар.

- Если Фарфэлла к тому времени не приведет подкрепление, это уже не будет иметь значения, - ответил Хот.

* * *

Пятерка «нарушителей» (небольших ситских транспортников средней дальности) вынырнула у самого горизонта Руусана. Каждое судно несло экипаж из десяти человек, в который входили лишь бывшие студенты и Мастера коррибанской Академии.

На ведущем корабле Гитани работала рычагами управления со спокойной

уверенностью первоклассного пилота. Вообще то, летать она училась на республиканском судне, но основы были те же.

«Нарушители» считались легче и быстрее, чем «бивачные» транспорты, которые предпочитала Республика. Бронированной обшивки у них было меньше, что приносило в жертву безопасность пассажиров в обмен на маневренность и больший радиус действия. Словно подтверждая это, Гитани накренила корабль резко влево и вниз, подведя его настолько близко к поверхности планеты, что листья на деревьях безбрежного руусанского леса затрепетали в кильватере ионного двигателя.

Остальные суда последовали ее примеру, ни на миг не нарушая формации. Слившись с Гитани Силой, другие пилоты в абсолютном унисоне отзывались на каждое ее движение. Если она сделает ошибку, весь конвой разобьется. Но Гитани ошибок не делала.

- Было бы безопаснее подняться выше над лесом, - заметил Повелитель Кордис, сидящий рядом с ней.

- Я не хочу, чтобы джедаи засекли что-нибудь на сканерах, - пояснила она, сосредоточив внимание на том, чтобы не дать кораблю столкнуться с лесным океаном в нескольких метрах под фюзеляжем. - Братство не охраняет этот район. Если на нас направят батарею самонаводящихся снарядов, эти транспортники не смогут их отразить.

Вдали внезапно появилось пять небольших истребителей. Они шли по траектории, явно направленной на перехват «нарушителей». Кордис выругался, а Гитани приготовилась выполнить уклоняющийся маневр.

Секундой позже она разобрала характерные очертания ситских «канюков» и облегченно вздохнула.

- А вот и наш эскорт, - сказала она.

Они будут в базовом лагере ситов через несколько минут. С подошедшими «канюками», способными сбить любые подоспевшие истребители джедаев, не было нужды лететь в такой опасной близости от кроны деревьев. Она могла бы ослабить хватку на рычагах, подняв корабль на безопасную высоту.

Вместо этого Гитани продолжала удерживать курс. Она получала удовольствие, находясь в одном крохотном промахе от мгновенной и пламенной смерти. Судя по напряженной позе Кордиса в кресле второго пилота, было ясно, что он это мнение не разделяет.

Как только они миновали лес, она сбавила скорость, и элегантно посадила корабль на краю ситского лагеря.

Когда они высадились, их уже ждала небольшая приветственная толпа Мастеров, во главе с Кааном. Вновь прибывших было около пятидесяти, но каждый был Повелителем ситов: более могущественным, чем целая дивизия солдат.

Сходя по посадочному трапу корабля, Гитани сразу догадалась, почему их вызвали так скоро. Остальная часть лагеря за спинами собравшихся Темных Повелителей во всей красе предстала перед ее взором, и все, что она увидела - это зрелище мрачной безысходности. Порванные, обветшалые, грязные от ветра и дождя палатки, вмещавшие большую часть армии, располагались плотными кольцами, по пять в каждом. Вокруг них рассеялись репульсорные суда, тяжелые турели и прочие орудия войны. Оборудование покрылось засохшей грязью и ржавыми пятнами, словно все попытки сохранить его в пристойном состоянии были давно оставлены.

Бойцы сбились мелкими кучками, сгрудившись вокруг костров, сооруженных в кольцах палаток. Униформа их покрылась пылью и сажей; многие носили на ранах грязные повязки, отчаявшись сохранить их в чистоте и стерильности. Лица были отмечены горьким привкусом слишком многих разгромов от рук врага, и именно безнадежность их выражений производила наибольшее впечатление.

Повелителя Кордиса, казалось, так же смутило гнетущее зрелище, и он сморщился при приближении Каана.

Тот исхудал, лицо вытянулось, и проступили вызванные волнением морщины. Волосы

покрылись грязью и растрепались. Многодневная щетина затемняла подбородок Каана, отчего он выглядел старым и утомленным. Он казался меньше ростом, чем помнила его Гитани. Стоптавшимся. Менее внушительным. Искры, которая привлекла ее при их первой встрече, больше не было. Его глаза некогда горели огнем, как у человека, абсолютно уверенного в скором успехе. Теперь же в них было нечто еще. Отчаяние. Может даже безумие. Это навело ее на мысль, что Бэйн, возможно, был прав.

- Добро пожаловать, Повелитель Кордис, - промолвил Каан, обменявшись с вновь прибывшим рукопожатием. Он высвободил руку и повернулся, чтобы обратиться к остальным. - Приветствую всех вас на Руусане.

- Не ожидал увидеть твою армию в таком плачевном состоянии, - пробурчал Кордис.

На лице Каана промелькнуло нечто, похожее на гнев. Но пропало, сменившись лучезарной уверенностью, которую помнила Гитани. Он расправил плечи, и, казалось, стал немного выше.

- Нельзя судить о победителе, не видя состояния обеих сторон, - сказал он твердо. - Джедаи в гораздо худшей форме. Моя разведка докладывает, что их потери намного превышают наши. Их припасы истощаются; численность сокращается. У нас есть медпакеты, еда, и достаточно бойцов. А у них нет даже подкрепления.

Он настолько повысил голос, чтобы смогли услышать все в лагере; слова его прокатывались громом по застланному палатками ландшафту.

- Теперь, когда вы здесь, Братство Тьмы, наконец, едино!

Бойцы в лагере замерли и взглянули на него. Несколько человек выжидающе поднялись на ноги. В этом дерзком заявлении был жар; он вновь разжег пламя надежды из сырой золы их изнеможения и отчаяния.

- Вся власть Повелителей ситов отныне собрана на Руусане, - продолжал Каан, стараясь донести свои слова даже до самых отдаленных соратников. Касаясь их мощью Силы, он подпитывал их, восстанавливал силы, и наполнял опустевшие души. - Мы сильны. Сильнее, чем джедаи. Мы борцы темной стороны, и мы сокрушим лорда Хота и его прислужников!

По рядам пронеслись громкие возгласы. Те, кто сидел, вскочили на ноги. Те, кто стоял, взвели вверх свои кулаки. Эхо победных воплей всколыхнуло лагерь подобно землетрясению.

Гитани ощутила это так же явственно, как и все другие бойцы. Мощь была не столько в словах. Все дело было в том, как он сказал их. Все сомнения и страхи попросту испарились, смытые мощной волной одной короткой речи. Казалось, что Гитани принудила повиноваться сила, более могущественная, чем ее собственная.

Они шли по лагерю, наслаждаясь вновь обретенным оптимизмом солдат, пока Повелитель Каан вел их к большой палатке, где собирал свои военные совещания. В толпу вклинился тучный тви'лек, оказавшись рядом с Кордисом, и как раз перед Гитани. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить его: Повелитель Копеж.

- Где Бэйн? - спросил он у Кордиса, так тихо, что услышали его, вероятно, только они с Гитани.

- Бэйн ушел, - ответил Кордис.

Копеж фыркнул.

- Что произошло? Ты что, убил его? - он даже не пытался скрыть свое презрение.

- Он все еще жив. Но отвернулся от Братства Тьмы.

- Он нужен нам, - упорствовал Копеж. - Он слишком силен, чтобы так просто его отпускать.

- Это был его выбор, не мой! - фыркнул Кордис.

Ничего не говоря, они продолжили путь. Копеж, наконец, нарушил молчание, и со вздохом спросил:

- Ты хоть знаешь, куда он отправился?

- Нет, - сказал Кордис. - Никто не знает.

Бэйн вывел «Валцин» из гиперпространства на краю удаленной системы, затем включил ионные двигатели, медленно продолжив сближение с единственной пригодной для жизни планетой: крохотным миром, заточенным на орбите бледно-желтой звезды.

Официально планета называлась Легон - точно так же, как и солнечная система - но чаще именовалась Неизвестным миром. Почти три тысячи лет назад в этой невзрачной системе, расположенной за дальними окраинами исследованного космоса, Дарт Реван и Дарт Малак обнаружили раката: древнюю расу обладателей Силы, что заправляла Галактикой задолго до рождения Республики.

Помимо этого они открыли «Звездную кузницу» - огромную орбитальную станцию... и монумент могуществу темной стороны. Великое сражение разгорелось здесь между Республикой, во главе с обретшим искупление Мастером джедаем Реваном, и ситами Дарта Малака. Малак пал, ситы были разгромлены, а «Звездная кузница» уничтожена, хотя Республике эта победа досталась дорогой ценой.

Даже сейчас оставались следы колоссальной битвы. Корабли обеих флотилий поглотил разрушительный взрыв, который и погубил «Звездную кузницу». Все, что подхватило ударными волнами, было деформировано и разорвано в клочья конкуSSIONной силой, потом сплавлено воедино образовавшимся жаром в искореженные куски расплавленного металла.

Большая часть обломков соединилась в широкий пояс, который охватил небольшой Легон подобно кольцам, присущим многим газовым гигантам по всей Галактике. Остальные же рассеялись по системе, вращаясь вокруг солнца точно безбрежное астероидное поле, делавшее навигацию сложной, если не сказать невозможной.

Бэйн переключил управление на ручное и взялся за штурвал. Используя Силу, он осторожно вел корабль по вероломной полосе препятствий. Понадобился почти час, чтобы достичь цели. И к тому времени, как Бэйн вышел за пределы кольца и вошел в относительную безопасность атмосферы Неизвестного мира, он уже весь взмок от напряженной концентрации.

Само собой, здесь не было никого, с кем нужно было считаться. Никто не вызвал его, когда он опустился к поверхности планеты, пытаясь найти место для приземления.

Раката были расой, находившейся на грани полного вымирания, когда Реван и Малак обнаружили их. По сути, все свидетельства их существования за пределами этого крохотного мирка были уничтожены; просто стерты из памяти Галактики. Мало что изменилось после Битвы при «Звездной кузнице», что могло бы опровергнуть этот факт.

Республиканские чиновники, конечно же, имели о них представление, но само существование расы так и не было официально признано вне засекреченных отчетов о конфликте. Власти посчитали, что широкая общественность враждебно отреагирует на внезапное возвращение из небытия древнего народа, который однажды поработил большую часть известной Галактики. Немногочисленным выжившим раката запретили покидать их отчий дом, да и самих их было слишком мало, чтобы поддержать жизнеспособный генофонд. В течение нескольких поколений долгое, медленное вымирание их расы, наконец, завершилось.

Сохранять в тайне существование раката оказалось удивительно просто. Система после битвы никогда не привлекала большого внимания. Несмотря на огромное количество металлолома, оставшегося после разрушения «Звездной кузницы», никто не пытался хоть что-то из него собрать. Не желая осквернять плавучие могилы своих солдат, Республика решила отдать дань памяти мертвым, придав Легону статус охраняемой исторической зоны. Технически, вход в систему без официального разрешения считался для любого корабля незаконным.

Но никто и не пытался раздобыть подобное дозволение. У системы не было собственных ресурсов или чего-то значительного, за исключением охраняемого звездолетного лома. Она располагалась за пределами всех привычных

гиперпространственных троп и торговых путей - так далеко, что даже контрабандисты не обращали на нее внимания. Небольшую запись о ее местонахождении добавили в официальные архивы Республики, и как крохотное пятнышко она даже отметилась на кромках самых детализированных звездных карт. Если бы не это, система с тем же успехом могла не существовать совсем.

Бэйн понимал, что все отнюдь не так просто. Неизвестный мир был местом невероятной Силы. Именно здесь могли появиться на свет первые служители темной стороны: вожди раката, которые повели свой народ на завоевание и порабощение сотен миров еще за десять тысяч лет до того, как вся остальная Галактика открыла технологию гиперпривода. Это могущество было сконцентрировано в «Звездной кузнице», и могло освободиться при ее разрушении.

Джедаи понимали это, и испугались того, какое зло может взрасти в таком месте. Согласно инструкциям, должностные лица Республики изолировали целую систему, эффективно отгородив ее ото всей остальной Галактики. В последующие столетия джедаи трудились, не покладая рук, чтобы сохранить это в тайне. История Ревана и Малака продолжала жить, так же как слухи и домыслы относительно раката, но истинная природа Неизвестного мира была похоронена под покровом секретов и лжи.

В архиве Академии Бэйн натолкнулся на обрывки, указывающие на правду. Поначалу он даже не осознал смысл того, что видел. Небольшое упоминание мира - тут. Ссылка на него - там. Понимание приходило неспешно, по мере постепенного постижения тайн темной стороны. Чем больше росли его знания, тем ближе он подбирался к разгадке всей головоломки. Он намеревался раскрыть ее в Долине Темных Повелителей, но потерпел неудачу. Теперь он прилетел сюда, чтобы заполучить последний кусочек.

Планета предстала взору лоскутным одеялом мелких тропических островков, разделенных сверкающим голубым океаном. Бэйн воспользовался сенсорами «Валцина», чтобы отыскать самую большую часть суши, затем устремился вниз в поисках места для посадки. Остров был почти целиком покрыт густыми, пышными джунглями, но не было ни одной прогалины, достаточной для его корабля. В конце концов, он сбавил скорость и медленно начал снижение, опуская «Валцин» на хрустальный песчаный пляж.

* * *

Едва нога Бэйна коснулась поверхности Неизвестного мира, как он ощутил низкое гудение, сходное с тем, что поначалу было на Коррибане, только намного сильнее. Даже воздух казался другим: отягощенным древней историей и давно позабытыми секретами.

Стоя спиной к океану и пристально всматриваясь в непроницаемый барьер леса, который покрывал почти весь остров, он ощутил кое-то еще: чье-то присутствие; жизненную силу огромного размера и мощи. И это что-то двигалось по направлению к нему. Быстро.

Несколько секунд спустя он услышал, как создание продирается через подлесок. Чудовищный охотник, привлеченный посадкой корабля, искал свежую добычу.

Ранкор вырвался из леса и вприпрыжку поскакал по песку, издавая ужасающий вопль. Бэйн не двигался, наблюдая за его приближением и восхищаясь скоростью, с которой двигался крупный зверь. Когда между ними оставалось менее полусотни метров, Бэйн хладнокровно выставил вперед руку и потянулся Силой, чтобы коснуться разума атакующего чудовища.

По его безмолвной команде зверь неуклюже притормозил и, пыхтя, застыл на месте. Бэйн подошел ближе, проявляя осторожность и старательно сохраняя под контролем хищные инстинкты ранкора. Тот был спокоен, оставаясь послушным как тонтон, осматриваемый наездником.

По его размеру Бэйн понял, что это взрослый самец, хотя яркая расцветка шкуры и незначительное количество шрамов наводили на мысль о недавнем достижении зрелости. Бэйн положил ладонь на одну из массивных лап ранкора, ощущая трепет мускул под кожей,

по мере того, как проникал все глубже в его животный мозг.

Он ничего не нашел о Мастерах, которые однажды приручили этих зверей как стражников и ездовых животных. Он не удивился: раката исчезли за много веков до того, как этот ранкор появился на свет. Но Бэйн искал нечто еще.

Его атаковал коллаж изображений и ощущений. Бесконечная охота в лесу, чаще всего оканчивающаяся успехом. Разорванные сухожилия и кости. Пиршество пока еще теплой добычей. Поиски самки. Борьба с другим ранкором за доминирование. А затем, наконец, он нашел то, что искал.

Глубоко в воспоминаниях зверя был скрыт образ величественной четырехгранной пирамиды, стоящей в самом сердце джунглей. Ранкор видел ее лишь однажды, когда был детенышем на попечении у самок. И все же сооружение оставило неизгладимое впечатление в его грубом разуме.

Ранкор был животным, вершиной пищевой цепи Неизвестного мира. Он не знал страха, но все же испустил утробный стон, когда Бэйн извлек воспоминание о храме. Зверь вздрогнул, зная, чего от него хотят, но не в силах этому противиться; Сила вынуждала его повиноваться.

Ранкор припал низко к земле, чтобы Бэйн мог запрыгнуть ему на спину. Он осторожно поднялся на лапы, с наездником, взгромоздившимся на его могучие, сутулые плечи. По приказу Бэйна зверь двинулся вперед, оставляя позади пляж и направляясь обратно в лес, неся его к древнему ракатанскому храму.

Глава 22

Прошел почти час, прежде чем Бэйн добрался до цели. Растительность вокруг изобиловала жизнью, но когда он двигался через джунгли, то не видел никого крупнее насекомых или маленьких пичуг. Большая часть тварей бросалась врассыпную, чувствуя приближение ранкора. Они исчезали задолго до того, как Бэйн приближался на достаточное расстояние, чтобы уловить даже намек на их присутствие. Но острое обоняние ранкора частенько ловило их след, и Бэйну не раз приходилось обуздывать охотничьи инстинкты зверя, не давая тому свернуть с курса.

Сдерживать зверя от того, чтобы он не умчался в погоню за своей добычей было совсем не легко, но стало еще сложнее вести его вперед, когда они приблизились к храму. Через каждые несколько шагов он пытался повернуть или внезапно сойти с дороги. Один раз он даже попробовал встать на дыбы и стряхнуть Бэйна с плеч.

Бэйн не видел сквозь толщу растительности дальше нескольких метров, но знал, что они уже близко. Он чувствовал мощь храма, вызывающую к нему из-за плотной завесы спутанных лоз и переплетенных ветвей. Еще сильнее погрузившись в объятия темной стороны, он подавил последние частицы могучей воли ранкора, чтобы усмирить его и подогнать.

Внезапно они вынырнули из джунглей на поляну в сотню метров шириной. В самом центре высился ракатанский храм. Монумент, выполненный из резного камня, и вздымавшийся к небу почти на двадцать метров. Единственным входом служила высеченная в стене широкая арка, которая располагалась на самой вершине огромной лестницы. Стены храма были первозданны: белые и гладкие, незапятнанные вездесущим лишайником и выющейся лозой. Окружающий ландшафт был скуден, и не представлял собой ничего, кроме невысокой травы, стелящейся мягким ковром. Казалось, что джунгли страшились приблизиться и завладеть древним камнем.

Бэйн соскочил с ездового животного, сосредоточив все внимание на возвышающемся перед собой строении. Ранкор, почувствовав свободу, развернулся и исчез в подлеске. Ужасающая гроыхающая какофония его бегства перекрывалась мучительными стонами, но Бэйн уже ни на что не обращал внимания. Он не нуждался больше в ранкоре; он нашел то, что искал.

Бэйн с трепетом шагнул вперед и внезапно остановился. Он тряхнул головой, чтобы прояснить ее. Темная сторона была сильна здесь, как нигде, заставляя его испытывать головокружение. Это значило, что место представляло опасность; недопустимо было блуждать вокруг в ступоре.

Согласно записям из архива, храм когда-то защищал мощный энергетический щит. И чтобы снять его требовалось целое племя раката, каждый член которого был могущественным обладателем Силы. Сейчас подобного барьера не ощущалось, но лишь дурак стал бы действовать без предосторожности.

Так же, как и в гробницах на Коррибане, Бэйн стал прощупывать пространство вокруг себя Силой. Он ощутил отголоски защитных механизмов, которые некогда оберегали храм, но те были так слабы, что не представляли интереса. Он не удивился. Щиты вокруг храма питались силой орбитальной «Звездной кузницы». Когда станцию поглотил взрыв, то и щиты пришли в негодность - вместе с остальной защитой, которая превратила Неизвестный мир в кладбище кораблей.

Задаваясь вопросом, что еще было утеряно при яркой гибели «Звездной кузницы», Бэйн пересек внутренний двор и поднялся по ступенькам лестницы. Она была крутой, но широкой, а камень, несмотря на свой возраст, не был ни изношенным, ни потрескавшимся. Лестница заканчивалась небольшой площадкой, ведущей к каменной арке входа. Немного помедлив у порога, Бэйн вошел внутрь. Он попытался представить себе то, каково это было для тех, кто приходил сюда прежде: предвкушение, ожидание открытий. Однако едва Бэйн оказался внутри, ему хватило всего лишь нескольких минут исследований, чтобы погасить свое волнение.

Как и на Коррибане, храм был очищен грабителями от всего ценного. Он искал часами, начав с верхнего этажа, где вошел в здание, и опускаясь все глубже и глубже, пока не добрался до нижнего уровня, прочесывая каждый сантиметр пустых коридоров и заброшенных комнат. И все-таки, хоть поиски и были на первый взгляд бесплодны, он не отчаивался. Склепы в Долине Темных Повелителей казались истощенными и иссушенными до дна. Неизвестный мир был другим. Здесь по-прежнему была сила.

Тут непременно должно быть нечто, что он должен отыскать. Он был в этом уверен. Он отказывался принимать очередное поражение.

Бэйн находился на самом нижнем уровне храма, глубоко под землей, когда его одержимые поиски наконец-то принесли плоды. Как только он вошел в комнату, внимание его тотчас привлекли останки массивного компьютера. Но всякую надежду на его восстановление можно было оставить. И тут он заметил что-то на каменной стене позади устройства.

Ее поверхность испещряли несколько неразборчивых символов: возможно, это был язык раката. Они ничего не значили для него, и он мог их пропустить. Если бы только один из символов не засветился.

Сначала Бэйн почти не замечал этого. Свечение было едва различимо: тусклый фиолетовый свет, очерчивающий края одной из странных закорючек почти на уровне глаз.

Когда он внимательно присмотрелся, свечение усилилось. Бэйн подошел ближе и нерешительно протянул руку. Огонек мигнул, заставив его испуганно отступить назад. Он потянулся снова, но на этот раз воспользовался Силой.

Каменный иероглиф пробудился ото сна.

Изо всех сил сдерживая рвение, Бэйн вновь протянул руку и с силой надавил на сияющий символ. Послышался звук проворотных механизмов и скрежет камней. В стене проступили очертания небольшого квадрата, и часть камня выдалась вперед.

Бэйн отступил, когда блок выпал из стены и раскололся у его ног, обнаружив за собой небольшой тайник. Ни секунды не колеблясь, Бэйн просунул руку во тьму, чтобы завладеть тем, что находилось внутри.

Его пальцы сомкнулись на чем-то холодном и тяжелом. Он вытащил это и в изумлении уставился на артефакт, лежащий на ладони. Предмет размером чуть больше кулака имел

форму четырехсторонней пирамиды - крохотной копии храма, в котором он находился. Бэйн сразу же понял, что это за находка: голокрон ситов, вместилище запретного знания, только и ждущего того, чтобы его открыли.

Искусство конструирования голокронов было утрачено уже много тысячелетий назад, но благодаря своей учебе Бэйн знал кое-что из базовых знаний, скрывающихся за их дизайном. Информация, которую содержали голокроны, хранилась в прошитой, самокодируемой цифровой матрице. Защитные системы невозможно было обойти или взломать; информацию невозможно было разделить или скопировать. Была лишь одна возможность получить доступ к знаниям, запертым внутри.

Каждый голокрон был снабжен личностью одного или нескольких Мастеров, служащих ему в качестве хранителей. Когда к прибору обращался тот, кто способен был постичь его секреты, голокрон проецировал крошечные, грубоватые голограммы различных хранителей. Посредством взаимодействия со студентом, запрограммированный аватар Мастера обучал его почти в той же манере, как делал бы то наставник из плоти и крови.

Однако все сведения о ситских голокронах упоминали о древних символах, украшавших четырехстороннюю пирамиду. Голокрон, который держал в руке Бэйн, был почти полностью чист. Мог ли он предшествовать голокронам древних ситов? Была ли это реликвия самих раката? Неужели хранители голокрона - внедренные личности инородческих Мастеров из времен, предшествовавших рождению Республики? И если так, пожелают ли они обучить его своим секретам? Ответят ли они ему вообще?

Действуя с осторожностью, Бэйн бережно поставил голокрон на пол и присел. Он скрестил ноги и начал глубоко и медленно дышать, входя в медитативный транс. Собрав и сфокусировав свою энергию, он спроецировал волну темной Силы на маленький реликт. Голокрон в ответ заискрился и замерцал.

Бэйн затаил дыхание в предвкушении и ожидании дальнейших событий. На вершине пирамидки сконцентрировался небольшой лучик света, частицы которого были рассеяны. Они начали перемещаться и вращаться, объединяясь в укрытую плащом фигуру, чьи черты полностью скрывал капюшон плотной рясы.

Затем раздался голос, решительный и ясный:

- Я Дарт Реван, Темный Повелитель ситов.

Пустые коридоры верхнего храма содрогнулись от раскатов ликующего, громогласного хохота Бэйна.

* * *

Бэйну казалось, что учения, содержащиеся внутри одного-единственного голокрона, превосходят все те, что наполняли архив Академии. Реван обнаружил множество ритуалов древних ситов, и когда аватар голокрона объяснял их природу и назначение, Бэйн едва мог постичь их устрашающий потенциал. Некоторые из ритуалов были настолько ужасны - настолько опасны в исполнении даже для истинного Мастера сита - что он сомневался в своем желании когда-нибудь к ним прибегнуть. И все же он старательно переписывал их на стопку флимси, сохраняя для более детального изучения.

Внутри голокрона хранились не просто стародавние обычаи магов темной стороны. Лишь за несколько недель Бэйн узнал больше о подлинной природе темной стороны, чем за все время, проведенное на Коррибане. Реван был настоящим Повелителем ситов, в отличие от притворно улыбающихся Мастеров, что преклонялись перед Кааном и его Братством. И вскоре все его знание - все осмысление темной стороны - будет принадлежать Бэйну.

* * *

Гитани резко очнулась ото сна, сбросив одеяло на грязный пол палатки. Она вспотела и покраснелась, но совсем не от жары. На Руусане наступил сезон дождей, и хотя дни были

теплыми и влажными, по ночам температура падала настолько, что караульные видели туманные облачка собственного дыхания.

Ей снился Бэйн. Нет, не снился. Детали были слишком четкими и ясными, чтобы называть это сном; переживания слишком красочны и реальны. Это было видение. Между ними двумя существовала связь, образовавшаяся за то время, что они провели вместе, изучая Силу. Связь между наставником и студентом была обыденным явлением, только вот Гитани уже не понимала, кто из них на самом деле был учителем, а кто учеником.

Ее видение было совершенно ясным: Бэйн планировал прибыть на Руусан. Но он не собирался присоединиться к Братству. Он хотел уничтожить его.

Она поежилась, испарина холодила ее в прохладном ночном ветре. Она встала с постели и набросила поверх тонкого ночного белья плотный плащ. Ей нужно поговорить об этом с Кааном. До завтра это ждать не может.

Ночь была темна: луну и звезды заслоняли нависшие грозовые тучи, которые не покидали неба с тех самых пор, как подкрепление прибыло с Коррибана. Повсюду витал легкий туман, что было малым улучшением в сравнении со стойкой изморосью, пропитывавшей воздух когда Гитани в изнеможении заползла в кровать.

По лагерю блуждали еще несколько ситов. Кто-то, проходя, пробурчал невразумительное приветствие, но большинство шаталось с опущенными головами и упрямо месило ногами грязь. Энтузиазм, которым потчевал Каан подоспевшее подкрепление, поблек в бесконечной веренице серых, промозглых дней. Оставалось еще несколько недель, как дожди утихнут и уступят место невыносимому зною долгого руусанского лета. А до тех пор последователи Каана будут продолжать страдать от сырости и холода.

Гитани на все это не обращала внимания. Сосредоточившись на деле, она замедлила шаг только тогда, когда достигла входа в большую палатку, которую Каан превратил в персональные апартаменты. Внутри горел свет. Повелитель не спал.

Гитани нерешительно вошла внутрь. То, что она хотела сказать, предназначалось только для него. К счастью, он был один. Но она замерла на пороге, удивленно уставившись на видение пред собой. В мрачном сиянии фонаря, служившего здесь единственным источником света, Каан походил на сумасшедшего.

Он стремительно расхаживал взад-вперед по палатке неровным, неуверенным шагом. Согнувшись почти вдвое, он бормотал себе что-то под нос и мотал головой. Левая рука то и дело поднималась вверх, чтобы дернуть за прядь волос, и быстро опускалась, словно боялась быть застигнутой в чем-то запретном.

Ей с трудом поверилось в то, что это полоумное создание было тем, за кем она решила следовать. Возможно ли, что Бэйн действительно был прав? Она готова была ускользнуть обратно в сырость ночи, когда Каан обернулся и, наконец, заметил ее.

На мгновение в его глазах промелькнула дикая паника: они полыхнули страхом и отчаянием загнанного зверя. Потом он вдруг выпрямился в полный рост, став более подтянутым и высоким. Блеск ужаса покинул глаза, сменившись ледяным гневом.

- Гитани, - произнес он, приветствие было таким же холодным, как и выражение лица. - Я не ожидал посетителей.

Теперь настала ее очередь почувствовать страх. Повелитель Каан излучал силу: он мог раздавить ее с той же легкостью, с какой она давила мелких жуков, сновавших временами по палатке. Память о трусливом, сломленном человеке пропала, испарившись из ее разума подавляющей аурой власти.

- Прости меня, Повелитель Каан, - сказала она с легким кивком. - Мне нужно поговорить с тобой.

Его гнев, казалось, смягчился, хотя он по-прежнему сохранял свой безупречный властный вид.

- Конечно, Гитани. У меня всегда есть для тебя время.

В произнесенных словах было нечто большее, чем просто педантичная радушность; за ними скрывалось что-то более глубокое. Гитани была привлекательной женщиной; она

привыкла быть объектом инсинуаций и едва скрываемого мужского желания. Обычно это вызывало простое отвращение, но в случае с Кааном щеки ее залились румянцем. Он был основателем Братства Тьмы, проницательным и значимым человеком. Как могло не прельстить это внимание?

- У меня было предчувствие, - объяснила она. - Я видела... я видела Дарта Бэйна. Он направляется на Руусан, чтобы уничтожить нас.

- Кордис хорошо просветил меня о воззрениях Бэйна, - сказал он, кивнув. - Это не является для меня неожиданностью.

- Он не видит величия нашего дела, - сказала Гитани, словно извиняясь за Бэйна. - Он ни разу не встречался с тобой лично. Единственные его знания о Братстве пришли от Кордиса и других Мастеров - тех, кто отвернулся от него.

Каан смерил ее недоуменным взглядом.

- Ты пришла предостеречь меня о том, что Бэйн планирует уничтожить нас. Теперь, похоже, ты пытаешься оправдать его действия.

- Сила показывает нам, что *может* произойти, а не обязательно то, что *произойдет*, - напомнила она ему. - Если мы убедим Бэйна примкнуть к нам, он станет ценным союзником в борьбе против джедаев.

- Понимаю, - произнес Каан. - Ты чувствуешь, что если мы загоним его в овчарню Братства, твое видение не воплотится в жизнь. - Повисла длительная пауза, и затем он спросил: - А ты уверена, что личные чувства к нему не затемняют твое суждение по этому вопросу?

Растерявшись, Гитани не смогла встретиться с ним взглядом.

- Я не единственная, кто так считает, - пробормотала она, опустив глаза. - Многие с Коррибана так же встревожены его отсутствием. Они чувствуют его силу. Они удивляются, зачем такому могущественному в темной стороне человеку отвергать Братство.

Она подняла голову, когда Каан утешающе опустил руку ей на плечо.

- Может ты и права, Гитани. Но твое предложение для меня напрасно. Никто не знает, где Бэйн находится.

- Я знаю. Между нами есть... связь. Я могу сказать тебе, куда он направился.

Каан протянул руку и, взяв ее за подбородок, слегка приподнял его.

- Тогда я пошлю кого-нибудь за ним, - пообещал он. - Ты поступила правильно, придя ко мне, Гитани, - добавил он, бережно отпустив ее и одарив успокаивающей улыбкой.

Гитани, светясь от гордости, улыбнулась в ответ.

* * *

Она ушла через несколько минут, когда объяснила, куда и зачем отправился Бэйн. Каан проводил ее взглядом; ее слова встревожили его, но он тщательно это скрыл. Он умерил ее страхи и уверился в том, что она останется лояльна Братству, несмотря на явную тягу к Бэйну. Гитани мнила себя объектом вожделения всякого мужчины, но Каан видел схожее желание, ярко горящее в ней самой: она жаждала могущества и славы. А он грезил накормить ее гордыню и амбиции заигрываниями, похвалами и обещаниями.

Все же, он не знал, что делать с ее видением. Хотя Сила в нем была велика, таланты его пролегали в других областях. Он мог изменить ход войны своей боевой медитацией. Мог вселить преданность в других Повелителей путем искусных манипуляций их эмоциями. Но он никогда не испытывал предчувствия, подобного тому, что привело Гитани в его палатку посреди ночи.

Первым его побуждением было принять это за очередную необоснованную тревогу, вызванную упавшим боевым духом. Подкрепление с Коррибана дало надежды на быстрое завершение долгой руусанской войны. Но генерал Хот был слишком умен, чтобы позволить сокрушить свою Армию Света численно превосходящими силами противника. Он изменил тактику, превратив войну в ряд молниеносных столкновений, в промежутках между

которыми скрывался в ожидании подкрепления.

Из-за этого ситы впадали в раздражение и беспокойство. Славная победа, которую Каан обещал им несколько недель назад, так и не претворилась в жизнь. Вместо этого они копошились в грязи и мокли под постоянным дождем, стараясь одолеть врага, который не желал даже сражаться в открытую. Визит Гитани не удивил его. Единственным настоящим сюрпризом было то, что остальные Темные Повелители не пришли озвучить свое недовольство.

А подобное делало предостережение Гитани еще опаснее. Бэйн отверг Братство, сопроводив это публичным представлением; каждый рекрут с Коррибана утверждал, что видел все своими глазами. История разнеслась по лагерю подобно чуме. Поначалу они насмехались над его высокомерием и упрямством: он избрал путь одиночки, а значит, не разделит триумф Братства. Однако в отсутствии этого триумфа кое-кто из рекрутов начал задумываться о правоте Бэйна.

У Повелителя Каана были свои шпионы среди Темных Повелителей. Молва добралась и до его ушей. Повелители не готовы были действовать, руководствуясь своими сомнениями, но решительность их слабела - то же происходило и с преданностью. Он создал коалицию врагов и ожесточенных соперников. Несмотря на то, что Братство Тьмы было прочным, как дюрстил, один решительный голос инакомыслия мог расколоть его на тысячу хрупких осколков.

Каан прихватил из своей палатки фонарь и вышел под мелкий ночной дождь, быстрым, широким шагом пересекая лагерь. Он разберется с Бэйном, как и обещал Гитани. Если непокорный юнец откажется присоединиться к ним, его придется устранить.

Вскоре Каан добрался до цели. Он помедлил перед входом, вспомнив свой гнев на неожиданный визит Гитани в его палатку.

Не желая разжигать вражду с тем, к кому он пришел на встречу, Каан крикнул:

- Каз'им?

- Входи, - донесся через секунду голос, и Каан расслышал безошибочное шипение отключаемого светомеча.

Он зашел внутрь, увидев Мастера клинка. Торс его был оголен, он вспотел и тяжело дышал.

- Я вижу, ты не спишь, - заметил Каан.

- Не так просто заснуть накануне битвы. Даже той битвы, которая, кажется, никогда не наступит.

Каз'им был воином; Каан понимал, что тот раздражен их бездействием. Муштра и тренировки не могли утолить жажду настоящего боя. В Академии на Коррибана Мастер клинка исполнял свой долг с удовольствием. Но здесь, на Руусане, перспектива битвы была слишком близка, слишком очевидна. Запах крови постоянно витал в воздухе, смешиваясь со страхом и предвкушением. Здесь Каз'им получит удовлетворение только тогда, когда столкнется лицом к лицу с врагом. Вскоре его разочарование выльется в мятеж, а Каан не мог себе позволить утратить лояльность своего величайшего фехтовальщика. К счастью, он нашел возможность разобраться со всеми проблемами сразу - Бэйном и Каз'имом - одним стремительным ударом.

- У меня есть поручение для тебя. Поручение большой важности.

- Живу, чтобы служить, Повелитель Каан.

Ответ Каз'има был спокоен, но его легку ожидающе подрагивали.

- Я вынужден отослать тебя далеко от Руусана. На задворки Галактики. Тебе придется отправиться на Легон.

- Неизвестный мир? - озадаченно поинтересовался Мастер клинка. - Но там лишь кладбище величайшего разгрома нашего Ордена.

- Там Бэйн, - пояснил Каан. - Ты отправишься туда как мой посланник. Объяснишь, что он обязан присоединиться к остальным ситам на Руусане. Скажешь ему, что те, кто не с Братством - против него.

Каз'им покачал головой.

- Сомневаюсь, что от этого будет толк. Пока его взгляды тверды, он может быть... упрямым.

- Темная сторона не укрепит в Братстве, пока мы действуем в одиночку, - объяснил Каан. Говоря, он использовал Силу, осторожно давя на ущемленное чувство гордости тви'лека. - Я знаю, что он отрекся от тебя и других Мастеров Коррибана. Но ты должен попытаться еще раз.

- А если он откажется?

Слова Каз'има были быстрыми и резкими. Внутренне Каан улыбнулся растущему гневу Мастера клинка, и еще немного подогрел его.

- Тогда ты убьешь его.

Глава 23

- Те, кто используют темную сторону, обязаны служить ей. Понимание этого - ключ к пониманию основной философии ситов.

Бэйн сидел неподвижно, приковав взор к аватару Темного Повелителя, ушедшего из мира живых три тысячи лет назад. Проецируемое изображение Ревана мигнуло и пропало, потом медленно восстановилось. Голокрон слабел. Умирал. Материал, который использовался для его создания - кристалл, направлявший энергию Силы, и дающий артефакту жизнь - приходил в негодность. Чем больше Бэйн использовал его, тем менее стабилен он становился. Но все же он не мог отложить его в сторону, даже на один-единственный день. Он стал одержим, записывая все знания, потаенные внутри, и проводя часы напролет, впитывая слова Ревана с той же целеустремленной решимостью, которая сопровождала его при добыче кортозиса на Апатросе.

- Темная сторона предлагает мощь во имя мощи. Ты должен желать этого. Жажда. Должен добиваться мощи превыше всего остального, без оговорок и колебаний.

Эти слова прозвучали для Бэйна с особенной правдой, как будто запрограммированная личность его виртуального учителя чувствовала приближение своей кончины и подстраивала последние поучения специально под него.

- Сила изменит тебя. Она тебя преобразует. Некоторые боятся такой перемены. Учения джедаев сосредоточены на борьбе и контролировании этой трансформации. Вот почему те, кто служат Свету, ограничены в своих достижениях.

Настоящая сила может прийти только к тем, кто принимает метаморфозу. Компромиссов быть не может. Милосердие, сочувствие, преданность: все эти вещи помешают тебе завладеть тем, что по праву принадлежит тебе. Те, кто следуют по пути темной стороны, должны отбросить такое чванство. Не сделавшие этого - попытавшиеся идти путем сдержанности - потерпят поражение, затянутые на дно собственными слабостями.

Слова почти в точности описывали Бэйна, каким он был в Академии. Несмотря на это, он не чувствовал досады или сожаления. Того Бэйна больше не существовало. Как он отверг шахтера с Апатроса, взяв ситское имя, так же точно он отверг и неуклюжего, неуверенного ученика, присвоив себе титул «Дарт». Когда он отказался от Кордуса и Братства, он начал трансформацию, о которой говорил Реван, и с помощью голокрона наконец-то был на грани ее завершения.

- Те, кто принимают мощь темной стороны, должны принимать вызов постоянного сосуществования рядом с ней, - продолжал Реван. - По своей натуре, темная сторона побуждает к соперничеству и распрям. Это величайшая сила ситов: она отбраковывает слабых из нашего Ордена. И все же, это соперничество может быть нашей величайшей слабостью. Сильные должны быть осторожны, чтобы не дать сокрушить себя амбициям тех, кто действует за их спиной. Любой наставник, что обучает путям Тьмы больше одного ученика - глупец. Со временем воспитанники сплотят силу и свергнут учителя. Это

неизбежно. Аксиоматично. Вот почему каждый Мастер должен иметь лишь одного студента.

Бэйн ничего не ответил, но инстинктивно скривился в отвращении, когда вспомнил свое обучение в Академии. Кордис и прочие таскали учеников из класса в класс, словно те были детьми в школе, а не преемниками наследия ситов. Именно из-за такой аномальной системы он, как ни старался, не смог достичь своего полного потенциала.

- Это также аргумент в пользу того, почему может быть только один Темный Повелитель. Ситами должен руководить единственный лидер: само воплощение силы и могущества темной стороны. Если лидер слабеет, другой должен встать на его место, беря в свои руки бразды правления. Сильный повелевает; слабому предначертано служить. Именно так все и должно быть.

Изображение дрогнуло и подскочило; крошечная репродукция Дарта Ревана склонила голову, опустив капюшон и скрыв свои черты.

- Мое время подходит к концу. Прими то, что я преподавал тебе, и используй это с толком.

И потом Реван исчез. Свечение, исходившее из голокрона, угасло и пропало. Бэйн поднял маленькую прозрачную пирамидку с пола, но она была холодна и безжизненна. Он не ощутил и следа Силы внутри.

Артефакт был для него теперь бесполезен. От него придется избавиться, как и сказал Реван. Он бросил голокрон на пол. Потом, очень медленно и осторожно, он принялся сжигать его энергией темной стороны Силы, пока от прибора не осталась лишь горстка пепла.

* * *

Ситсткий «канюк» ворвался в атмосферу Легона и устремился вниз с ясного голубого неба. Каз'им работал рычагами управления, удерживая судно на прямом курсе к сигнальному маячку «Валцина».

Ему отчего-то казалось, что Бэйн приведет маяк в негодность, или, по крайней мере, сменит частоту. Но, несмотря на знание о нем (маяк стоял практически на каждом судне), Бэйн его не тронул. Словно он не боялся никого, кто за ним придет. Как будто приветствовал это.

Через несколько минут Каз'им обнаружил звездолет. Корабль, который совсем недавно и очень недолгое время принадлежал Кордису (прежде чем Бэйн забрал его себе), покоился на белом песчаном пляже. С одной стороны пляжа плескались лазурные воды безбрежного океана Неизвестного мира, а с другой возвышались непроходимые джунгли. Сканеры не обнаруживали поблизости признаков жизни, но Каз'им был настороже, ведя свой истребитель на посадку рядом с кораблем Бэйна.

Каз'им отключил двигатели «канюка» и распахнул люк кабины. Он ощутил энергию мира и безошибочное присутствие Дарта Бэйна, исходящее из темного сердца джунглей. Спрыгнув на землю, он с глухим ударом приземлился, слегка погрузившись ногами в мягкий песок. Беглый осмотр «Валцина» подтвердил то, о чем он подозревал: его добычи здесь не было.

Любые следы, которые мог оставить на песке Бэйн, либо смыло волнами, либо занесло бризом. И все-таки Каз'им знал, куда тот отправился. Джунгли пред ним принимали угрожающие размеры, буйные и трепещущие, густые и неприступные: почти непроходимая стена растительности с единственной широкой прорехой.

Кто-то или что-то большого размера и силы проделало тропу в деревьях и подлеске. И джунгли уже пытались ее затянуть. Лишайник плотным слоем застилал землю, а обширное сплетение ползучих лоз пробивало себе путь над поверхностью. Но тви'леку хватило места, чтобы пройти.

Потаенные глаза наблюдали за ним из джунглей: даже не прибегая к Силе, он ощущал их пристальные взгляды, изучающие его, следящие за каждым его движением в попытке

определить, кем он был для экосистемы - охотником или добычей. Чтобы прояснить свою роль, Каз'им вытащил большой сдвоенный светомеч и зажег оба его лезвия, побежав трусцой по тропе.

Все это время он прощупывал окружающую лесную кущу Силой. Большая часть созданий, которых он обнаружил, не представляла большой угрозы. Тем не менее, он был предельно внимателен. Что-то проторило путь, по которому он следовал. Что-то большое.

Забредя вглубь почти на десять километров (он бежал почти час), Мастер клинка, наконец, наткнулся на своего первого ранкора. Тропа делала резкий поворот на восток, и когда он свернул, создание с рыком и воем вырвалось из-за ближайших деревьев.

Каз'им совсем не удивился нападению. Он почувствовал присутствие ранкора уже достаточно давно, с того момента как зверь, поймав его след, начал красться к нему с большого расстояния. Он встретил вызов создания со спокойной, беспощадной эффективностью.

Уйдя от первого мощного удара когтистой лапы, Каз'им сделал глубокий надрез по левой ноге зверя. Когда тот встал на дыбы и взревел от боли, тви'лек выжег еще одну глубокую борозду в его мягком подбрюшии. Ранкор не желал умирать; он был слишком велик размером, чтобы пасть жертвой пары ран от светомеча. Вместо этого боль подняла в нем бешеную ярость. Он закладывал зубами и когтями, кружась, кусаясь и бросаясь на все, что его окружало.

Каз'им уклонялся, подскакивая над одной атакой, и припадая к земле, чтобы прокатиться под другой. Он двигался так быстро, что показался бы ранкору размытым пятном, не будь тот так ослеплен яростью. И с каждым уклонением тви'лек наносил следующий удар, отсекая массу сухожилий и плоти словно искусный скульптор, обрабатывающий глыбу ломмита.

Лапы ранкора заплетались, он тяжело двигался и спотыкался, точно исполняя какую-то пляску пьяного космолетчика. Каз'им, в отличие от него, был быстр и точен. С каждой секундой его противник слабел, теряя энергию. Наконец, с несчастным стоном, зверь повалился и умер.

Оставив создание там, где оно рухнуло, Каз'им пошел вперед с еще большим упорством. Этот бой был недолгим и незатейливым, как и предполагалось. В нем тви'лек впервые испытал себя в настоящей борьбе, с тех самых пор, как согласился помочь Кордису тренировать студентов Академии. Он порадовался, увидев, что его способности не преуменьшились из-за долгой увольнительной.

У Каз'има было чувство, что эти навыки пригодятся вновь, прежде чем день подойдет к концу.

* * *

Бэйн, скрестив ноги, сидел на каменном полу центральной залы, на самом верхнем этаже ракатанского храма. Он размышлял над словами Ревана, как часто делал в промежутках между уроками голокрона. Теперь, когда артефакт был утрачен, стало более важно обдумать то, что он узнал о природе темной стороны... и пути, по которому она его поведет.

По своей натуре, темная сторона побуждает к соперничеству и распрям. Это величайшая сила ситов: она отбраковывает слабых из нашего Ордена.

Неизменная борьба ситов с самого начала известной истории служила нужной цели: она удерживала силу темной стороны сконцентрированной в нескольких могущественных индивидах. Братство изменило все. Сейчас за Кааном следовало более сотни Темных Повелителей, но многие из них были слабы и ничтожны. Ряды ситов невероятно разрослись, но все же они по-прежнему проигрывали войну джедаям.

Могущество темной стороны не может быть рассеяно среди масс. Оно должно быть сосредоточено в тех немногих, кто достоин этой чести.

Сила масс являлась ловушкой... той, в которую попались все великие Повелители ситов минувшего. Нага Садоу, Экзар Кун, Дарт Реван: каждый был могучим. Каждый держал при себе адептов, обучая их премудростям темной стороны. Каждый собрал армию последователей и натравил их на джедаев. И все же, прислужники Света неизменно одерживали верх.

Джедаи в своем деле всегда останутся едины. Ситов вечно будут раздирать внутренние распри и предательство. Те характерные черты, что вели их к индивидуальному величию и славе - безжалостные амбиции, ненасытная жажда власти - в конечном счете их и губили. Это был вечный парадокс ситов.

Каан попытался разрешить проблему, введя в Братстве равенство. Но его решение было в корне неверным. Он не выказал никакого понимания реальной ситуации. Никакого понимания подлинной природы темной стороны. *Ситами должен руководить единственный лидер: само воплощение силы и могущества темной стороны.*

Если все равны, тогда никто не силен. И все же, кто бы ни вознесся над разросшимися и обрюзгшими рядами ситов, чтобы присвоить себе титул Темного Повелителя, он так и не мог удержать его. *Со временем ученики объединят силы и свергнут наставника. Это неотвратимо.* Сообща, слабые сокрушат сильного, грубо извратив естественный порядок.

Но было и другое решение. Способ положить конец вечному круговороту, тянущему ситов на дно. Бэйн теперь понимал это. Сначала он думал, что можно заменить Орден единственным, всесильным Темным Повелителем. Никаких других Мастеров. Никаких учеников. Только один сосуд, вмещающий все знание и силу темной стороны. Но он быстро отклонил идею.

Со временем даже Темный Повелитель ослабнет и умрет; все познания ситов будут потеряны. *Если лидер слабеет, другой должен встать на его место, беря в свои руки бразды правления.* В одиночку это ни за что не получится. Но если ситов будет только два...

Фаворитов и приспешников можно привлечь на служение темной стороне соблазном могущества. Им можно дать попробовать власти, как хозяин делит яства со стола со своими преданными дворнягами. Однако, так или иначе, должен быть лишь один истинный Мастер сит. И чтобы служить Мастеру, должен быть один истинный ученик.

Их должно быть двое; не больше, не меньше. Один - чтобы воплощать могущество, другой - чтобы жаждать его. Правило двух.

Это знание могло подарить темной стороне новую эру. Откровение положит конец скрытой борьбе, олицетворявшей Орден на протяжении тысячи поколений. Ситы переродятся, все новое, что было, сгинет - и именно Бэйн сделает это.

Но для начала ему нужно уничтожить Братство. Каан, Кордис - все, кто обучался с ним на Коррибане, все Мастера на Руусане - должны быть истреблены, остаться должен только он один.

Дарт Бэйн, Повелитель ситов. Титул принадлежал ему по праву; не было больше никого достаточно сильного в темной стороне, чтобы бросить ему вызов. Единственным вопросом оставалось то, кто достоин стать его учеником. И как он устранил остальных.

- Бэйн! - голос Каз'има прервал ход его мыслей. - Я пришел с посланием от Повелителя Каана.

Выхватив свой меч, Бэйн вскочил на ноги, разъяренный тем, что его побеспокоили на самом краю просветления. Он уставился на Каз'има, не столько злясь вторжению, сколько клеймя себя за то, что слишком предался мыслями и не почувствовал присутствие тви'лека.

- Как ты нашел меня? - спросил он, прощупывая все вокруг разумом, чтобы проверить, кто еще мог вторгнуться в ракатанский храм.

Бэйн ощутил смесь облегчения и разочарования когда понял, что Каз'им был один. Он надеялся увидеть еще кое-кого... но она, должно быть, предпочла остаться.

- Повелитель Каан сказал мне, что ты здесь. Войдя в атмосферу, я просто последовал за маячком «Валцина», - ответил Мастер клинка. - Как Каан узнал о тебе, я сказать не могу.

Бэйн заподозрил, что информация пришла от Гитани, но не стал сообщать это тви'леку.

Вместо этого он спросил:

- Каан послал тебя убить меня?

Каз'им отвесил легкий поклон.

- Если ты не примкнешь к Братству, я оставлю твой труп на этом блеклом позабытом мире.

- Блеклом? - недоверчиво повторил Бэйн. - Как ты можешь такое говорить? Темная сторона здесь сильна. Гораздо сильнее, чем была на Коррибане. Именно здесь мы найдем силу для уничтожения джедаев, а не в Братстве Каана!

- Корибан тоже когда-то был местом великой силы, - парировал бывший инструктор. - На протяжении столетий тысячи ситов исследовали его секреты, и никто из них не обнаружил никакой превосходной стратегии, чтобы уничтожить нашего недруга. - Прежде чем продолжить, тви'лек зажег двухклинковый светомеч. - Настало время закончить эти глупые поиски, Бэйн. Старые пути не имели успеха. Джедаи одолели всех, кто следовал им: Экзара Куна, Дарта Ревана... все они проиграли! Мы должны найти новую философию, если хотим разбить их.

На какое-то мгновение Бэйн ощутил проблеск волнения. Слова Каз'има вторили его собственным мыслям. Возможно ли, что Мастер клинка был тем самым учеником, которого он искал?

Следующие слова Каз'има заставили надежды Бэйна рухнуть.

- Каан понимает это. Именно поэтому он создал Братство. Братство - будущее темной стороны.

Бэйн покачал головой. Мастер клинка был так же слеп, как и остальные. И потому он должен умереть.

- Каан ошибается. Я никогда не последую за ним. Я никогда не примкну к Братству.

Каз'им вздохнул.

- В таком случае твоя жизнь закончится здесь.

Его оружие стало перемещаться с такой стремительной скоростью, какую он никогда не демонстрировал в ходе тренировочных сессий.

Парируя первую связку, Бэйн осознал, что бывший наставник всегда держал кое-что в запасе... точно так же, как делал Бэйн в начале боя против Зирака. Только теперь он увидел истинные способности Каз'има, и понял, что вряд ли сможет защитить себя. Хотя шанс на победу все же оставался.

Противник удивленно фыркнул, когда Бэйн отразил его атаку, и отступил для перегруппировки. Он начал бой яростно, рассчитывая быстро завершить их стычку. Теперь ему пришлось пересмотреть стратегию.

- А ты стал лучше, с тех пор как мы сражались в последний раз, - сказал он, явно впечатлившись и даже не пытаясь этого скрыть.

- Как и ты, - отозвался Бэйн.

Каз'им снова ринулся вперед, и комната наполнилась шипением и треском светомечей, успевших несколько раз соприкоснуться друг с другом в промежутке меж биением двух сердец. Бэйн мог давно расстаться с жизнью, попытайся он реагировать на каждое движение в отдельности. Вместо этого он просто воззвал к Силе, позволив ей заструиться по себе и направлять его руку. Он отдался темной стороне целиком, безоговорочно. Оружие его стало продолжением Силы, и он ответил на упорную атаку тви'лека непроницаемой обороной.

Затем *он* пошел в нападение. В прошлом Бэйн всегда боялся подчинить волю грубым эмоциям, питавшим темную сторону. Теперь подобных недостатков у него не было; в первый раз он прибегнул к своему полному потенциалу.

Он отеснил Каз'има свирепыми резкими ударами, принудив старого учителя отступить назад. Сделав сальто, Каз'им через дверь вылетел в коридор, но Бэйн был беспощаден в своем наступлении, резко подскочив вперед, и почти сумев нанести рубящий удар по ноге тви'лека.

Его клинок был отклонен в последнюю секунду, но он быстро дополнил удар еще

одной серией мощных выпадов и уколов. Мастер клинка продолжал отступать, неуклонно оттесняемый яростью бешеной атаки Бэйна. Каждый раз, когда он пытался изменить тактику или перейти к другой форме, Бэйн предчувствовал это, реагировал и захватывал преимущество.

Развязка была неизбежна. Сила в Бэйне была слишком велика. Только какой-нибудь неожиданный маневр мог спасти Каз'има, но до этого они сражались так часто, что теперь он ни чем не мог удивить Бэйна. За весь курс своего обучения, Бэйн видел каждую возможную последовательность, серию, движение и трюк двухклинкового светомеча, и знал, как парировать и свести все на нет.

Мастер клинка пришел в отчаяние. Прыгал, кружился, нырял: он был дик и безрассуден в своем отступлении, стремясь лишь сохранить себе жизнь. Но тви'лек не знал храм так, как знал его Бэйн. Он отрезал все пути наружу, медленно тесня противника в коридор, заканчивающийся тупиком.

Поняв, что происходит, Каз'им Силой распахнул тяжелую боковую дверь и нырнул внутрь. Бэйн знал, что другого выхода там нет, и задержался на пороге, наслаждаясь победой.

Тви'лек стоял в центре пустой комнаты, часто и тяжело дыша, чуть согнувшись и склоня голову. Он поднял глаза, едва Бэйн ступил внутрь. Но когда он встретился с ним взглядом, в его глазах не читалось даже намек на поражение.

- Тебе следовало убить меня, когда у тебя была возможность, - сказал он.

Между ними было менее пяти метров, но Каз'иму хватило места, чтобы быстро провернуть эфес светомеча. Длинная рукоять разделилась посередине, и он вдруг оказался вооружен не одним двойным мечом, а парой клинков, по одному в каждой руке.

Бэйн колебался. Лишь несколько студентов в Академии когда-либо пытались использовать два меча одновременно. Мастер клинка всегда остерегал их от этой разновидности четвертой формы, говоря, что она была неэффективна по своей сути. Теперь же, видя жестокое и коварное выражение лица врага, Бэйн понял настоящую правду.

Битва возобновилась, но отступать пришлось Бэйну. Без надлежащей тренировки даже огромная способность управлять Силой была неспособна предсказать неведомые последовательности двуручного стиля боя. Его разум был наводнен миллионами вариантов того, что может предпринять оппонент, но ему не доставало опыта, чтобы прибегнуть к любому из них. Подавленный, он неровной походкой отступал, с отчаянием утопающего пытаясь выжить.

После первых нескольких выпадов Бэйн понял, что не сможет победить. Каз'им всю жизнь готовился к этому моменту. После долгих лет тренировок, он овладел всеми семью формами борьбы на светомечах. Затем десятилетиями оттачивал мастерство, совершенствуя каждое движение и последовательность, до тех пор, пока не стал совершенным орудием и величайшим из ныне живущих фехтовальщиков Галактики. Возможно даже, величайшим фехтовальщиком всех времен. Бэйн не был ему ровней.

Мастер клинка был беспощаден в своем напоре. Казалось, он держит в руках шесть мечей, а не два: он атаковал с особым ритмом, целью которого было сбить противника с ног, одновременно нанося удары одним клинком сверху, а другим снизу, вдобавок, с противоположных сторон и под разными углами. У Бэйна не оставалось выбора, кроме как отступать... все дальше... и дальше. Он дрался теперь с одной-единственной целью: остаться в живых. Лишь одна надежда давала ему силу проявлять упорство перед лицом подавляющего неравенства; одно преимущество, которого не доставало Мастеру клинка при его отступлении. Он знал планировку храма, и медленно продвигался к выходу.

Ведя сражение сквозь залы и коридоры, бойцы завернули за угол и оказались рядом с единственным входом ракатанского храма: широкой аркой с небольшой площадкой, и длинной лестницей, спускающейся на двадцать метров к земле. За мгновение, что потребовалось Каз'иму на осознание того, где они оказались, и что его противник все еще может ускользнуть, Бэйн сделал выпад Силой. На долю секунды сбив тви'лека с ног, он

выполнил обратное сальто через сводчатый проход на площадку. Он опустился в стойку, полуприсев и смотря в лицо своему противнику. Но в спешке Бэйн кувыркнулся слишком далеко; он ненадежно балансировал на краю главной лестницы, а сзади него вниз ускользали крутые ступени.

Каз'им ответил Силой, подтолкнув Бэйна, и опрокинув его с огромной каменной лестницы, как можно дальше от себя. Падение могло свернуть тому шею или сломать несколько костей, если бы Бэйн вовремя не окутал себя Силой. И даже так он достиг подножия побитый, потрепанный и наполовину оглушенный.

На самом верху лестницы, под массивной аркой храмового входа, глядя на него стоял Каз'им.

- Я последую за тобой всюду, куда бы ты не сбежал, - сказал он. - Куда бы ты не пошел, я найду и убью тебя. Не живи всю жизнь в страхе, Бэйн. Лучше расстанься с ней сейчас.

- Я согласен, - отозвался Бэйн, выпустив наружу волну энергии Силы, которую он собирал во время речи Мастера клинка.

В атаке Бэйна не было ничего утонченного: массивная взрывная волна пошатнула сам фундамент великого ракатанского храма. Конкуссионному удару хватало мощи, чтобы раздробить каждую кость в теле Каз'има и растереть его плоть в порошок. Но в самый последний момент тот поднял вокруг себя щит, спасаясь от атаки.

К сожалению, он не мог экранировать и храм. Стены разлетелись огромными булыжниками. Градом камней обрушилась арка, похоронив Каз'има под тоннами обломков. Секундой позже с жутким грохотом обвалилась остальная часть кровли, заглушив предсмертные вопли тви'лека.

Бэйн наблюдал за взрывом храма, находясь в безопасности у подножия лестницы. Вздыхающиеся клубы пыли скатывались с обломков вниз по лестнице, спускаясь к нему. Обессиленный длительной битвой на светомечах и истощенный поспешным высвобождением Силы, он просто лежал там до тех пор, пока не покрылся слоем мелкой белой пыли.

В конце концов, он устало поднялся на ноги. Прощупав все вокруг Силой, он засомневался было в том, что Каз'им погиб под этой грудой камня. Но он ничего не почувствовал. Каз'им - его наставник, единственный преподаватель Академии, который действительно ему помог - был мертв.

Дарт Бэйн, Темный Повелитель ситов, развернулся и пошел прочь.

Глава 24

Не было ни времени, ни повода, чтобы оплакивать смерть Каз'има. Несмотря на всю его пользу в прошлом, он стал всего лишь препятствием на пути Бэйна. Препятствием, которого теперь не было. И все же его прибытие на Легон побудило Бэйна действовать. Слишком долго он изолировал себя от событий Галактики, ища мудрость, знание и силу. С разрушением храма у него не было больше причин оставаться на Неизвестном мире. И потому он отправился в долгий путь через джунгли, следуя той же тропой, по которой совсем недавно прошел Каз'им.

Бэйн мог бы воспользоваться Силой, призвав еще одного «ездового» ранкора, но ему нужно было время, чтобы обдумать произошедшее... и то, как он справится с Братством.

Каан искажил Орден ситов, превратив его в тошнотворное сборище хныкающих подхалимов. Он хитростью заставил всех поверить в то, что они могут добиться победы над джедаями с помощью военной мощи, но Бэйн знал, как все обстоит на самом деле. Джедаев было множество, и они набирались сил, объединяясь против общего врага: такова была природа светлой стороны. Ключом к победе над ними были не флот или армия. Их сломят секретность и обман. Победа могла прийти только с хитростью и коварством.

Хитрость была тем, чего Каану не хватало. Если бы у него была хоть капля разума, он послал бы Каз'има на Легон под личиной недовольного последователя. Мастер клинка мог

прибыть с байкой о том, как повернулся спиной к Братству. Бэйн посчитал бы его за союзника. Конечно, он был бы подозрителен, но со временем мог ослабить бдительность. Рано или поздно он опустил бы защиту, и Каз'им смог бы его убить. Расправа была быстрой, успешной и эффективной.

Вместо этого Каз'им пришел и бросил открытый вызов, следуя правилам какого-то идиотского кодекса чести. В его смерти чести не было; не существовало такого понятия, как благородная смерть. Честь была ложью, кандалами, сковывавшими тех, кто был глуп настолько, чтобы ее признавать, и доводившими их до поражения. *Через победу мои оковы рвутся.*

Бэйн следовал по ранкорьей тропе меж деревьев безо всяких приключений; обитатели джунглей сторонились его. Краем глаза он уловил стаю шестиногих кошек, недалеко обгладывающих труп ранкора, но при его приближении они бросились врассыпную. Звери еще долго выжидали после его ухода, прежде чем крадучись вернуться к трапезе.

К тому времени, как Бэйн добрался до пляжа, у него уже созрел план. Истребитель Каз'има пристроился на песке рядом с его кораблем. Бэйн быстро освободил его от припасов, не забыв и про посыльных дронов. Затащив их на свое судно, он провел беглый осмотр «Валцина». Обнаружив, что все системы в порядке, Бэйн сел в транспорт. Перед стартом, воспользовавшись координатами, загруженными из корабля Каз'има, он запрограммировал курс для посыльного дрона. Через несколько минут «Валцин» поднялся с поверхности Незвестного мира, набирая высоту, пока не вырвался из атмосферы в черную пустоту космоса. Бэйн ввел гиперпространственные координаты пункта своего назначения, и запустил дрона.

Дрон доберется до Руусана через несколько дней, предложив Каану перемирие и вручив подарок. Подарок, истинную суть которого, как подозревал Бэйн, чрезвычайно глупый и тщеславный Каан не в силах будет осознать. Братству никогда не одолеть джедаев. И до тех пор, пока оно существует, ситы будут разлагаться, загниваться как отравленный источник. Бэйну придется уничтожить их. Всех. И чтобы сделать это, ему нужно воспользоваться оружием, которое горделивый и слепой Каан не применит против него: обманом и предательством. Оружием темной стороны.

* * *

- Мне не нравится так разделять наши отряды, - прошептал Перникар, следуя за лордом Хотом.

Генерал оглянулся, чтобы разглядеть разношерстную шеренгу солдат, с трудом плетущихся по лесу. Не многим больше десятка, полуголодные, по большей части израненные и бедно экипированные, они скорее походили на беженцев, чем на воинов Армии Света. Солдаты несли припасы из пункта выгрузки обратно в лагерь. Другими дорогами шли еще два каравана.

- Слишком опасно передвигаться одной большой группой, - возразил Хот. - Нам нужны эти припасы. Разделение на три каравана дает больше шансов на то, что хоть один из них доберется до лагеря.

Хот посмотрел на тропу, по которой они шли, настороженно выискивая признаки погони. Дожди прекратились почти неделю назад, но земля по-прежнему была мягкой. Шаги солдат оставляли глубокие отпечатки в суглинистой почве.

- Даже слепой гаммореанин может нас выследить, - проворчал он.

Безмолвно он пожелал возвращения дающих маскировку дождей, которые так часто проклинал все последние месяцы, ежась и подрагивая под ветхими укрытиями из листьев и опавших ветвей.

И все же следовало волноваться не об ищейках. Он прибегнул к Силе, стараясь ощутить скрытых врагов, сидящих в засаде в кроне деревьев. Ничего. Конечно, если бы здесь были ситы, они проецировали бы ложные изображения, укрывая себя от их...

- Засада! - прокричал один из тыловых дозорных, и на них набросились ситы.

Это была разношерстная компания: воины, сжимающие в руках светомечи, солдаты, вооруженные бластерами и вибролезвиями. Лязг дюрестила и шипение перекрещивающихся энергетических клинков смешивались с воплями живых и умирающих: воплями ярости и ликования; агонии и отчаяния.

Шеренги джедаев проредил залп бластерного огня, сбивая тех Падаванов, которые были слишком неопытны, чтобы отразить выстрелы. Вторичный залп растерзал побоище. Разряды диким рикошетом отскакивали в стороны, отбиваемые и джедаями и ситами, усиливая хаос, и не причиняя почти никакого ущерба. Лорд Хот стоял в самой гуще сражения, круша врагов, достаточно неразумных, чтобы подойти близко к его свирепому оружию. Вокруг стояло удушающее сладковатое зловонье обгорелой плоти, на земле скопилось гора тел. А противники все так же продолжали наступать, кружа над ним как жуки-падальщики над свежей добычей, и пытаясь подавить его своей массой.

Перникар исчез под морем врагов, и Хот удвоил усилия, чтобы добраться до упавшего друга. Он был неистов в своей ярости, походя на разрушительные шторма самой Утробы. Когда он добрался до Перникара, тот был уже мертв. Как погибнут вскоре и все его соратники.

Взрыв на краю битвы на мгновение заставил взглянуть на небо. Пока Хот отвлекся, одна нетерпеливая приспешница ситов ринулась вперед, ища славы в попытке убить могущественного генерала. Хот даже не повернулся в ее сторону, а лишь потянулся Силой, заключив ее в статическое поле. Она беспомощно замерла на месте, и тотчас погибла от небрежного удара вибролезвия, брошенного кем-то с ее же стороны.

Хот лишь краем сознания отметил ее смерть. Он сосредоточился на четырех свупах, ринувшихся в гущу сражения; их тяжелые орудия ударяли по вражеским рядам. Засада ситов рассеялась, не имея возможности или желания противостоять тяжелой воздушной поддержке. Только выдержка джедая помогла Хоту не броситься вслед, чтобы нанести врагам удар в спину, когда те исчезали в безопасности среди деревьев.

Спустя мгновение, под приветственные выкрики выживших джедаев, свупы опустились на землю. Лорд Вэлентин Фарфэлл, выглядя как никогда утонченно, спешил и низко поклонился генералу.

- Я услышал, что вы несете припасы, милорд, - сказал он, шагая с элегантностью корусантского сенатора. - Мы решили, что вам потребуется эскорт.

- Есть еще два каравана, - фыркнул Хот. - Вместо того чтобы стоять здесь и злорадствовать, ты бы лучше отправился им на подмогу.

Фарфэлл скривился в досадной, раздражительной гримасе.

- У нас есть и другие свупы, которые уже их сопровождают.

Он замешкался, словно раздумывая, стоит ли сказать что-то еще. Гневный взгляд Хот ожег его, заставив замолчать.

Несмотря на это (или как раз из-за этого) он добавил:

- Я думал, что мое подкрепление вы примете с большим радушием.

- Тебя не было несколько месяцев! - прорычал Хот. - Пока ты играл в дипломата, мы тут торчали на войне.

- Я сделал то, что обещал, - холодно ответил Фарфэлл. - Я привел подкрепление. Три сотни джедаев. Они придут в ваш лагерь, как только мы найдем достаточно истребителей, чтобы провести транспорт через планетарную блокаду ситов.

- Небольшое утешение для тех, кто отдал свои жизни в твоём ожидании, - бросил в ответ Хот.

Фарфэлл мельком глянул на трупы, рассеянные по земле. Когда он увидел среди них Перникара, лицо его побледнело. Он присел рядом с телом и прошептал пару слов, затем коснулся лба павшего солдата, прежде чем встать.

- Перникар был и моим другом, - произнес он, голос его немного смягчился. - Его смерть причиняет мне столько же боли, сколько и вам, генерал.

- Сомневаюсь, - злобно проворчал Хот. - Ты даже не видел, как он умер.
- Не позволяйте вашему горю поглотить вас, - предостерег Фарфэлла ледяным голосом.
- Этот путь ведет на темную сторону.

- Не смей говорить мне о темной стороне! - выкрикнул Хот, гневно ткнув пальцем в лицо Фарфэлла. - Это я сражался тут с Братством Каана! Я знаю их лучше, чем кто-либо! Я видел боль и страдания, которые они приносят. И я знаю, что делать, чтобы их одолеть. Мне нужны солдаты. Припасы. Нужны джедаи, готовые сражаться с врагом с той же ненавистью, какую ситы чувствуют к нам. - Он опустил палец и отвернулся. - Чего мне не надо, так это гарцующего щеголя, читающего мне нотации об опасностях темной стороны.

- Вы не виновны в смерти Перникара, - сказал Фарфэлла, подойдя ближе и утешающе положив руку Хоту на плечо. - Отпустите вину. *Нет эмоций. Есть покой.*

Хот дернулся, стряхнув его руку.

- Уйди от меня! Забирай свое треклятое подкрепление и беги назад на Корусант, как жеманный трус, каким ты и являешься! Нам тут не нужна твоя любезность!

Фарфэлла отвернулся, гневно рванув к своему свупу. Остальные наблюдали за всем в тихом потрясении и ужасе. Он перебросил длинную ногу через сидение и завел двигателя.

- Наверное, другие джедаи были насчет вас правы! - выкрикнул он, перекрывая рев свупа. - Эта война поглотила вас. Довела до безумия. Безумия, которое приведет вас на темную сторону!

Хот не потрудился даже посмотреть как свупы Фарфэлла и компании унеслись прочь. Вместо этого он присел перед телом своего старого друга, чтобы оплакать его жестокую, бессмысленную смерть.

* * *

Когда Гитани, наконец, явилась, Каану пришлось сдержаться, чтобы не накричать на нее. Она уже видела его беззащитным: потерявшим уверенность и колеблющимся. Теперь ему придется проявлять осторожность, имея с ней дело, иначе он лишится ее преданности. А она была нужна ему больше, чем когда-либо.

Вместо этого он заговорил небрежным тоном, в котором лишь мельком сквозило холодное осуждение.

- Я послал за тобой почти три часа назад.

Она сверкнула свирепой улыбкой.

- Была предпринята вылазка против одного из караванов с припасами. Я решила пойти с ними.

- Я еще не читал рапорты. Каков итог?

- Все прошло прекрасно, Повелитель Каан! - засмеялась она. - Три Мастера, шесть Рыцарей, несколько Падаванов... все мертвы!

Каан кивнул в знак одобрения. Ход битвы на Руусане постоянно менялся, и с окончанием сезона дождей удача вновь была на стороне ситов. Само собой, не только перемена погоды воскресила боевой дух воинов и принесла им ряд оглушительных побед.

Армия Света была раздроблена. Численность ее на Руусане сокращалась. Вэлентин Фарфэлла кружил над планетой с подкреплением, но шпионы Каана докладывали о размолвке между ним и Хотом, которая удерживала вновь прибывших от вступления в борьбу. Без Мастера Перникара, который мог смягчить их резкую враждебность, взаимная антипатия двух джедаев приводила их военные усилия в ничто.

Ирония ситуации не прошла мимо Каана. Разнообразие ради, внутренняя борьба и соперничество теперь снедали джедаев, в то время как Братство Тьмы оставалось единым и сильным. В чем-то он находил эту странную перемену тревожащей. Долгими ночами, когда не получалось заснуть, он часто расхаживал по палатке, мысленно сражаясь с этим парадоксом.

Неужели армии на Руусане пересекли черту, где Свет и Тьма встречались? Неужели

бесконечный конфликт между Армией Света и Братством Тьмы вовлек их в пустоту, где мировоззрения безнадежно переплетаются? Принадлежали ли они теперь к Силе Сумерек, пребывая по разные стороны и не относясь ни к одной?

Однако восход солнца неизменно прогонял такие мысли новостями о победе ситов в очередном столкновении. И только дурак сомневался в своих методах, когда выигрывал. Вот почему Каан не знал, что делать с посланием, которое недавно получил от Дарта Бэйна.

- Каз'им мертв, - сказал он Гитани, переходя сразу к делу.

- Мертв?

Ее потрясенная реакция подтвердила решение Каана не делиться этим с остальным Братством. Он был осторожен, сохраняя в секрете цель отлета Мастера клинка до тех пор, пока не узнал развязку.

- Это сделали джедаи? - спросила она.

- Нет, - признал он, осторожно подбирая слова. - Я послал его договориться с Повелителем Бэйном. Каз'им думал, что сможет убедить его примкнуть к нам. А Бэйн просто убил его.

Глаза Гитани сузились.

- Я предупреждала тебя об этом.

Каан кивнул.

- Ты знаешь его лучше, чем все мы. Ты его понимаешь. Вот почему ты нужна мне. Бэйн отправил сообщение.

Он протянул руку и стукнул по стоящему на столе посыльному дрону. Перед ними материализовалась крошечная голограмма мускулистого Темного Повелителя. И хотя его выражение сложно было разобрать из-за такого размера, было ясно, что он взволнован.

- Каз'им погиб. Я... я убил его. Но я думал о том, что он сказал прежде... до своей смерти.

Гитани с любопытством посмотрела на Каана. Он пожал плечами и склонил голову к голограмме, едва та продолжила говорить.

- Мои поиски привели меня сюда. Я... я даже не знаю, что именно искал. Но я этого не нашел. Как не нашел и в Долине Темных Повелителей на Коррибане. А сейчас Каз'им мертв и я... я не знаю, что делать...

Проекция склонила голову: потерянная, смущенная и одинокая. Каан ясно видел презрение на лице Гитани, пока она наблюдала за разыгрывающимся перед собой спектаклем. Фигура, кажется, наконец-то успокоилась и снова посмотрела вверх.

- Я не хочу, чтобы смерть Каз'има была напрасной, - многозначительно произнес Бэйн. - Мне следовало с самого начала прислушаться к нему. Я... я хочу присоединиться к Братству.

Каан протянул руку и отключил дрона.

- Ну? - спросил он Гитани. - Он серьезно? Или это просто ловушка?

Она закусилась нижней губой.

- Думаю, он правдив, - сказала она, наконец. - Невзирая на всю его силу, Бэйн по-прежнему слаб. Он не может целиком отдаться темной стороне. Он все еще чувствует вину, когда использует Силу для убийства.

- Кордис упоминал о чем-то таком, - сказал Каан. - Он говорил, что у Бэйна была возможность убить злостного соперника на дуэльном ринге Академии, но в последний момент он отступил.

Гитани кивнула.

- Зирак. Он попросту не смог заставить себя сделать это. А Каз'им был его наставником. Если Бэйну пришлось убить его, то справиться с этим оказалось еще сложнее.

- Мне послать эмиссара для встречи с ним?

Она покачала головой.

- От Бэйна больше неприятностей, чем пользы. Сейчас он уязвим, но когда его уверенность вернется, он станет очень упрямым. Он привнесет разногласия в наши ряды. К

тому же, - добавила она, - он нам больше не нужен. Мы выигрываем.

- И как ты предлагаешь расправиться с ним? Натравить убийц?

Она рассмеялась.

- Если он смог справиться с Каз'имом, то я сомневаюсь, что у кого-то другого будет шанс. Кроме меня.

- Тебя?

Гитани улыбнулась.

- Я нравлюсь Бэйну. Я бы не сказала, что он мне сильно доверяет... но он *хочет* доверять. Отпусти меня к нему.

- И что ты сделаешь, когда найдешь его?

- Скажу, что скучала. Объясню, что мы обдумали его предложение, и хотим, чтобы он вступил в Братство. А потом, когда он опустит защиту, я убью его.

Каан вздернул брови.

- В твоих устах это звучит так просто.

- В отличие от Каз'има, я знаю, как с ним обращаться, - заверила она его. - Предательство намного эффективнее, чем светомеч.

Она покинула палатку спустя несколько минут, забрав посыльного дрона и координаты для встречи, которые выслал Бэйн. Каан несколько не сомневался, что она сделает все как надо. И не видел причин говорить ей о небольшой посылке, которая прибыла в грузовом отсеке дрона.

Бэйн прислал ее Каану как дар; способ загладить вину за смерть Каз'има. Там особо не на что было смотреть: несколько листов флимси, исписанные неразборчивым и торопливым почерком. Как если бы текст был законспектирован во время чьей-то речи. И, тем не менее, на этих страницах содержалось детальное описание одного из наиболее грозных творений древних ситов: ментальной бомбы.

Старинный ритуал ментальной бомбы, требовавший объединенной энергии множества могучих Повелителей, высвобождал чистую разрушительную силу темной стороны. Но был и риск. Такое количество энергии было весьма неустойчиво, осложняя контроль над ней даже для тех, у кого была сила ее вызвать. Возможно, что детонация уничтожит не только Армию Света Хота, но заодно и все Братство. Вакуум в центре взрыва мог втянуть в себя лишённые телесной оболочки души как ситов, так и джедаев, на веки заточив их бок о бок в стойком равновесии замершей сферы чистой энергии.

Каан сомневался, что ему действительно потребуется такое оружие, чтобы избавиться от джедаев на Руусане. В конце концов, он выигрывал войну. И все же, меряя шагами палатку еще одной долгой и бессонной ночью, он не прекращал изучать ритуал ментальной бомбы снова и снова.

Глава 25

Издалека Амбрия выглядела великолепно. Оранжевый мир с поразительными фиолетовыми кольцами, был, вероятно, самой большой обитаемой планетой в секторе Стиннесс. Хотя кто бы не совершал здесь посадку, он быстро понимал, что красота мира блекла сразу же по вхождению в атмосферу.

Много веков назад неудачные ритуалы могучих ситских колдунов ненароком окатили поверхность мира разрушительной волной темной стороны. Колдуны погибли, забрав в могилу едва ли не всю жизнь на Амбрии. Мало что выжило, кроме скудного камня, и даже теперь плодородной земли было немного, и встречалась она достаточно редко. На Амбрии не было настоящих городов; на поверхности обитала лишь горстка выносливых поселенцев, и находились они друг от друга на таком расстоянии, что с тем же успехом могли жить на планете в одиночестве.

Джедаи как-то раз попытались очистить Амбрию от скверной заразы, но сила темной стороны то и дело возвращалась. Не способные устранить ее, они преуспели лишь в том, что

сконцентрировали и заточили Тьму в едином источнике: озере Натт. Поселенцы, у которых хватало смелости терпеть безлюдное окружение Амбрии, обходили озеро с его отравленными водами стороной. Бэйн же соорудил свой лагерь на его берегу.

Амбрия располагалась на окраинах Региона экспансии, всего в одном коротком гиперпрыжке от Руусана. Повсюду были свидетельства незначительных битв, состоявшихся здесь в ходе последней кампании Республики против войск ситов. Пустынный ландшафт засоряли брошенное оружие и доспехи; на суровых, неприветливых равнинах на километры были видны выжженные транспортники и поврежденные свупы. Кроме немногих местных поселенцев, копающихся в отходах в поисках полезного хлама, его разборка больше никого не заботила.

Окольцованная планета была невзрачна: слишком мало ресурсов и слишком мало людей, чтобы к ней присматривались республиканские флотилии, контролирующие сектор. Бэйн слышал, что как только закончилось сражение, на этот мир прибыл некий целитель - человек по имени Кэлеб. Идеалистичный дурак, решивший залечить раны, причиненные войной; человек, недостойный даже презрения Бэйна. К этому времени даже он мог покинуть планету, едва увидев, как мало здесь можно исправить. Во всех отношениях этот мир был заброшен.

Прекрасное место, чтобы встретить посланника Каана. Ситский флот немедленно обнаруживал суда Республики, патрулирующие регион, но небольшой корабль и умелый пилот могли без проблем проскользнуть незамеченными. У Бэйна не было желания назначать встречу где-нибудь, куда Каан сможет выслать целую армаду, только чтобы его извести.

У себя в лагере он терпеливо ждал прибытия эмиссара Каана. Время от времени он бросал взгляды на небо или оглядывал горизонт, но его не тревожило, что кто-то может застать его врасплох. Заходящий на посадку корабль он заметит за несколько километров. А если к нему явятся на наземном транспорте - наподобие землекода, стоявшего на краю лагеря - он услышит скрежет двигателя или ощутит безошибочную вибрацию тяжелых гусениц, соприкасающихся с неровной поверхностью.

Но все что Бэйн слышал - это тихий плеск о берег темных вод озера Натт почти рядом с собой. И разум его не прекращал терзать единственный вопрос, на который у него до сих пор не имелось ответа.

Их должно быть двое; не больше, не меньше. Один - чтобы воплощать могущество, другой - чтобы жаждать его. Когда он избавит Галактику от Братства Тьмы, где он найдет достойного ученика?

Рев двигателей «канюка» отвлек Бэйна от размышлений. Корабль спустился с небес и, очертив круг над лагерем, сел на землю невдалеке. Посадочный трап опустился. Когда Бэйн увидел, кто по нему сошел, то не смог сдержать улыбки.

- Гитани, - промолвил он, поднявшись для приветствия, едва она приблизилась. - Я надеялся, что Повелитель Каан пришлет тебя.

- Не он меня прислал, - ответила она. - Я сама вызвалась.

Сердце Бэйна забилось чуточку быстрее. Он рад был ее видеть; ее присутствие пробудило внутренний голод, о существовании которого он уже практически забыл. Но все же ощущалась тревога. Если кто-то и мог видеть насквозь все его уловки, то это была она.

- Ты видела послание? - спросил он, тщательно изучая Гитани, чтобы оценить ее реакцию.

- Я думала, ты уже вырос из этого, Бэйн. Жалость к себе и раскаяние - для слабых.

Вздыхнув с облегчением, он опустил голову, продолжая разыгрывать представление.

- Ты права, - пробормотал он.

Гитани подошла ближе.

- Тебе не одурачить меня, Бэйн, - прошептала она, и он напрягся в ожидании ее дальнейших действий. - Я думаю, ты здесь за чем-то еще.

Когда она медленно наклонилась, он не сдвинулся с места, готовый отреагировать на

любой признак угрозы или опасности. Он расслабился только тогда, когда она нежно прильнула к его губам.

Он инстинктивно поднял руки и обнял Гитани за плечи, притянув и плотно прижав к своим губам и телу, жадно впившись в нее. Она обхватила его за шею, отвечая на его упорство своей настойчивостью.

Ее жар пленял. Поцелуй, казалось, длился вечно; ее духи окутывали их сплетенные тела до тех пор, пока Бэйн не ощутил, что тонет в них. Когда Гитани, наконец, отстранилась, он увидел пылающий огонь в ее глазах, по-прежнему ощущая сладкий жар ее губ. Он чувствовал и что-то еще.

Яд!

Ослепленный ее поцелуем, он целую секунду пытался осознать произошедшее. Поверила ему Гитани или нет, значения уже не имело. Она попросила у Каана позволения явиться сюда, чтобы убить его. На мгновение он взволновался... пока не распознал слабый привкус яда рок воррт.

Он рассмеялся, переводя дыхание.

- Великолепно, - вымолвил он.

Скрытность. Вероломство. Предательство. Гитани, может, и была развращена влиянием Братства, но все еще понимала, в чем сила темной стороны. Возможно ли, что она станет его единственной настоящей ученицей, несмотря на свою преданность Братству?

В ответ на комплимент она скромно улыбнулась.

- Через страсть мы познаем силу.

Бэйн чувствовал, как яд проникает в организм. Его влияние было почти неуловимым. Если бы растущая сила темной стороны не подняла его чувства на уровень выше, он, вероятно, не замечал бы его присутствия на протяжении нескольких часов. И все же Гитани вновь недооценила его.

Яду рок воррт хватало силы, чтобы свалить банту, но были токсины гораздо сильнее и смертоноснее. Темная сторона текла по нему, густая, как венозная кровь. Теперь он был Дартом Бэйном, подлинным Темным Повелителем. Он нисколько не боялся ее яда.

Тот факт, что Гитани думала, будто он не обнаружит токсина на ее губах - факт, что она думала, будто тот вообще причинит ему вред - значил, что она поверила в его спектакль. Гитани предположила, что он вновь отрешился от темной стороны; подумала, что он слаб. Он обрадовался: это чуть умаляло ее вину в решении остаться на одной стороне с Кааном. Может, для нее все еще оставалась надежда. Но нужно было удостовериться.

- Прости, что покинул тебя, - мягко произнес он. - Я был ослеплен мечтами былой славы. Нага Садоу, Экзар Кун, Дарт Реван - я питал вожделение к силе великих Темных Повелителей прошлого.

- Все мы жаждем силы, - ответила она. - Такова природа темной стороны. Но сила в Братстве. Каан почти достиг цели, которой все его предшественники добиться не смогли. Мы одерживаем победу на Руусане, Бэйн.

Бэйн разочарованно покачал головой. Как может она все еще быть так слепа?

- Возможно, Каан и побеждает на Руусане, но его прихвостни проигрывают везде, где только можно. Его великая ситская армия распадается на части без своих командиров. Республика оттесняет их и отвоевывает миры, которые мы покорили. Всего через несколько месяцев мятеж будет подавлен.

- Ничто не будет иметь значения, если мы уничтожим джедаев, - горячо парировала она, пылая глазами. - Война тяжело далась Республике. Как только джедаи исчезнут, мы с легкостью объединим наши войска и изменим ход войны. Все, что нам нужно сделать - это их перебить, тогда и окончательная победа будет за нами! Надо лишь победить на Руусане!

- Есть и другие джедаи помимо руусанских, - ответил он.

- Немного, и они разбежались по Галактике кто вдвоем, а кто поодиночке. Если Армия Света будет разгромлена, мы на досуге их добьем.

- Ты и вправду веришь, что Каан победит? Он заявлял о близком триумфе и раньше, но

так и не мог выполнить обещание.

- Для того, кто утверждает, что хочет вступить в Братство, - с некоторым подозрением заметила она, - ты не слишком то уважаешь наше дело.

Бэйн схватил ее за талию и притянул еще для одного страстного поцелуя. Она удивленно охнула и закрыла глаза, отдавшись простому физическому наслаждению. На сей раз она сама отстранилась со слабым вздохом.

- Ты была права, когда сказала, что я пришел за чем-то еще, - произнес Бэйн, по-прежнему прижимая ее к себе.

Коварный яд на ее губах был все так же сладок.

- Братство не падет, - пообещала она. - Джедаи в бегах - прижались к земле и скрываются в лесах.

Он отпустил ее и отступил, повернувшись к ней спиной. Он отчаянно хотел поверить, что она сгодится ему в ученицы, как только он уничтожит Каана и Братство. Но сомнения еще оставались. Если она действительно верит в то, за что стоит Братство, тогда надежды нет.

- Я просто не могу принять то, что проповедует Повелитель Каан, - признал он. - Он говорит, что все мы равны, но если все равны, тогда никто не силен.

Она подошла к нему сзади, обняла за плечи и стояла так, пока он снова не обернулся к ней. На ее лице отразилась забава.

- Не верь всему, что говорит Каан, - предостерегла она, и он услышал в ее голосе неприкрытое честолубие. *Один - чтобы воплощать могущество, другой - чтобы жаждать его*. - Едва джедаев уничтожат, большинство его последователей обнаружит, что некоторые из нас равны больше, чем другие.

Он с радостным хохотом подхватил Гитани в свои могучие руки, и закружил ее, даря очередной долгий, крепкий поцелуй. Вот что он хотел услышать!

Когда он, наконец, опустил Гитани на землю, она неуверенно отступила назад, пошатываясь после его неожиданного порыва. Восстановив равновесие, она залилась удивленным смехом.

- Полагаю, ты согласен, - произнесла она с лукавой улыбкой на блестящих от яда губах. - Сворачивай лагерь. Я лечу рассказать Каану о твоём прибытии.

- Хотел бы я видеть его лицо, когда ты сообщишь ему об этой встрече, - ответил Бэйн, по-прежнему притворяясь, что не знает о яде в своей крови.

- Как и я, - отозвалась она лишенным эмоций голосом. - Как и я.

* * *

Когда поверхность Амбрии затерялась внизу и в поле зрения возникли восхитительные кольца, Гитани ощутила легкие угрызения совести. Страсть, что она пробудила в Бэйне, придала ему неожиданную и удивительную силу. Она ощутила ее в каждом поцелуе. Но было совершенно ясно, что Бэйн заинтересован скорее в *ней*, а не во вступлении в Братство Тьмы.

Она задала координаты прыжка к Руусану и откинулась на спинку сидения. Голова кружилась от токсина на губах. Не от яда рок воррт; он присутствовал лишь для того, чтобы внушить Бэйну ложное чувство безопасности. Синокс, который она подмешала в него - бесцветный яд без запаха и вкуса, предпочитаемый наемниками ГеноХарадана - подействовал, несмотря на принятое противоядие. Она не сомневалась, что вскоре Бэйну будет намного хуже, чем ей. Единственного поцелуя было бы достаточно, чтобы убить его, а он получил тройную дозу.

Она поняла, что ей будет не хватать Бэйна. Но он был угрозой всему, за что стоял Повелитель Каан. Ей нужно было выбрать либо одного, либо другого. Само собой, она предпочла того, у кого в подчинении была целая армия ситов.

В конце концов, такова природа темной стороны.

* * *

Бэйн проследил за «канюком» пока тот не исчез в вышине, прежде чем стал сворачивать лагерь. Теперь ему придется действовать осторожно. Гитани расскажет Каану, что попыталась отравить его. Когда он объявится, по-прежнему живой, все... усложнится.

Он мог бы просто не прилетать и позволить событиям идти своим чередом. Джедаи на Руусане сплотятся, в очередной раз изменив ход сражения. Так должно быть; Бэйн на это рассчитывал. Придя в отчаяние, Каан обратится к подарку, который прислал ему Бэйн. Он взорвет ментальную бомбу, не подозревая о ее подлинной сущности. И тогда каждый владеющий Силой на Руусане - как джедай, так и сит - будет уничтожен.

Таков был самый очевидный сценарий. Но Бэйн зашел слишком далеко, чтобы предоставить случаю смерть Братства Тьмы. Когда армия Каана дрогнет и в этот раз, в его лагере найдутся люди, наподобие Гитани, которые обернутся против него. Они сбегут с Руусана, бросившись перед джедаями врассыпную. И тогда Бэйну придется расправляться с каждым противником по одиночке, прежде чем он сможет стать признанным лидером ситов.

Лучше быть поблизости, подводя события к желаемой развязке. Но это означало, что ему придется выдумать правдоподобную историю, которая объяснит его желание примкнуть к Братству даже после неудавшейся попытки убийства.

Он раздумывал над этим почти час, рассматривая и отклоняя одну идею за другой. В конечном счете, оставался лишь один повод, благодаря которому любой поверит в его возвращение. Бэйн должен заставить всех думать, что он хочет свергнуть Каана и стать новым лидером Братства.

Бэйн улыбнулся утонченной красоте плана. Естественно, Каан будет подозрителен. Но все его усилия и внимание будут сосредоточены на том, чтобы удержаться за свое место. Он не осознает истинной цели соперника: полностью истребить Братство; уничтожить на Руусане всех ситов до последнего.

К тому же это давало больше шансов на то, чтобы убедить Гитани присоединиться к нему. Как только она поймет, кем он стал на самом деле - и как манипулировал Кааном и всеми «Темными Повелителями» - она может принять предложение стать его ученицей. На худой конец, у него будет возможность взглянуть ей в лицо, едва она поймет, что ее яд не смог...

- Ахх!

Бэйн застонал и согнулся пополам, когда ужасная боль скрутила его желудок. Он попытался распрямиться, но тело внезапно сотряслось от продолжительного приступа кашля. Он поднял руку, чтобы прикрыть рот, и когда опустил ее, то увидел, что та вся в густых пятнах крови.

Невозможно, - подумал он, и очередная режущая боль, прокатившаяся у него внутри, повалила его на колени. Реван показывал ему, как использовать Силу, чтобы спастись от яда и болезней. Ни один яд не мог навредить столь могущественному в темной стороне, каким может быть только Темный Повелитель ситов.

Еще один приступ кашля почти парализовал Бэйна. Он поднял руку, чтобы смахнуть катящийся по лицу пот, и ощутил на щеке что-то теплое и липкое. Из уголка глаза сочилась тонкая струйка багряной слезы.

Он неуверенно поднялся на ноги, обратив внутренний взор на свой организм. Яд по-прежнему был там. Он растекся по всему телу, повреждая жизненно важные органы. Внутри он весь истекал кровью, которая просачивалась наружу через глаза и нос.

Гитани! Бэйн рассмеялся бы, не будь он в такой невыносимой агонии. Он был так самоуверен, так самонадеян. Так убежден в том, что она недооценила его. А получается, что это он ее недооценил. Подобной ошибки он больше никогда не допустит... если выживет.

Он прочитал о синоксе достаточно, чтобы распознать его симптомы. Если бы он выявил его сразу, то смог бы вывести из организма точно так же, как яд рок воррт,

маскировавший его присутствие. Но синокс был самым латентным из ядов; коварный токсин истощил его силы, незаметно разнесшись по телу.

Собрав оставшиеся силы, он постарался очистить себя от яда, выжечь его холодным огнем темной стороны. Яд был слишком силен... или же сам Бэйн был слишком слаб. Вред уже был причинен. Синокс лишил его энергии, оставив от его силы невзрачную тень того, чем она была лишь несколько часов назад.

Он мог ослабить его воздействие, замедлить прогрессирование, и на время не допускать наступления летальных симптомов. Но он не мог исцелить себя. Не сейчас, не в таком ослабленном состоянии.

В озере Натт была сила, но ее нельзя было почерпнуть. Древние джедаи проявили осторожность, безопасно заточив темную сторону в глубинах водоема. Черные, стоячие воды были единственным свидетельством энергии, навеки запертой под поверхностью.

Бэйн, отчаявшись найти возможность выжить, поковылял к землеходу, стоящему на краю лагеря. Игнорируя протесты внезапно обмякших конечностей, он уселся за руль, и завел машину. Ему нужен был целитель. Если тот, кто называл себя Кэлебом, все еще здесь, Бэйн должен его найти. Это единственный шанс.

Он направился на ближайшее поле боя, где на огромной бесплодной равнине еще лежали вразброс останки тех, кто сражался и погиб. Тяжелое грохотание гусениц землехода с каждым поворотом раздражало его все больше, и он мог только скрипеть зубами от мучительной боли. Пока Бэйн вел транспорт, мир перед его глазами предстал ожившим кошмаром светотени, весь залившись красным маревом. Он почти уже не осознавал, куда именно едет, позволяя Силе направлять себя, и одновременно используя ее для того, чтобы не поддаться влиянию яда Гитани.

Страх смерти окутал Бэйна, подавляя его мысли. Его воля начала сдавать; сейчас было бы так легко сдаться и позволить всему закончиться. Просто отрешиться от мира и погрузиться в состояние покоя.

Выругавшись, он тряхнул головой, возвращая мыслям ясность, снова и снова повторяя первую строку ситской мантры: *Покой - это ложь*. Он обратился к солдатской подготовке, пытаясь овладеть страхом и трансформировать его в гнев, чтобы придать себе сил.

Я - Дарт Бэйн, Темный Повелитель ситов. Я выживу. Любой ценой.

Далеко впереди - у самых границ стремительно сужающегося кругозора - он увидел другой транспорт, медленно движущийся по противоположной стороне поля брани. Поселенцы. Мусорщики, роющиеся в останках.

Он направил землеход в их сторону, протонав от усилия, которое потребовалось, чтобы просто повернуть руль. Прибегнув к Силе, он попытался прикоснуться к душам тех, кто пал на этом поле. Всего несколько месяцев назад здесь погибло множество существ. Он попробовал впитать то, что осталось от их мучительной смерти, надеясь, что агония их предсмертных страданий поддержит его слабеющую силу. Но этого оказалось не достаточно; их боль была слишком далекой, отголоски криков слишком слабыми.

Подняв взгляд, Бэйн обнаружил, что ослабил хватку на руле, от чего транспорт начал сворачивать с курса, сильно накренившись на бок. Его руки свело судорогой; они практически потеряли чувствительность. Он ощущал, с каким трудом сердцу дается каждый удар.

Передняя гусеница наехала на булыжник, и землеход неожиданно опрокинулся, сбросив Бэйна на твердую землю и острые камни. Он попытался снова поднять голову, чтобы посмотреть на людей, которых видел вдалеке, но усилие оказалось слишком велико. Силы вконец истощились. В глазах потемнело.

Тяжелый грохот гусениц землехода вернул его в сознание. Другой транспорт был рядом. Бэйн сомневался, что они вообще заметили его: он упал за перевернувшейся машиной, а люди приближались с другой стороны. Даже если они его видели, то уже ничего не могли сделать, чтобы спасти. Но все же было что-то, что дало бы ему возможность продержаться.

Двигатели заглохли, и он расслышал детские голоса. Три малолетних мальчугана соскочили с багажника землекода и принялись энергично рыскать в обломках.

- Микки! - донесся голос отца, зовущий одного из сыновей. - Не уходи далеко.

- Глядите! - выкрикнул один из пареньков. - Глядите, что я нашел!

Слабый должен служить сильному. Таков путь темной стороны.

- Ого! Он настоящий? Можно потрогать?

- Дай посмотреть, Микки! Дай посмотреть!

- Угомонитесь, мальчики, - устало проговорил отец. - Дайте-ка взглянуть.

Бэйн вслушивался в хруст ботинок по мелким камням по мере его приближения. *Я сильный. Они слабые. Они ничто.*

- Это светомеч, отец. Но рукоятка какая-то чудная. Видишь? Она странно изогнута.

Бэйн ощутил внезапный страх, подобно клещам сдавивший отцовскую грудь.

Выжить. Любой ценой.

- Выбрось это, Микки! Сейчас же!

Слишком поздно.

Светомеч в руке мальчишки ожил и, провернувшись в воздухе, в мановение ока лишил его жизни. Отец завопил; братья попытались бежать. Клинок устремился за старшим, поразив его в спину.

Бэйн, черпая силу из ужаса смертей, поднялся на ноги, представ взгляду призраком, явившимся из недр планеты.

- *Нееет!* - взвыл отец, отчаянно прижимая к себе малолетнего сына. - Пощади его, мой повелитель! - взмолился он со слезами. - Он самый младший. Единственный, кто у меня остался.

Те, кто так слабы, что просят пощады - не заслуживают ее.

По-прежнему слишком немогущий, чтобы поднять руку, Бэйн в очередной раз обратился к Силе, овладев светомечом и заставив его воспарить над беззащитными жертвами. Он выжидал, позволяя расти их ужасу, а затем вонзил пылающее лезвие в сердце мальчика.

Отец прижал мертвое тело к своей груди, его мучительные стенания эхом прокатились по пустому полю.

- Зачем? Зачем тебе понадобилось убивать его?

Бэйн смаковал его муки, жадно насыщая себя, чувствуя, как темная сторона в нем крепчает. Симптомы яда отступили достаточно, чтобы он смог поднять руки без дрожи в мускулах. Светомеч влетел в его ладонь.

Отец сжался перед ним.

- Зачем ты заставил меня смотреть? Зачем ты...

Один быстрый удар меча лишил его жизни, одарив отца той же трагичной участью, что постигла его сыновей.

Глава 26

Лорд Хот метался по постели не в силах заснуть. Скрип койки сопровождался ноющим жужжанием кровососущих насекомых, преследовавших его армию всюду, где бы они ни разбили лагерь. К гаму примешивалось шумное порхание малокрылых полуночников, пикирующих вниз, чтобы полакомиться теми насекомыми, что сами лакомились его солдатами. Результатом была назойливая, сводящая с ума какофония, которая висела где-то на грани слышимости.

Но не это лишало его покоя, и даже не стойкое марево, из-за чего по ночам было нестерпимо жарко. И не военные стратегии и боевые планы то и дело мелькали в его сознании. Это была скорее общая сумма всех волнений, умножаемая фактом того, что не видно было конца проклятой, отвратительной войне. Незначительное раздражение, которое многие еще терпели в первые месяцы пребывания на Руусане, благодаря чувству

разочарования и бесцельности переросло теперь в нестерпимую муку.

Со злобным ворчанием Хот отбросил тонкое покрывало, зашвырнув его в дальний угол палатки. Он опустил ноги на пол и присел на край, опершись локтями в колени и обхватив голову руками.

Вот уже два стандартных года он вел кампанию против Братства Тьмы на Руусане. В самом начале многие джедаи приняли его сторону. И многие из них погибли; их было слишком много. Под командованием лорда Хота они жертвовали собой во благо высшей цели. Но теперь, даже после шести крупных битв - не вспоминая уже о бесчисленных перепалках, рейдах, незначительных столкновениях и мелких стычках - ничего так и не решилось. Кровь тысяч была на его руках, но он так и не приблизился к цели.

Волнение начало уступать место отчаянию. Моральный дух был ниже, чем когда-либо. Многие солдаты считали, что Фарфэлла прав: генерал позволил Руусану стать своей безумной одержимостью и теперь вел их на верную смерть.

У Хота уже не оставалось сил, чтобы с ними спорить. Порой ему казалось, что он забыл причины, по которым вообще оказался здесь. Возможно, однажды в этой войне и имелась добродетель, но подобное благородство уже давным-давно было не в чести. Теперь он сражался ради мести, во имя павших джедаев. Он сражался из ненависти к темной стороне и тому, что она символизировала. Сражался из-за гордыни и отказа признать поражение. Но, прежде всего, он сражался потому, что уже не знал ничего другого.

Но если он сдастся сейчас, будет ли это иметь хоть какое-то значение? Если приказать бойцам отступить, эвакуироваться с планеты на кораблях Фарфэллы, изменится ли хоть что-то? Если посторониться и передать бремя борьбы с ситами - на Руусане или где-то еще в Галактике - другому, обретет ли он, наконец, мир? Или же его просто предадут все те, кто в него верил?

Распустить Армию Света сейчас, когда Братство Тьмы еще существует - значит оскорбить память всех тех, кто пал в конфликте. А если отступить, многие обязательно погибнут, а сам он навсегда будет потерян для Света.

Он откинулся на койку и снова закрыл глаза. Но заснуть никак не удавалось.

- Когда все варианты ошибочны, - пробормотал Хот во тьме, - есть ли разница, какой я выберу?

- Когда путь перед тобой неясен, - отозвался призрачный голос, - позволь мудрости Силы руководить твоими действиями.

Хот резко приподнялся, чтобы всмотреться в темноту палатки. Фигура, стоящая возле входа, была едва различима среди теней.

- Перникар! - воскликнул он, а затем вдруг спросил: - Это явь? Или же я крепко сплю в своей кровати и всего лишь вижу сон?

- Сон - это иная форма реальности, - произнес Перникар, иронично покачав головой.

Он медленно побрел по палатке. Когда он приблизился, Хот понял, что видит прямо сквозь него.

Призрак присел на койку. Пружины не скрипнули; словно тот был невесом и неосязаем.

Это точно сон, - понял Хот. Но он не хотел просыпаться. Вместо этого он отчаянно ухватился за шанс вновь повидать старого друга, даже если тот был просто иллюзией, вызванной в воображении его собственным разумом.

- Мне тебя не хватало, - сказал он. - Твоих напутствий, твоей мудрости. Сейчас они нужны мне еще больше, чем всегда.

- Ты не горел желанием слушать меня, когда я был жив, - ответил призрак Перникара, задев самые потаенные чувства вины и раскаяния, похороненные глубоко в подсознании Хота. - Ты многому мог у меня научиться.

Забавная мысль осенила генерала.

- Неужто я все время был твоим Падаваном, Мастер Перникар? Таким молодым и глупым, что даже не подозревал, что ты пытаешься выучить меня путям Силы?

Перникар негромко рассмеялся.

- Нет, генерал. Мы оба уже немолоды - хотя и делили вместе немалую долю глупостей.

Хот угрюмо кивнул. На мгновение он замолчал, просто наслаждаясь присутствием Перникара, несмотря даже на то, что тот был здесь только духом.

Потом он задал вопрос, зная, что должна быть причина этой искусной шараде, сотворенной его подсознанием:

- Почему ты пришел?

- Армия Света - орудие добра и справедливости, - сказал Перникар. - Ты боишься, что оступился, но взглядишь в Силу и узнаешь, что нужно сделать, чтобы снова отыскать тропу.

- Тебя послушать, так это очень просто, - проговорил Хот, чуть качнув головой. - Неужели я и вправду так низко пал, что не могу даже вспомнить основы учения нашего Ордена?

- В падении нет стыда, - вставая на ноги, сказал Перникар. - Стыдно, когда ты отказываешься подняться вновь.

Хот тяжело вздохнул.

- Я знаю, что должен делать, но у меня не хватает средств. Бойцы на грани гибели: они изнурены и подавлены силами противника. А остальные джедаи больше не верят в наше дело.

- Фарфэлл по-прежнему верит, - заметил Перникар. - Несмотря на все ваши разногласия, он всегда оставался лояльным.

- Сдается мне, я навсегда прогнал Фарфэллу, - признал Хот. - Он не хочет иметь ничего общего с Армией Света.

- Тогда почему его корабли до сих пор на орбите? - парировал Перникар. - Ты прогнал его в гневе, и он боится, что ты мог перейти на темную сторону. Покажи ему обратное, и он снова последует за тобой.

Перникар отступил на шаг назад. Хот почувствовал, что начинает понемногу возвращаться в сознание. Он мог бы перебороть это. Мог постараться изо всех сил остаться в мире грез. Но были дела, которые предстояло сделать.

- Прощай, старый друг, - прошептал он. Глаза его медленно раскрылись, обнажив осознанный мир и пустую темноту палатки. - Прощай.

Сон этой ночью к нему не вернулся. Вместо этого он долго и тщательно раздумывал над тем, что сказал ему Перникар. Его близкий друг всегда был тем, к кому он обращался во времена смятения и неурядиц. Логично, что его разум вызвал в воображении образ Перникара, чтобы снова наставить его на путь истинный.

Он знал, что ему нужно будет сделать. Он переступит через гордыню и попросит у Фарфэллы прощения. Им придется отложить в сторону свои личные разногласия и действовать во благо джедаев.

Выйдя по утру из своей палатки, он первым делом решил отправить к Фарфэлле посланника. Но к собственному удивлению обнаружил, что один из людей Фарфэллы уже явился поговорить с ним.

- А я все гадала, проделала ли я это путешествие напрасно, - признала посланница, когда лорд Хот пригласил ее в свою палатку. - Я боялась, что вы откажетесь даже видеть меня.

- Приди вы на день раньше, вы оказались бы правы, - сознался он. - Прошлой ночью мне было... откровение, которое многое изменило.

- Тогда нам повезло, что я прибыла сегодня, - с радушным поклоном ответила она.

- Да, повезло, - пробормотал он, но что-то ему подсказывало, что сон вовсе не имел родства с удачей. Воистину, Сила была могучим и таинственным союзником.

* * *

Бэйн по-прежнему ощущал яд в своем организме, ведя землеход по безбрежным и

пустым равнинам Амбрии. Грохот двигателя не мог полностью заглушить дребезжание и лязг хлама, сваленного в кучу в багажнике. Шум не давал ему полностью выбросить из головы воспоминания о предыдущих владельцах транспорта, но он не ощущал никаких угрызений совести за их смерть.

Он оставил их лежать на земле - посреди поля боя, где они собирали трофеи. Их смерть дала ему силу держаться, но волна энергии, которую он ощутил, уже отступала. Ему хватит сил не подпускать синокс еще несколько часов, но необходимо было отыскать настоящее лекарство.

Нужно найти Кэлеба. Если он сможет добраться до целителя, надежда остается. Но до жилища человека было еще очень далеко.

Это лишь вопрос времени, когда его тело поддастся параличу а разум поглотит лихорадочное безумие, вызванное токсином. Однако гнев еще позволял ему сохранять ясность мыслей.

Он не был зол на Гитани. Она поступила так, как должно поступать служителю темной стороны. Его ярость была направлена вовнутрь - на собственную слабость и неуместное высокомерие. Следовало предвидеть подлинную глубину коварства Гитани.

А вместо этого он позволил ей отравить себя. И если он сейчас умрет, его великое откровение - «Правило двух», спасение ситов - умрет вместе с ним.

* * *

Кэлеб почувствовал приближение землекопа задолго до того, как увидел или даже услышал его. Это походило на сильное волнение ветра, черную тучу, заслонившую солнце. Когда транспорт затормозил перед лачугой, Кэлеб уже сидел снаружи и поджидал его.

Человек, вышедший из машины, был крупным и мускулистым - прямая противоположность худощавому и жилистому Кэлебу. Он был одет в темную одежду, с пояса его свисал крючковатый светомеч. Кожа была серой, как зола, а черты лица искажала гримаса жестокости и презрения. Хотя он и не был восприимчив к Силе, Кэлебу не составило труда распознать в незнакомце слугу темной стороны. Единственное, чего он не мог почувствовать - это каким сильным на самом деле был зловещий посетитель.

Но Кэлеб и прежде имел дело с могущественными созданиями. И джедаи, и ситы в прошлом приходили к нему, и он прогонял их всех. Он оставался слугой простого народа, тех, кто не мог помочь себе. Он не желал быть частью войны между Светом и Тьмой.

Мужчина чопорной походкой направился к нему. Из почти омертвевших пор сита разлило отвратительным зловонием яда. Этот смрад смягчался лишь запахом кипящего супа, висящего над огнем. Кэлеб расшевелил угли прутом, восстанавливая жар костра, и между делом приглядевшись к неестественному цвету лица своего гостя. Симптомы синокса были безошибочны. Он предположил, что этот обреченный человек проживет еще день, прежде чем умрет.

Он не заговорил пока мужчина не подошел вплотную, маяча над ним, словно призрак самой смерти.

- В твоём теле яд, - безмятежно произнес Кэлеб. - Ты пришел за лекарством, - продолжил он. - Я не дам его тебе.

Мужчина не отозвался. Не удивительно, учитывая его состояние. От яда язык его пострескался и разбух, а горло пересохло и покрылось нарывами. Когда он опустил руку на рукоять светомеча, его намерение стало понятно без слов.

- Я не боюсь смерти, - сказал Кэлеб ничуть не изменившимся голосом. - Ты можешь пытать меня, если хочешь, - добавил он. - Боль для меня не имеет значения.

И в подтверждение своих слов он погрузил руку в кипящий котел. Запах ошпаренной плоти смешался с ароматами супа и яда. Выражение его лица не изменилось, даже когда он вытащил руку и поднял ее, чтобы показать.

Кэлеб увидел сомнение и замешательство в глазах незнакомца, взгляд, который он

наблюдал уже очень много раз. В прошлом стоицизм служил ему хорошую службу, часто расстраивая планы тех ситов и джедаев, что его разыскивали. Они не могли понять его, а именно это и было нужно.

Его нисколько не заботила их война или то, какая из сторон лучше. На самом деле, во всей Галактике существовало только одно, что его волновало. И это представление было его единственной надеждой защитить ее от стоящего перед ним чудовища.

* * *

Бэйн был сильно озадачен действиями своевольного человека. Его последняя надежда на жизнь только что отказала ему, и он совершенно не знал, что с этим делать. Он чувствовал мощь в этом человеке, но она не была мощью темной или светлой стороны. То была даже не мощь Силы в обычном понимании. Он черпал энергию из почвы и камней; гор и лесов; земли и неба. Несмотря на иную ее природу, Бэйн чувствовал, что сила мужчины была велика. Он нашел ее непривычность беспокоящей, тревожащей. Неужели он проиграет эту битву разумов? Неужели этот простой человек - человек с бледнейшим проблеском Силы - действительно был способен бросить вызов Темному Повелителю ситов?

Будь разум целителя слаб, Бэйн мог бы просто заставить его подчиниться приказу, но его воля была так же тверда, как черный металл котла, в который он опустил свою руку. К тому же он продемонстрировал, что боль и угроза смерти не в состоянии заставить его изменить свое мнение. Даже сейчас Бэйн чувствовал, как разум Кэлеба выстраивает стены, чтобы заблокировать боль, пряча ее так глубоко, что она почти исчезала. Но он прятал и что-то еще. Что-то, что отчаянно старался утаить от Бэйна.

Бэйн прищурился, когда понял, что это. Он пытался скрыть присутствие другой, защищая ее любой ценой от туманного, лихорадочного восприятия Темного Повелителя. Он перевел все внимание на маленькую, ветхую лачугу целителя. Мужчина не сделал ни единого движения, чтобы остановить его. Он вообще не отреагировал.

Дверь была прикрыта лишь длинной занавеской, безмятежно колышущейся на ветру. К дальней стене безмолвно прижалась молодая девушка с расширившимися от ужаса глазами.

Зловещая улыбка облегчения коснулась уголков губ Бэйна, когда он увидел правду. У Кэлеба все же имелись слабости; кое-что его заботило. Вся его сила воли была ничем из-за одного маленького недостатка. И Бэйн не против был воспользоваться им в своих интересах, чтобы получить необходимое.

Мысленным приказом он поднял перепуганную девчонку в воздух, выволок ее наружу, и повесил вверх ногами над кипящим котлом целителя.

Кэлеб вскочил на ноги, в первый раз продемонстрировав настоящие эмоции. Он потянулся к ней, но потом отдернул руку; глаза его заметались между дочерью и человеком, который буквально держал ее жизнь в кулаке.

- Папочка, - прохныкала она. - Помоги.

Мужчина склонил голову, признавая поражение.

- Хорошо, - сказал он. - Ты победил. Ты получишь лекарство.

Исцеляющий обряд длился всю ночь и весь следующий день. Кэлеб прибегнул ко всем возможным травам и корешкам: некоторые были сварены в кипящих водах его котла; другие растерты в пасту; а кое-что разложено прямо на разбухшем языке Бэйна. На протяжении всего процесса Бэйн был на чеку, готовый обрушить месть на дочь целителя, если его попытаются предать.

Но по прошествии нескольких часов он стал понемногу ощущать, как синокс выходит из тела, вытягиваемый лекарствами. Вечером следующего дня все следы яда улетучились.

Бэйн вернулся в лагерь, чтобы собрать вещи. Вскоре он был готов оторваться от земли и оставить Амбрию.

После завершения лечебного ритуала он, недолго думая, решил избавиться как от отца, так и от дочери, за свидетельство его слабости. Но то были помыслы человека, ослепленного

своим высокомерием. Его недавняя встреча с Гитани показала ему все опасности такого пути.

Кэлеб и его дочь не представляли угрозы ни ему, ни его целям. К тому же Кэлеб обладал способностями, которые однажды могли понадобиться вновь. Несмотря на все свое могущество, темная сторона не была сильна в целительном искусстве.

Потому он оставил их в живых. Смысла или пользы в их смерти не было. Убийство без причины или выгоды - жалкое удовольствие садистски настроенных глупцов.

Внося координаты Руусана в навикомпьютер, Бэйн был полон решимости очистить темную сторону от глупцов.

Глава 27

Когда «Валцин» прибыл на Руусан, Бэйн с удивлением обнаружил в системе флотилии как ситов, так и джедаев. Ситы создали вокруг планеты блокаду, стараясь, по-видимому, помешать джедаям привести подкрепление товарищам на поверхности.

Хотя, на взгляд Бэйна, джедаи не прилагали никаких усилий, чтобы прорвать блокаду. Их корабли довольствовались тем, что выжидали, укрывшись вне досягаемости вражеского огня. А ситы не могли атаковать без того, чтобы не оставить без защиты свой строй, разорвав формацию. Результатом было напряженное затишье, при котором ни одна из сторон не решалась сделать первый ход.

Несмотря на блокаду, Бэйн смог посадить корабль на Руусане, не привлекая ничье внимание. Джедаи не проявляли интереса к судам, направляющимся на планету, а ситы патрулировали строем, предназначенным для обороны от крупномасштабных вторжений. Назначением блокады было остановить десантные транспорты, корабли поддержки, и их эскорт; она была совершенно бесполезна против одного звездолета-разведчика или истребителя.

Сенсоры корабля засекли лагерь ситов сразу же, как он вошел в атмосферу, и Бэйн повел «Валцин» в глубь планеты. Блокадные патрули не обнаружили его, а маячок корабля он вывел из строя, когда покидал Легон. Никто не знал, что он здесь. Бэйн планировал еще некоторое время сохранять такое положение вещей.

Он посадил корабль под прикрытие небольшой горной цепи в нескольких километрах от лагеря. Придя пешком, он привлечет меньше внимания. К тому же, он хотел сохранить в секрете местоположение «Валцина» на случай, если потребуетсЯ совершить поспешное бегство. Бэйн выбрался из корабля и отправился в долгий поход для встречи с Кааном и его ситскими друзьями.

Восприятие этой планеты значительно отличалось от любой другой, где он успел побывать. Это был уставший мир, измотанный и истощенный бесконечными войнами, ведущимися на его поверхности. В воздухе витал нездоровый дух - словно некая заразная болезнь разума и духа. Сила на Руусане была велика: ее источником были джедаи и ситы, находившиеся здесь в огромном количестве. И все же он чувствовал, что та была в смятении, кружилась в водовороте замешательства и противоречия. Маятник не склонялся ни в сторону Тьмы, ни в сторону Света. Вместо этого обе стороны сошлись, слились воедино, превратившись в отвратительную, неопределенную серость.

Далеко на востоке Бэйн видел кромки величественных лесов Руусана. Он чувствовал джедаев, скрывающихся в их чащобах, хоть они и использовали светлую сторону, чтобы утаить себя. Лагерь ситов примостился на западе, в нескольких километрах от границ леса. Между ними простиралась обширная панорама умеренно чередующихся холмов и долин: место всех крупных битв, которые так долго велись на Руусане. Постоянные сражения перемежались шестью крупномасштабными столкновениями - битвами, в которых каждая из сторон привлекала свою полную силу, пытаясь уничтожить врага или, по крайней мере, вытеснить его с планеты. Три раза Хот и Армия Света получали превосходство; три других боя отошли в актив Каану и Братству. Но никто из победителей не проявил достаточную

решительность, чтобы положить конец войне.

По едкому запаху смерти Бэйн заподозрил и о нескольких мелких стычках, недавно прошедших за эту территорию. Его подозрения подтвердились, когда он поднялся на вершину холма, и взору его открылась панорама резни. Сложно было сказать, кто победил: повсюду лежали тела, облаченные в одежды обеих сторон, перемешанные, словно бойцы даже после смерти на долгое время сцепились в ненависти. Большая часть мертвецов, похоже, была последователями джедаев и приспешниками ситов, нежели настоящими Рыцарями или членами Братства. Хотя он и заметил на нескольких темные ситские одеяния.

Над смертоносной равниной зависли «хвастуны» - уникальная коренная форма жизни Руусана. Их было не меньше пяти; сферической формы и разного размера, от одного до двух метров в ширину. Округлые тела покрывал густой зеленый мех, тут же были выступающие по бокам придатки, похожие на плавники, и развевающиеся позади длинные лентообразные хвосты. За исключением темных, лишенных век глаз, видимые черты лица у них отсутствовали.

Отчеты сообщали, что «хвастуны» обладали разумом, но Бэйну они казались животными, рыскающими среди останков побоища. Когда он приблизился, то понял, что они общаются, даже в отсутствие рта. Они проецировали мысленные образы поддержки и утешения, словно стремились залечить раны испещренной шрамами земли.

При приближении Бэйна они разлетелись, юркнув в разные стороны, словно причудливый косяк рыб, способный плыть по небесам. Подойдя ближе, он увидел, что «хвастуны» собрались над раненым. Мужчина-человек был едва жив, но зияющая рана у него в животе явно свидетельствовала о том, что до ночи он не протянет.

Он носил одежды ситов, а рядом с его распростертой рукой валялись обломки светомеча. Бэйн признал в нем одного из низших студентов Академии Коррибана: настолько слабого в темной стороне, что не было даже смысла запоминать его имя. Хотя он Бэйна знал.

Простонав, мужчина перекатился на спину и, приподнявшись, присел, опершись головой и плечами на соседний камень. Его глаза - остекленевшие и расширенные - моментально прояснились и обрели фокус.

- Повелитель Бэйн..., - выдохнул он. - Каан сказал нам... что ты мертв.

Отвечать ему не было смысла, поэтому Бэйн промолчал.

- Ты пропустил сражение..., - пробормотал мужчина, едва слышимый за клокочущим журчанием крови, бьющей ключом из его горла.

Приступ кашля оборвал его слова. Он был слишком слаб даже для того, чтобы поднять руку и прикрыть рот, когда изрыгнул красные пятна крови на черные сапоги Бэйна.

- Битва была восхитительна, - наконец прохрипел он. - Это честь... пасть в таком славном бою.

Бэйн громко расхохотался, отреагировав на такую нелепость единственным подходящим ответом.

- Слава ничего не значит для мертвых, - сказал он, хотя было не совсем понятно, слышит ли его вообще мужчина в своей лихорадке.

Он повернулся, чтобы уйти, но помедлил, ощутив, как немощная рука схватила его за ногу.

- Помоги мне, Повелитель Бэйн.

Страхнув со своего сапога вцепившуюся руку, он ответил:

- Меня зовут *Дарт* Бэйн.

Раздался отвратительный хруст, когда он опустил свой сапог, раскрошив череп мужчины об поддерживающие камни. Тело бойца сотряслось в конвульсии и замерло.

Чистка ситов началась.

* * *

Повелитель Каан лежал на небольшой койке у себя в палатке, закрыв глаза и бережно

массируя виски. Усилие, которое требовалось, чтобы удерживать последователей в сжатом кулаке, давалось высокой ценой, и голова его постоянно пульсировала тупой и неотступной болью.

Несмотря на успех в недавних сражениях с джедаями, настроение в лагере ситов было напряженным. Они пробыли на Руусане слишком долго - бесконечно долго - а сообщения о победах Республики в отдаленных системах все продолжали просачиваться. Даже с его способностью манипулировать и воздействовать на разумы других Темных Повелителей, становилось все сложнее сохранять сосредоточенность Братства на борьбе против Армии Света.

Он знал, что есть один верный путь покончить с войной, и покончить быстро. Ментальная бомба. Каан провел много ночей, гадая, решится ли воспользоваться ею. Если они заманят джедаев в ловушку и используют ментальную бомбу, ее взрыв полностью изничтожит врага. Но будет ли объединенная воля Братства достаточно сильна, чтобы выдержать такую мощь? Или их тоже подхватит взрывная волна?

Он то и дело отклонял мысль прибегнуть к бомбе, как слишком опасную. Это оружие было настолько ужасным, что даже он - Темный Повелитель ситов - боялся им воспользоваться. И все же каждый раз он снова и снова обдумывал этот вариант, прежде чем снова отбросить его в небытие.

Звук снаружи заставил его открыть глаза и сесть. Спустя мгновение внутрь заглянула Гитани, уже прославившая его правой рукой.

- Они готовы, Повелитель Каан.

Он кивнул и поднялся, задержавшись на секунду, чтобы успокоиться и собраться. Если он проявит слабость, остальные могут обернуться против него. Он не может этого позволить. Не сейчас, когда они так близки к окончательной победе. Вот почему он созвал остальных Темных Повелителей на последнее собрание, чтобы укрепить их решимость и обеспечить дальнейшую преданность.

Гитани пустилась через лагерь; Каан последовал за ней к большой палатке, где ждали другие Повелители. Он зашел внутрь с твердостью и целеустремленностью, излучая уверенность и власть.

Каждый раз, когда он входил в помещение, присутствовавшие на собрании в знак почтения поднимались на ноги. Так было и сейчас, однако один продолжал сидеть, скрестив руки на своей плотной груди.

- Ты слишком тучен, чтобы встать, Повелитель Копеж? - многозначительно осведомилась Гитани.

- Я думал, в Братстве все равны, - огрызнулся тви'лек, обращаясь скорее к Каану, а не к ней.

Каан знал, что ему придется проявить осторожность. Это было не в первый раз, когда голос Копежа шел в разрез лидеру Братства, а кто-то даже заимствовал у того свои реплики. К несчастью, он был одним из тех, на кого сложнее всего было влиять, и кто почти не поддавался контролю.

- Равны. Ты абсолютно прав, Повелитель Копеж, - с утомленной улыбкой произнес Каан. - Садитесь. Все садитесь. Нет нужды в таких бессмысленных формальностях.

Остальная группа, как он и велел, вновь заняла свои места. И все же было видно, что они по-прежнему ощущали напряжение между ним и Копежом. Проществовав к столу для совещаний, Каан окатил помещение волной утешения.

- Война против джедаев почти закончена, - объявил он. - Они на грани краха. Они отступили в леса, но им негде больше прятаться.

Копеж иронично фыркнул.

- Мы слышим эту присказку уж слишком часто.

Потребовалось огромное усилие, чтобы сохранить самообладание, но Повелитель Каан сумел ответить спокойным, ровным голосом.

- Любой, кто сомневается в нашей стратегии на Руусане, волен сказать, - предложил он.

- Как уже было отмечено на этом собрании, мы все в Братстве Тьмы равны.

- Меня волнует не только Руусан, - ответил Копеж, заглотив приманку и поднявшись на ноги. - Мы теряем позиции повсюду в Галактике. Республика наступает нам на пятки. Но вместо того, чтобы прикончить их, мы даем им перегруппироваться!

- Большая часть наших первых побед состоялась до того, как джедаи объединили свои силы, - напомнил ему Каан. - Сама суть атаки на Республику состояла в том, чтобы выманить джедаев. Мы хотели втянуть их в сражение по нашему выбору: в эту битву, здесь, на Руусане.

Теперь мы на грани их уничтожения. А с уходом джедаев мы сможем с легкостью вернуть те миры, что ускользнули обратно под контроль Республики, да и многие другие тоже.

Хотя Копеж не проронил ни слова, со стороны остальных Повелителей донеслось согласное бормотание. Каан усилил напор.

- Как только мы уничтожим врага на Руусане, наши армии проследуют по Галактике, почти не встречая сопротивления. Завоевая территорию в каждом секторе, мы, подобно удавке, окружим Корусант и остальные Миры Ядра, и будем затягивать ее все туже, пока не лишим Республику последних крупиц жизни!

Из толпы раздался шум одобрения. Когда Копеж заговорил вновь, даже он, казалось, подрастерял немного враждебности.

- Но победа здесь не гарантирована. Возможно, мы окружили и загнали армию Хота, но на окраинах системы притаился джедайский флот с сотнями бойцов подкрепления.

- Их подкрепление на границе системы, - кивнув головой, признал Каан, не заботясь опровергать то, что и так знал каждый. - Как и на прошлой неделе. И именно там они и останутся: вдалеке от поверхности, где в них нуждаются.

Большая часть нашего флота находится на орбите Руусана, а джедаям недостает численности и огневой мощи, чтобы прорваться через нашу блокаду. Если они не смогут объединиться с теми, кто на планете, Хот и его приспешники падут. И как только мы убьем их, то в любое время сможем разделаться с рваными остатками Ордена.

Успокоившись, Копеж присел, напоследок заметив:

- Тогда давайте по быстрому прикончим Хота и уберемся с этого проклятого куска камня.

- В этом как раз и цель данного оперативного совещания, - с улыбкой произнес Каан, понимая, что в очередной раз предотвратил потенциальный раскол Братства. - Может мы проиграли в нескольких стычках тут и там, но мы выигрываем в войне!

Подошла Гитани и вручила ему голокарту с последними данными от разведывательных дронов. Каан ответил ей благодарным кивком и раскатал карту по столу, склонившись над ней для лучшей видимости.

- Наши шпионы докладывают, что главный лагерь Хота расположен здесь, - сказал он, ткнув пальцем в лесистый район на карте. - Если нам удастся выгнать их из леса, мы сможем...

Каан внезапно остановился, когда на карту упала черная тень.

- Ну что еще? - поинтересовался он, ударив кулаком по столу и вскинув голову, чтобы узнать причину столь запоздалому визиту.

В проходе, загораясь струящийся снаружи свет, высился огромный, мускулистый человек. Он был высоким и совершенно лысым, с крупным лбом и суровыми, памятливыми чертами лица. Он носил черные доспехи и одежды ситов, а с пояса свисал светомеч с крючковатой рукоятью. Несмотря на то, что Каан никогда не встречал этого человека, он слышал о нем достаточно, чтобы сразу узнать.

- Дарт Бэйн! - воскликнул он.

Каан бросил быстрый взгляд в сторону Гитани, интересуясь, не предала ли она его. Судя по выражению ее лица, она удивилась не меньше его, видя их гостя живым и здоровым.

- Мы... мы думали, ты мертв, - неуверенно начал он. - Как ты...

- Я устал, - перебил Бэйн. - Не возражаешь, если я присяду?
 - Конечно же, - немедленно согласился Каан. - Все что угодно для брата.
- Здоровяк насмешливо улыбнулся, сев в одно из ближайших кресел.
- Благодарю, *брат*.

Было что-то такое в его тоне, что насторожило Каана. Что он здесь делает? Знал ли он, что Гитани попытается отравить его? Знал ли он, что это Каан ее послал?

- Пожалуйста, продолжай обсуждать стратегию, - подогнал его Бэйн небрежным взмахом руки.

Каан ошетинился. Такое ощущение, словно ему давали разрешение продолжить; как будто это Бэйн тут за все отвечал. Скрипнув зубами, он снова опустил глаза на карту и продолжил с того места, где его прервали.

- Как я сказал, джедаи скрываются в лесах. Мы можем застать их врасплох, если разделимся. Задействовав флайеры, мы сумеем атаковать с фланга их южные линии...

- Бах! - выдал Бэйн, с силой хлопнув ладонью по столу. - «Задействовать флайеры и зайти с тыла», - усмехнулся он, встав на ноги и обвиняюще ткнув пальцем в Каана. - Ты мыслишь как грязный генерал, а не как Повелитель ситов!

В помещении воцарилось тягостное молчание; даже Каан потерял дар речи. Он чувствовал прикованные к нему всеобщие взгляды, сосредоточенно наблюдающие за тем, что будет дальше. Бэйн подошел ближе, его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от лица Каана.

- И как ты только нашел мужество отравить меня? - спросил он тихим, угрожающим шепотом.

- Я... это не я! - Каан запнулся, когда Бэйн повернулся к нему спиной.

- Не извиняйся за то, что использовал коварство и хитрость, - упрекнул здоровяк, подходя к столу для совещаний. - За это я ценю тебя. Мы ситы: слуги темной стороны, - продолжал он, склоняясь над развернутой картой, чтобы изучить позиции войск и тактический план. - Теперь смотри на эту карту и думай, как сит. Не просто сражайся в лесу... *уничтожь лес!*

Последовавшее молчание решила разорвать Гитани, задав волнующий всех вопрос:

- И как, по-твоему, мы это сделаем?

Бэйн обернулся к ним со зловещей ухмылкой.

- Я вам покажу.

* * *

Опустилась ночь, но в отблесках ярко горящих костров Бэйн видел снующих туда-сюда людей, делающих приготовления по его инструкциям. Почувствовав позади Гитани, он повернулся. Она держала в руках чашу с дымящейся похлебкой, а на лице ее застыло осторожное и нерешительное выражение.

- Пройдет еще час, прежде чем они подготовятся к началу твоего ритуала, - в качестве приветствия сказала она. Когда Бэйн не ответил, она добавила: - ты выглядишь усталым. Я принесла тебе кое-что, что восстановит твои силы.

Бэйн взял чашу из рук Гитани, но не поднес ее к губам. Он узнал о ритуале, о котором она говорила, изучая голокрон Ревана: способ объединить разум и души ситов в едином сосуде, чтобы их силу можно было высвободить в реальный мир. Во многом способ был схож с тем, что использовался для формирования ментальной бомбы, хотя этот был менее мощным, чем ритуал, который он в качестве дара отослал Каану - и гораздо более безопасным.

Бэйн понял, что Гитани все еще внимательно изучает его, потому склонил голову к похлебке.

- Снова пришла отравить меня? - спросил он. В его голосе проскользнули игривые нотки.

- Ты знал все время, не так ли? - поинтересовалась она.
Бэйн покачал головой.
- Только не до того, как отведал яда на твоих губах.
Гитани вздернула бровь и одарила его скромной улыбкой.
- Но ты захотел второго поцелуя. И третьего.
- Яд не может навредить Темному Повелителю, - сказал ей Бэйн. Но после признал: - Хотя он почти убил меня. - Он сделал паузу, но она продолжала молчать. - В Братстве слишком много Повелителей, - продолжил он. - Слишком много тех, кто слаб в темной стороне. Каан этого не понимает.
- Каан опасается, что ты вернулся захватить Братство!
Через мгновение она добавила:
- И думаю, он прав.
Не захватить, - подумал Бэйн, - *а уничтожить*. Но он не потрудился поправить ее; еще не время. Ему по-прежнему требовались доказательства того, что она подходит на роль его ученицы. *Их должно быть двое; не больше, не меньше. Один - чтобы воплощать могущество, другой - чтобы жаждать его.* Это был выбор, к которому он не хотел подходить сгоряча.
- Я покажу тебе настоящую силу темной стороны, Гитани. Силу, превосходящую все то, что любой из Братства вообще может представить, - сказал он.
- Учи меня, - прошептала она. - Я жажду знаний. Ты можешь показать мне все... после того, как займешь место Каана во главе Братства!
Он снова задался вопросом: неужели она по-прежнему пытается им манипулировать? Неужели хочет сравнить его с Кааном друг против друга? Или ждет от него, что он узурпирует власть в доказательство своей вновь обретенной силы?
Нет, - признал Бэйн. - *Она так и не поняла, что весь Орден ситов нужно развеять по ветру и отстроить заново. Может, никогда и не поймет*.
- Скажи мне кое-что, - произнес он. - Это была твоя идея отравить меня? Или Каана?
С легкой усмешкой она поднырнула под руку Бэйна, сжимающую чашу с похлебкой, и прижалась к его груди, посмотрев прямо в глаза.
- Это было моей идеей, - призналась она, - но я заставила Каана поверить в то, что она принадлежала ему.
Надежда для нее еще не потеряна, - подумалось Бэйну.
- Я знаю, что совершала ошибки прежде, - продолжила Гитани, отстранившись от него.
- Я должна была пойти с тобой, когда ты покинул Коррибан. Я не осознавала, что с тобой случилось; не понимала тайн, которые ты искал. Но теперь я все вижу. Бэйн, настоящий лидер ситов - это ты. С этого момента я буду следовать за тобой. Как будет следовать и остальное Братство, после того, как мы используем твой ритуал для истребления джедаев.
- Да, - согласился он, тщательно сохраняя голос безучастным, и делая глоток дымящейся похлебки. - После того, как мы истребим джедаев.
Бэйн понимал, что уничтожить джедаев на самом деле им не по силам. Только не на Руусане. Только не так. Джедаи найдут способ выжить. Ни одна обычная война не имела возможности до конца извести прислужников Света. Только лишь орудия темной стороны - коварство, скрытность, вероломство, предательство - могли это сделать.
Те же самые орудия он использует для того, чтобы покончить с Братством Тьмы... и начало этому положит сегодняшний ритуал.

Глава 28

Каан, Гитани и остальные Темные Повелители собрались на вершине каменистого плато, возвышавшегося над бескрайними лесами, где прятался Хот со своей армией. Они прибыли на флайерах: одноместных машинах малого радиуса действия со смонтированными на носу тяжелыми бластерами. Флайеры стояли на краю плато, в пятидесяти метрах от места,

где широким кругом сидели ситы. Ритуал начался.

Они контактировали через Силу, все как один впад в медитативный транс. Разумы их погружались все глубже и глубже в пучину энергии, таящейся внутри каждого, вызывая к силе и объединяя ее в единое целое. Бэйн стоял в центре круга, подстегивая их.

- Коснитесь темной стороны. Темная сторона едина. Неделима.

Ночное небо затянулось темными тучами, и по плато закружил свирепый ветер, развевая плащи и накидки ситов. Воздух сотряс гром и треск поднимающегося наэлектризованного шторма. Вокруг заискрились разряды сине-белых молний, температура внезапно опустилась.

- Отдайтесь темной стороне. Позвольте ей окружить вас. Накрыть. Поглотить.

Братство еще глубже впадало в коллективный трас, даже не подозревая об урагане, бушующем над их головами. Бэйн стоял в эпицентре, вбирая в себя разряды молний, питаясь ими. Он ощущал волны энергии, направляя и фокусируя темную сторону, получаемую от остальных.

Вот как должно быть! Вся мощь Братства в одном теле! Единственный способ высвободить абсолютный потенциал темной стороны!

- Вы чувствуете себя непобедимыми? Неуязвимыми? Бессмертными?

Ему приходилось кричать, чтобы голос его был слышен за воем ветра и раскатами грома. Паутина молний спиралью вырвалась из него, объединив с каждым ситом. Он вздрогнул, и потом вдруг замер, раскинув руки в стороны. Его неподвижное тело начало медленно подниматься вверх.

- Вы чувствуете это? - прокричал он, ощущая, что грубая мощь клокочущей в нем Силы вот-вот разорвет на части саму его плоть. - Вы готовы убить мир?

* * *

Мало что в Галактике могло испугать генерала Хота. И все же когда он просматривал последние донесения от своих разведчиков, он ощутил первые проблески реального страха, подтачивающие задворки его разума.

Размолвка между ним и Фарфэллой была улажена, но сейчас не было никакой возможности спустить подкрепление на поверхность Руусана. Мелкие курьерские корабли с командой из одного-двух пилотов могли проскользнуть сквозь блокаду незамеченными, хотя иногда даже они засекались и уничтожались. Но более крупным челнокам это было не под силу.

Однако страх вызывало не только то, что помощь была так близка, и все же так недоступна. Что-то зловещее витало в воздухе. Что-то недоброе.

Неожиданно в его разуме всплыл непрощенный образ: предчувствие смерти и разрушений. Хот вскочил на ноги и выбежал из палатки. Несмотря на то, что миновало давно за полночь, он не удивился, увидев, что весь лагерь был на ногах. Они тоже почувствовали это. На них что-то надвигалось. Надвигалось быстро.

Они смотрели на него, ища поддержки и ожидая, когда он возьмет на себя командование. Хот сделал это единственным, зычным приказом:

- Бежим!

* * *

Шторм сорвался с плато и понесся по лесу. Сотни опаляющих молний сорвались с неба - и лес исторгся пламенем. Деревья вспыхнули, огонь побежал по ветвям и рассеялся во всех направлениях. Подлесок затлел, задымился и воспламенился; стена огня помчалась по поверхности планеты.

Инферно поглощал все на своем пути.

Жар и огонь. Во вселенной Бэйна не было больше ничего. Словно он сам стал штормом: он видел мир пред собой, поглощаемый красно-оранжевыми языками пламени и за секунды превращаемый в золу и тлеющие угли необузданной яростью темной стороны.

Это было великолепно. А затем все внезапно пропало.

Раздался резкий глухой звук, когда его тело повалилось на землю с высоты пяти метров. Несколько секунд он был совершенно дезориентирован, и не мог понять, что произошло. Потом до него дошло: связь разорвалась.

Он медленно и неуверенно поднялся на ноги. Повсюду были ситы, не преклоняющие больше колен в медитации, а свалившиеся от слабости или катающиеся по земле. Их головы кружились от неожиданно закончившегося связующего ритуала. Один за другим они возвращали себе самообладание и вставали с тем же сконфуженным видом, какой был у Бэйна лишь несколько секунд назад.

Тут он заметил Повелителя Каана, держащегося неподалеку от флайеров.

- Что случилось? - зло поинтересовался Бэйн. - Почему ты все остановил?

- Твой план сработал, - односложно ответил Каан. - Лес уничтожен, джедаи сбежали на открытую местность. Они беззащитны, уязвимы. Теперь мы пойдем и прикончим их.

Каан разорвал связь, и каким-то образом ему удалось вытянуть вместе с собой остальных. Он словно обладал контролем над их разумами. *Возможно, так оно и есть*, - заподозрил Бэйн. Еще одно доказательство того, что всех их придется уничтожить при чистке ситов.

Пока остальные приходили в чувство, Каан выкрикивал приказы и планы атаки.

- Пожар выманил джедаев на открытую местность. Мы накинемся на них с воздуха. Шевелитесь!

Они охотно подчинились его приказу, бросившись к ожидающим их транспортам и взмываясь в небеса с боевым кличем и ликующими воплями.

- Идем, Бэйн, - обронила Гитани, промчавшись мимо. - Присоединимся к ним!

Он схватил ее за руку, резко остановив.

- Каан все еще силится выиграть эту войну при помощи бластеров и армий, - сказал он. - Это не путь темной стороны.

- Но так гораздо веселее, - возбужденно выдохнула Гитани.

Она высвободилась из его хватки.

Наблюдая за тем, как она бежит к остальным, Бэйн понял, что учения Кордиса и коррибанской Академии развратили и ее. Невзирая на свое обещание следовать за Бэйном, она не видела дальше изъянов Братства. Она была испорчена - недостойна его внимания. Ей придется умереть вместе со всеми.

Он испытал лишь бледный намек на сожаление, когда принял решение, но горечь была бесплотной: отголоском чувства, последним остатком эмоций. Он быстро подавил ее, зная, что та лишь сделает его слабым.

- Ты напугал нас, Бэйн, - раздался голос позади него.

Бэйн обернулся и увидел Копежа, внимательно изучающего его.

- Когда мы фокусировали через тебя Силу, казалось, что твои зубы сомкнулись на наших глотках, - продолжал тви'лек. - Словно ты пытался высосать наши силы досуха.

- Мощь темной стороны гораздо сильнее, если собрана в одном резервуаре, - ответил Бэйн. - Не рассеяна среди многих. Я сделал это во благо темной стороны.

Копеж покачал головой и взобрался на флайер.

- Что ж, мы знаем, что ты делал это не ради нас.

Бэйн проследил за тем, как он поднялся в небо. Затем сел на собственный флайер, но вместо того, чтобы отправиться на сражение вслед за Кааном, проложил курс обратно в лагерь ситов. Первая фаза его плана по уничтожению Братства завершилась.

Когда двадцать минут спустя он прибыл в лагерь, то не удивился, обнаружив его абсолютно опустевшим. Все Темные Повелители собрались на плато для ритуала, затем все они улетели вслед за Кааном на встречу с джедаями. Солдат, слуг и последователей, составлявших костяк армии ситов, поначалу оставили в лагере, но потом срочно приказали им явиться на поле боя.

Бэйн повел флайер на посадку в середину лагеря, прямо к палатке Каана. Он вырубил двигатели и с удивлением услышал отдаленный гул другого транспорта. Бэйн с любопытством поднял голову. Когда флайер устремился вниз, он опознал пилота.

Транспорт несся прямо на него. Бэйн опустил руку на светомеч, приготовившись немедленно зажечь его. Сила внутри него хлынула ключом, готовая поднять защитный экран, если бортовые бластеры флайера откроют огонь.

Но атаки не последовало. Вместо этого он пролетел в нескольких метрах над головой Бэйна, сделал крутой вираж и зашел на посадку рядом с его флайером.

- Твое оружие тебе не потребуется, - сказал Кордис, ступив на землю. - Я пришел с предложением.

Осознав, что прямой опасности нет, Бэйн опустил руку.

- Предложением? Да что ты вообще можешь мне предложить?

- Мою преданность, - произнес Кордис, опустившись на колено.

Бэйн уставился на него, на лице его застыло смешанное выражение ужаса, забавы и презрения.

- Зачем тебе выказывать мне свою преданность? - спросил он. - И зачем она вообще мне нужна?

С коварной улыбкой на губах, Кордис медленно поднялся на ноги.

- Я не слепой, Повелитель Бэйн. Я видел, как ты говорил с Гитани. И вижу, как ты подсиживаешь Каана. Я знаю настоящую причину твоего визита на Руусан.

Ошеломленный, Бэйн пытался понять, мог ли Кордис - основатель Академии на Коррибане, самый ярый сторонник всего, что было плохого в ситах - вдруг прозреть?

- Что именно ты предлагаешь? - спросил он сквозь стиснутые зубы.

- Я знаю, что случилось с Каз'имом. Он объединился с Кааном против тебя. Он поплатился за это решение собственной жизнью. Я не так глуп. Я вижу, ты здесь, чтобы стать главой Братства, - объявил он. - И верю, что ты добьешься успеха. Я хочу помочь тебе.

- Ты хочешь помочь мне захватить Братство? - Бэйн рассмеялся; Кордис был так же слеп и невменяем, как и все остальные. - Заменить одного лидера другим, чтобы ты и все остальные продолжали жить как прежде? Таков твой блестящий план?

- Я могу быть тебе очень полезен, Повелитель Бэйн, - настаивал Кордис. - Многие в Братстве - бывшие студенты Академии. Они по-прежнему внимают моей мудрости и моим советам.

- Вот именно в этом и проблема.

Бэйн ударил Силой, схватив Кордиса сковывающей, сокрушающей хваткой. Его противник попытался защитить себя, подняв щит, чтобы отклонить подступающую атаку. Но Бэйн, прорвавшись через ничтожную оборону, снес ее, словно той и не было.

Кордис издал сдавленный крик, когда Сила взяла его в невидимый кулак и подняла над землей.

- Твоя «мудрость» уничтожила наш Орден, - между делом объяснил Бэйн, наблюдая, как Кордис беспомощно трепыхается в воздухе. - Ты осквернил умы своих адептов; ты и Каан повели их по пути гибели.

- Я... я не понимаю, - выдохнул Кордис, едва способный говорить из-за недостатка воздуха в легких.

- Это всегда было проблемой, - ответил Бэйн. - Братство нужно очистить. Ситов нужно уничтожить и реорганизовать. Ты, Каан, и все остальные должны быть стерты с лица

Галактики. Вот зачем я вернулся.

Ужас понимания пробежал по вытянувшимся, искаженным чертам Кордиса.

- Прошу, - простонал он, - только... не так. Отпусти меня. Дай мне... взять меч. Сразимся... как ситы.

Бэйн склонил голову на бок.

- Ты ведь знаешь, что я могу убить тебя мечом так же легко, как и Силой.

- Я... знаю. - Кожа Кордиса покраснела, а тело затряслось от поднявшегося давления.

Каждое сказанное им слово давалось с огромным усилием, и все же каким-то образом умирающий человек нашел силы произнести свою последнюю фразу: - Разве... смерть... в бою... не... более... почетна?

Бэйн безразлично подернул плечами.

- Честь - для живых. Умирающим - смерть.

Последний сигнал его разума стиснул незримый кулак. Кордис испустил последний возглас, но из-за отсутствия в легких воздуха он вышел лишь шумным вздохом, который затерялся за хрустом его костей.

Будь у Бэйна еще какие-то эмоции, он мог бы и пожалеть человека. Но он просто позволил мертвому телу упасть на землю и побрел в палатку Каана, где находилось коммуникационное оборудование. Настало время привести в действие вторую фазу плана.

* * *

На палубе «Сумерек», грандиозного флагмана флота ситов, действующий командир Эдрианна Найрэс ответила на вызов с личного комлинка на запястье.

- Это адмирал Найрэс, - сказала она в комлинк. - Жду ваших приказов, Повелитель Каан.

- Повелитель Каан отсутствует, - ответил незнакомый голос. - Это Повелитель Бэйн.

Она на секунду замешкалась, прежде чем ответить. Каан редко позволял кому-либо использовать его персональный приемопередатчик, но иногда такое случалось. А, принимая во внимание код безопасности на оборудовании, никто не мог получить доступ и использовать частоту. Сообщение наверняка исходит из лагеря ситов, а это значит, что она действительно говорит с одним из Темных Повелителей.

- Простите меня, Повелитель Бэйн, - сказала она. - Каковы будут ваши приказы?

- Доложите обстановку.

- Без изменений, - ответила она отточенным командным голосом. - Блокада не прорвана. Флот джедаев по-прежнему остается за пределами нашей досягаемости.

- Открыть огонь.

- Прошу прощения? - спросила она, настолько удивившись, что забыла, с кем говорит.

- Вы слышали меня, адмирал, - фыркнул голос на другом конце. - Открыть огонь по флоту джедаев.

Приказ не имел никакого смысла. В прошлый раз, когда Каан говорил с ней, он приказал ей любой ценой сохранять позиции. До тех пор, пока они дислоцировались на орбите, их блокада была фактически непроницаема. Но если они разорвут строй и атакуют флот противника, они не смогут остановить снижающиеся корабли от высадки подкрепления.

Хотя за время службы у ситов ей и раньше отдавали странные приказы. Ходили слухи, что Каан обладает каким-то мистическим даром, воздействующим на ход битвы. С помощью могущества Силы, он мог заставить традиционную стратегию потерпеть крах. И если Темный Повелитель отдавал ей прямой приказ, используя персональное коммуникационное оборудование в палатке Каана, не было нужды подвергать себя риску, отказываясь повиноваться.

- Как прикажете, Повелитель Бэйн, - ответила Найрэс. - Мы открываем огонь по джедаям.

* * *

Огонь выгнал генерала Хота и его армию из лесных укрытий. Оставив в лагере большую часть припасов и оборудования, бойцы продирались меж деревьев, отчаянно стараясь избежать сжигающего жара и пламени. Оступившихся или упавших тотчас заглатывал пожар. Каким-то образом большинству удалось удержаться в стороне от смертоносного огня, и, наконец, вырваться из леса на каменистые равнины, где состоялись многие сражения.

Ситы уже поджидали их.

Первую волну последователей Хота, появившихся из леса, скосило бластерным огнем. Находившиеся чуть позади сумели зажечь свои мечи и, выбежав на равнины, отразить множество смертоносных зарядов. Но только для того, чтобы потом утонуть в толпах ситских солдат, вступивших в бой.

Даже при неравном соотношении сил, джедаи оборонялись умело. Они оттеснили ряды ситов, разбив их шеренги и ввергнув в хаос и смятение. Но Хот знал, что настоящая ловушка еще не приведена в действие.

Разделяясь со всяким врагом, у кого хватало глупости подойти близко к его мечу, генерал понял, что эти ситы - подделка. Темных Повелителей среди них не было: это были безликие орды - всего лишь отвлекающий маневр.

Где же они? Что Каан задумал?

И словно в ответ на его мысли, с линии горизонта вниз устремился батальон флайеров, открыв смертоносный заградительный огонь. Направляемые силой темной стороны, тяжелые орудия проявляли беспощадную точность, истребляя бойцов Хота, и снова разворачивая ход битвы в сторону ситов.

Хот неоднократно выходил победителем из неравных сражений. И все же он знал, что этому бою уготовано быть для него последним.

Но я сделаю финальную битву достойной преданий и песен , - подумал он дерзко, - даже если некому будет их петь.

Мир постепенно исчез в глухом тумане войны. Крики и отзвуки битвы перешли в притупленный, неразборчивый шум. Брызги грязи и камня от вгрызающихся в землю бластерных разрядов осыпали Хота сверху, смешиваясь с потом и кровью друзей и врагов. Он отклонял каждый удар, словно тот мог быть для него последним, зная, что рано или поздно один из флайеров прицелится и спикурует вниз, чтобы его уничтожить.

* * *

Флайер Повелителя Каана выписывал зигзаги над сражающимися внизу солдатами, паря над хаосом беспощадной хищной птицей. С его позиции было четко видно, что сражение оставалось за ними. И все же, несмотря на бедную экипировку, малочисленность, и никуда не годную огневую мощь, джедаи отважно сражались до последнего. Не было и намека на отступление или беспорядок в их рядах. Он не мог не восхищаться такой смелостью и преданностью своему делу, даже перед лицом верной гибели. Если бы его собственные бойцы были так же непоколебимы в своей лояльности и целеустремленности, он бы уже давным-давно выиграл эту войну. Нет, дисциплины им хватало: армии ситов были так же хорошо тренированы, как и те, что стояли на службе у джедаев и Республики. Им попросту не доставало уверенности.

Слишком часто их мораль скрепляла лишь абсолютная сила воли Каана. Его боевая медитация упрочивала их решимость всякий раз, когда ситуация казалась безнадежной или отчаянной. Но она была не всесильна. С целой армией джедаев против Силы ситов, боевая медитация не могла сделать многим больше, чем вселить туманное чувство тревоги. Преимущество небольшое, и легко преодолимое. Здесь, на поверхности этого гнусного мира,

Братство Тьмы и его приспешники вынуждены были сражаться, полагаясь на собственные силы, без вмешательства Каана. И слишком часто они терпели неудачу.

Были случаи, когда он подвергал сомнению способность своих последователей преуспеть, полагаясь только на себя. Иной раз он задавался вопросом, а не стали ли ситские войска так уверены в чудовищном преимуществе боевой медитации, что совсем позабыли, как эффективно сражаться без нее? Но сейчас, наконец-то, окончательная победа была близка. Джедаи сражались в последней, отчаянной и грандиозной битве, и исход был неминуем. Одно лишь оставалось сделать Каану, прежде чем бой подойдет к концу.

Он продолжал летать зигзагами, время от времени стреляя по врагам, и выискивая свою настоящую добычу. Наконец, он увидел его: генерала Хот, стоящего в самом центре сечи, окруженного стеной доблестных союзников и бушующим морем ситов, что напирали на них снова, и снова, и снова.

Зафиксировав пушки флайера на цели, Каан устремился вниз, намереваясь лишить противника жизни в эффектной атаке с бреющего полета. Но за долю секунды до того, как он сделал выстрел, флайер сотряс массивный взрыв, заваливший его на левый бок. Лазерные лучи пропахали глубокую борозду в земле, в нескольких метрах от генерала, чудом сохранив тому жизнь.

Хот продолжал биться так, словно ничего не заметил, но Каан сделал крутой вираж, чтобы узнать, что случилось. Не успел он закончить разворот, как небеса перед ним сотряс еще один взрыв. Каан увидел, как другой флайер, выйдя из-под контроля, накренился и вклинился в землю.

Подняв глаза, Каан понял, что их атакуют сверху. В гущу битвы опускалась пара массивных канонерок, их батареи один за другим отстреливали флайеры ситов. На днище каждого из кораблей были четко прорисованы знамена Мастера джедая Вэлентина Фарфэллы.

Невозможно! - Каан крепко выругался. - *Они никак не могли прорваться через блокаду! Только не на таких кораблях!* И все же они как-то сумели.

Еще одна серия взрывов смела троицу небольших флайеров, и Каан осознал, что теперь его армия в меньшинстве. Флайеры были быстрее и гораздо поворотливее, чем канонерки джедаев, но их бластеры не могли сделать даже выбоины на тяжело армированных фюзеляжах больших судов.

На миг он подумал, что сможет сплотить остальных Повелителей. Если бы они сконцентрировали атаку, они подбили бы канонерки - хотя их собственные потери при этом могли возрасти. Но он отклонил эту мысль быстрее, чем она пришла.

Каан был не единственным, кто заметил прибытие подкрепления противника. Столкнувшись с подавляющим перевесом, ведомые им Темные Повелители отреагировали в единственной манере, какая была им близка: самосохранение путем бегства. Большинство флайеров уже прервали атакующие рейды и выполняли уклоняющие маневры, намереваясь покинуть бой живыми. А, видя Повелителей и Мастеров, бегущих с баталии, полчища солдат-ситов на земле не преминут последовать за ними. Надвигающаяся победа грозила обернуться гибельным поражением.

Отпуская гневные ругательства в адрес как джедаев, так и своих людей, Повелитель Каан понял, что остался единственный выбор. Вильнув из стороны в сторону и резко прибавив скорости, чтобы избежать атаки с неба, он присоединился к отступлению.

Глава 29

Генерал Хот не смог удержаться от кривой улыбки, несмотря на мертвых и раненных, что лежали всюду на поле боя. Ситы расставили ловушку, но Армии Света каким-то образом удалось выжить.

Он распознал знамена Фарфэллы на канонерках, которые кружили теперь над полем. Они выбивали отставших ситов из-под всякого найденного прикрытия, пока наземные

войска не окружали их и не приказывали сдаться. Большинство без промедления подчинялось. Всякий знал, что джедаи предпочитают брать пленных, нежели убивать врагов. Точно так же все знали и то, что джедаи обращаются с арестантами гуманно. Само собой, сказать подобное о ситах было нельзя.

Из канонерок вылетел небольшой конвой персональных флайеров и направился вниз, чтобы присоединиться к выжившим. За штурвалом ведущего флайера генерал заметил Фарфэлла, который тоже увидел его и пошел на посадку.

Сойдя с флайера, молодой джедай молча подошел, протянув руку в качестве осторожного приветствия. Он был облачен в одежды еще более яркие и кричащие, чем обычно, но это больше не волновало Хоту так сильно, как раньше. Генерал подошел к нему и сжал в крепких объятиях, заставив Фарфэлла удивленно рассмеяться. Хот отпустил его только тогда, когда Фарфэлла закашлял.

- Мое почтение, лорд Хот, - едва высвободившись, сказал Фарфэлла. Он почтительно поклонился. Выпрямившись, он обвел взглядом поле брани, и выражение его лица приняло более серьезный вид. - Сожалею лишь о том, что мы не смогли прибыть раньше.

- Чудо, что ты вообще здесь, Фарфэлла, - ответил Хот. - Боюсь даже спрашивать, как вам удалось прорвать блокаду, если конечно все это не лихорадочные грезы обреченного и умирающего человека.

- Будьте уверены, генерал, я совершенно реален. А что до того, как мы прибыли, то это легко поддается объяснению: ситы нарушили блокаду, чтобы ударить по нашему флоту. Пока линейные корабли отвлекали внимание их крейсеров и дредноутов, мы сумели отправить несколько канонерок вам на помощь.

- А что с остальным флотом? - беспокойно спросил Хот. - Силы ситов едва ли не вдвое превышают твои.

- Они продержались ровно столько, сколько нам потребовалось, чтобы миновать блокаду, а затем вышли из боя и отступили почти без потерь.

- Хорошо. - Генерал кивнул. Потом нахмурился. - Но я по-прежнему не понимаю, зачем вообще им понадобилось открывать огонь по твоей флотилии. Это же бессмысленно!

- Я могу лишь предположить, что они получали приказы от кого-то на поверхности.

- У Каана была хорошая возможность нас уничтожить, - возразил Хот. - Последнее, что он бы сделал - это стал отдавать приказ к наступлению.

Оба джедая некоторое время помолчали, обдумывая скрытый смысл произошедшего.

Наконец Фарфэлла спросил:

- Возможно ли, что у нас есть неведомый союзник в Братстве Тьмы?

Хот покачал головой.

- Сомневаюсь. Скорее всего, ситы наконец-то начали кидаться друг на друга. Этого было не избежать.

Мастер Фарфэлла согласно кивнул.

- Ведь это путь темной стороны.

* * *

Каан не мог отделаться от раздражения, сажая флайер в лагере ситов. Как могло все так испортиться за столь короткое время? Они были в шаге от победы, а теперь вдруг оказались на острие ножа от поражения.

Он стремительным шагом помчался по лагерю к своей палатке, игнорируя вопросительные взгляды Гитани и остальных. Они хотели объяснений, но ему нечего было ответить. Пока что нечего. Сначала нужно было получить отчет от адмирала Найрэс. *И как же все-таки Фарфэлла прорвал эту треклятую блокаду?*

Его гнев был так велик, что он не заметил ни флайера Кордиса, припаркованного рядом со своей палаткой, ни капель крови, рассеянных по земле. Если бы он обратил на это внимание, то обыскав окрестности, мог обнаружить тело, спрятанное в соседнем подлеске.

Но Каан лишь хотел добраться до палатки и коммуникационного оборудования.

Внутри он обнаружил каменное изваяние ожидающего Бэйна.

- Вернулся так скоро, Каан? - поинтересовался тот. - Что случилось с твоей славной битвой?

- Подкрепление, - фыркнул Каан. - Каким-то образом Фарфэлла нашел способ прорваться через блокаду.

- Я приказал твоему флоту открыть огонь по джедаям, - сказал Бэйн так небрежно, будто обсуждал погоду.

От удивления Каан потерял дар речи. Он ожидал предательство, но не был готов к тому, что предатель открыто его признает!

- Но... почему?

- Я хотел, чтобы все джедаи собрались на Руусане в одно время, - ответил Бэйн.

- Полоумный дурак! - прокричал Каан, в бешенстве размахивая руками, словно те свело бесконтрольной судорогой. - Победа была у нас в руках! Мы почти разбили Хоту!

- Это твоя цель, не моя. Мне нужен трофей гораздо больший, чем смерть Хоты. Генерал волнует меня в последнюю очередь.

Каан разразился пронзительным смехом.

- Все мы знаем, чего ты жаждешь, *Дарт* Бэйн. Ты здесь, чтобы захватить власть над Братством.

Бэйн равнодушно пожал плечами, как будто это совершенно его не касалось.

Он казался таким спокойным, таким уверенным в себе. Каан сделал все, что мог, чтобы не вцепиться здоровяку в глотку. Неужели он не понимает, что наделал? Разве он не видит, на что обрек их всех?

Каан устало опустил в кресло.

- Поведя их против джедаев, ты поведешь их на бойню.

Теперь настала очередь Бэйна рассмеяться - утробным, зловещим смехом.

- Как быстро ты впал в отчаяние, Каан. Казалось, всего лишь несколько часов назад ты был уверен в победе!

- Это было до прибытия Фарфэллы и его подкрепления, - огрызнулся Каан. - Тогда у нас еще имелось количественное преимущество и превосходство в воздухе. Теперь, благодаря тебе, всего этого нет. Нам больше их не одолеть.

- Я смогу, - объявил Бэйн.

Каан выпрямился в кресле. Снова эта твердая уверенность. Бэйн знал что-то, чего не знал он. Какую-то хитрость.

- Еще один ритуал, навроде последнего? - предположил он.

- Я знаю много ритуалов. Много тайн. И у меня есть сила их использовать.

Кааном овладел страх.

- Ментальная бомба, - прошептал он.

- Твое руководство потерпело крах! - возгласил Бэйн. - Теперь я поведу Братство по пути победы.

- А как же я? - спросил Каан, уже зная ответ.

- Ты можешь присягнуть мне на верность вместе с остальными, - сказал Бэйн, - или умрешь здесь, в этой палатке.

Повелитель Каан знал, что он не был Бэйну равней, ни физически, ни в обращении с Силой. Однако он не собирался так просто сдаваться. Только не сейчас, пока на его стороне еще были хитрость, коварство и уникальные таланты убеждения.

- Ты на самом деле веришь, что остальные последуют за тобой? - спросил он, используя Силу, чтобы посеять первые семена сомнения в разуме соперника. - Они слишком осторожны после твоего последнего ритуала.

Проблеск неуверенности пробежал по грубым чертам Бэйна. Каан увеличил натиск своих незримых усилий и продолжил говорить:

- В основе Братства равенство, а не рабство. Приказывая другим преклониться перед

тобой, ты лишь отпугнешь их или обратишь против себя.

Он встал с кресла. Бэйн тем временем нервно теребил подбородок, взвешивая аргументы.

- Ты представляешь, как отреагируют другие, когда я скажу им, что это ты подготовил почву для прибытия джедайского подкрепления?

Темные глаза Бэйна гневно сверкнули, а рука упала на рукоять светомеча.

- Мое убийство не сохранит твой секрет, - предупредил его Каан. - Остальные знают, что ты отсутствовал, когда прибыли корабли Фарфэллы. Многие наверняка уже заподозрили тебя в предательстве.

Каан усилил нажим Силы, пытаясь исказить и деформировать мысли Бэйна.

- Среди нас ты может и сильнейший, но тебе не одолеть всех. Только не в одиночку, Бэйн.

Здоровяк пошатнулся и схватился за голову. Он подковылял к креслу и рухнул в него. Дерево скрипнуло под массивным телом. Бэйн сторбился, плотно прижав руки к вискам.

- Ты прав, - сказал он сквозь плотно стиснутые зубы. - Ты прав.

- Тем не менее, надежда еще есть, - произнес Каан, подойдя ближе и успокаивающе положив руку на плечо Бэйна. - Последуй за мной, и я не дам остальным пойти против тебя. Примкни к Братству!

Бэйн медленно кивнул, потом повернул голову и уставился на Каана отчаявшимся, безнадежным взглядом.

- А что с джедаями? Что с их канонерками?

Каан стоял на месте, постепенно ослабляя мысленную хватку над Бэйном.

- Мы можем свести к нулю их превосходство в воздухе, отступив в пещеры, - сказал он. - Я знаю генерала Хота; он последует за нами. И там мы применим против него ментальную бомбу.

Бэйн энергично вскочил на ноги. Каан был рад увидеть, что его способности убеждать с помощью Силы были как никогда велики. Даже у Бэйна не нашлось иммунитета к его манипуляциям.

- Я сделаю все, что ты скажешь, Повелитель Каан! - воскликнул он. - Вместе мы уничтожим джедаев!

- Спокойствие, Бэйн, - посоветовал Каан, протянув незримые «усики» утешающего покоя.

Он избавился от угрозы своему положению, которую представлял Бэйн, но понимал, что эффект продлится недолго. Вскоре враждебность Бэйна вернется, как вернутся и его мечты об узурпации трона. Каану требовалось найти более долговременное решение.

- К сожалению, - сказал он, - все еще имеются некоторые... сложности.

- Сложности?

- Я могу убедить Братство простить твою неоднократную измену, но только после того, как джедаи будут уничтожены. А до тех пор, тебе придется ото всех скрываться.

На сконфуженное и задетое выражение лица Бэйна было жалко смотреть, но Каан привык добиваться таких неприкрытых эмоций в тех, кем манипулировал.

- Я поведу Братство в пещеры, - пояснил он. - Я достаточно силен, чтобы объединить их разумы и освободить силу ментальной бомбы без твоей помощи. Ты останешься в палатке до наступления ночи, а потом покинешь лагерь. Держись на безопасном расстоянии от чужих глаз, пока дело не будет сделано.

- И когда джедаев уничтожат, ты вернешься за мной?

- Да, - пообещал Каан серьезным голосом. - Как только джедаи сгинут, я вернусь за тобой с Братством, полным силой!

Уж это то точно было правдой. Он ничто не предоставит случаю; никогда больше не будет недооценивать противника. Бэйн уже пережил одну попытку убийства. На этот раз он натравит на врага всех своих последователей.

- Я сделаю все, как ты приказал, Повелитель Каан, - ответил Бэйн, преклонив колено и

опустив голову.

Каан отвернулся и вышел наружу, направившись в свою личную палатку, где хранились рукописные страницы с ритуалом ментальной бомбы.

Бэйн оставался в раболепной позе до тех пор, пока Темный Повелитель не скрылся из виду, затем встал и с хмурым выражением стряхнул с колен грязь. Он ощутил слабые попытки Каана подчинить его разум, но те произвели эффекта не больше, чем тупой нож, скользящий по чешуе халурианского ледяного борова. Однако он не стал упускать удобную возможность сыграть спектакль, достойный величайших драматических актеров Олдераана.

Каан был убежден, что ментальная бомба является ключом к победе ситов, и собирался заманить все Братство в паутину собственного безумия. Следующая фаза плана Бэйна пришла в движение. К сумеркам следующего дня все закончится.

* * *

В ночи, на внешних границах лагеря джедаев нескончаемо ходили по кругу патрули, как никогда неусыпные и бдительные. Они защищались не столько от нападения ситов, сколько от нашествия парящих, покрытых мехом «хвастунов».

Прежде мирных и послушных коренных существ Руусана свел с ума катаклизм, промчавшийся по лесу. Раньше они были привычным, желанным знаком: собираясь в группы над больными и ранеными, «хвастуны» проецировали утешающие и исцеляющие образы. Теперь же они ужасающими стаями возникали из ночного мрака, причиняя кошмары, разнося всюду боль, ужас и панику.

Патрули не могли сделать ничего иного, кроме как стрелять в причиняющих страдания существ, прежде чем те распространят свое безумие среди джедаев. Занятие невеселое, но необходимое - как и многое другое на Руусане.

К счастью, патрулям удавалось держать «хвастунов» на расстоянии, и в пределах лагеря расположение духа оставалось в рамках настороженного оптимизма. После отчаянной безысходности предыдущих месяцев их поникший энтузиазм, как казалось генералу Хоту, начал, наконец, перерастать в ликующее веселье.

Их больше не преследовали, не было необходимости таиться в лесных чащобах, выживая лишь в укрытии. Джедаи добились превосходства: их новый лагерь был воздвигнут на открытых равнинах на краю того самого поля боя, где изменился ход войны. Теперь настала очередь ситов уйти в подполье.

Генерал, еще так и не оправившись после отчаянного побега от языков пламени и последовавшей битвы, отказывался спать. Было много деталей, о которых следовало позаботиться; слишком многое требовало его внимания.

Вдобавок к организации патрулей для обороны от «хвастунов», ему приходилось надзирать за распределением свежих припасов. Корабли Фарфэллы доставили отчаянно требовавшуюся еду, медикаменты и заряженные энергоблоки для бластеров и персональных щитов. Учитывая потерю большинства имущества в чудовищном лесном пожаре, генерал хотел убедиться, что все его бойцы будут должным образом переэкипированы, прежде чем он позволит себе роскошь отдыха.

Он брел между многочисленными догорающими кострами и множеством храпящих солдат. Им по-прежнему не хватало палаток, но не имеющие их вполне довольствовались тем, что проводили теплые ночи, растянувшись на земле под открытым небом.

- Генерал! - окликнули его, удивительно громко в относительно спокойной ночи.

Хот повернулся и увидел уверенно бегущего к нему Фарфэллу, несмотря на тьму проворно перескакивающего через спящих на пути солдат.

Замедлив шаг, чтобы дождаться его, Хот ответил на обычный (хоть и по-прежнему экстравагантный) поклон учтивым кивком.

- У тебя есть новости, Мастер Фарфэлла?

Молодой человек азартно кивнул.

- Наши разведчики заметили перемещение ситов. Каан ведет их на восток, к предгорью.
- Вероятно, направляются в пещеры и систему туннелей, - предположил Хот. -
Пытаются аннулировать наше преимущество в воздухе.

Фарфэлла улыбнулся.

- По счастливой случайности, мы уже провели кое-какую разведку местности. Нам известно большинство путей в пещеры. Как только они войдут в туннели, мы сможем перекрыть выходы. Они окажутся в ловушке!

- Хммм... - Хот погладил свою густую бороду. - Это не в стиле Каана - допускать столь очевидные тактические ошибки, - пробормотал он. - Он что-то замышляет.

- Я могу поручить нескольким разведчикам последовать за ними в туннели, и не спускать с них глаз, - предложил Фарфэлла.

- Нет, - твердо сказал Хот после секундного раздумья. - Каан будет ждать шпионов. Я не хочу никого из наших людей передавать в его руки для допроса.

- Может нам заморить их голодом, - предложил Фарфэлла. - Вынудим их сдаться без лишнего кровопролития.

- Это было бы наилучшим решением, - признал генерал. - К несчастью, мы вряд ли сможем позволить себе столько времени. - Он глубоко вздохнул и утомленно покачал головой. - Я не знаю, почему Каан отправился в пещеры... знаю лишь, что мы должны что-то сделать, чтобы его остановить. - Его лицо загорелось решимостью. - Дай сигнал к подъему и созови войска. Мы идем за ним.

- Не хотел бы подвергать сомнению ваши приказы, генерал, - начал Фарфэлла так тактично, как только мог, - но нет ли вероятности, что Каан заманивает вас в ловушку?

- Я почти уверен в этом, - сдался Хот. - Рано или поздно он все равно ее расставит. Я бы предпочел не давать ему времени на подготовку. Если нам повезет, мы сможем застать его врасплох.

- Как прикажете, генерал, - сказал Фарфэлла, выдав очередной пышный поклон. Затем добавил: - Но вы все же должны немного поспать. Вы выглядите бледным и хмурым, словно сит.

- Я не могу сейчас спать, друг мой, - ответил Хот, положив тяжелую руку на хрупкое плечо Фарфэллы. - Я был здесь с самого начала войны. Это я привел Армию Света на Руусан, начав борьбу с Братством Тьмы Каана. Я должен видеть, как все это подойдет к концу.

- Но как долго вы сможете обходиться без сна, генерал?

- Достаточно. У меня чувство, что все это завершится к концу завтрашнего дня - так или иначе.

Глава 30

Пещеры были прохладными и влажными, но достаточно светлыми. Каменные стены и свод окаймляли кристаллы, которые улавливали слабое свечение светящихся стержней, отражая и преломляя его по всей каверне. Пол блестел от сырости, а к своду вздымались огромные сталагмиты. Со свода же свисал противоположный им лес сталактитов, с которых упрямо капала вода, плескаясь в лужицы далеко внизу и порождая рябь. В некоторых местах эти выступы объединялись, связанные сотнями лет осадочных отложений от нескончаемых капель влаги. Огромные колонны были изумительны: массивные, но в то же время утонченные и хрупкие.

У Каана не было времени восхищаться природной красотой пещер. Он знал, что разведчики джедаев засекли их массовый отход в это убежище. И знал, что генерал Хот не станет долго ждать, и отправится за ними.

Пещера, хоть и обширная, была полностью заполнена Братством. Каждый выживший Повелитель ситов - за особым исключением Дарта Бэйна - явился сюда вместе с ним, чтобы принять участие в последнем противостоянии. Остальная часть армии охраняла главные

входы в туннели, с приказом сдерживать неизбежную атаку джедаев столько, сколько было возможно.

Вскоре тех, кто стоит снаружи, разобьют, но Каан был уверен, что они задержат Хота на время, достаточное чтобы завершить ритуал ментальной бомбы.

- Соберитесь в круг, - призвал он остальных. - Время настало.

* * *

Гитани знала, что с Повелителем Кааном происходило нечто ненормальное. Она заподозрила, что что-то неладно, когда им пришлось спасаться бегством по прибытию джедайского подкрепления. Едва они сели в лагере, Каан исчез в коммуникационном тенте, и вскоре появился снова, молча направившись в свою палатку. Но когда он вышел оттуда, неодолимая сила его харизмы вернулась. В тот момент он предстал перед ними не как поверженный лидер, стремящийся загладить собственную вину, а как победивший герой, дерзкий и непокорный. Он гордо возвышался над ними, олицетворяя могущество и славу.

Каан заговорил сильным властным голосом. Он говорил о слиянии их разумов, ритуале, который намного превзойдет тот, что сотворил Бэйн всего лишь несколько часов назад. Он рассказал им об ужасном оружии, которое они применяют против своего врага. Он вновь разжег их веру и надежду, поведав о существовании ментальной бомбы.

Он обещал им победу, как обещал уже много раз. И как было всегда, Братство вновь пошло за ним. Пошло сюда, в эту пещеру, хотя, по мнению Гитани, их скорее привели - или же завлекли.

Она последовала вместе с остальными, подчинившись страсти в словах Каана и магнетической тяге его личности. Все мысли о том, что он излишне неуравновешен или негоден для роли их предводителя, были позабыты в спешном ночном странствии к этому убежищу. Однако едва они достигли цели, живящая страсть пропала, сменившись абсолютной и очевидной ясностью. И она, наконец, увидела истину, изобличенную иллюминацией светящихся стержней, отражающейся в кристаллах стен каверны.

Внешний вид и облачение Каана были в порядке, за исключением пыли, грязи и крови недавнего сражения. Но теперь Гитани видела сумасшедший огонек в его глазах; они расширились и одичали, светились бурной энергией и блестели так же ярко, как кристальные осколки. Эти глаза пробудили воспоминания о той ночи, когда она застала Каана врасплох в его палатке. Ночи, когда она узнала о возвращении Бэйна.

Каан казался всклокоченным и безумным, потерянным и сбитым с толку. На миг она сумела разглядеть, кто он на самом деле: лжепророк, не видящий дальше собственных иллюзий. А затем краткое видение исчезло, канув в небытие до сего момента.

Но сейчас воспоминания возвратились, нахлынув на нее бурным потоком, и Гитани поняла, что идет за безумцем. Прибытие подкрепления противнику и шокирующее поражение надломили его. Каан вел их на верную смерть, и никто этого не чувствовал.

Она не осмеливалась идти против него открыто. Только не в этой пещере, в окружении его фанатично преданных соратников. Ей хотелось сбежать, ускользнуть во тьму за границы сияния светящихся стержней, и избежать этой ужасной участи. Но ее подхватила толпа, которая по команде Каана хлынула вперед.

- Соберитесь. Теснее. В кольцо силы.

Она почувствовала, как его рука схватилась за ее запястье, и он, притянув ее, крепко прижал к себе. Даже в прохладе пещеры его прикосновение было ледяным.

- Стой рядом со мной, Гитани, - прошептал Каан. - Мы вместе разделим триумф.

Громче он добавил:

- Соедините ваши руки, как мы соединим наши разумы.

Пальцами правой руки он взял ее левую руку, стиснув крепкой ледяной хваткой. Один из Повелителей ситов взял ее за другую руку, и она поняла, что все надежды на побег пропали.

Каан, стоящий рядом с ней, начал говорить нараспев.

* * *

Гитани была не единственной, кто понял, что Повелитель Каан не в себе. Как и всех остальных, Копежа подхватил задор плана ментальной бомбы. Вместе со всеми он преисполнился энтузиазма, когда Каан описывал, как она уничтожит джедаев и лишит свободы их души. И он тотчас же примкнул к толпе, что привела его в пещеру.

Но теперь его рвение постепенно сходило на нет. Он снова начал мыслить рационально, и понял, что план был полным безумием. Они окажутся в эпицентре взрыва ментальной бомбы. Любое оружие, настолько сильное, чтобы уничтожить джедаев, уничтожит и их самих.

Каан уверял, что сила их объединенной мощи позволит им пережить взрыв, но теперь Копеж в этом сомневался. От обещания разило принятием желаемого за действительное, оно явно было рождено отчаявшимся разумом, отказывающимся признавать поражение. Ведь если ментальная бомба была у Каана все это время, почему же он раньше ею не воспользовался?

Единственно логичным ответом было то, что он боялся последствий. И хотя Каан в своем безумии мог позабыть о страхе, у Копежа еще доставало рассудка, чтобы помнить о своем.

В ответ на приказ Каана ситы поперли вперед, а Копеж, воспротивившись движущей силе толпы, пошел в противоположном направлении. Никто другой, казалось, этого не заметил.

Каана окружила стена тел, заслонив почти весь свет стержней. Под прикрытием тени тви'лек осторожно продвигался к главному выходу каверны, ступая поразительно тихо для такого крупного создания. Войдя в туннель, ведущий на поверхность, Копеж не стал оглядываться. Он сбавил шаг только тогда, когда услышал, что Братство медленно и ритмично запело.

Само собой, побег был невозможен. К этому моменту джедаи уже окружили весь туннельный комплекс. Вскоре они вступят в бой с солдатами ситов на поверхности, стремясь прорваться через заграждение, чтобы прийти за Кааном и завершить финальную руусанскую битву. Копеж не знал, успеют ли они вовремя. Отчасти он даже надеялся на это.

Однако напоследок он хотел убедиться в собственном безразличии. Он примкнет к защитникам на поверхности в последней битве против джедаев. Смерть была неизбежна; он готов был смириться с этим фактом. Но также он знал и то, что скорее умрет от светомеча или бластера, чем позволит поглотить себя взрыву ментальной бомбы.

* * *

Песнопение было простым, и, повторив его всего лишь раз, Каан присоединился к остальному Братству. Они читали по памяти незнакомый катехизис в равномерном, непрерывном ритме. Их голоса отражались от стен каверны, древние слова сливались воедино, разлетаясь эхом по всей пещере.

Гитани ощущала энергию, которая с каждым мгновением скапливалась в неистовый водоворот в центре круга. Она почувствовала, как что-то сковало ее мысли и они начали просто исчезать. Ее осознание, ее разум, и даже ее индивидуальность поглощала пучина. Холодная сырость пещеры блекла, как блек и отзвук голосов. Она больше не ощущала запах плесени и грибов, растущих в скрытых от глаз закоулках, и не чувствовала давления чужих рук, обхвативших ее собственные. В конце концов, мерцание искрящихся кристаллов и блеклый свет стержней исчезли из виду.

Мы едины . - Голос принадлежал Каану, но также принадлежал и ей. - Мы часть темной стороны. Темная сторона есть мы.

Хотя Гитани больше не слышала звуков песнопения, она чувствовала их, несмотря на то, что разум ее все глубже и глубже погружался в бездну. Понимая, что вскоре она потеряет не только возможность, но и желание освободиться от ритуала Каана, Гитани постаралась противостоять ему.

Это походило на заплыв через неослабевающее подводное течение океана. Она ощущала, как слова их непрерывной мантры принимают физическую форму. Они окутывали их коллективную волю, поглощая ее, придавая ей очертания, и связывая в стремительно объединяющееся нечто.

Ощутите мощь темной стороны. Поддайтесь ей. Поддайтесь единому целому. Станем же нераздельны.

Из глубин сознания Гитани призвала последние резервы сопротивления. Каким-то чудом их оказалось достаточно, чтобы она смогла вырвать свой разум из порочного конклава.

Хватая ртом воздух, Гитани отшатнулась; чувства обрушились на нее как поток из прорвавшей плотины. Зрение, слух, обоняние и осязание вернулись одновременно, переполнив ее иступленный ум. Свет от стержней поблек и затуманился, словно тоже был поглощен ритуалом. Песнопение продолжалось, столь громкое, что резало слух. Температура упала настолько, что она увидела собственное дыхание, а на сталактитах и вдоль маленьких лужиц начали нарастать крохотные хрусталики инея.

Внезапно Гитани осознала, что ни Каан, ни кто другой не держит ее. Все они стояли вместе, воздев руки к центру образовавшегося круга, и позабыв обо всем. Поначалу казалось, что они цеплялись за пустоту, но когда ее глаза приспособились к мраку, она уловила необычное искажение в воздухе.

Гитани не смогла смотреть на это больше секунды. Что-то ужасное и противоестественное проявилось в колеблющейся структуре реальности, и она в страхе отвернулась.

Бэйн был прав, - поняла она. - Каан привел нас к гибели!

Ее разум что-то сдерживало. Не слишком сильно, но быстро крепчая, угрожая втянуть ее в коллективный транс. Она неровным шагом отдалилась от нечестивой церемонии и от ее обреченных священников, прищурившись чтобы разобрать дорогу на неровном полу пещеры.

Бэйн пытался предупредить меня, но я не слушала. Ее мысли сбились в хаотичную путаницу сожаления, отчаяния и страха. Сразу два голоса разума боролись внутри - один отчитывал за совершенные ошибки, другой вынуждал убраться прочь от отвратительной сущности, порожденной Братством.

Отступление привело Гитани к стене каверны, и она, ища выход, пошла вдоль нее. Принуждение ритуала становилось сильнее. Она чувствовала, как он взывает к ней, манит примкнуть к остальным и разделить их участь.

Она совершенно не понимала, куда направляется. Ей просто нужно было вырваться, бежать, выйти наружу. Уйти прежде, чем ее снова затянет в пучину. В скале обнаружилось небольшое отверстие: проход в туннель; достаточно широкий, чтобы она смогла проскользнуть внутрь. Когда она постаралась протиснуться в расщелину, зазубренный камень врезался в одежду и разодрал кожу.

Боль ничего для нее не значила. Физический мир вновь ускользал. В отчаянии Гитани удалось продвинуться вперед. Упав на колени, она яростно поползла вниз по туннелю.

Прочь. Ей нужно убраться прочь. Прочь от ритуала. Прочь от Каана. Прочь от ментальной бомбы, прежде чем будет слишком поздно.

* * *

Ситские солдаты, охранявшие вход в туннели, были сильны количеством, но слабы духом. Они оказали лишь видимость сопротивления Фарфэлле и прочим наступательным

соединениям джедаев, пришедшим вслед за ними. Последняя руусанская битва быстро превратилась в массовую капитуляцию, при которой враги бросали оружие и молили о пощаде.

Фарфэлла прохаживался вдоль своего войска, обзревая окружающий ландшафт. Генерал Хот был на подходе с основными соединениями. Он удивится, обнаружив, что война уже закончилась.

- Какие новости? - спросил Фарфэлла командира одного из подразделений.

- Войска ситов превышают наши почти втрое, - хриплым голосом отозвался командир. - И все они пытаются сдаться одновременно. Это займет некоторое время.

Фарфэлла одарил его сердечным смехом и похлопал по плечу.

- Хорошо сказано, - согласился он. - Временами мне кажется, что за ситами следуют лишь потому, что знают - если они потерпят поражение, мы возьмем их живыми.

- Я не доставлю тебе такого удовольствия, Фарфэлла, - прохрипел чей-то голос.

Резко повернув голову, он увидел лежащего на земле тучного тви'лека.

Раненный неуверенно поднялся на ноги, и Фарфэлла с удивлением обнаружил, что тот носит одежды Повелителя ситов. Его лицо так обильно покрывала свежая и запекшаяся кровь, скорее всего, его собственная, что джедаю потребовалось некоторое время, чтобы его узнать.

- Копеж, - сказал он, наконец, вспомнив его по дням давно минувшим, когда тот был джедаем. - Ты ранен, - Фарфэлла протянул руку в знак добрых намерений. - Сложи свое оружие, и мы тебе поможем.

Тви'лек внезапно поднял тучную руку и отпихнул его.

- Я выбрал свою сторону давным-давно, - фыркнул он. - Пообещай мне смерть, джедай, и я смогу тебя предостеречь. Я раскрою тебе план Каана.

Единственный взгляд на раны Темного Повелителя поведал Фарфэлле, что его враг в любом случае долго не проживет.

- Что ты знаешь?

Копеж закашлял, поперхнувшись собственной кровью.

- Сначала пообещай, - прохрипел он.

- Я дарю тебе смерть, если ты ее ищешь. Клянусь.

Тви'лек рассмеялся, на губах его проступила розовая пена.

- Чудно. Смерть - это старый друг. Что планирует Каан - гораздо хуже.

И он рассказал Фарфэлле о ментальной бомбе. От его слов по спине у Мастера джедая пробежал холодок. Копеж замолчал, склонив голову и глубоко вздохнув, чтобы собраться с силами. Затем зажег светомеч.

- Ты обещал мне смерть, - сказал он. - Я желаю пасть в бою. Если откажешься, то сам лишишься жизни. Уяснил?

Мастер Фарфэлла мрачно кивнул и активировал собственное оружие.

Несмотря на раны, Повелитель Копеж сражался храбро, хотя и не был соперником бодрому и невредимому Мастеру джедаю. В конце концов, Фарфэлла выполнил свое обещание.

Глава 31

Сцена, встретившая генерала Хоту, когда его армия явилась на поле боя, была столь же неожиданна, сколь и желанна. Он готовился к зрелищу жестокой и кровавой резни, свирепой битвы, где никто никого не щадил, и сам не просил пощады. Он представлял лежащие повсюду трупы, подминаемые ногами отчаянно бьющихся за свои жизни солдат. Он ожидал увидеть войну.

Вместо этого он стал свидетелем чего-то столь невероятного, что первоначальной реакцией было некоторое подозрение. Неужели это хитрость? Ловушка? Но его страхи быстро рассеялись, едва он увидел вокруг знакомые и улыбающиеся лица джедаев.

Когда он обозревал последствия руусанской битвы, губы его растянулись в улыбке. Убитых практически не было, но по одеждам некоторых он узнал служителей Армии Света. Большую часть врагов взяли в плен: большими группами они спокойно сидели на земле, окруженные вооруженными джедаями. И хотя те пристально следили за плененными, но все-таки продолжали смеяться и обмениваться друг с другом шутками.

Хот, погрузившись в Силу, ощутил волны облегчения и радости, идущие от войск Фарфэллы. Солдаты под его командованием тоже быстро почувствовали это. Видя очевидную победу, они нарушили строй и с громкими возгласами и смехом побежали разделить торжество с товарищами. Хот поборол желание выкрикнуть приказ к перегруппировке и попросту дал им уйти.

Бесконечная война завершилась!

Но когда он шел через толпы войск, принимая приветствия и поздравления своих последователей, он понял, что что-то неладно. Поле брани изобиловало тихими, безоружными ситами... но он не заметил среди них ни одного Темного Повелителя.

Вид Мастера Фарфэллы, на полной скорости несущегося к нему с дальнего конца поля, не унял его тревоги.

- Генерал, - проговорил Фарфэлла, остановившись и пытаясь отдышаться.

Он торопливо отдал честь. Отсутствие его типичного низкого поклона еще больше подогрело поднимающееся беспокойство Хоты.

- Видимо, я собирал свои силы дольше, чем думал, - пошутил генерал, надеясь, что тревога была вызвана лишь неуместной паранойей. - Похоже, ты уже выиграл войну.

Фарфэлла покачал головой.

- Война не окончена. Пока еще нет. Каан и Братство - настоящие ситы - нашли убежище в пещерах. Они собираются применить какое-то ситское оружие. Нечто, называемое ментальной бомбой.

Ментальная бомба? Хот слышал упоминание о подобном давным-давно, когда обучался со своим Мастером в Храме на Корусанте. Согласно легендам, древние ситы обладали способностью собирать темную сторону в локализованную сферу энергии, а затем высвобождать ее мощь в едином, разрушительном взрыве. Взрыв поглощал всех чувствительных к Силе - как джедаев, так и ситов, и заточал их души в колоссальном вакууме, образующемся в эпицентре.

- Каан обезумел? - сказал Хот вслух, хотя сам вопрос уже был ответом.

- Нам придется эвакуироваться, генерал, - настаивал Фарфэлла. - Увести всех отсюда так быстро, как только можно.

- Нет, - ответил Хот. - Не выйдет. Если мы отступим, Каан и Братство сбегут. У них не займет много времени, чтобы собрать поддержку и снова начать войну.

- Но как же ментальная бомба? - спросил Вэлентин.

- Если у Каана есть такое оружие, - мрачно пояснил генерал, - то он его использует. Если не здесь, то где-нибудь еще. Быть может в Мирах Ядра. Возможно даже на самом Корусанте. Я не могу этого допустить.

Каан хочет увидеть мою смерть. Мне придется пойти в пещеру, чтобы с ним встретиться. Придется заставить его взорвать бомбу на Руусане. Это единственная возможность по-настоящему со всем покончить.

Фарфэлла упал на колени.

- Тогда я пойду с вами, генерал. Как пойдут все, кто следует за мной.

Своими сильными, обветрившимися руками генерал Хот взял Фарфэллу за плечи и поднял на ноги.

- Нет, мой друг, - со вздохом произнес он, - ты не можешь отправиться в это путешествие со мной.

Когда тот начал протестовать, Хот поднял руку, призывая к молчанию, и продолжил:

- Когда Каан спустит с цепи свое оружие, все внутри пещеры погибнут. Ситы будут уничтожены, но я не допущу, чтобы это же произошло и со всем нашим Орденом. Галактике

потребуется джедаи, чтобы восстановить ее, когда война подойдет к концу. Ты и другие Мастера должны жить, чтобы иметь возможность направлять их и защищать Республику, как мы делали с самого ее основания.

Против мудрости его слов не было никаких аргументов, и после минутного раздумья Фарфэлла в немом согласии повесил голову. Когда он снова поднял взгляд, на его глазах проступили слезы.

- Вы ведь не собираетесь идти в одиночку? - запротестовал он.

- Я бы очень этого хотел, - ответил Хот. - Но если я так поступлю, Темные Повелители попросту растерзают меня мечами. Толку от этого не будет. Каану нужно дать понять, что единственный его выбор - сдаться, или...

Он оставил мысль недосказанной.

- Вам потребуется достаточное количество джедаев, чтобы убедить Братство в безнадежности физической битвы. По крайней мере, сотня. Чуть меньше - и он не взорвет ментальную бомбу.

Хот кивнул.

- Никому нельзя приказывать идти со мной. Поищи добровольцев. И убедись, что они понимают, что никто из нас не вернется назад.

* * *

Несмотря на опасность, едва ли не каждый из Армии Света вызвался добровольцем на миссию. Генерал Хот понимал, что удивляться ему не следует. В конце концов, это были джедаи, готовые пожертвовать всем - даже своей жизнью - во благо высшей цели. В итоге он сделал то, о необходимости чего знал все время: лично выбрал тех, кто будет сопровождать его на верную смерть.

Он отобрал ровно девяносто девять бойцов. Решение было мучительно сложным. Возьми он меньше, ситы смогли бы с боем пробить дорогу из пещеры и сбежать, только чтобы взорвать свою ментальную бомбу где-то еще. Но чем больше он возьмет, тем больше джедаев понапрасну лишится жизни.

Выбирать, кто пойдет вместе с ним, было еще сложнее. Джедаев, служивших под его началом дольше всего, присоединившихся к Армии Света в самом начале кампании, он знал лучше всех. Он понимал, как много они уже отдали этой войне, и не желал вести их на гибель. И, тем не менее, именно у них было полное право стоять с ним вместе, когда придет конец. И когда все было сказано и сделано, он выбрал. Те, кто прослужил дольше всего, пойдут с ним; остальные отступят вместе с лордом Фарфэллой.

Сотня джедаев - девяносто девять выбранных плюс сам Хот - с волнением стояли у входа в туннель. Небо над ними темнело по мере того, как опускалась ночь и накатывались зловеющие грозовые тучи. И все же, генерал не отдавал команды к наступлению. Он хотел дать Фарфэлле и остальным уйти достаточно далеко. Если бы это было возможно, он приказал бы всем тем, кто не пошел в пещеру, покинуть Руусан. Но не было времени. Им просто нужно было уйти подальше, и надеяться, что они выбрались за пределы досягаемости ментальной бомбы Каана.

Когда застучали первые капли дождя, Хот понял, что не может больше ждать, и отдал приказ наступать. Они плотным строем прошествовали в туннель, спускаясь в самую глубь пещеры.

Первое, что заметил Хот - это как быстро охладилась каверна; словно все тепло из нее было вытянуто. Потом он ощутил напряжение в воздухе. Тот прямо-таки пульсировал огромной, едва сдерживаемой невообразимой силой - силой темной стороны. Генерал не позволял себе думать о том, что произойдет, когда эта сила обретет свободу.

Они шли медленно, опасаясь ловушек или засады. Но ничего этого не было. По сути, они не заметили никакого признака ситов, пока не достигли обширной центральной пещеры в самом сердце туннельной системы.

Генерал Хот шел впереди, со светящимся стержнем в одной руке и зажженным мечом в другой. Когда он ступил в каверну, стержень внезапно мигнул и сильно потускнел. Даже свет от меча казался померкнувшим, превратившись в слабо накаленную лучинку.

Когда его глаза привыкли к густым теням, он смог различить очертания Повелителей ситов, стоящих в круге на дальней стороне пещеры. Их лица были обращены друг к другу, руки воздеты к центру. Они стояли без движения, их рты широко раскрылись, черты лица одрябли, глаза опустели. Он с осторожностью приблизился к неподвижным фигурам, задаваясь вопросом, были ли они живы, мертвы, или пребывали в некоем кошмарном состоянии посредине.

Подойдя ближе, он смог разобрать одинокую фигуру Повелителя Каана, стоящую в центре кольца тел. Сначала он не заметил его; середина круга была темнее, чем вся остальная пещера. Казалось, над ним зависло темное облако, из которого вниз тянулись завитки крошечной тьмы, окутывающие его в своих зловещих объятиях.

Одного взгляда на лидера Братства оказалось достаточно, чтобы умерла вся имевшаяся у генерала надежда убедить Каана прислушаться к голосу разума. Лицо Повелителя ситов было бледным и напряженным; черты его лица заострились, кожа натянулась. Тонкий слой льда покрывал волосы и ресницы. На лице застыло жестокое высокомерие, а левый глаз бесконтрольно подергивался. Он пристально смотрел вперед холодным, немигающим взглядом, не двигаясь, пока Хот и его джедаи мало-помалу заполняли каверну.

Только после того, как все они оказались внутри, он заговорил:

- Добро пожаловать, лорд Хот.

Его голос был натянутым и неестественным.

- Пытаешься напугать меня, Каан? - спросил Хот, сделав шаг вперед. - Я не боюсь смерти, - продолжал он. - Я не против того, чтобы погибнуть. Я не против того, чтобы все джедаи погибли, лишь бы это означало конец ситов.

Каан быстро посмотрел по сторонам, его глаза метались по пещере, словно он пересчитывал стоящих перед собой джедаев. Изогнув губы в презрительной усмешке, он поднял руки.

Генерал ринулся вперед, чтобы попытаться убить Каана прежде, чем тот сможет дать волю своему последнему оружию. Он не успел вовремя. Темный Повелитель резко сомкнул ладони - и ментальная бомба взорвалась.

В мновение ока всякая жизнь в пещере оборвалась. Одежда, плоть, и кость - испарились. Сталактиты, сталагмиты, даже массивные каменные колонны превратились в клубы пыли. По мере того, как разрушительная волна энергии начала распространяться, грохочущее эхо взрыва прокатывалось по каждому туннелю, расщелине и излому, ведущему из каверны.

* * *

Гитани попала в ловушку лабиринтов подземных проходов. При бегстве с ритуала Каана она потеряла ориентиры, и теперь километр за километром бесцельно блуждала по естественным туннелям, тщетно ища выход.

В слабом свете своего стержня она разглядела небольшую расщелину слева и долго шла к ней, прежде чем та закончилась тупиком. Выкрикнув проклятие, она развернулась и снова побрела назад.

Она была в ярости. В ярости на Каана, за то, что тот подвел Братство к краю разрушения. В ярости на саму себя, за то, что последовала за ним сюда. И в ярости на Бэйна. У нее не осталось сомнения, что он каким-то образом сподвигнул всех на это. Он манипулировал Кааном и остальным Братством, ведя их к уничтожению. Но ее злило иное предательство Бэйна. Он предал ее. Отверг вместе с остальными, оставив ее умирать, в то время как сам сбежал, чтобы преобразовать ситов.

Туннель перед Гитани раздвоился. Она помедлила, обостряя чувства Силой, в надежде,

что сможет отыскать какой-то намек на правильный путь. Поначалу ничего не ощущалось. Затем она уловила слабое дуновение легкого ветерка, исходящее из туннеля слева. Воздух пах свежестью и чистотой: он шел с поверхности!

Когда она помчалась по проходу, ее расстройство и гнев утихли. Она выживет! Неровный пол туннеля начал круто подниматься вверх, и она увидела в отдалении проблеск света. Гитани удвоила усилия, по ходу размышляя, как она будет осуществлять план мести.

Ей придется стать хитрой и коварной. В прошлом она слишком часто недооценивала Бэйна. На сей раз, она будет терпеливой, не нанося удара до тех пор, пока не уверится, что момент настал.

Первым шагом было найти его, и предложить сделать ее своей ученицей. У нее не было сомнений, что он согласится. Ему нужен был кто-то, чтобы служить ему; это был путь темной стороны. Она будет учиться под его началом, покоровшись его воле. Это займет годы, может быть даже десятилетия, но со временем он научит ее всему, что знает сам. Только тогда, после того как все его секреты будут принадлежать ей, она обернется против него. Она станет учителем и возьмет себе собственного ученика.

Спасение было почти рядом, когда Гитани ощутила первые эффекты ментальной бомбы. Сначала земля содрогнулась. Первой мыслью был страх землетрясения или обвала, который мог похоронить ее под тоннами грунта и камней почти у самой поверхности. Но когда Гитани почувствовала летящую по проходу энергию темной стороны, она осознала, что ее ждет гораздо более страшная участь. Находившиеся в эпицентре взрыва мгновенно испарились. Гитани, застигнутой на границе радиуса ментальной бомбы, так не повезло. Волна чистой энергии темной стороны пронеслась по ней мгновением позже. Она промчалась сквозь нее жутким ветром, высосав из тела эссенцию жизни и вырвав душу. Ее плоть высохла и сморщилась, прекрасные черты увяли, не дав ей даже возможности закричать. И тогда, так же быстро, как и появилась, волна ушла. Одно мгновение безжизненная оболочка Гитани продолжала стоять, и потом упала, рассыпавшись в прах.

* * *

На поверхности, за несколько километров от пещер, Фарфэлла и другие джедаи ощутили землетрясение, и поняли, что их генерала больше нет. Через мгновение их разумы наполнили мучительные крики подхваченных взрывом джедаев и ситов, жизненную силу которых вытянуло из тел и завлекло в вакуум в самом центре взрыва.

Многие джедаи в острой тоске прослезились, понимая, как велика была жертва их павших товарищей. Души мертвых сплелись воедино, навечно застыв в стагисе.

Мастер Вэлентин Фарфэлла, теперь лидер того, что осталось от Армии Света, ощущал скорбь столь же глубокую, как и все остальные. Но сейчас не было времени для печали. Со смертью генерала Хота бремя командования легло на его плечи, и многое еще предстояло сделать.

- Капитан Хэйдурэн, соберите команду, - приказал он. - Нужно исследовать местность в туннелях и вокруг них на предмет выживших.

Он знал, что ни одно живое существо не могло противостоять силе ментальной бомбы, но была вероятность, что до взрыва несколько ситов могли бежать. После всех этих жертв, у него не было ни малейшего намерения отпускать кого-то из Братства.

Капитан быстро отдал честь и повернулся, чтобы уйти.

Пока тот не скрылся, Фарфэлла добавил:

- И пусть ваши бойцы будут начеку с «хвастунами». Последний ситский ритуал довел их до безумия. Кто знает, что с ними сделал этот.

- И если мы заметим их, сэр?

- Огонь на поражение.

* * *

Находясь довольно далеко от эпицентра, Дарт Бэйн тоже почувствовал отголоски взрыва. Он ощутил нахлынувшую волну темной энергии, настолько сильную, что даже на таком расстоянии она заставила его вздрогнуть. Как только волна прошла, он потянулся Силой, чтобы отыскать тех, кто мог сбежать. Как Бэйн и ожидал, никто не уцелел. Все они погибли: Каан, Копеж, Гитани... все.

Братство Тьмы подверглось чистке. Насколько теперь знали джедаи - все ситы были мертвы. Бэйн намеревался сохранить подобное положение.

Он был единственным Темным Повелителем ситов, последним из оставшихся. Вся тяжесть реорганизации Ордена легла на него. Но на этот раз он сделает все правильно. Вместо многих будет только двое: учитель и ученик. Один - чтобы воплощать могущество, другой - чтобы жаждать его.

Чтобы выжить, ситам придется исчезнуть, стать творениями мифов, легенд и ночных кошмаров. Скрытые от глаз джедаев, они смогут постигать потерянные секреты темной стороны до тех пор, пока все ее могущество не окажется под их полным контролем. Только тогда - когда победа над врагом будет несомненна - они отбросят завесу тени и обнаружат себя.

Путь будет долгим и трудным. Пройдут годы или десятилетия, прежде чем они снова смогут нанести удар по Свету. Быть может даже столетия. Но Бэйн был терпелив; он понимал, чего нужно достичь, и что должно быть сделано. Хотя сам он может не дожить до момента триумфа темной стороны, те, кто последуют за ним, будут продолжать его наследие. Когда-нибудь, в далеком будущем, Республика падет, джедаи погибнут, и вся Галактика склонится перед Темным Повелителем ситов. Это неизбежно; это путь темной стороны.

Удовлетворенный проделанной на Руусане работой, Бэйн отправился в долгий пеший поход туда, где спрятал свой корабль. Он знал, что оставшиеся джедаи отправятся на поиски выживших, но к тому времени как они придут, его уже здесь не будет.

Одна мысль по-прежнему тревожила его. Чтобы все случившееся не прошло даром, ему нужен подходящий ученик. Тот, кто могуч в Силе, но еще не испорчен учениями джедаев. Ему требовалось отыскать дитя, достойное стать наследником всей силы темной стороны.

Эпилог

Рэйн ворочалась во сне, но все же не просыпалась. Кто-то звал ее, но она не хотела отвечать. В своих снах она могла воображать, что все еще дома с двоюродными братьями, наслаждается простой, но счастливой жизнью. Она знала, что если проснется, то ей придется посмотреть в лицо правде: та жизнь утрачена навсегда.

Проснись, Рэйн...

Казалось, что только вчера джедаи по имени Мастер Торр принял их в Армию Света. На самом деле она не очень то и хотела туда вступать. Но ее братья, Баг и Томкэт, собирались. Они были единственной ее семьей, а она не хотела оставаться одна. Она была десятилетним ребенком, но Сила в ней была велика. И потому Мастер Торр позволил пойти и ей.

Он сказал, что отвезет их на Руусан, где они станут джедаями. Только этого не произошло. Их челнок атаквали, едва они вошли в атмосферу. Дальше все было, как в тумане, но она помнила взрыв и крики. Одно крыло корабля оторвало, и вот уже она падала вниз. Дымящиеся обломки потерявшего контроль челнока стали едва различимы над ее головой, а она падала все ниже, и ниже, и ниже, пока...

Рэйн, проснись!

Лаа! Лаа спасла ее, и это Лаа взывала к ней. Она медленно открыла глаза и присела, не до конца отойдя ото сна.

Рэйн долго спала. Теперь Рэйн должна проснуться.

- Я встала, Лаа, - сказала она зависшему над ней «хвастуну». Лаа спасла ее от падения, подхватив, когда она неслась с огромной высоты к поверхности Руусана.

Плохие сны, Рэйн.

- Нет, - ответила она. - Хорошие, Лаа. Мне снилось, что я снова дома.

Лаа никогда по-настоящему не говорила с ней; были слышны лишь слова в голове. Они общались с помощью Силы, как объясняла ей Лаа. Но всякий раз Рэйн отвечала ей вслух.

Плохие сны приходят.

Рэйн нахмурилась, стараясь понять, что именно Лаа пытается ей сказать. Временами, когда «хвастуны» говорили о снах, они подразумевали нечто иное. Иногда казалось, что «хвастунов» посещают видения будущего. Она вспомнила, что Лаа сказала ей прямо перед тем, как весь лес вспыхнул: *Плохие сны, Рэйн. Смертельные сны.*

Пожары убили большую часть «хвастунов», а других лишили разума. Всех, кроме Лаа. Каким-то образом Рэйн спасла ее. Она воспользовалась Силой, заслонив их обоих от палящих ликов смерти и разрушения, хотя и не совсем понимала, как именно это сделала. Это было чем-то вроде... рефлекса. Теперь у них с Лаа не было никого, кроме друг друга.

Плохие сны приходят, - повторил «хвастун».

Несколько часов назад она ощутила нечто необычное: земля под ногами содрогнулась, словно где-то далеко-далеко произошел взрыв. Это то, о чем говорила Лаа? Неужели это и был плохой сон? Или ее подруга пыталась предупредить ее о чем-то, чего еще не произошло?

- Я не понимаю, - сказала она, оглядывая окружающие кустарники, возле которых прилегла отдохнуть. Она не заметила ничего необычного. По крайней мере, пока.

Прощай, Рэйн.

В словах Лаа была ужасная скорбь, которая ножом пронзила сердце Рэйн, но она по-прежнему не понимала, о чем говорит «хвастун».

Прежде чем она сумела спросить, из кустов послышался шум. Она резко развернулась и увидела двух мужчин, вырвавшихся на поляну. Рэйн распознала в них джедаев. Они носили такие же коричневые рясы, что и Мастер Торр, а на поясах она заметила светомечи. Вдобавок, каждый держал в руках по бластерной винтовке.

- «Хвастун»! - выкрикнул один из них. - Берегись!

Они отреагировали так быстро, что когда открыли огонь, их движения слились в одно размытое пятно. К тому времени, как пронзительный крик сорвался с губ Рэйн, ее подруга была уже мертва.

Она все еще кричала, когда один из джедаев подбежал к ней.

- Ты в порядке, малютка? - наклонившись, спросил он.

Она инстинктивно атаковала его. Она не знала, как у нее это получилось; это не было даже сознательной мыслью. Она поняла только, что он застрелил ее друга. Он убил Лаа!

- Что случи...

Его голос резко оборвался, когда она с помощью Силы сломала ему шею. Глаза напарника расширились в ужасе, но прежде чем он сумел среагировать, она проделала то же самое и с ним.

Только тогда Рэйн прекратила кричать. Вместо этого она заплакала. Громкие, протяжные рыдания сотрясли ее тело, когда она, упав на колени, прижалась к мягкому зеленому мху все еще теплого тела погибшей Лаа.

* * *

Там Бэйн и нашел ее: юное человеческое дитя, рыдающее над останками одного из местных руусанских «хвастунов». Неподалеку лежали трупы двух молодых джедаев, их шеи были вывернуты под неестественным углом. Ему потребовалось всего лишь мгновение, чтобы составить картину произошедшего.

Когда он приблизился, девочка взглянула на него красными опухшими глазами. На

первый взгляд ей было девять, может около десяти лет. Он ощущал пылающую в ней мощь Силы, подогреваемую горем, гневом и ненавистью. А трупы джедаев у ее ног ясно свидетельствовали о ее способностях.

Он безмолвно глядел на нее. Девочка прекратила всхлипывать и вытерла слезы рукой. Потом, поднявшись на ноги, сделала неуверенный шаг в его сторону.

- Кто ты? - спросил он низким и грозным голосом.

Она не отступила и не попыталась бежать, но в ее ответе послышалась нерешительность.

- Меня зовут Рэйн... то есть, Занна. Мои братья обычно звали меня Рэйн, но они мертвы. Занна - мое настоящее имя.

Бэйн понимающе кивнул. «Рэйн»: прозвище, символ детства и невинности. Только что потерянной невинности.

- Ты знаешь, кто я? - спросил он.

Она кивнула и подошла еще на шаг ближе.

- Ты сит.

- Ты боишься меня?

- Нет, - заявила она, покачив головой, и все же Бэйн знал, что это была не совсем правда.

Он чувствовал ее страх, но тот был погребен под более сильными эмоциями: печалью, гневом, яростью и желанием мстить.

- Я многих убил, - предупредил ее Бэйн. - Мужчин, женщин... даже детей.

Она вздрогнула, но не сдвинулась с места.

- Я тоже убийца.

Бэйн окинул взглядом мертвые тела джедаев, затем снова перевел взор на маленькую девочку, так вызывающе стоящую перед ним. Была ли она той самой? Неужели этим путем к кораблю повела его Сила? Неужели она привела его сюда в этот момент просто для того, чтобы он мог найти ученицу?

Он задал последний, самый важный вопрос:

- Тебе знакомы пути Силы? Ты понимаешь истинную суть темной стороны?

- Нет, - признала Рэйн, не отводя взгляда от его глаз. - Но ты можешь научить меня. Я еще мала. Я пойму.